

ИВ

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

ИСТОРИОГРАФИЯ
ИСТОРИИ
РОССИИ
до 1917 года

2

ВЛАДОС

УЧЕБНИК
ДЛЯ ВУЗОВ

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ РОССИИ до 1917 года

В двух томах

Под редакцией
доктора исторических наук,
профессора М.Ю. Лачаевой

Том 2

Рекомендовано Министерством образования и науки
Российской Федерации в качестве учебника
для студентов высших учебных заведений

Москва
ГУМАНИТАРНЫЙ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТР
ВЛАДОС
2004

УДК 930.2(075.8)
ББК 63.3(2)я73
И90

Авторы:

М.Ю. Лачаева, д-р ист. наук, проф.;
Н.М. Рогожин, д-р ист. наук, проф.;
Г.Р. Наумова, д-р. ист. наук, проф.

Историография истории России до 1917 г. : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. / [М.Ю. Лачаева, Н.М. Рогожин, Г.Р. Наумова] ; под ред. М.Ю. Лачаевой. — М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. — Т. 2. — 383 с.

ISBN 5-691-00953-2.

ISBN 5-691-00999-0(Т. 2) (в пер.).

Учебник знакомит студентов с важнейшими историческими концепциями, господствовавшими на том или ином этапе развития исторической науки, с ведущими школами и направлениями в российской историографии, с теоретическими и историческими взглядами их представителей.

Раскрывается богатство профессиональных средств и методов, системы доказательств и подачи материала выдающимися отечественными историками второй половины XIX века.

УДК 930.2(075.8)
ББК 63.3(2)я73

- © Коллектив авторов, 2003
- © ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2003
- © Серия «Учебник для вузов» и серийное оформление.
ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2003
- © Макет. ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2003

ISBN 5-691-00953-2
ISBN 5-691-00999-0(Т. 2) (в пер.)

Содержание

<i>Глава 16.</i>	Исторические концепции А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского и А.П. Щапова. (<i>М.Ю. Лачаева</i>)	5
<i>Глава 17.</i>	«Цветущая сложность» К.Н. Леонтьева и концепция Л.А. Тихомирова. (<i>М.Ю. Лачаева</i>)	45
<i>Глава 18.</i>	Д.И. Иловайский (1832—1920) (<i>Н.М. Рогожин</i>)	92
<i>Глава 19.</i>	Мастера биографического жанра — Н.К. Шильдер и великий князь Николай Михайлович. Историк-дипломат С.С. Татищев (<i>М.Ю. Лачаева</i>)	113
<i>Глава 20.</i>	Н.И. Костомаров (1817—1885) (<i>М.Ю. Лачаева</i>)	146
<i>Глава 21.</i>	В.О. Ключевский (1841—1911) (<i>М.Ю. Лачаева</i>)	167
<i>Глава 22.</i>	П.Н. Милюков (1859—1943) (<i>М.Ю. Лачаева</i>)	200
<i>Глава 23.</i>	А.А. Кизеветтер и А.А. Корнилов (<i>М.Ю. Лачаева</i>)	219
<i>Глава 24.</i>	С.Ф. Платонов (1860—1933) (<i>Н.М. Рогожин</i>)	239
<i>Глава 25.</i>	А.С. Лаппо-Данилевский и А.Е. Пресняков (<i>М.Ю. Лачаева</i>)	260

<i>Глава 26.</i>	Единство кардинальных линий исторического развития России и Западной Европы в творчестве Е.Ф. Шмурло и Н.П. Павлова-Сильванского (М.Ю. Лачаева)	288
<i>Глава 27.</i>	Возникновение марксистской концепции истории России (Г.Р. Наумова)	304
<i>Глава 28.</i>	Исторические концепции христианских социалистов в контексте русской религиозной мысли (Г.Р. Наумова)	320
<i>Глава 29.</i>	Исторические представления народников (М.Ю. Лачаева)	334
<i>Глава 30.</i>	Вместо заключения. О некоторых тенденциях в развитии отечественной историографии 1860–1910-х гг. (М.Ю. Лачаева)	370

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ А.И. ГЕРЦЕНА, Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И А.П. ЩАПОВА

Герцен и Чернышевский — самобытные и яркие мыслители. Они оставили после себя долго действующие оригинальные концепции, актуальность отдельных сторон которых продолжает удивлять нас. К их числу следует отнести вопросы о соотношении исторического опыта России и Западной Европы, месте нашей страны в мире, наблюдения о русском историческом пути. Размышления обо всем этом служили для Герцена и Чернышевского источником суждений о настоящем России и являлись ориентиром для принятия политических решений, были своеобразным мостом в будущее. В первом письме о «Публичных чтениях г. Грановского» в 1843 г. А.И. Герцен писал: «В наше время история поглотила внимание всего человечества, и тем сильнее развивается жадное пытанье прошлого, чем яснее видят, что прошлое пророчествует, что, устремляя взгляд назад, мы как Янус смотрим вперед».

Жизненный опыт убедил А. И. Герцена в том, что, пройдя курс западной дрессировки и «подкованные ею», русские вполне могли бы стать «на свои ноги», вместо того чтобы «твердить чужие зады и прилаживать стоптанные сапоги». Пришло время подумать, нет ли в народном быту, в народном характере и мысли, «в искусстве чего-нибудь такого, что может иметь притязание на общественное устройство несравненно высшее западного». Хорошие ученики, по мнению А.И. Герцена, часто переводятся через класс. Ему же принадлежит мысль о преимуществах стран, имеющих возможность учиться у других и благодаря этому, не повторять их ошибок: «История весьма несправедлива, поздно приходящим она дает не оглодки,

а старшинство опытности». Имея в виду западноевропейские страны, Герцен писал: «Ваши усилия. Ваши страдания — для нас поучения».

Он поставил вопрос о пользе науки Запада для национального освободительного движения и о быстром ее усвоении в России. «Отсталие во всем, мы побывали у вас в выгучке — и не отшатнулись от выводов, которые заставили вас свернуть со своего пути. Мы не скрываем того хорошего, что получили от вас. Мы позаимствовали ваш светильник, чтобы ясно увидеть ужас своего положения, чтобы отыскать открытую дверь и выйти через нее, — и мы нашли ее благодаря вам».

Органически присущий Герцену и Чернышевскому историзм («историческое чувство» и способность исторического анализа вопросов современности) позволял им намечать стратегические задачи развития страны. Не отвергая идей преемственности и возможности преобразования традиционного института (общины), а также признания определенных свойств, присущих национальному (крестьянскому) сознанию, они пришли (каждый своим путем) к оценке данного фактора как системообразующего в исторической концепции и не менее важного в прогнозировании будущего.

А.И. Герцен надеялся, что Россия «могла бы найти свой фарватер», но «сбилась с дороги за какими-то туманами, сама выдумала себе обязательное прошедшее, сама потопила старые корабли, набросала камня в свое море и боится ударить веслом». Постоянно размышлял о взаимодействии науки и жизни Н.Г. Чернышевский: «Мы говорим о национальном чувстве: почему не сказать о науке? Почему не заметить, что она, со своей стороны, говорит то же самое, что говорит национальное чувство, хотя оно и не знает о ней».

При всех различиях Герцена и Чернышевского, а они были в характере и конкретном историческом опыте, складе жизни и воспитании, умственных предпочтениях и вкусах, понимании путей и средств революционной борьбы, в творчестве каждого из них «последняя страница истории» неизбежно являлась, если пользоваться выражением Герцена, «нашей современной действительностью». По мнению Н.Г. Чернышевского, не только народ, но и вся Россия, в отличие от Запада, еще не жила исторической жизнью. Герцен, усиливая звучание этой мысли, даже назвал историю России историей «эмбрионального развития».

В годы первой русской революции М.О. Гершензон посвятил А.И. Герцену следующие слова: «Но он был больше, неже-

ли публицист, и большая часть написанного им касается не злобы его времени, а великих исторических задач человечества. Живое значение для нас он имеет только, как историк-философ, как мудрый аналитик и провидец. А с этой стороны его знают меньше всего». Вполне приложима данная оценка и к Чернышевскому.

Интерес советской историографии к А.И. Герцену и Н.Г. Чернышевскому определялся главным образом задачами изучения истоков русской революции и истории отечественного освободительного движения. Анализируя мотивацию обращения к истории Герцена и Чернышевского, натур социально и политически активных, А.М. Сахаров подчеркивал, что оно «вытекало из их стремления вмешаться в процессы современного развития, заменить существующий строй и обеспечить лучшее будущее народам России». Но такая позиция, в свою очередь, требовала ответа на вопрос: «Какие силы управляют историей?», вызывала на размышления о роли в истории личности, идеи закономерности, законов исторического развития. Шел настойчивый поиск исторически традиционных опор в русской жизни, на которые бы, по мнению Герцена и Чернышевского, можно было опереться в преобразовании России. Исторические темы подсказывали сами противоречия русской жизни. История России интересовала Герцена прежде всего с точки зрения созревания предпосылок революционно-освободительного движения. В его статьях данная тема обогатилась целым рядом аспектов, прежде всего рассмотрением и оценкой роли Отечественной войны 1812 г. в движении декабристов, анализом политики правительства. Свой отпечаток на их рассмотрение наложили концептуальные методологические и исторические корни социалистических идеалов, которые обрели в трудах Герцена и других революционеров-демократов блестящие формы теоретического выражения.

Борьба за «лучшее устройство» требовала понимания происхождения самодержавия и трактовки этого процесса. Поэтому, несмотря на то что изучение истории и у Герцена, и у Чернышевского было подчинено практическим целям, все же неправильно говорить об утилитарном отношении мыслителей к истории и использованию ими данных, почерпнутых в ней, в качестве весомых аргументов для политики. Методологические и философские подходы к истории оказывали Герцену и Чернышевскому помощь в поиске подтверждений их собственным представлениям о роли России

в мире, о революции и социализме. Исторический подтекст творчества Герцена и Чернышевского делает также необходимым анализ их концепций.

Александр Иванович Герцен (1812–1879)

Моменты биографии

Незаконнорожденный сын богатого и родовитого московского барина Ивана Алексеевича Яковлева (его родней были Шереметевы и Колычевы) Александр Иванович не мог носить фамилию отца. Герцен — это русское переложение немецкого слова «сердце». Он с детства ненавидел «аристократию», его симпатии были на стороне матери Луизы Ивановны Гаг. Глубочайшие жизненные впечатления Герцена были связаны с важнейшими событиями отечественной истории XIX в. Его детство наполняли рассказы о пожаре Москвы, о Бородинском сражении, о героизме русского народа. Потрясением, импульсом нравственного пробуждения стало для юного Герцена восстание декабристов. Всю жизнь Герцен хранил культ «людей 14 декабря». В 1827 г. произошло его знакомство с Н.П. Огаревым, а через год Герцен под влиянием двоюродного брата стал студентом физико-математического отделения философского факультета Московского университета. В университете царил дух свобододолюбивых настроений. Сама эпоха была их источником. «Славное было время, события неслись быстро. Едва худошавая фигура Карла X успела скрыться за туманами Голируда, Бельгия вспыхнула, трон короля-гражданина качался, какое-то горячее, революционное дуновение началось в прениях, в литературе. Романы, драмы, поэмы — все снова сделалось пропагандой, борьбой» — так вспоминал о студенческих годах Герцен. Его отношения с властью определили аресты 1831 г. (как участника кружка Н.П. Сунгурова) и 1834 г. с последующей ссылкой под надзор полиции.

В 1840-е гг. Герцен был одной из главных фигур мыслящей Москвы. Именно тогда в Москве сконцентрировалась «умственная инициатива», что, по мнению Герцена, объяснялось историческим значением и географическим положением второй столицы и отсутствием в ней царя.

В юности Герцен не избежал общего увлечения философией Г. Гегеля, и гегелевский взгляд отчетливо отразился в его статьях о дилетантизме в науке. Но воззрения Гегеля Герцен

усваивал критически. Основное значение взглядов Гегеля Герцен увидел для себя в раскрытии того обстоятельства, «что природа, что жизнь развивается по законам логики». «Он фаза в фазу проследил этот параллелизм». На смену «шеллинговым общим замечаниям», «несвязанным», пришла «целая система, стройная, глубокомысленная, резанная на меди, где в каждом ударе отпечатлелась гигантская сила».

Восприятие гегелевских принципов укрепило Герцена во взгляде на историю как на закономерный процесс. Вместе с сенсимонистами он признавал целенаправленность исторического процесса. Ход истории открывался Герцену как движение от несовершенного к более совершенному.

Телеологическое, т.е. целесообразное, понимание истории исследователи находят у Герцена еще в 1830-е гг. Да и сам Герцен, вспоминая это время в «Былом и думах», писал, что в основу его лег именно сенсимонизм. Там же он упомянул о своем неизменном «в существенном» отношении к сенсимонизму. Но известно и другое: в конце 1840-х гг. Герцен пересматривает свое отношение к телеологическому пониманию истории и в дальнейшем отказывается от него. В 1850-е гг. в книге «С того берега» Герцен сформулировал воззрение, отрицающее в истории разумную цель и предопределенное движение к ней. Телеология и фатализм в трактовке истории становятся постоянным предметом его критики. В эмиграции Герцена настойчиво посещают горькие мысли о силе «безумного» в человеческих понятиях и поступках, о его сопротивлении «разумному». Они будут его мучить до конца жизни. Герцен ставит вопрос о необходимости заняться историей «как действительно объективной наукой», уяснить «собственную эмбриогению» истории.

Увлечение сенсимонизмом внесло изменения и в отношения Герцена с конкретными историками и общественными деятелями. Так, под влиянием сенсимонизма в 1833 г. еще до заключения Герцена под стражу испортились его отношения с Н.А. Полевым. Александр Иванович писал: «Для нас сенсимонизм был откровением, для него — безумием, пустой утопией, мешающей гражданскому развитию».

В 1843–1844 гг. Герцен внимательно следил за трудами и чтениями Т.Н. Грановского, не оставляя для себя без внимания, предлагавшиеся историком подходы к изучению истории. Во взглядах Грановского Герцен выделил для себя два обстоятельства. Во-первых, взгляд «на современное состояние жизни

как на великий исторический момент, которого ни знать, ни миновать безнаказанно нельзя, как нельзя и оставаться в нем навеки, не окоченевши». И, во-вторых, отношение к истории как «правильно развивающемуся организму».

Воззрения на историю, сложившиеся у Герцена к началу 1840-х гг., в главных чертах резюмируются в его дневниковой записи 1843 г., где он определяет историю как «движение человечества к освобождению и себяпознанию, к сознательному деянию». З.В. Смирнова, автор монографии о социальной философии А.И. Герцена, увидела в этой «формуле» «признание единства истории, поступательного хода исторического процесса, его устремленности к разумной цели и его содержания как развития разума и пути к свободе». В отечественной литературе уже отмечалось, что постановка проблемы «деяния» сближает Герцена с рядом русских (В.Г. Белинский, Н.П. Огарев, М.А. Бакунин) и западноевропейских (Э. Дембовский, М. Гесс) мыслителей, ставивших вопрос о необходимости перехода мысли в действие, о создании «философии действия».

Идеализация Запада в мировоззренческой позиции Герцена имела прежде всего протестный характер. Симпатизируя «самодержавию каждого лица», а не лицу русского самодержавия, он был противником самодержавия и крепостничества в России. Герцен отдавал должное Европе лишь до тех пор, пока знал Запад «книжно, теоретически».

В январе 1847 г. Герцен был вынужден проститься с Москвой и друзьями и уехать за границу, как потом оказалось — навсегда. Важнейшей вехой на пути развития концепции Герцена стал 1848 г. Наблюдая революцию во Франции, он сделал вывод о контрреволюционности буржуазии и неготовности пролетариата к борьбе. На рубеже 1840—1850-х гг. Герцен много писал о гибели буржуазной цивилизации; стал иначе смотреть на Россию, ее историю и перспективы развития.

Герценоведы подсчитали, что А.И. Герцен использовал около 60 тысяч исторических имен и событий в своих сочинениях. Столь широкая осведомленность поражала современников, необычна она и для нашего времени. О раннем увлечении Герцена историей писал А.М. Сахаров, обративший внимание на его неосуществленное намерение создать историко-философский журнал в Московском университете в 1834 г. Уже тогда у юного мыслителя сложилось представле-

Увлечение историей

ние о том, какой не должна быть история, а именно, плохо составленной всеобщей биографией великих людей. История для Герцена — «чистилище, в котором мало-помалу временное и случайное воскресает вечным и необходимым, тело смертное преобразуется в тело бессмертное». «Дух, — писал он в 1843 г. в связи с чтениями Т.Н. Грановского, — понимая свое достоинство, хочет оправдать свою биографию, осветить ее восходящим солнцем мысли, освободить от могильного плена бессмертную душу прошедшего, как то наследие, которое не точится молью.... Сам Грановский сказал, что ни в чем так ярко не выражается характер народа, как в понимании истории; я совершенно согласен с ним».

Методологические подходы

Мосты, которые Герцен постоянно наводил между прошлым и современностью, оставляли ему надежду «вывести» или понять собственное положение из «биографии человечества». Вместе с тем он считал недопустимым в политических интересах конъюнктурно использовать исторические факты в ущерб объективности. В 1844 г. во втором письме «О публичных чтениях г-на Грановского» Герцен писал: «История очень легко делается орудием партии. События былые темны и темны, люди настоящего освещают их, как хотят; прошедшее, чтоб получить гласность, переходит через гортань настоящего поколения, а оно часто хочет быть не просто органом чужой речи, а суфлером; оно заставляет прошедшее лжесвидетельствовать в пользу своих интересов. Такое вызывание прошедшего из могилы унижительно».

Подход к истории как «биографии человечества», в которой были некоторые дивные моменты, позволяло ему, эмоциональной и художественной натуре, писать о социальном творчестве, которое обязательно, с его точки зрения, должно опираться на историю, и ни при каких обстоятельствах не имело права быть беспочвенным. Так в концепции социального времени Герцена смыкалось прошлое и будущее.

История — богатство человека. Только он имеет историю. Свою мысль Герцен записал в статье 1866 г. «Порядок торжествует!»: «Человек отличается от животных историей: характер ее, в противоположность животному развитию, состоит в преемственности больше или меньше сознательных усилий для устройства своего быта, в наследственной, родовой усовершенности инстинкта, пониманья, разума при помощи памяти... ясно, что стадная жизнь составляет такое

же необходимое условие исторического развития, как и самые лица.

Начало истории — непокорность лица поглощающей его семье, стремление стать на свои ноги и невозможность на них удержаться. Племенным безразличием замыкается животный мир. Мир человеческий в Библии начинается *грехопадением и убийством*, разрушающим семейную связь, т.е. постановлением своей воли *выше заповеди* и выше первого условия сожития».

В 1840-е гг. Герцен был склонен судить об истории по аналогии с природой. После 1848 г. эта тенденция проявилась еще отчетливее. Однако при изложении конкретного исторического материала Герцен не писал ни о природных факторах, ни о роли географической среды, если не считать упоминания о колонизации. В 1850—1860-е гг. он отказывается от традиционного «дуализма» истории и природы. Тогда же обозначается натуралистическая тенденция его философии истории.

В литературе можно встретить две точки зрения об эволюции методологических представлений Герцена в 1840-е гг. Ряд авторов, отмечая возрастающую неудовлетворенность Герцена взглядами Гегеля, сближают его воззрения этого времени с представлениями датского философа С. Кьеркегора (1813—1855), чьи основные произведения выходят в 1840-е гг. Кьеркегор подверг критике основополагающий принцип гегелевской философии о тождестве мышления и бытия, указав на его тавтологичность и противопоставив ему существование (*existenz*) как то, что как раз и разделяет мышление и бытие. В экзистенциальной диалектике «прыжок» как переход в новое качество, по мнению Кьеркегора, не объясним. Принципиально не согласна со сближением взглядов Герцена и Кьеркегора З.В. Смирнова. В 1840-х гг. Герцен был склонен выдвигать на первый план не особенности развития отдельных народов, а «великое единство развития рода человеческого», что являлось теоретической основой его спора со славянофилами. Но уже тогда у Герцена появляется мысль, к которой он будет постоянно обращаться в дальнейшем. Именно потому, что Россия в своем развитии обладала рядом особенностей по сравнению с Западной Европой и многое из жизни Европы она не переживала, русская мысль могла объективнее, трезвее и правильнее оценить западноевропейское развитие, нежели мысль самого Запада.

**История
Западной Европы
(в контексте ее
воздействия
на Россию)**

Рассматривая глубоко противоречивые принципы исторического развития западного мира, Герцен, обращаясь к его мыслящим представителям, писал: «Собственность — это блюдо чечевичной похлебки, за него вы продали великое будущее, которому ваши отцы широко распахнули ворота в 1789 году. Вы предпочитаете обеспеченное будущее удалившегося от дел рантье — отлично, но не говорите же, что делаете это ради счастья человечества и спасения цивилизации. Вам всегда хочется прикрывать свой упрямый консерватизм революционными атрибутами; это оскорбляет, и вы унижаете другие народы, делая вид, будто все еще стоите во главе движения». В термин «мещанство», который Герцен применял по отношению к Западной Европе, он вкладывал социально-политическое содержание и называл его недугом, которым Россия, к счастью, еще не была заражена. Поскольку Западная Европа была «сбита с дороги мещанством», Герцен считал, что «нам нечего заимствовать у мещанской Европы». Западная Европа сама «снова берет у нас ею привитый деспотизм». В отличие от России Европа не обладает стойким национальным иммунитетом, ядро которого в России, по его мнению, составляла община. После 1848 г. Герцен стал считать общину — основным преимуществом нашей страны перед Европой. С этого времени он делал в отношении Европы пессимистические прогнозы, тогда как на Россию, наоборот, стал смотреть с большим оптимизмом.

Научный и пропагандистский подходы у Герцена особенно тесно взаимосвязаны при рассмотрении проблемы Западная Европа — Россия. Он не отделял латинско-германский мир от социального будущего человечества, не признавал исчерпанной для Запада тему революции. «С удесяттерешною силой пробудились социальные вопросы во всей Европе, не исключая, Англии» — такой вывод сделал Герцен.

В свое время Герцена сильно задело утверждение французского историка Ж. Мишле (1798—1874) о России. Мишле заявил, что России «вообще нет». Она лишь «фантазмагория, мираж, империя иллюзий». Герцен дружил и переписывался с Мишле. Они познакомились в июне 1851 г., сочинения знаменитого историка были хорошо известны Герцену со студенческих лет, да и лекции Мишле ему довелось прослушать еще в 1847 г. Французский историк отказал русским людям в нравствен-

История России

ных достоинствах, отрицал существование русской литературы и науки. Герцен сразу же отреагировал на «озлобленные», по его определению, слова французского историка «с глубоким прискорбием».

Мнение же самого Герцена о России и ее истории менялось в течение жизни. Эти изменения хорошо прослеживаются по его работам. «Преданная восточному созерцательному мистицизму, азиатская стоячесть овладевала Россией, к чему располагало и самое огромное растяжение ее по земле плоской, безгорной, удаленной от морей, покрытой лесами. В удельной системе (которая, может произведенная феодализмом, совсем не совпадала с ним) не было ни оппозиции общин, ни оппозиции владельцев государю, а был элемент чуждый, особой формы деспотизм, сплавленный из начал византийских, славянских и азиатских. Двухвековое иго татар способствовало России сплавить в одно целое, но снова не произвело оппозиции. Основывалось самодержавие — и оппозиции все не было...» — такой видел русскую историю Герцен в 1833 г.

В конце 1850-х гг. он писал, что «... в русской жизни бродила бездна сил неустоявшихся: с одной стороны — казачество, расколы, неоседлость крестьян, их бродяжничество, с другой — государственная пластичность, сильно обнаружившаяся в стремлениях раздаться, не теряя единства». Герцен обращал внимание уже на другие факторы отечественного исторического процесса, подчеркивал, что Россия выросла на иных, чем Европа, основаниях. В статье 1866 г. «Порядок торжествует» он их перечислил, особо выделив колонизацию, а также то обстоятельство, что наша страна «окрестилась без католицизма» и процесс формирования государства обошелся без римского права, и, главное, Россия сохраняла как «народную особость свое оригинальное понятие об отношении человека к земле». В концепции Герцена это понятие о земле играло столь важную роль, что автор посчитал нужным дать ему объяснение: «Оно состоит в том, что будто бы всякий работающий на этой земле имеет на нее право как орудие работы». «Это сразу ставит Россию на социальную почву, и притом на чрезвычайно новую». В этом же положении он увидел особенности русской революции: «О земле не поминала ни одна революция, домогавшаяся воли, по крайней мере, после крестьянских войн».

«У нас право на землю — не утопия, а реальность, бытовой факт, существующий в своей естественной непосредственности и который следует возвести в факт вполне осознанный. Все

сельское население принимало спокон веку это *естественное право* свое, не рассуждая о нем. Его только не знали в высших слоях, образованных на западный лад.

Сельская община при тех обстоятельствах, при которых она развивалась, ценой *воли* продала землю общиннику. Личность, имеющая право на землю, сама становилась крепка земле, крепка общине. Вся задача наша теперь состоит в том, чтоб развить полную свободу лица, не утрачивая общинного владения и самой общины». Так Герцен старался разглядеть в истории пути русского социализма. Его видение отечественной истории, несомненно, питали, идеалистические представления мыслителя. Художественная сторона натуры Герцена, склонного к образному видению, порой в ущерб конкретным обстоятельствам, оказывала влияние на его историческую концепцию.

С начала 1830-х гг. социализм становится ведущей темой творчества Герцена. Всю последующую жизнь он искал пути его

возможного осуществления. По наблюдению Н.М. Пирумовой, продолжая развивать свои идеи по поводу организации человеческого общества, Герцен утверждал, что форма и основа современных государств не отвечает более рациональным требованиям, «сформулированным наукой и сознанием деятельного и развитого меньшинства...». Разум должен либо отступить и признать с чисто христианским смирением, что его идеал — «не от мира сего», либо решиться разбить эти формы и более не заботиться о судьбе «вечных основ». И одновременно А.И. Герцен писал: «Большое счастье, что наше право на землю так поздно приходит к сознанию. Оно прежде не выдержало бы одностороннего напора западных воззрений, теперь они сами являются в раздумье, с сомнением в груди. Социализм дал нам огромное подспорье». Он выделил прусского чиновника и экономиста А. Гакстгаузена, путешествовавшего по России в 1843 г., назвал его «первым пионером», пошедшим на открытие пашей страны, и поведавшем западному миру о русской общине накануне европейских революций 1848—1849 гг.

«Главным камнем» на дороге русского исторического развития, по Герцену, лежало «чудовищное крепостное право». Он писал: «Наше императорство и наше барство — без корней, и знают это». «Народ любит царя как представителя защиты, справедливости (факт общий всем неразвитым народам) и не любит императора. Царь для него идеал, император — анти-

христ. Императорская власть держится войском и бюрократией, т. е. машинами».

«Мы предвидим улыбку многих при слове русский социализм. Чему люди не смеялись прежде понимая?... Мы *русским социализмом* называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владения и управления, — и идет вместе с работничьей артелью навстречу той экономической справедливости, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука». В историческом становлении русского социализма Герцен особо выделял петрашевцев и Н.Г. Чернышевского.

М.О. Гершензон, оценивая систему социалистических представлений Герцена, отмечал: «Герцен считал Россию призванной сыграть роль зачинщика и вождя в социальном перевороте; порукой в этом была ему необремененность русской психики, ее варварская свежесть — и глубоко коренящееся в русском народе сознание его права на землю, этот как бы врожденный социализм».

Петр I

Герцен обращался к характеристике роли Петра I в русской истории и в годы своей юности, и уже умудренный жизненным опытом. Статья 1833 г., посвященная «другу моему Диомиду» (Н.П. Огареву), была озаглавлена «Двадцать восьмое января». В этот день умер Петр I, всколыхнувший «мертвую тишину духа народного». До Петра «движений» в русской истории Герцен не видел.

Выделив под влиянием немецких идеалистов категорию «народного духа», Герцен писал, что «просвещение не западало в него, непрерывные войны не развивали его. И Россия, отставшая от Европы несколькими веками, продвигалась тихо, почти незаметно». Все это происходило, по мнению Герцена, потому что в стране не было «ни центра движения, ни ускоряющего толчка». То и другое создал Петр — «коронованный революционер»: «...Явился Петр! Стал в оппозицию с народом, выразил собою Европу, задал себе задачу перенести европеизм в Россию и на разрешение ее посвятил жизнь».

Появление Петра объяснялось как необходимое, но не вынужденное. В статье «Русские немцы и немецкие русские» 1859 г. Герцен писал: «Каким путем эта стихийная жизнь, равнодушная к развитию своих собственных сил и даже к сознанию их, должна была выйти к совершенствованию и измениться — это зависело от разных обстоятельств, но необходимость выхода вовсе не

была случайностью». Мысль о роли необходимости в историческом процессе в концепции Герцена не претерпела изменений начиная с 1840-х гг. Он ее воспринимал из литературы: «...необходимость являлась какой-то сокровенной мыслью эпохи» — и одновременно признавал правомерность такой постановки в концепции Грановского.

Герцена интересовал не столько вопрос о правомерности внедрения Петром в Россию «европеизма» (этот вопрос для него совершенно ясен), сколько анализ и оценка того, что внесли петровские преобразования в жизнь страны и их последствия. В Петре I Герцен увидел революцию, т. е. явление, которое всегда исключительно, а следовательно, и односторонне. Революционностью Александр Иванович объяснял жестокости Петра. С Петра начинается «новый акт трагедии, его характер — открытое расторжение народа на две части: одну немую, другую постороннюю народу, бесхарактерную». Для Герцена период русской истории, начавшийся с Петра, стал периодом нового деспотизма. С тех пор вошла в ткань русской действительности «бездна зла»: «аристократия, инквизиционный процесс, военный деспотизм, разделение сословий, произвольные нововведения, составляющие иллогизмы».

Герцен отчетливо видел особенности Петра: «Ежели мы и примем необходимость Петра в России... то тем не менее обширна его самобытность», «...силою своего гения, — вопреки народу, он выдвинул отсталую часть Европы, и она, быстро развиваясь, устремилась за старшими братьями». Петра он сравнил с кометой, которая исчезла, «не совершив кругооборота», впрочем, сыграв отведенную ему роль «революционного фермента».

В 1857 г. в статье «Революция в России» Герцен обращал внимание на необходимость преодоления тяжелых для русской истории последствий деятельности Петра: «...соединить две России, между которыми прошла петровская бритва». И все же, даже в 1858 г., Герцен не пересмотрел коренной оценки в деятельности Петра, признав, что он был прав «в стремлении выйти из неловких, тяжелых, государственных форм Московского царства». «С того дня, как Петр увидел, что для России одно спасение — перестать быть русской, с того дня, как он решил двинуть нас во всемирную историю, необходимость Петербурга и ненужность Москвы определилась» — таково было качественное изменение, привнесенное в положение страны Петром.

История — «диджанс», который движется вперед совместными усилиями многих народов. Над взаимными отношениями будущих народов-попутчиков России «в подорожной современной истории» Герцен размышлял, учитывая исторический опыт этих взаимоотношений.

Проблемы внешней политики

В 1866 г. в статье «Америка и Россия» Герцен высказал озабоченность опасностью вовлечения России в общеевропейский конфликт: «Одно пустое, раздражительное, дипломатическое самолюбие, и притом немецкое, заставляет Россию мешаться во все западные дела. *В предстоящей борьбе, к которой невольно влечется Европа,* России вовсе не нужно принимать деятельного участия. Нам тут *нет наследства,* и мы равно не связаны *ни воспоминаниями, ни надеждами с судьбами этого мира.*»

Для усиления роли России в международном пространстве Герцен считал более перспективным ее выступление в роли лидера нового свободного союза славянских, прежде всего балканских, государств. Возможность создания такого союза Герцен видел только в будущем, в случае демократического преобразования России. Тогда создание славянской федерации было бы возможно, с его точки зрения, на условиях добровольности и равноправия, без чьего-либо главенства. Герцен видел неразрывную связь внешнеполитических и внутривосточных вопросов. Вслед за декабристами Герцена волновали проблемы войны и мира, он продолжал напряженно следить за международными конфликтами, пытался дать определение справедливых и захватнических войн.

**Н. Г. Чернышевский
(1829–1889)**

Моменты биографии

Выдающийся социальный мыслитель Н.Г. Чернышевский был на 16 лет моложе «лондонского изгнанника» (так называли Герцена в 1850–1860-х гг.). Он принадлежал к другому поколению, вырос в иной среде, отличным был и его жизненный опыт. Чернышевский родился 24 (12) июля в Саратове. Окна дома, где жили Чернышевские и Пыпины, выходили на Волгу. Отец в 1812–1816 гг. учительствовал в Пензенской семинарии. Он был священником, свободно читал по-гречески, латыни, по-французски, знал математику и историю. Под влиянием отца

и любившей читать матери, Чернышевский, по его собственному признанию, очень рано «сделался библиофагом, пожирателем книг». С семи лет он «рылся» в библиотеке отца. В 1842 г. Чернышевский поступил в Саратовскую духовную семинарию, там он удивлял преподавателей и товарищей своей начитанностью. Еще до семинарии он учил латинский, греческий, еврейский, французский, польский и немецкий языки. В семинарии освоил татарский и арабский. Многосторонними и обширными были его знания и по истории. История была любимым предметом семинариста Чернышевского. Из 63 семинарских сочинений 40 он посвятил историческим темам. Чернышевский определял историю место важнейшей составной в «науке о человеке». Говорил, что «не любить историю может только человек, совершенно не развитый умственно».

В Петербургском университете (1846–1850), где Н.Г. Чернышевский учился на историко-филологическом отделении, он был одним из любимых учеников И.И. Срезневского. В его семинаре Чернышевский прошел школу научной добросовестности, бескорыстного служения избранному делу, безграничного трудолюбия, самостоятельности в исследованиях, т. е. укрепил в себе те черты, которые стали определяющими во всей его жизни. По окончании Петербургского университета, уже работая учителем гимназии в Саратове, Чернышевский составил словарь к Ипатьевской летописи и в 1851 г. опубликовал «Опыт словаря из Ипатьевской летописи» в Известиях Отделения русского языка и словесности. По отзыву Срезневского, этот словарь был «первым после Словаря Востокова к Остромирову Евангелию основным трудом в данной области языкознания». Чернышевский думал над созданием так называемого «реального словаря русской истории и древностей... до конца XIII в.» и обсуждал его план в переписке с учителем, одновременно редактировал словарь В.И. Даля, изучал летописи.

Чернышевского хорошо знал Н.И. Костомаров. Осенью 1849 г. Чернышевский посещал в Петербурге кружок земляка И.И. Введенского, по духу близкого петрашевцам. Так, в беседах с Е.Г. Благодетельным, А.А. Чумиковым, А.П. Милюковым, Д.И. Минаевым он расширил свои представления о творчестве Белинского и Герцена.

В 1850 г. Введенский помог Чернышевскому устроиться учителем во 2-й кадетский корпус в Петербурге, но по просьбе

родителей весной следующего года тот возвращается в Саратов, где начинает работу учителем русской словесности в гимназии. Он высказывал на уроках свое мнение по запретным тогда для обсуждения темам: крепостного права, суда, воспитания, религии, политических наук. Об идеологической составляющей своих занятий Чернышевский отзывался следующим образом: «Я делаю здесь такие вещи, которые пахнут каторгой, — я такие вещи говорю в классе».

В январе 1853 г. Чернышевский встретил Ольгу Сократовну Васильеву. В апреле состоялась свадьба, и вскоре молодые уехали в Петербург. Чернышевский собирался писать магистерскую диссертацию «Эстетическое отношение искусства к действительности». В 1855 г. она была защищена. В середине 1850-х гг. он становится руководителем журнала «Современник», на страницах которого публикует свои историко-литературные и социально-политические статьи, а на рубеже 1850—1860-х гг. — статьи по экономическим проблемам.

В 1862 г. Чернышевский был арестован, пережил семь лет каторги (1864—1871), затем ссылку в Вилуйске. В 1881 г. он получил право жить в Астрахани. Незадолго до смерти в 1889 г. вернулся в Саратов.

Обстановка, в которой жил и действовал Чернышевский, не могла не влиять на выработку его концепции и ее эволюцию. Да и сам Чернышевский утверждал, что для развития человека, его духовного мира очень важно, какова социальная действительность, насколько она человечна, может ли человек черпать в ней материал для воспитания в себе человека. «Отстраните, — писал он, — пагубные обстоятельства, и быстро просветлеет ум человека и облагородится его характер». В литературе можно встретить мнение (В.Л. Абушенко), согласно которому условия изоляции, в которые Чернышевский попал после ареста, «приостановили духовное развитие» и он пошел «по пути упрощения ряда своих ранних идей». «У позднего Чернышевского, — считает В.Л. Абушенко, — последовательная (до логического конца) проработка идей приводила зачастую к крайним формам материализма, атеизма и социологизма, редуционно упрощая и вульгаризируя ряд плодотворных содержательных разработок более раннего периода». Это мнение выведено на страницы новейшего философского энциклопедического словаря.

Герцен и Чернышевский	Заочное знакомство Чернышевского с высказываемыми Герценом мыслями для печати, видимо, можно отнести к началу 1840-х гг.
----------------------------------	--

Известно, что тогда в семье Чернышевского читали статьи А.И. Герцена «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы». Чернышевский очень высоко ценил журнал «Отечественные записки» в годы сотрудничества в нем В.Г. Белинского и А. И. Герцена. Философские искания Белинского и Герцена во многом облегчили Чернышевскому процесс выработки собственного мировоззрения, помогли определиться в отношении к философии Гегеля. Прочтя Гегеля в подлиннике, Чернышевский с удивлением констатировал, что он «понравился ему гораздо меньше, нежели ожидал он по русским изложениям». Центральной фигурой, повлиявшей на духовное развитие Чернышевского, был другой немецкий философ, ученик Гегеля — Л. Фейербах (1804—1872), порвавший с учением учителя и критиковавший гегельянство с материалистических позиций.

Современные авторы подчеркивают, что демократ и социалист-утопист Чернышевский воспринял общинный идеал Герцена и в этом смысле, несомненно, являлся его последователем. Считая прогресс физической необходимостью, «законом нарастания» элементов нового с целью совершенствования старого, он полагал, что «прогресс основывается на умственном развитии», «успехах и развитии знаний», и видел тот же, что и Герцен, результат исторического процесса — социализм. Еще более страстно, чем Герцен, он отрицал насильственную отмену крепостного права, так как в восстании крестьян видел угрозу сохранения самой цивилизации и потому, как и Герцен, усиленно поддерживал готовившуюся реформу и старался придать ей действительно освободительный характер.

Личная встреча Герцена и Чернышевского состоялась в 1859 г. в Лондоне. Поводом к ней послужил конфликт, разразившийся между «Современником» Чернышевского и «Колоколом» Герцена. Теоретические расхождения между Герценом и Чернышевским по существу касались двух вопросов: отношения к дворянской интеллигенции (и через нее к наследству 40-х гг.) и обличительной литературе. Герцен был недоволен отношением нового поколения к своим предшественникам. Эта встреча, ставшая единственной, не привела к установлению дружеских отношений. По свежим следам своего визита Чернышевский написал Н.А. Добролюбову: «Разумеется,

я ездил не понапрасну, но если б знал, что это дело так скучно, не взялся бы за него... Если хотите вперед знать мое впечатление ... Кавелин в квадрате — вот Вам и все». Герцен о посещении Чернышевского не написал из конспиративных соображений. Впервые «Колокол» Герцена заговорил о Чернышевском в 1864 г. в связи с его гражданской казнью и отправкой в сибирскую каторгу. Уже после смерти Герцена Чернышевский писал А.Н. Пыпину в 1883 г.: «...давным-давно я примирился с этим человеком (в душе примирился, разумеется; видется или переписываться с ним я не имел случая)...»

**Философские
основания кон-
цепции**

Чернышевский еще в студенческие годы чувствовал в своей душе семена, которые, если разовьются, «могут несколько двинуть вперед человечество в деле воззрения на жизнь». Сознание своей особой роли в будущем определило его динамичное духовное развитие. Студенческие дневники Чернышевского за 1848—1851 гг. воспроизводят процесс становления и самоутверждения личности, раскрывают формирование его социально-политической позиции и философского мировоззрения, в них уже звучит революционно-романтическая нота.

В философских произведениях Чернышевского в основание концепции был положен антропологизм («Антропологический принцип в философии» (1860) — ответ на раннюю работу П.Л. Лаврова «Очерки вопросов практической философии»; «Письма без адреса» (1862); «Характер человеческого знания» (1885) и др.) В системе представлений о бытии, природе, обществе, культуре, истине, добре, благе, долге, свободе понятие «человек» рассматривалось как базисная категория.

Личный природный эгоизм (как волевое начало) мог быть поставлен под контроль разумом, нигилистически относящимся к несовершенству окружающей социальной жизни и исходящему из идей общей пользы. Ради ее достижения Чернышевский допускал возможность революционного насилия над сопротивляющимися и противодействующими этой идее.

Нормирование через категорию должного порождает принципы так называемого разумного эгоизма. Следование последним накладывает очень сильные (в пределе — аскетические) ограничения на личность, требует подчинения им всей жизни (в том числе и частной), что доступно далеко не всем, а только «новым людям», посвящающим жизнь революционному переустройству мира.

Община выступает у Чернышевского как единый организм, обладающий духовным измерением. Индивид включен в социальную и индивидуальную жизнь в цепь обусловленностей и причинных зависимостей, делающих невозможным феномен свободы воли. Человек суть единая сущность, соединяющая в себе материальную и духовную стороны жизни.

Тема общины — одна из сквозных в творчестве Чернышевского. Спор об общине между Б.Н. Чичериным, с одной стороны, и И.Д. Беляевым и А.И. Кошелевым — с другой, сразу стал предметом особого внимания Чернышевского. В 1856 г. в двух номерах «Современника» он подробно рассмотрел статью Чичерина и его книгу «Областные учреждения России в XVII в.». Чернышевский согласился с мнением оппонентов Чичерина о патриархальном происхождении русской общины. Он считал, что ни приход варягов, ни захват земель владельцами не изменил *принцип* общинного землевладения. «В какие бы руки ни переходила высшая власть над землею, которую населяют и непосредственно обрабатывают поселяне, они все-таки обрабатывали и делили ее между собою по старому обычаю», — считал Чернышевский. Община не разрушалась, как утверждал Чичерин, и не «учреждалась» государством заново, поэтому «опровергнуть понятие о нашей общине как остатке глубокой древности, а не создании XVII—XVIII столетия дело едва ли возможное» — так Чернышевский подвел итог первым высказываниям в отечественной историографии по теоретическим вопросам общины. Утверждения славянофилов о патриархальном, а не государственном происхождении общины, о порядке общинного землепользования, подведение читателя к мысли об исконном праве крестьян на землю представлялись Чернышевскому заслуживающими внимания. Исходя из них Чернышевский имел возможность развить собственные мысли, использовать совпадения для того, чтобы, сославшись на них, пойти дальше.

Вслед за Герценом он рассматривает общину как проявление и выражение «подлинного», «естественного» бытия человека. Община выступает у Чернышевского как носитель социалистического начала (русский мужик как стихийный «революционер» и «социалист»). Отсюда и его общая с Герценом идея «избегания» Россией стадий капиталистического развития и прямого перехода (через крестьянскую революцию у Чернышевского) к социализму. Основным отличием общинной теории Герцена от взглядов на общину Чернышевского было лучшее знание последним русских реалий. Чернышев-

кий не идеализировал общину. Разрабатывая «экономическую теорию трудящихся», он мечтал о «сильных машинах для хлебопашества»: они произведут революцию в сельском производстве, потребуют организации хозяйств в огромных размерах, на сотни десятин. Сущность социализма в представлении Чернышевского заключалась не в новой комбинации уже имеющих элементов жизни, не в перераспределении накопленных богатств по законам справедливости и добра, а в создании новых способов производственной деятельности и новых форм общественной и частной жизни. В самом таком обществе заключены возможности для бесконечного внутреннего совершенствования.

При этом признание позитивной необходимости трансформации русского общества на социалистических началах неизбежно приводило Чернышевского к идеализации роли сильной русской государственности в этом процессе. Данный круг идей лег в основу народничества как социально-философского направления русской мысли. Смысл наследия Чернышевского раскрывается в полной мере только в связи с будущим.

Историческая концепция

Конечно, Чернышевского больше интересовала современная история. И едва ли мы можем говорить о каком-то новом слове Чернышевского в исторической науке в отличие от основных сфер его занятий — эстетики, политэкономии, литературной критики, художественного творчества. Но, как отметил В.Ф. Антонов, будучи публицистом и одним из вождей освободительного движения, Чернышевский «логикой и потребностью борьбы чуть ли не ежедневно обращался к истории, привлекая ее для решения задач современности и прогнозирования будущего». В этих целях он отбирал для рецензирования и анализа исторические исследования. Давая читателю новый материал для размышлений, Чернышевский направлял его мысль в нужном направлении. Своим участием в полемике профессиональных историков, например М.П. Погодина и Н.И. Костомарова о происхождении Руси и другими дискуссионными выступлениями, он влиял на историографическую ситуацию, содействуя развитию науки.

Историческая концепция Чернышевского интересна еще и тем, что она имеет решающее значение в понимании его мировоззрения в целом. Н.К. Фигуровская подчеркнула отличие исторической концепции Чернышевского от исторических представлений Герцена.

В основу объяснения хода истории Чернышевский положил триаду развития Гегеля — Шеллинга: начало развития, ускорение развития и высший этап, который «по форме» совпадает с начальной ступенью, «существенно отличаясь от него содержанием». Н.К. Фигуровская отметила, что этот научный вывод Чернышевский оценивал чрезвычайно высоко: «Высший этап развития повторяет начальную форму развития, т. е. первобытно-общинный строй».

Соглашаясь с идеей английского историка-позитивиста Г.Т. Бокля, автора «Истории цивилизации в Англии», о том, что история движется «развитием знаний», Чернышевский увидел единство многообразия и богатства «надстройки» в обстоятельствах экономической жизни. В истории «развитие двигалось успехами знания, которые преимущественно обуславливались развитием трудовой жизни и средств материального существования». Естественную основу исторического прогресса он видел во врожденной способности и охоте людей трудиться, во внутреннем стремлении массы к улучшению своего материального и нравственного быта. Таким образом, Чернышевский считал необходимым обогатить концепцию интеллектуального прогресса Г.Т. Бокля материалом экономической истории.

Н.К. Фигуровская подчеркнула еще одно обстоятельство: «Система производственных отношений интересовала Чернышевского лишь в аспекте того, как она влияет на заинтересованность каждого отдельного производителя в процессе труда, насколько она соответствует социальной справедливости, общественной пользе... В целом его методологический подход уходил корнями в слабое развитие капитализма в России, в мировоззрение социалистов-утопистов, в традиции русской общественной мысли с ее социальной направленностью и свойственной ей нравственно-этической оценкой социальных явлений».

По сравнению с предыдущими формациями, прежде всего феодализмом, Чернышевский признавал прогрессивность капитализма. Он констатировал вступление России на путь «мирового хозяйства». Но в целом Чернышевский оценивал негативно буржуазный строй и полемизировал с его сторонниками.

История России

Чернышевский размышлял о роли в истории русской государственности факторов национальности, природы и внешних сил. Он считал, что «времена до-рюриковские не представляют нам в русских славянах почти ни одной своеобразной черты». Иное дело история Руси X—XIV вв. и особенно XV—XVII вв.

Россия, по его мнению, представляла «одну местность, не имеющую никаких естественных перегородок, через которые трудно было бы перебраться государственному единству». Опасной для ее единства была обширность пространств с малочисленным и экономически неразвитым населением. В этих условиях судьбу страны может решить внешний фактор (опасность) и удельные устремления власти. Два последних обстоятельства сыграли для Руси злую роль, став причинами ее распада на уделы. Однако, по мнению Чернышевского, даже в условиях удельной разобщенности в народе живет идея о его одноплеменности, которая сохраняет жизненные силы, способные к восстановлению государственности при определенных обстоятельствах. «Натура» народа «влекла все части к соединению и привела их к единству, как только население размножилось настолько, что между разными частями уже не оставалось непроходимых пустынь и вымерли в европейском климате дикие силы азиатских орд, долго не дававших народу опомниться вечными тревогами своих вторжений».

Таким образом, в глазах Чернышевского фактор национальности является определяющим в сохранении единства русской государственности: «Народ проникнут сознанием единства», все заключается в этом народе, поэтому нечего искать других причин к возникновению этого единства. Политика централизации, которую проводили московские князья, только тормозила дело объединения, способствовала удержанию ига, «призывала татар на русскую землю; она по возможности старалась упрочить, расширить и продлить их тяготение над судьбой великорусского племени». Чернышевский считал, что централизации были выгодны все возраставшие нашествия татар на русскую землю; она по возможности старалась упрочить, расширить и продлить их тяготение над судьбой великорусского племени». Антинародный характер власти проявился в полной мере: централизация «задерживала, сколько могла, освобождение русской земли от татар». Политическому фактору Чернышевский противопоставил демографический. Он считал, что прекратить раздробление могло размножение народа. От этого исчезнут «слишком обширные пустыни между его частями. Силу естественных законов мыслитель считал преодолимой: «Люди размножались, потому что земледельческое население не может не размножаться, пока есть пустая земля». С каждым поколением русский народ становился сильнее и способнее останавливать набеги татар, а затем и перешел

в наступление, отбивая у дикарей «одну полосу земли за другой». Татары, наоборот, «слабели, хирели, вымирали» от поколения к поколению. В.Ф. Антонов, рассмотрев систему представлений Чернышевского, пришел к выводу о том, что он нанес ощутимый удар по теории «татарского» происхождения русского государства.

Московское государство представлялось Чернышевскому оригинальным явлением, почвой, на которой построил свою империю Петр Великий. Он писал о том, что Московское государство «стоит в непосредственной связи с историей русской империи, созданной из него Петром Великим». Знание истории Московского государства Чернышевский считал непременным условием понимания нашей новейшей истории. Однако XVI в. интересовал Чернышевского в крайне малой степени. Он ассоциировался с Иваном Грозным, личностью однозначно отрицательной. Что же касается политической истории XVII в., то ее Чернышевский рассматривает как отжившее прошлое, полностью себя исчерпавшее «старое».

Начало великого дела просвещения России Чернышевский связывал с именем Петра: «Для нас идеал патриота — Петр Великий; высочайший патриотизм — страстное, беспредельное желание блага родине, одушевлявшее всю жизнь, направлявшее всю деятельность этого великого человека». Могуществом и богатством современная Россия, в глазах Чернышевского, была обязана тому, что русские благодаря Петру Великому стали народом образованным. Если сначала идеализация дела и личности Петра I шла в большей мере от неприятия николаевской дореформенной действительности, то в начале нового царствования, особенно в 1856 г., восхищенные оценки Петра объясняются надеждами, которое тогда возлагало русское общество на Александра II в деле освобождения крестьян.

По мере того как у Чернышевского рассеивались иллюзии в отношении Александра II, нарастала и его критика действий Петра. Смысл и цель его деятельности открылись Чернышевскому в ином свете. Они сводились к созданию сильной военной державы. Не видит уже Чернышевский и коренного отличия Петра от его предшественников на троне: «У самого Петра Великого все важные для общественной жизни понятия и все принципы действия были совершенно русские понятия и принципы времен Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. От своих противников он отличался не характером идей, а только тем, что он понимал надобность, а они не понимали

надобности устроить войско по немецкому образцу... Но для чего нужно войско, как должно быть устроено государство, какими способами должно быть управляемо, каковы должны быть отношения власти к нации — обо всем этом он думал точно также, как и его противники. Он был истинно русским человеком, не изменившим ни одному из важных в общественной жизни понятий и привычек».

Чернышевский шел к пониманию исторической исчерпанности петровских преобразований и отстаивал необходимость изучения преобразований в преломлении народной жизни.

О «веке Екатерины» Чернышевский оставил лишь мимоходные замечания, не имеющие концептуального характера. Первая четверть XIX в. интересовала мыслителя не как время Александра I, а как период неудавшейся реформации сломанного жизнью М.М. Сперанского.

Чернышевский много писал о войнах. Он негативно оценивал войны, связанные с захватом чужих территорий, оправдывал освободительные войны начала XVII и XIX вв., считал их отвечающими интересам страны и народа.

Оценки

Высокую оценку работам Чернышевского дал К. Маркс, считавший, что «из всех современных экономистов Чернышевский представляет единственного действительно оригинального мыслителя, между тем как остальные — суть только компиляторы». Маркс говорил, что политическая смерть Чернышевского является потерей для ученого мира не только России, но и целой Европы.

В.И. Ленин считал Н.Г. Чернышевского единственным, действительно великим русским писателем, «который сумел с 50-х гг. вплоть до 1888-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников». Ленин высоко оценил «теорию трудящихся», в которой Чернышевский обосновывал необходимость передачи продуктов труда производителям материальных ценностей.

Историк общественной мысли Ю.М. Стеклов (Нахамкис) (1873—1941) утверждал, что Чернышевский самостоятельно открыл материалистическое понимание истории. Это не так. Чернышевский не создал материалистического понимания истории, но к экономическому детерминизму он действительно был близок. На этом основании Ю.И. Семенов называет Н.Г. Чернышевского предтечей историко-экономического направления в русской исторической науке.

А.П. Шапов (1831—1876)

Афанасий Прокопьевич Шапов известен как первый русский историк, который положил в основу объяснения исторического процесса нашей страны революционно-просветительские идеи. Он настойчиво ставил вопрос о месте и значении трудового народа в истории России. «Главный фактор в истории есть сам народ, дух народный, творящий историю... сущность и содержание истории — есть жизнь народная», — в этом Шапов был глубоко убежден. Оригинальный историк церкви и раскола, знаток народного быта — все это тоже А.П. Шапов. Предметом его исследования была жизнь простого народа: быт, нравы, миросозерцание, заслуги перед историей, отношение к другим классам общества, борьба за улучшение своего положения.

В творчестве Шапова биографы и исследователи выделяли разные черты. Так, Н.Я. Аристов и другой биограф Шапова — Г.А. Лучинский видели в Шапове ученика славянофилов. Однако близкий к славянофилам М.О. Коялович не усматривал славянофильства в воззрениях Шапова, а писал о «крайностях» этого «писателя, вышедшего из духовной среды и задумавшего все объяснить в русской истории посредством естествознания, в котором он, однако, не был специалистом». Г.В. Плеханов отметил сильное влияние идей Шапова на умственное развитие отечественной «нарастающей демократии» и считал его одним из родоначальников народничества. Он подчеркивал, что если труды Шапова и не легли в основу, то, по крайней мере, были «весьма значительным вкладом в историю народничества». И ту и другую точку зрения не приняла советский автор М.Е. Киреева.

М.Н. Покровский квалифицировал идеологию Шапова как «крестьянскую», а самого историка отнес к «типично крестьянским историкам», подчеркивая при этом, что до Шапова «ничего подобного во всей русской исторической литературе вы не встретите». Покровский в мировоззренческих основаниях концепции Шапова подчеркивал «не наш, не марксистский, не пролетарский, не рабочий, а чисто мужицкий материализм». В 1927 г. А.Л. Сидоров написал большую статью о Шапове для историографического сборника «Русская историческая литература в классовом освещении», уделив особое внимание исторической концепции, философс-

ким и политическим взглядам историка. Как и Плеханов, Сидоров считал историческую теорию Щапова народнической, но, следуя Покровскому, Сидоров объяснял «крестьянскую теорию» Щапова наличием в стране торгового капитала и слабым развитием капитала промышленного. Н.Л. Рубинштейн видел в Щапове наследника «шестидесятников-просветителей». С его точки зрения, именно к ним теоретические позиции историка были ближе всего.

Путь в науку

А. П. Щапов родился 5 октября 1831 г. в селении Анга Иркутской губернии. По отцовской линии его род был из духовного сословия. Священником в одной из губерний Европейской России был его прадед, сосланный потом в Сибирь. Отец служил дьячком (по другой версии пономарем) в местной ангинской церкви. Мать же была неграмотной бурятской крестьянкой.

Отец научил Щапова читать и писать, после чего отдал в Иркутское духовное училище. Путь Щапова в науку не был оригинален. Он чем-то напоминает путь, позднее пройденный В.О. Ключевским. Как и у Ключевского, определение системы приоритетов — «всецелая, кровная симпатия и преданность к горемыке-пролетарию», любовь к «русскому мужичку» — у Щапова зарождается в «глубинке», в родной для историка народной среде. Им обоим, казалось, было уготовано сословное предназначение... Однако в процессе духовного образования рождалось истинное призвание.

Щапов сначала учился в Иркутском духовном училище, затем в Иркутской семинарии, а с 1852 г. в Казанской духовной академии. Историк Казанской духовной академии П. Знаменский, а также воспитанники академии оставили описания мрачной, унылой, давящей обстановки последних лет царствования Николая I: «Время нашего студенчества было до такой степени смиренно и скучно, что студенты последующих курсов с трудом могут составить себе об этом понятие. Суровый режим академии, наказания за проступки (курение и короткое платье), отсутствие корпоративных связей между студентами...».

Оживление начинается в годы Крымской войны. Наряду с преподавателями, которые считали «Историю цивилизации» Ф. Гизо «ужасной книгой» и утверждали, что «светская наука и литература — это обширнейшая пустота», были и преподаватели другого плана, привносившие либеральную светскую струю в образование будущих служителей культа.

Проблема раскола и формирования концепции

В академии Щапов учился не только что открытым в 1854 г. противораскольническом отделении. Он жил обособленно и занимался науками. В 1854 г. для магистерской диссертации Щапов взял тему: «О причинах происхождения и распространения раскола, известного под именем старообрядчества во второй половине XVII и в первой половине XVIII века». В переработанном виде диссертация была опубликована в Казани в 1858 г. и называлась «Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII века: опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола».

Суть обеих формулировок говорила о несомненном внимании автора к проблемам внутренней истории России, его стремлении рассмотреть раскол — крупнейшее явление русской жизни — не только как церковное явление, но и как выражение социальных противоречий эпохи. Тем самым Щапов показал, что для понимания хода русского исторического процесса во всем его многообразии историк должен выйти за рамки узкоцерковной тематики. Такой подход выделял Щапова. Он сознательно отказался от роли историка «богоотступничества». Не стал проповедовать истинности идей христианской религии и обличать «неверных», богом и церковью проклятых отступников. Причины раскола историк объяснял не столько приверженностью к букве и обряду или нравственным падением русского общества и духовенства, сколько социально-экономическими причинами, составлявшими основания государственного и общественного порядка.

А.Н. Цамутали высказал предположение о влиянии, оказанном на Щапова П.И. Мельниковым (А. Печерским), а именно содержательной стороной его «Отчета о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии», который поступил в академию как раз в период написания диссертации Щаповым. Критика Мельникова (Печерского) сфокусировалась на косности чиновников и невежестве духовенства. «В еще большей мере, — пишет Цамутали, — по-видимому, сказалось воздействие на Щапова западных идей Т.Н. Грановского и революционных призывов А. И. Герцена».

Авторитетные влияния несколько не уменьшают заслуги Щапова. Для историографии тех лет нарисованная им картина лихоимства сборщиков податей и притеснений государственных

чиновников; тяжелого положения закрепощенного крестьянства, которое искало спасения в лесах и раскольничьих скитах, — выглядела непривычно. От работ других историков церкви и раскола Щапова заметно отличало глубокое и истинное народолюбие. И это качество обретало концептуальный характер.

Щапов подошел к рассмотрению раскола как формы социального протеста народных масс против «податей и даней многих», против всего социально-политического строя России. В расколе он увидел знамя народных гражданских бунтов. Участие народа изменило характер раскола. Из явления церковной жизни, каким он был вначале, затем, по мнению Щапова «перешел в сферу гражданской, народной жизни» и кроме «духовно-демократического и мистико-фантастического» принял еще и «чисто гражданский характер», т. е. превратился в противоправительственное демократическое движение.

История и современность

Уже в диссертации проявился коренной принцип, которому ученый следовал неизменно — единство науки и жизни. С одной стороны, вопросы живой действительности врывались в схоластические и богословские труды, а с другой — история отвечала на вопросы современности. Тем более что в общественных отношениях позднейших времен сохраняются обычаи и институты, которые существовали искони, несмотря на воздействие новых влияний и преобразований. Щапов, которого отличало тонкое чутье современности, стремился выявить и проанализировать ее корневую систему, т. е. найти объяснение сегодняшним явлениям в историческом прошлом русского народа. Такой подход встречал поддержку редакции журнала «Современник»: «Г. Щапов не останавливается на одних предварительных изучениях и старается ввести читателя в самую среду этой исторической жизни народа в известную эпоху, объяснить ту связь, которая соединяет его старину с настоящим, и от давнего исторического вопроса привести к вопросу современному и практическому). В этом мы видим существенное и высокое достоинство трудов г. Щапова, как бы ни были иногда неверны или преувеличены в некоторых частностях».

Основу диссертационного труда Щапова составляли материалы из собрания рукописей XI—XVIII вв. библиотеки Соловецкого монастыря. В 1854 г. его эвакуировали в Казанскую духовную академию в связи с опасностью английского флота в условиях начавшейся войны. Через 12 лет жития святых из

сокровищницы библиотеки там же в Казани будет осваивать В.О. Ключевский.

Труд Щапова был положительно оценен С.М. Соловьевым и К.Н. Бестужевым-Рюминым и одновременно вызвал критику слева и справа. Рецензия М.А. Антоновича, подготовленная для «Современника», была одобрена Н.А. Добролюбовым. В академии же долго оставался открытым вопрос о том, чтобы оставить Щапова в академии в качестве профессора.

Преподавание

К сожалению, тексты лекций, прочитанные им в академии в 1856 — 1860 гг., не сохранились. Мы можем о них судить по нескольким названиям, опубликованным в академической печати, а также упомянутых Аристовым, и еще по отчету Щапова о содержании лекций 1859 г. Биографы историка сходятся во мнении об оригинальности курса: «Лекции его были не деланные, а самобытные, в которых он проводил свой личный взгляд и убеждения...» Сначала Щапов преподавал церковную историю, но уже в 1857 г. ему поручили курс гражданской истории. По наблюдению Цамутали тогда Щапов еще не имел собственной зрелой концепции: «В чем-то он сближался с идеями западников, в чем-то со взглядами славянофилов. В какой-то мере на его построениях оставался след догматов, собственных взглядам, господствовавшим в сфере церковных историков того времени».

Профессор Нежинского историко-филологического института Н.Я. Аристов, написавший биографию Щапова, лично знал историка и считал, что лучший творческий период его жизни был связан с Казанской духовной академией (1852—1860 гг.). Его переход в Казанский университет и последовавшее затем знаменитое выступление историка после панихиды 16 апреля 1861 г. в Казани по погибшим 10 апреля 1861 г. в селе Бездна Пензенской губернии (там было подавлено восстание крестьян, выступивших в поддержку крестьянина Антона Петрова, утверждавшего, что помещики скрывают от народа царский манифест); а также свойства личности: общественный темперамент Щапова и его политическая позиция (провозглашение ценностей демократической конституции), — все это, несомненно, воздействовало и усиливало публицистическую струю в творчестве ученого. Воспринималась данная тенденция по-разному. Аристов, например, считал, что от данный Щаповым приоритет публицистике означал его гибель для науки.

В августе 1861 г. Щапова на год пригласили читать лекции по русской истории на историческом факультете Казанского университета вместо переведенного в Москву Николая Александровича Попова. Выбор преемником Щапова Попов обосновывал его научными заслугами. Его переходу в университет способствовали ректор университета А.П. Бутлеров и попечитель Казанского учебного округа кн. П.П. Вяземский. В университете Щапов оставался в духовном звании и в должности бакалавра русской истории.

Преподавательская деятельность Щапова была недолгой, но яркой. Его лекции имели успех: «Пока Щапов занимал у нас кафедру русской истории, он царил в университете, каждое его появление на кафедре было своего рода триумфом, долгое время в тот час, когда читал г. Щапов, все остальные профессора прекращали свои лекции; клиника и анатомический театр пустели... городская публика... стремилась послушать «знаменитость» на сцене... Одно время... только и речи было, что о Щапове, а о студентах... говорить нечего: ходили, ошалелые от восторга». В чем была причина его успеха? Что оказалось интересным слушателям?

Прежде всего то, что основу курса составила не история государства и государей, а история народа, образования сельской и городской общин, развития сельского и городского самоуправления, рассмотрение возникновения и развития сопротивления государственному стремлению к подчинению и закреплению свободно развивающихся народных организаций. Все это звучало злободневно.

Актуализация исторических проблем имела самые непосредственные последствия для Щапова. О содержании его речи 16 апреля 1861 г. после панихиды о погибших в селе Бездна Александр II узнал из текста донесения Казанского генерал-губернатора Козлянинова. Император тотчас написал резолюцию: «Щапова необходимо арестовать». Он был доставлен в Петербург. Возвратиться в Казань историку не довелось.

Петербургский период

Некоторые авторы оценивали петербургский период в жизни Щапова, ввиду увлеченности ученого журналистикой, как время траты сил в ущерб науке. С этим едва ли можно согласиться. Три петербургских года Щапова (1861—1864) отмечены демократической составляющей концепции, интересом к ученому научным и общественным кругам, активным участием в общественной жизни страны. Новые люди, новые идеи влияли и иницииро-

вали серьезную внутреннюю духовную работу и эволюцию. Именно тогда в Щапове назревает перелом, завершенное концептуальное оформление которого происходит в Сибири.

А внешне события выглядят следующим образом. После выхода из-под ареста Щапов познакомился с издателями нескольких передовых журналов, где опубликовал статьи: «Великорусские области в Смутное время», «Земство и раскол», «Земский собор 1648 — 1649 гг.» (в «Отечественных записках»), «Бегуны» (во «Времени»). Особенно близким было сотрудничество Щапова с Г.З. Елисеевым (тот вел «Внутреннее обозрение» в «Современнике») и В.С. Курочкиным (редактором сатирического журнала «Искра»). Щапов бывал у Н.И. Костомарова, В.И. Семевского, А.Н. Пыпина.

Публицистика позволяла Щапову популяризировать свои знания. Вместе с Елисеевым он создал артель литераторов и участвовал в организации газеты «Мирской толк», для которой написал очерки «К тысячелетию России», «О русских раскольниках», «О русском управлении XVIII в.». Газету не удалось открыть. Но он предполагал в последующих работах уже для других изданий исследовать нерв, найденный им в истории России — историю народа, называя народ — «самой почвой нашего саморазвития».

Наука

После диссертационного дебюта Щапова на научном поприще, в его мировоззрении и исторических трудах усиливаются демократические, а затем и революционные настроения. Он был особенно восприимчив к критике своей диссертации со стороны редакции «Современника». Симпатии Щапова к радикальному направлению общественной мысли России были неизменны. Он с большим уважением относился к Радищеву, Рылееву, видел в них великих граждан России; к идеям Герцена проявлял интерес со студенческих лет.

В 1862 г. вышла отдельным изданием работа Щапова «Земство и раскол». Поводом к ее опубликованию стала книга Г. Есипова «Раскольничьи дела XVIII столетия и история Выговской пустыни». Щапов не мог согласиться с его трактовкой раскольничьего движения, в котором подчеркивалась только одна сторона — религиозное заблуждение людей, приверженных старым обрядным формам. Однако причина была глубже. Во второй части работы Щапова, имевшей подзаголовок «Бегуны», автор учел критику «Современника». Он развил мысль о расколе как явлении, вызванном несогласием и борьбой народа с существу-

ющим общественно-политическим порядкам. Шапов остановился на характеристике положения крестьянства, городских сословий и купечества в допетровскую эпоху и в XVIII в.

Проанализировав политику самодержавия, он показал, как тяжелое положение разных слоев населения, лишение их свободного развития и «самоустройства» порождало великое оппозиционное движение «земства» против «государства». Когда же народ лишился былого самоуправления, закрепились и наложили на него невыносимые государственные налоги и подати, тогда, по мнению Шапова, и начались бунты и восстания народные, а вместе с ними явился раскол. Историк писал: «Никто тогда не думал, что это будет могучая, страшная общинная оппозиция податного земства, массы народной против всего государственного строя — церковного и гражданского. Никто тогда не думал, что этот раскол возник для объединения, для обобщения всех бывших дотеле и будущих разрозненных местнообластных народных движений в одно общее оппозиционное согласие недовольного земства, для обобщения всех неудовлетворенных, челобитных воплей, желаний, стремлений, недовольств, антипатий, протестаций и верований массы народной в одну оппозиционную общинно-согласную церковно- и гражданско-народную доктрину с подразделением только на разные частные толки и согласия».

Сопоставив раскол с массовыми народными выступлениями, Шапов показал, что под религиозной оболочкой скрывался политический протест. По его мнению, раскол был самым близким к народу, наиболее жизнестойким и массовым протестным движением. Однако стремление Шапова доказать правоту концепции имело следствием идеализацию прошлого, догосударственного строя, недооценку им религиозной и догматической стороны раскола.

Исторические корни тяжелого положения народа и пути его борьбы

«Русская история в самой основе своей есть по преимуществу история областных масс народа, история постоянного территориального устройства, разнообразной этнографической организации, взаимодействия, борьбы, соединения и разнообразного политического положения областей до централизации и после централизации», — в этом Шапов был убежден.

Народ для Шапова — это прежде всего производитель материальных благ и устроитель земли русской. Почти во всех статьях, посвященных движению славянских народов, статьях об об-

разовании и функционировании народного управления, а также о формировании народного мирозерцания, историк исходил из того факта, что простому народу, главным образом крестьянину, принадлежит инициатива и труд по освоению новых земель. И крестьянство (в основном), а затем казачество и другие категории трудового люда являлись на протяжении всей истории страны основателями и зачинателями освоения новых земель. «А теперь? Может быть, когда кончилось колонизационное движение русского народа, труд простого человека не имеет уже такого большого значения?» — «Нет, — отвечает Шапов. — До сих пор простой рабочий народ остается основной производительной силой, по-прежнему его руками добываются несметные богатства, хотя сам он не имеет средств даже для пропитания».

Шапов выделял две формы общественной жизни русского народа: земско-областную (сложилась в процессе колонизации) и государственно-союзную (утвердилась в ходе объединения земель вокруг Москвы, а новую силу получила в период империи). Современная Шапову действительность как раз и являлась, по его мнению, новейшим этапом государственно-союзной формы правления. Предложенная периодизация органично вытекала из представлений Шапова о единстве истории и современности и его видения основной обязанности историка, которая заключалась в том, чтобы изучать корни явлений существующей действительности. В народе, в его современной организации, говорил Шапов, необходимо искать того свободного развития, которое так необходимо для народа теперь.

Он отдавал предпочтение земско-областной форме общественной жизни народа, поскольку при ней «князь не дает закона, воля народа — закон», т.е. существует «народоправление» в форме веч, содействующее развитию земского «народосоветия» и обеспечивающее преобладающее влияние народа на тенденции общественной жизни. И в то же время Петр I являлся двигателем реальных знаний. Он содействовал освобождению русского народа от византийского теогностического влияния, преодолению отчужденности от знаний классического мира и тем самым ускорил его развитие.

Преувеличивая демократизм сельских общин, миров и сходов, областных советов и городских собраний, Шапов считал необходимым учитывать в современной жизни если не сами формы организации народного управления, то хотя бы их принципы.

Публицистическая деятельность Шапова и его возросшая известность в литературных кругах стали причиной высылки

Щапова из Петербурга в 1864 г. с учреждением за ним секретного надзора и воспрещения последующего въезда в столицу. Первоначальное место ссылки в родное село Анга было заменено, благодаря ходатайству сочувствовавших Щапову лиц, на Иркутск. М.О. Коялович писал о Щапове, как об историке, закончившем «свои дни в Сибири, откуда он и происходил родом». Он так и не получил разрешения уехать и в конце жизни под влиянием своего друга Г.А. Лопатина даже склонялся к побегу за границу вместе с ним. Но этому помешали его болезнь и смерть жены. Заболев чахоткой, в феврале 1876 г. Щапов умер. Правительство запретило печатать сообщения о его смерти, отказало в просьбе назвать одну из школ его именем, не разрешили даже поставить портрета в ней.

Новое мировоззрение

Щапов разделял увлечение сторонников демократического движения естествознанием и внедрением его в разные сферы деятельности. Он пытался положить в основу изучения общественных взаимоотношений законы и методы естественных наук. К этому времени относится его увлечение физиологией, анатомией, географией, этнографией, статистикой, зоологией.

До 1863 г. Щапов считал, что основным путем улучшения положения трудового народа является путь коренных преобразований в области организации общественных взаимоотношений в политической жизни страны, в просвещении и образовании. Поэтому он стремился найти такую теорию, которая безболезненно привела бы Россию к благополучию. Теперь он отказывается от каких бы то ни было теорий: «В литературе одна теория чередуется с другой. Каждая новая книжка журнала приносит в провинцию разнообразные и глубокие идеи, которые так и остаются идеями, без всякого приложения к жизни. Жизнь тащится сама по себе, а надежды и стремления мыслящих людей — сами по себе — и одновременно впитывает в себя новые идеи».

Показательной для происшедшего в сознании Щапова перелома стала статья «Естествознание и народная экономия». В ней Щапов, подвергнув критике «историко-юридическую» и «экономическую» теории, пересмотрел свои прежние взгляды: «...после болезненной работы и борьбы мыслей, я стал думать о взаимодействии и взаимоотношении сил и законов внешней, физической природы и сил и законов природы человеческой, о законах этого взаимодействия...о проявлениях их в истории, о значении их в будущем социальном строе и раз-

витии народов». «Никакая социально-юридическая теория, — пишет Щапов, — не прочна, потому что она «ничто иное, как временный продукт изменяющейся... человеческой мысли, временная и условная, следовательно, произвольная форма склада и настроения наших метафизических и абстрактно-философских идей и понятий о человеке, о его физиологических и общественных функциях и отношениях, о его соотношении с внешним миром...» Или еще одна, характерная для Щапова цитата: «Необходимо сразу же и немедленно взяться за дело уяснения сил и законов природы, за дело подчинения природы человеку, ибо в незнании природы, в неумении брать из ее богатых кладовых все ее драгоценнейшие дары кроется причина бедности и богатства людей. Следовательно, знание природы есть первый, главный, существеннейший экономический фактор и могучая сила, которой одной предстоит преобразовывать социально-экономический мир».

Прогресс есть борьба мысли с неумолимыми законами физической природы и столь же неумолимыми антисоциальными инстинктами человечества. В этом прогрессе громадную роль играет личность с высоко развитой нервной системой. Ее сознание является искоркой общечеловеческого высокого и благородного сознания, из которого вырастет новое человечество и создаст путем постоянного совершенствования будущую великую общечеловеческую федерацию истинно-антропологических братских человеческих обществ, вполне соответствующих высокому достоинству человеческой природы, стремящихся к удовлетворению всех человеческих потребностей. Щапов употребляет словосочетание «история человеческого страдания». Он считает долгом историка передать потомству народный стон, народные страдания «от податей и налогов, от подушной переписи, от рекрутчины, от деспотического областного начальства, от крепостного права», политические движения и бунты, «наконец, демократические песни народа». Труд крестьян служит экономической основой существования всей крепостнической системы страны. На средства, собираемые с крестьян, содержится армия, флот, строятся укрепления, осуществляются все государственные преобразования. Наконец, за счет труда простого народа живет вся «непроизводительная» верхушка общества. «23 миллиона под нашим крепостным ярмом обогащали нас, давали нам деньги на образование и на роскошь, а сами из-за нас оставались в невежестве и крайней бедности», — писал Щапов.

Путь к избавлению от страдания историк видел в совершенствовании человечества. В контексте общей перспективы он обращает внимание на неправильности хода умственного развития русского народа. Новые теоретические социолого-антропологические позиции Шапова-историка привели к смене приоритетов в выборе проблематики. Вопросы земства, земского саморазвития, земского самоуправления и самосуда отходят на второй план, тогда как просветительские тенденции в творчестве заметно усиливаются. Вопросы истории теперь для Шапова сводились к истории интеллектуального развития русского народа и к изучению препятствий на этом пути. Этим проблемам посвящены статьи: «Естественно-психологические условия умственного и социального развития русского народа»; «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа»; «Исторические условия интеллектуального развития в России» и др.

В них Шапов констатирует темноту, забитость, отсутствие способности масс мыслить абстрактно и ищет причины объяснения этого не столько в порочности организации общественных отношений, сколько в географических, климатических и других природных условиях развития русского народа. Борьба с природой уносила все физические и умственные силы народа, не оставляя ни сил, ни времени для «теоретической мыслительности». Если Ключевский рассматривал влияние географического фактора на особенности хозяйственной деятельности и психологии великоросса, то для Шапова особый интерес представляло воздействие данного фактора на народный интеллект и хозяйство. Спустя несколько месяцев жизни в ссылке Шапов написал статью «Естественные и умственные условия земледельческих поселений в России».

В 1870 г. вышла работа Шапова «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа», в которой автор попытался применить к анализу русской жизни методы естествознания. Она стала своеобразным синтезом более ранних работ Шапова по истории интеллектуального развития русского народа. Вывод о нереальности улучшения положения народа путем кардинальных политических реформ заставлял все более внимательно относиться к вопросам просвещения.

Община Процесс становления общины А. П. Шапов рассмотрел в работе «Мирозерцание, мысль, женщина в истории русского общества». Основной причиной появления общины он считал страх: «...фетишистский

страх таинственных сил природы и грубой физической силы человеческой был первым естественно-психологическим мотивом к соединению первоначальных физиологических, родовых союзов в гражданское общество... Страх этот был одним из самых первых естественных мотивов к распространению общинной колонизации по северу-востоку Европы, колонизации так называемых «черных земель» и «черных диких лесов». Страх насилия сильных мужей-татей и разбойников... невольно заставлял искать убежища и жить в беспрестанном ожидании насилия, грабежа, разбоя, хищничества... При таких опасениях всем маломочным людям не оставалось никакого другого средства самосохранения и самообеспечения от насилия сильных мужей, как только уходить в лес и там объединяться в общины и совокупными, общими силами бороться с деспотической, порабощенной, хищнической силой сильных мужей». Большую роль в вопросе образовании общины Шапов отводил нравственному фактору, считая его главной причиной, заставлявшей «...всех маломочных смердов заключать между собой согласие...».

Член РГО Историк активно сотрудничал с восточно-сибирским отделом Русского географического общества, находившегося в Иркутске. На средства, предоставленные обществом, он побывал в нескольких экспедициях. В 1866 г. в Туруханской экспедиции изучал жизнь местных сибирских племен, живших по реке Енисей (рукопись сгорела в городском пожаре 1879 г.). Результатом поездки в 1874 г. в Забайкалье стал труд «О Ленской общине», некоторые главы которого были опубликованы, в том числе «Бурятская улусно-родовая община», «Эгоистические инстинкты в ленской народной общине, бурятской улусной, оседло-инородческой и русско-крестьянской».

В ссылке были написаны работы «Естествознание и народная экономия», «Сибирское общество до Сперанского» (раскрывает процесс дифференциации сибирского крестьянства и показывает эксплуататорскую сущность сельской буржуазии). Отличительная черта их — актуальность, и можно говорить о политической злободневности.

Концептуальные итоги В статье 1875 г. (за год до смерти) Шапов повторил идеи, высказанные им еще студентам Казанского университета в 1861 г.: «Прочитайте летописи, исторические акты до V века. Кто устроил, заселил, обработал русскую землю из-под лесов и болот? Кто

как не селения общины?.. Акты исторические и юридические почти на каждой странице говорят о неутомимой, богатырской, страдальческой работе русского сельского народа, о движении его на все четыре стороны сквозь дремучие леса, болота, мхи непроходимые со своими заветными спутниками — топором, косой, сохой и бороной?<...> То в актах, то в писцовых книгах отметились имена всех первых основателей, строителей нашей обширной сельской Руси, отметились в названии сел, деревень и починков. Раскройте любую писцовую книгу — она вся испещрена именами этих строителей починков и деревень...»

Попытка Щапова установить периодизацию русской истории в зависимости от состояния естественно-научных познаний русского народа; объяснение отсталости России слабостью и медленностью «возбуждения нервной восприимчивости русского народа»; показ Петра I как умственного гения; преувеличение влияния географического фактора на интеллектуальное развитие народа; внимание к колонизационному движению народных масс и их «богатырскому» труду по освоению новых пространств; да и сам философский стержень исторических работ, заключающийся в признании разума как главного и творящего фактора в области естествознания и в истории развития общества, — все это свидетельства причудливой эклектики, результат переработки Щаповым узнаваемых идей эпохи — от С.М. Соловьева и Н.И. Костомарова до К. Маркса. Щапов считал Маркса великаном «антрополого-социального движения и прогресса».

Щапов оказал заметное влияние на умственную жизнь страны и отдельных мыслителей. Его концепцию общины за основу своих размышлений об историческом развитии России в домонгольский период взял Н.Ф. Даниельсон. Щапов предложил оригинальное решение проблем, которые ставила жизнь, и история являлась для него важным, питающим мысль источником. В 1860-е гг. Герцен и Щапов зачислялись современниками в категорию единомышленников. Так, И.С. Тургенев, выступая против теории русского социализма Герцена и критикуя «земство» Щапова, называл «земство, артель и общину» — «троицей», найденной Герценом и Щаповым. Щапов привлекал внимание Чернышевского. Известно не только участие Чернышевского в организации коллективного протеста против ссылки Щапова в монастырь, но и факт их личной беседы на квартире А.Н. Пыпина.

Источники

- Герцен А.И. Америка и Россия. Т. XIX. С. 139. М., 1960.
- Герцен А.И. «Двадцать осьмое января». Посвящается другу моему Диомиду. — Соч. 30 т. М., 1954. Т. I. С. 29—33.
- Герцен А.И. Исторические очерки о героях 1825 года и их предшественниках по их воспоминаниям. Т. XX. Кн. 1. С. 227—272; Кн. 2. С. 646—647. М., 1960.
- Герцен А.И. О развитии революционных идей в России. Т. VII. М., 1956.
- Герцен А.И. Порядок торжествует. Там же. С. 166—199.
- Герцен А.И. Публичные чтения г. Грановского. Письма 1-е и 2-е. Т. 2. С. 112—113 и 126—127.
- Герцен А.И. Русские немцы и немецкие русские. Т. XIV. С. 150—155. М., 1958.
- Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии. Там же. Т. II.
- Чернышевский Н.Г. Сочинения Т.Н. Грановского. Т. I. М., 1856 // Соч. 2 т. М., 1986. Т. I.
- Щапов А.П. Собрание сочинений. Дополнительный том к изданию 1905—1908 гг. Иркутск, 1937.
- Щапов А.П. Сочинения. В 3 т. СПб., 1905—1908.

Литература

- Антонов В.Ф. Историческая концепция Н.Г. Чернышевского. М., 1983.
- Антонов В.Ф. Н.Г. Чернышевский о русской истории. М., 1984.
- Аристов Н.Я. Афанасий Прокофьевич Щапов. СПб., 1883.
- Баскаков В.Г. Мировоззрение Н.Г. Чернышевского. М., 1956.
- Демченко А.А. Н.Г. Чернышевский: Научная биография. Саратов, 1978.
- Павлов А.Г. От дворянской революционности к революционному демократизму (идейная эволюция А.И. Герцена). М., 1977.
- Пирумова Н.М. Исторические взгляды Герцена. М., 1956.
- Пирумова Н.М. Александр Герцен. Революционер, мыслитель, человек. М., 1989.
- Порох И.В. А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский. Саратов, 1963.
- Романов И.М. Мировоззрение Н.Г. Чернышевского в 1872—1883 гг. Якутск, 1958.
- Сидоров А.Л. Мелкобуржуазная теория русского исторического процесса (А.П. Щапов) // Русская историческая литература в классовом освещении. Т. 1. М., 1927.
- Смирнова З.В. Социальная философия А.И. Герцена. М., 1973.
- Стеклов Ю.М. Н.Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность. 1828—1889. Т. I. М.; Л., 1928.
- Супоницкая П.Я., Ильина А.Я. Н.Г. Чернышевский. Указатель литературы. 1960—1970. Саратов, 1976.

- Филатова Е.М.* Экономические взгляды А.И. Герцена и Н.П. Огарева. М., 1953.
- Фигуровская Н.К.* «Идеал общественного благосостояния» Н.Г. Чернышевского // Кооперация. Страницы истории. Т.1. Избранные труды российских экономистов, общественных деятелей. Кооператоров-практиков. Кн. 1. 30–40-е года XIX—XX века. Предыстория. М., 1998.
- Чесноков Д.И.* Мироззрение А.И. Герцена. М., 1948.
- Цамутали А.Н.* Историк-демократ: Афанасий Прокофьевич Щапов // Историки России XVIII — начало XX века. М., 1996.
- Литературу, посвященную А.П. Щапову см.: История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965.

Глава 17

«ЦВЕТУЩАЯ СЛОЖНОСТЬ» К.Н. ЛЕОНТЬЕВА И КОНЦЕПЦИЯ Л.А. ТИХОМИРОВА

Константин Николаевич Леонтьев (1831—1891)

«Необходимым моментом в развитии русского самосознания» называл Константина Леонтьева Владимир Соловьев. О К.Н. Леонтьеве писали Н.А. Бердяев и С.И. Булгаков, его ценил, хотя многое в нем не принимал, В.В. Розанов. В наши дни о Леонтьеве пишут как о представителе «реакции», однако это слово берется уже не в бранном смысле, а в полном объеме его значений (реакции на боль, реакции страдающего от бессердечия безликой «машинно-унифицированной» реальности, служащей золотому тельцу). Подчеркивается многообразие данных Леонтьеву характеристик. Это «русский Ницше» и «Алкивиад», «разочарованный славянофил» и «монах, яростно дубасивший своим посохом «в версту» по голове либералов», «мракобесец» и «человек пустыни, конь без узды» и т. д. Поскольку источники страданий наших современников во многом схожи с теми, на которые скорбно реагировал Леонтьев, его консервативный романтизм вызывает живой интерес.

Судьба Что «всосалось в кровь»? Данное обстоятельство обязательно учитывалось Леонтьевым при анализе судеб народов и государств. Сам он оказался вовлечен в исторические события военной, дипломатической и общественно-политической борьбы. Они не оставили равнодушным человека и гражданина Леонтьева, который был чиновником и писателем, философом и публицистом.

Константин Николаевич Леонтьев родился 13 января 1831 г. в семье обедневшего калужского помещика. В родовом имении Кудиново в 1861 г. было 70 душ. Пятый ребенок, он знал, что такое бедность. Леонтьев начал учебу в кадетском корпусе, но продолжил ее на медицинском факультете Московского уни-

верситета. Полностью завершить образование в университете помешала Крымская война, в связи с которой выпуск медицинского факультета состоялся раньше срока — 20 июня 1854 г. Леонтьев был определен батальонным лекарем в Белевский егерский полк и назначен младшим ординатором Керч-Еникальского военного госпиталя. Из армии он окончательно уволился в конце лета 1857 г., а через два года оставил врачебную практику.

Медицинское образование оказало влияние на мировоззрение Леонтьева. Он не ощущал различий между природой и историей и всецело подчинял человека и историческое бытие тем же законам, какие господствуют в мире органическом. Такой подход проявился в гипотезе развития, стремлении прояснить истоки самобытности России и показать на ее частном случае проявление общих закономерностей жизни. Глубоко занятый вопросом о цветении индивидуальности и законах ее расцвета и угасания Леонтьев стремился выявить общую основу человеческого существования не только как материального процесса, но и как религиозно-духовного бытия. Г. Фроловский считал, что в истории Леонтьев остался биологом и эстетом.

Личное участие Леонтьева в событиях, ставших неотъемлемой частью исторического «Восточного вопроса», и литературный талант оказались «вектором» его судьбы. Нерв русской истории он увидел в «византизме», основные работы посвятил анализу русской внешней политики по отношению к Турции и на Балканах. Первые литературные опыты еще 20-летнего студента К. Леонтьева в 1851 г. благословил И.С. Тургенев, который увидел в нем «замечательное» дарование.

В 1863 г. Леонтьев поступил на службу в МИД на должность секретаря консульства на Крите. Через 10 лет из-за разногласий с посланником России в Константинополе Н.П. Игнатьевым по греко-болгарскому церковному вопросу, где Леонтьев выступил на стороне греков¹, ему пришлось оставить службу. Выйдя в отставку, Леонтьев поселился в полюбившемся ему Константинополе. Там он опубликовал статьи «Пан-

¹ Суть борьбы заключалась в стремлении болгар к политической самостоятельности через создание своей независимой церковной организации, что было сопряжено с нарушением единства православного христианства на Востоке. Болгары были не правы канонически, и Леонтьев опасался церковного разрыва с греками, «в руках которых все Святые Места Востока». К этому времени он уже отошел от своих прежних воззрений об определенной приводе национальных движений. Теперь Леонтьев видел в них скрытое революционное содержание — демократизацию внутри и ассимиляцию во вне, т. е. гибель национальной культуры.

славизм и греки» и «Панславизм на Афоне». Чуть раньше, в 1871 г., Леонтьев изложил свою теорию спасения славянства в программной работе «Византизм и Славянство». Весной 1874 г. он вернулся в Москву. А в 1875 г. работа «Византизм и Славянство» была впервые напечатана в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете».

В конце 1879 г. Леонтьеву поступили два предложения. Одно от его давнего поклонника и друга Т.И. Филиппова, оно касалось места цензора в Москве, а другое от князя Н.Н. Голицына, приглашавшего Леонтьева к редактированию газеты «Варшавский дневник». Приняв второе предложение, Леонтьев поехал в Варшаву. И хотя издание просуществовало недолго, встретив неразрешимые материальные затруднения, эта работа в течение 1880 г. завершила кристаллизацию консервативного мировоззрения Леонтьева. В 1881 г. он стал цензором Московского цензурного комитета и занимал этот пост шесть лет. После выхода в отставку Леонтьев поселился в Оптиной пустыни. Некоторый опыт жизни в монастыре у него был: помимо посещения монастырей Афона, с весны 1874 г. до весны 1875 г. он был послушником Николо-Угрешского монастыря недалеко от Москвы. Пребывание в монастыре раздвинуло горизонты его духовной индивидуальности и укрепило убеждения. В 1891 г. Леонтьев принял тайный постриг под именем Климента. В августе того же 1891 г. он переезжает в Сергиев Посад, где менее чем через три месяца — 12 ноября — умирает. Его похоронили в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой лавры около храма Черниговской Божией Матери.

Творчество Леонтьева стало проявлением одного из «ликов» тех гигантов, которые щедро насыщали духовную русскую жизнь в XIX в. и которыми была так богата Россия.

Жизнь Леонтьева была полна неудач, и он прошел ее одиноко и печально. Своеобразные идеи отбрасывали Леонтьева в сторону русских реакционных кругов, но близость к ним обычно исчерпывалась политическими вопросами. В.В. Зеньковский увидел причину данных обстоятельств в самих идеях и глубокой принципиальности Леонтьева, для которого недопустимо было брать в расчет «статистику данной минуты как нечто вечное и непреложное».

Многообразие действовавших сил (политических, национальных, религиозных) стимулировало интеллектуальный и духовный поиск Леонтьева в сфере историософии и социаль-

ного анализа состояния российской государственности, ее отношений с православными и славянскими народами «Востока», под которыми в первую очередь понимались балканские народы. Все написанное по этим проблемам Леонтьевым имеет несомненную ценность для исторической науки и звучит не только актуально, но и злободневно.

**Теоретические
основания
концепции**

Леонтьев самоидентифицировал себя как охранителя и считал, что такая позиция требует особой гражданской смелости. «Охранение» достигнутого прежде цветения, спасительное замедление разрушительного движения, момент застоя в процессе развития — все это задачи необходимые, но в обществе непопулярные. Всякая исторически значимая человеческая общность, по Леонтьеву, переживает три стадии: первоначальной простоты, сложного дифференцированного цветения и, наконец, вторичной простоты, или смесительного уравнения (на все обычно уходит около 1000 лет). Поскольку Россия в царствование Александра II вступила в последний, третий, период своего развития, задачи общественного охранительства, с учетом возраста России, по мнению Леонтьева, выходят на первый план.

Леонтьев учитывал возрастающее значение теории в истории человечества в связи с ростом его самосознания. Наиболее перспективной он считал теорию культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского¹, признававшую в каждой особой культуре четыре основы: религиозную, государственную, экономическую и культурную (науку, философию, искусство). Книгу Данилевского «Россия и Европа» Леонтьев называл

¹ Николай Яковлевич Данилевский (1822—1885) — естествоиспытатель, философ, социолог. Из семьи генерала. В 1842 г. окончил Царскоевельский лицей. Магистр ботаники. Уезжался Фурие. Петрашевцев. 100 дней провел в Петропавловской крепости, был выслан из Петербурга, работал чиновником в Вологде и Самаре. С 1853 г. по поручению правительства изучал рыболовство на Волге, Каспии, Севере. Опровергал дарвинизм. В труде «Россия и Европа» доказывал, что общечеловеческой цивилизации нет и быть не может, а существуют ее различные типы. Основы цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются цивилизации другого типа. Период роста культурно-исторического типа не определен. Период же его цветения и плодоношения краток. Последний период исчерпывает раз и навсегда жизненные силы культурно-исторического типа: «Человечество» — абстракция, а народ — конкретная и существенная действительность. Значение культурно-исторических типов состоит в том, что каждый из них выражает идею человека по-своему, а эти идеи, взятые как целое, составляют всечеловеческое. Последствие одного культурно-исторического типа на весь мир означало бы деградацию. По мнению Данилевского, славянский тип еще только оформился.

«катилизисом» славянофильства в начале 1870-х гг. По его словам теория Данилевского — это «нечто вроде научной основы для избрания дальнейшего самобытного исторического пути (если возможно), или, по крайней мере, дальнейшего исторического мышления». Он многое мог простить Данилевскому «за тот умственный фундамент, который он нам дал, за тот общий очерк плана, который он нам начертил, предоставляя нам самим развивать, что можем дальше, не выступая из основных его границ!» Какое же здание, по мнению Леонтьева, можно было построить на умственном фундаменте, оставленном Данилевским?

Леонтьев был согласен с Данилевским в том, что
«Византизм» Европа разлагается и *«нужен новый культурный тип, новая государственная культура»*.

Одним из первых русских мыслителей Леонтьев увидел и оценил всю мощь идей Французской революции 1789 г. и грозившую России катастрофу. Он искал выход и думал, что нашел его в возрождении идеи византизма. «Не стройте радужных демократических надежд, не тащите идей с Запада, посмотрите на свою историю, поймите, ваша свобода — это свобода принять единственный естественный удел, каким бы убогим он не казался. Почему мы не возмущаемся, что нет свободы в природе? Не возражаем против смерти по старости?»

Понятие «византизм», одиозное со времен П.Я. Чаадаева, видевшего в нем причину отсталости России, Леонтьева не страшило. Под архаическим именем «византизма» Леонтьев понимал «религиозно-культурные корни нашей силы и нашего национального дыхания», не видя причин патриотически обижаться на сам термин. Как и А.С. Пушкин, он считал: греко-византийское достояние настолько глубоко усвоено и так органично претворено в русских национальных формах, что воистину стало «нашим русским православием и нашим русским самодержавием» со всеми самобытными отражениями православной государственности в нашей культуре. Что видел Леонтьев в формуле «византизм — есть царь плюс церковь»? Византизм воплощал у него идеал структуры, организации, иерархии и расслоения, неумолимого неравенства положений при всеобщей связанности, соподчиненности множества разнородных частей.

Леонтьев считал, что Византия дала России фундаментальные принципы, национальный характер и культурную идею. В государственной организации — самодержавие,

в религии — православное христианство, в нравственном смысле — антитезу всеобщего равенства и всеобъемлющей свободы. Византийский православный дух с его разочарованием в земной жизни отразился в пассивно-трагическом мирозерцании русского народа. «Характер трагического своеобразия — вот чем велика русская душа, и трагическое в жизни народа — все», — писал Леонтьев. Дух византизма освещает отношение русских к художественному творчеству, искусству. Русское искусство — это тоже порождение византизма. Леонтьев был убежден, что влияние византизма на Россию и Европу было разным. Если Россия усвоила его суть, так как других устоев не оказалось, и ей византизм принес монархические и религиозные всходы, то Европа испытала лишь внешнее влияние, имевшее следствием Возрождение. Для Леонтьева необходимость духовноорганизующего, дисциплинирующего начала во имя сохранения культуры и ее развития была очевидна. Он считал, что идея прогресса, естественная для западной культуры, для России, стоявшей на принципах византизма, была чужой.

Леонтьев упрекнул Данилевского в том, что, перечислив десять культурных типов (египетский, китайский, халдейский (ассиро-вавилонско-финикийский), индийский, иранский (персидский), еврейский, греческий, римский, новосемитический, или арабийский (мусульманский), и романо-германский (европейский), он «забыл Византию». Между тем первым в истории государством христианского вероисповедания была Византия.

Анализ идеи государственности и соотношения прогресса и охранительства (реакции) привел Леонтьева к мысли о том, что смена государственных форм, возможно, и полезна для вселенной, но не для длительного сохранения самих отдельно взятых государств: «Государственная форма у каждой нации, у каждого общества своя; она в главной основе неизменна до гроба исторического, но меняется быстрее или медленнее в частности от начала до конца».

Правильный выбор государственной задачи может быть основан только на знании исторических тенденций. Силу России Леонтьев видел в ее государственности и предостерегал: «Ее надо беречь». Одним из аргументов был сам факт выработанной долгой государственной выправки, привнесенной в характер нации прочным существованием «национальной популярной монархии».

Гипотеза развития

В основе своеобразной концепции развития Леонтьева была неординарно понимаемая идея прогресса. В его суждениях исследователи находят влияние Гегеля, Сен-Симона, Конта, Спенсера. Оговоримся сразу, обновление, по мнению Леонтьева, неизбежно во всем: «От движения вперед, от изменений к упадку ли они ведут или к развитию лучшего, во всяком случае устраниваться нет возможности».

Не принимая прогресса как понятия простого движения вперед, Леонтьев видел его настоящий смысл в самом движении от первобытной простоты к «цветущей сложности». Он старался снять с расхожих слов «реакция» и «прогресс», «свобода» и «деспотизм», «консерватор» и «либерал», «застой» и «движение» закрепленный за ними обществом знаковый смысл «твердых» оценок, настойчиво объяснял их относительность и односторонность. Истина всегда конкретна. В этом Леонтьев был убежден.

Выступая против трактовки прогресса, утвердившегося со времен французских энциклопедистов, и называя такой прогресс разрушительным, либеральным, эмансипирующим, процессом демократизации, он не мог его принять, так как этот прогресс вел от высшего к низшему и простейшему, был *эгалитарным*. Он все уравнивал, тем самым создавал условия для вырождения самобытной, «сложной системы отвлеченных идей (религиозных, государственных, лично-нравственных, философских и художественных), которая вырабатывается всей жизнью нации» и только и может считаться настоящей «цивилизацией, культурой».

Революция, ассимиляция, эгалитарно-либеральный прогресс, понятий «не как развитие, не как дифференцирование в единстве, а как уравнение и ассимиляция», были для Леонтьева синонимами. В этом случае Леонтьев считал возможным использовать терминологию Прудона. Еще в 1850-х гг. тот дал определение революции как общей ассимиляции (до полного однообразия) всех людей, в том числе и умственной, при всеобщем земном умеренном благоденствии, в свою очередь возведенном в ранг высшей справедливости. Леонтьев предостерегал от социального коварства «справедливого» и «разумного» «все уравнивания», культя эталонов и стандартов — буржуазного ли, коммунистического ли, ведущего к неизбежному в будущем рабству.

Работы Леонтьева «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» (начатая 1872 г., она была оставлена

на 12 лет, и продолжена в 1884 г., но так и не завершена), а также «Чем и как либерализм нам вреден» (1880) продолжили тему, поднятую Герценом в размышлениях о европейском мещанстве, и стали предтечей работы Д.С. Мережковского «Хам грядущий» (1906).

«Эгалитарно-либеральный прогресс» цивилизации неизбежно вел к революции, результатом которой становится тотальное торжество «среднего человека», уничтожение оригинальных и самобытных национальных культур, воцарение серой и однообразной стандартно-рационализированной действительности. Локомотив российской и мировой цивилизации по ощущению Леонтьева несли в никуда, к губительному разложению. На эту перспективу он давал «реакцию», противопоставляя ей «творческий консерватизм». Для Леонтьева главным был результат исторического развития, по которому опознается само явление.

Прогресс — это не непременно улучшение, а новое перерождение тягостей жизни в новые виды страданий и стеснений человеческих. Правильная вера в прогресс должна быть пессимистической, а не благодушной, ожидающей весны. В целом процесс развития мыслился им как восхождение от простейшего к сложнейшему. Приоритет отдавался постепенной индивидуализации и обособлению. Развитием считался уход от бесцветности и простоты к оригинальности и сложности; постепенное усложнение элементов сословных, увеличение богатства внутреннего и в то же время постепенное укрепление единства. Поэтому и высшая точка развития рассматривалась как высшая степень сложности, объединенная неким внутренним деспотическим единством.

Основная идея мировоззрения Леонтьева состояла в необходимости и благости неравенства, контраста, разнообразия. Для него она была идеей социологической, биологической, моральной, эстетической и религиозной. Бытие понималось как неравенство, а в равенстве виделся путь в небытие. Стремление к равенству, смешению, единообразию рассматривалось как враждебное самой жизни. Гармония, по Леонтьеву, — это единство в разнообразии, она не только не исключает борьбы и страданий, но даже требует их. Изучение этих процессов осложняется отсутствием статистики человеческого горя и благополучия.

Не отрицая необходимости некоторой степени всеобщего *сходства* (ассимиляции) «для всякой высшей степени разви-

тия (для наибольшего единства в наисильнейшем разнообразии)», Леонтьев считал, что «социальное смешение влечет за собою *психическую смуту*, неустойчивость убеждений, смешение понятий, неясность или неопределенность чувств и т. д.».

Демократическая ассимиляция, по глубокому убеждению Леонтьева, никакого иного порядка, кроме собственного, признавать не хочет, и именно этим негативно противостоит христианству, которое «издавна уживалось с весьма разнородными порядками». В православии «степень ассимиляции *достаточная*, она не чрезмерная». Опасным следствием демократизации Леонтьев считал неизбежность разрушения всех существующих особых ортодоксий, особых культур, уничтожении «всечеловечества» на земле.

Человеческая жизнь, по Леонтьеву, существует до тех пор, пока не исчезло культурно-историческое своеобразие: «В однообразии — смерть». А ее и несут космополитические революционные тенденции: «Все, что служит космополитизму, все, что служит всемирному *ускоренному движению и общению*, хотя бы самым невинным и непреднамеренным образом, — служит поэтому *всеобщему разрушению жизни* на этой земле». Определив, таким образом, тенденцию, Леонтьев искал ей социальные и культурные противовесы.

Один из таких противовесов он видел в дворянстве. «Дворянство наше, например, что оно «консервативно» или нет? Вот важный вопрос, ибо хотя дворянство как *сословие* уже почти не существует *de facto* с 1861 года; но оно в провинции продолжает играть первенствующую роль: во-первых, как «интеллигенция», а во-вторых, как крупный землевладельческий класс. Что такое это нынешнее дворянство?» — ставил в 1880 г. вопрос Леонтьев в работе «Чем и как либерализм наш вреден».

В другой статье 1891 г. «Достоевский о русском дворянстве» Леонтьев писал о дворянстве как высшем типе культурных русских людей, который уже выработал законченные формы чести и долга. «Там — хороша ли эта честь и верен ли долг — это вопрос второй; но важнее для меня именно законченность форм и хоть какой-нибудь да порядок, и уже не предписанный, а самими, наконец-то, выжитый. Боже, да у нас именно важнее всего хоть какой-нибудь да свой, наконец, порядок! В том заключалась надежда и, так сказать, отдых: хоть что-нибудь, наконец, построенное, а не вечная эта ломка, не летающие повсюду щепки, не мусор и сор, из которого вот уже двести лет все ничего не выходит».

И вторая его мысль, по словам автора, «простая и ясная до грубости, но доступная немногим», подчеркивала недопустимость «племенного национализма» в политике: «Русским в наше время надо... стремиться со страстью к самобытности духовной, умственной и бытовой». Леонтьев считал себя сторонником «культурного национализма», противопоставляя его национализму «племенному». Истинно национальное своеобразие он видел в своеобразии культурном, обособляющем «нас в быте, духе, учреждениях».

Противник панславизма, Леонтьев писал: «Нужно теперь не славянолюбие, не славянопотворство, не славяноволие, — нужно славяномыслие, славянотворчество, славяноособие... Пора образумиться». Племенному, или этническому, честолюбию, противопоставлялась четырехосновность культурно-исторического типа.

Концепция Историческое представление Леонтьева сложилось поздно, в границах его религиозного сознания. Общие принципы историософии он проверял на исторических проблемах России и Европы.

Золотой век византизма был по Леонтьеву в IV в. во времена Константина. Следующие 500 лет Запад и Восток существовали в единой культуре. В IX в. при Карле Великом романо-германская Европа обособляется и создает новую цивилизацию, лишенную внутренней связи с Византией (рыцарство, крестовые походы, феодализм). С этого времени византийская и западная культуры развиваются почти независимо, каждая по своему циклу.

В XV—XVII вв. наблюдается расцвет европейской цивилизации. В XV в. гибнет Византия. Но ее культура, отчасти в превращенном виде, сохраняется в России, переживающей период подъема. Византийские начала с XV в. укрепляются в русском самодержавии, Русской православной церкви, русских национальных нравах, привычках, модах, обычаях, вкусах, укладе жизни, архитектурно-пространственных образах, иконе и т. д. Леонтьев искал не только форму органического развития общества, но и форму его наибольшего совершенства и высшего цветения. Концепция Леонтьева защищала своеобразие путей развития каждой нации, каждой культуры.

Русское общество прошло в своем развитии (истории) три этапа:

1) до XVII в. — период первичной, эпической простоты и патриархальности;

2) XVII—XVIII вв. — период сложного цветения (или «цветущей сложности») с многообразным и гармоническим творчеством и развитием, объединенными в высшем духовном и государственном единстве; к XVIII в. западная культура уже пережила расцвет;

3) XIX в. — период вторичного смешивания и упрощения (смесительного упрощения) с последующим разложением и гибелью, вызванными уничтожением разнообразия и все уравнивательным прогрессом, появлением «среднего человека». Он ясно видел, что самодержавная Россия в конце XIX в. вступала на необратимый путь третьего этапа.

Леонтьев писал: «Какое бы развитие мы не взяли, болезни ли (органический сложный и единый процесс), или живое, цветущее тело (сложный и единый организм), мы увидим одно, что разложению и смерти второго (организма) и уничтожению первой (процесса) предшествуют явления: упрощение составных частей, уменьшение числа признаков, ослабление единства, силы и вместе с тем смешение. Вот почему постепенно понижается, мешается, сливается, а потом уже распадается и гибнет, переходя в нечто общее, не собой уже и не для себя существующее. Перед окончательной гибелью индивидуализация как частей, так и целого слабеет. Гибнущее становится и однообразнее внутренне, и ближе к окружающему миру, и сходнее с родственными, близкими ему явлениями (т. е. свободнее)».

Характеристики исторических деятелей

Леонтьев положительно оценивал деятельность Петра I, хотя благодаря ей Россия стремительно утрачивала свой византийский облик. Его оценка учитывала, во-первых, то обстоятельство, что преобразования не изменили и не могли изменить сущности. И во-вторых, именно с Петра «явилось то разнообразие, без которого нет творчества у народов»; дворянство «начало расти умом и властью, несмотря на подчинение Царизму»; а сам «деспотизм Петра был прогрессивный и аристократический».

Екатерине II была тоже дана положительная оценка. К ней Леонтьев пришел, основываясь на сравнительном анализе политики Петра I и Екатерины II. Он сделал вывод об их однотипности, так как либерализм Екатерины II имел «решительно тот же характер», что и деспотизм Петра I. Политика Екатерины «вела Россию к цвету, к творчеству и росту. Она усиливала неравенство. Вот в чем главная ее заслуга». Был и общий итог: «Русь все росла и умнела».

О руководителях крестьянских войн Леонтьев писал иначе и только в связи с принципом легитимизма, который, с его точки зрения, исповедовал русский народ. Считая, что «без великих волнений не может прожить не один великий народ», Леонтьев видел «в душах бунтующих глубоко консервативные начала». Разин потерпел поражение, когда его люди убедились в несогласии с атаманом государя. Пугачев был умнее и выдавал себя за Петра III, обманув, таким образом, народ. Успех крестьянского выступления мог держаться ровно столько, сколько держался обман. В итоге народ послушался своих царей, потому что был ответствен.

«Начало истории кладет всегда неизгладимую печать на всю дальнейшую роль народа; и черта, по-видимому, не важная, не резкая вначале, разрастаясь мало-помалу, принимает, с течением времени, все более и более грозный вид», — считал Леонтьев.

В публицистике Леонтьева центральное место принадлежит Восточному вопросу, который он называл «великой идеей». Он был для мыслителя одновременно роковым и глубоко трагическим: «От рокового роста вашего на Востоке и от влияния на славянский запад мы не спасемся». Восток — это в данном случае Османская империя и балканские народы.

Леонтьев знал Восточный вопрос не понаслышке и относился к нему эмоционально: «За настоящий Восточный вопрос стоит страдать и жертвовать жизнью и всем достоянием!» Прожив на Востоке более 10 лет, «присматриваясь ближе к делу и размышляя о нем...», он проанализировал его анатомию и выделил две составляющие: внешнюю доминанту — противостояние Западной Европе и драгоценное внутреннее ядро — проблему культурно-исторического типа славян и православного мира. Леонтьев был убежден, что западные влияния разлагают местную старину не только в России, но и на Востоке. Поэтому борьбу (духовную и кровавую) за самобытность он относил к категории «залогов истории».

Любопытная, особая, политическая судьба этой деспотической России, писал Леонтьев, «счастливая ли она или несчастная, не знаю. Интересы ее носят какой-то нравственный характер поддержки слабейшего, угнетенного». Интересы России везде более или менее совпадают с желанием слабейшего. «Сила государственная выпала в удел великороссам. Эту силу великороссы должны хранить как священный залог истории» — такова нить размышлений Леонтьева. Он считал, что «Рос-

Восточный вопрос

В публицистике Леонтьева центральное место принадлежит Восточному вопросу, который он называл «великой идеей». Он был для мыслителя одновременно роковым и глубоко

трагическим: «От рокового роста вашего на Востоке и от влияния на славянский запад мы не спасемся». Восток — это в данном случае Османская империя и балканские народы.

Леонтьев знал Восточный вопрос не понаслышке и относился к нему эмоционально: «За настоящий Восточный вопрос стоит страдать и жертвовать жизнью и всем достоянием!» Прожив на Востоке более 10 лет, «присматриваясь ближе к делу и размышляя о нем...», он проанализировал его анатомию и выделил две составляющие: внешнюю доминанту — противостояние Западной Европе и драгоценное внутреннее ядро — проблему культурно-исторического типа славян и православного мира. Леонтьев был убежден, что западные влияния разлагают местную старину не только в России, но и на Востоке. Поэтому борьбу (духовную и кровавую) за самобытность он относил к категории «залогов истории».

Любопытная, особая, политическая судьба этой деспотической России, писал Леонтьев, «счастливая ли она или несчастная, не знаю. Интересы ее носят какой-то нравственный характер поддержки слабейшего, угнетенного». Интересы России везде более или менее совпадают с желанием слабейшего. «Сила государственная выпала в удел великороссам. Эту силу великороссы должны хранить как священный залог истории» — такова нить размышлений Леонтьева. Он считал, что «Рос-

сия миролюбива вследствие широты своей, и вещественной, и духовной. Эта широта есть ее исторический *fatum*».

В Восточном вопросе перед Россией разверзлась бездна, разделявшая ее с Европой и рожденная поразившим Европу социальным вопросом. Он показал суть антиномии Запад — Восток и причины агрессивности западной цивилизации. «Весь Запад, малоземельный, промышленный, крайне торговый и пожираемый глубоко рабочим вопросом», т. е. болезнью, заразившей в конце XIX в. Россию. Конституционная и либеральная партия «во всей континентальной Европе оказалась решительно пустоголовой и годной только для перехода к анархии», считал Леонтьев. Тогда как «весь Восток, многоземельный, малопромышленный и не имеющий рабочего вопроса, по крайней мере, в том разрушительном смысле (как на Западе, латинском и германском), Восток, имеющий громкоговорителю рабочему вопросу в своей общей многоземельности». Таким образом, исходившую от Запада опасность Леонтьев видел в поразившей его глубокой социальной болезни: либерализации, пролетаризации или буржуазном развитии, которое неминуемо, в условиях западноевропейского малоземелья, вело к революции и «грубой и неверующей рабочей республике». Этими же причинами Леонтьев объяснял агрессивность экспансионистской политики западных стран. В целях самосохранения они старались разрешить проблему малоземелья за счет других стран и тем самым ослабить процессы пролетаризации у себя, предотвратить или замедлить углубление собственной социальной болезни. Так, США, по мнению Леонтьева, были некоей сточной канавой Старого Света. Он полагал, что в результате «насильственного отпадения *упрощенной заатлантической Англии*», Британия смогла замедлить процесс национально-культурного разложения: *смешавшись и упростившись* «вначале за океаном», она «тем спасла себя от внутреннего взрыва и от насильственной демократизации дома». Тот же корень имел Восточный вопрос, поэтому он приобретал для Леонтьева особый оборонительный смысл, направленный против Западной Европы — смысл политический, коммерческий, таможенный: «Не самой Турции, не султану Россия была и должна быть враждебна; она была и должна быть враждебна западным интригам, которые до сих пор так беспрепятственно разыгрывались в недрах организма Турецкой империи, — организма сложного и потрясенного развитием новых, посторонних исламу народностей».

На Востоке «оклеветанная и всепрощающая Россия» имеет, по Леонтьеву, «реальную почву действия»: у нее есть «практическое в этих странах назначение, невыразимо богатое положительным содержанием...». Главная задача состоит в противодействии, по словам Леонтьева, международному (т. е. *беспринципному*) влиянию в Царьграде, так как международное влияние — «это не что иное» как медленное вскармливание самого отвратительного радикализма». Захват Константинополя должен был стать ключевым моментом. Леонтьев считал, что в Царьграде и проливах заключается существенный и «самый жизненный интерес для России»: «Эти пункты, Царьград и Проливы, так важны во всех отношениях — в церковных, в коммерческих, в военных, политических собственно и даже в культурных (художественных, например)»...

Размышляя об историческом призвании России в славянском мире, Леонтьев пришел к выводу о том, что требуется «не соединение и слитие» славянских стран, а нужно искать комбинации на взаимовыгодной основе, «искусного тяготения на почтительном расстоянии». Свой «панславизм» он строил не на принципе национальности, а на основе вероисповедания, т. е. православия. «Нужно как можно больше единства церковного и как можно меньше — государственного». В православии и православных монастырях Леонтьев увидел точки опоры во внешней политике России на Востоке, «созданные самой историей нашей или народом, помимо всякого прямого участия наших властей». Он рассматривал православие как фактор внешней политики и одновременно стержень культурно-исторического типа: «Православие или, другими словами, культура византийской дисциплины и земного аскетизма есть единственный противовес теории всеобщего, мелкого удовольствия...» Поступить «неправославно» — значит не правильно, быть не правым.

«Нужен новый культурный тип; но славяне ли разовьют его, как надеется Данилевский?» — в этом Леонтьев не был твердо уверен. В 1884 г. он писал: «Я верил и тогда (1873), верю и теперь, что Россия, имеющая стать во главе какой-то ново-восточной государственности, должна дать миру и *новую культуру*, заменить этой новой славяно-восточной цивилизацией *отходящую* цивилизацию романо-германской Европы». «Позднее, и даже очень скоро, я понял, что все славяне, южные и западные, именно в этом, столь дорогом для меня *культурно-оригинальном смысле*, суть для нас, русских, не что иное, как

неизбежное политическое зло, ибо народы эти до сих пор в лице «интеллигенции» своей ничего, кроме самой пошлой и обыкновенной *современной буржуазии*, миру не дают». Тогда же он признал ошибкой Данилевского «доверчивое славянолюбие»: «Можно желать добра славянам, можно даже помогать им искренно, когда их кто-нибудь теснит, но считать их всегда и во всем жертвами, или невинными, или ни при каких условиях не могущими нам, русским, вредить — было бы слишком наивным...»

Демократизм и национализм, по Леонтьеву, всегда имеют антиправославный характер. Они не совместимы с русскими государственными интересами. Узкий славизм опасен для Русского царизма, поддерживающего «этнографических сирот Востока». «Россия не была и не будет чисто славянской державой. Чисто славянское содержание слишком бедно для ее всемирного духа», — подчеркивал Леонтьев.

«У России будут всегда какие-нибудь частные несогласия с западно- или юго-славянским миром». Россия «поставила себе правилом: поддерживать и защищать гражданские права христиан и вместе с тем умерять по возможности пыл их политических стремлений». «У каждого из этих государств будут свои особые интересы, в которых они могут расходиться как между собой, так в особенности с Россией» — к такому наблюдению после долгого пребывания на Балканах и в Турции Леонтьев пришел в 1873 г.

Историю отношений России с балканскими народами Леонтьев показал в динамике и с учетом исторической перспективы: «Не вина России, конечно, что обстоятельства переросли, наконец, ее средства в этом вопросе. Не вина России, что все эти народы Востока, выросшие под крылом ее, хотят уже жить по-своему, не справляясь с ее выгодами, не понимая даже иногда, чем и как они могут вредить ей». «А жить с нами, под знаменем нашего давнего, последовательного, многотрудного исторического развития, они, ничем пред историей не обязанные народности, свободные от высших исторических задач, вероятно, не захотят...»

Леонтьев проанализировал тенденции в русско-болгарских отношениях накануне создания болгарской государственности в результате русско-турецкой войны 1877—1878 гг., учитывая в качестве факторов воздействия отношения болгар с другими православными балканскими народами, прежде всего сербами и греками. Он обратил внимание на существовавшие между ними противоречия и определил точки соприкосновения. В своем

анализе Леонтьев учитывал психологические особенности народов, сложившиеся в результате их исторического роста.

На перспективу примирения болгар и греков он смотрел пессимистично и говорил о такой возможности с оговорками, лишь «постепенно и со временем», и только, если наступит «общая усталость, либо какая-нибудь великая гроза неожиданных политических катастроф». Подробные характеристики Леонтьев дал отдельным народам: «Болгары, мы знаем, вовсе не агнцы, это народ хитрый, искусный, упорный, терпеливый, народ, который заботится теперь лишь о том, чтобы выделить свою народность какими бы то ни было путями из других, более выросших соседних наций». «Болгары не станут, поверьте, стесняться и с нами, русскими...» — такой диагноз Леонтьев поставил в 1873 г. «Болгары посягают уже о сю пору и на сербское племя в старой Сербии, рассылая туда свое духовенство и своих учителей, чтоб отбить этот край не только церковно у вашего племени, но и этнографически у сербов». К концу 1860-х гг. относится наблюдение Леонтьева о том, что болгарам всего выгоднее, «как они сами иногда сознаются, быть заодно с турками».

Причины отставания в культурном развитии сербов, по сравнению с православными соседями, Леонтьев объяснял тем, что «ни один из славянских народов не раздроблен так и политически, и культурно, как сербский народ». Сербы же оказались разделены на четыре части: турецкую, австрийскую, черногорскую и белградскую. Раскол в ориентации на Запад и Восток, а также по конфессиональному признаку. «Слабые хранители древнесербского, своего!»

Исследуя систему международных отношений, в 1870-е гг. Леонтьев отметил тенденции, которые привели к мировым потрясениям уже после его смерти, а тогда только зарождались. Австрия и Германия вступали в противостояние с Россией. Леонтьев показал, что Австрия становится естественным, физиологическим врагом России, Турции и греков. Об отношениях с Германией Леонтьев заметил: «России нечего отнимать у Германии. Немцы найдут, что отнять у нас, если захотят».

Для России Леонтьев видел два возможных пути. Один вел к подчинению западной культуре и растворению в ней, тогда как другой — к сохранению самостоятельности, обособленности от Запада, но мог стать реальным только в результате сознательного выбора России и восстановления принципов ви-

зантизма. «Дисциплина *национальных нравов* для обществ», по мнению Леонтьева, «спасительнее самых привлекательных качеств общечеловеческой нравственности».

**Модель
общественного
устройства**

Леонтьев придавал большое значение понятию «историческое воспитание», рассматривал его как фактор развития и называл воспитателей и предъявляемые к ним требования.

Государство должно быть пестро, сложно, крепко, сословно и с осторожностью подвижно, вообще сурово, иногда до свирепости. Церковь должна быть независимее нынешней, смягчать государственность. Быт — поэтичен, разнообразен в национальном единстве. Законы — строже, люди — добрее (одно уравновесит другое). Науки должны развиваться в духе глубокого презрения к своей пользе. Таким был социально-политический идеал Леонтьева.

**Надежды,
пророчества
и наказания**

История, современность и будущее России виделись Леонтьеву истоком, руслом и устьем одной реки. Современность связывает с прошлым качественная связь, «и тот, кто обвиняет другого за то, что этот другой крепко держится за *современные основы*, обвиняет его в тесной связи и с прошедшим нации, государства и целой культуры», т. е. иными словами, безосновательно.

С.Н. Булгаков писал об «историческом испуге, дребезжащем мотиве страха» в творчестве Леонтьева. Однако Леонтьеву не был чужд исторический оптимизм: «Глубина нашего хозяйственного расстройств, надеюсь, приведет нас не к гибели, а к вынужденному обстоятельствами самобытному творчеству. Решение это может приобрести позднее и всемирное значение, хотя все-таки не окончательное, как желали бы многие; ибо ничего окончательного в смысле всеобщего и вечного удовлетворения на земле никогда и не будет».

Леонтьев размышлял над методикой прогнозирования будущего, которая, с его точки зрения, должна учитывать следующее: «...чтобы не ошибиться... мы должны брать в расчет не одну статистику данной минуты как нечто вечное и непреложное, но и то течение обстоятельств, те залого, на которых может зиждиться будущее».

Предрекая рождение новой культуры в XX в., Леонтьев писал, что она «будет тяжела для многих, и замесят ее люди столь близкого уже XX в. никак не на сахаре и розовой воде

равномерной свободы и гуманности, а на чем-то ином, даже страшном для непривычных».

Мотивы апокалипсиса сочетались у Леонтьева с настойчивыми поисками выхода: «...мы прошли много, сотворили духом мало и стоим у какого-то страшного предела». «Погибнет и Россия когда-нибудь... Россия может погибнуть только двояким путем, или с Востока от меча пробужденных китайцев, или путем добровольного слияния с общеевропейской республиканской федерацией. Есть и третий исход. Россия — это нечто вроде исполинской Македонии, которая, пользуясь раздорами западных народов, постепенно подчинит их всех своей *Монархической власти*».

Размышляя о средствах спасения, Леонтьев задавал себе вопрос: «Нельзя ли объединить социализм с принципом монархизма, чтобы спасти Россию от гибели?» Чтобы избежать ужасных для российской цивилизации последствий рабочей революции, Леонтьев заботился о проведении необходимых экономических и социальных реформ в интересах рабочих; был готов смириться с установлением в России социализма как общественно неизбежного явления, если только он будет представлять собой «новое корпоративное принудительное закрепощение человеческих обществ». Для обеспечения более безболезненного перехода к новому социальному строю Леонтьев предлагал союз монархии с социализмом, способный обеспечить «цветение жизни» (впрочем, сам же понимая его утопичность). «Коммунизм в своих буйных стремлениях к идеалу *неподвижного равенства* должен рядом различных сочетаний с другими началами привести постепенно... к новому юридическому неравенству, к новым привилегиям, к стеснениям личной свободы и *принудительным корпоративным группам, законами резко очерченным; вероятно, даже и к новым формам личного рабства... иначе названного*». «В идее всеобщего блага *реального нет ничего*».

Чрезвычайно важным он считал «фанатически *сберегать все старое для органического сопряжения с неизбежно новым*» и изжить вековые недостатки, об одном из которых Леонтьев сказал: «Россия до сих пор еще не научилась говорить о себе хорошо и умно...»

Об истории —
науке и знании Наша историческая наука, в оценке Леонтьева, была до последнего времени незрела и лишена самобытности. И тем не менее: «Как бы ни был самобытен полет нашей мысли и нашего воображения, но совершенно оторваться от исторических представле-

ний и от современной почвы нам невозможно...» Мыслитель подчеркивал связь между исторической наукой и общественным сознанием: «Есть в обществе, благодаря известному складу школьного обучения, благодаря известному характеру легкого чтения и т. п., привычка, не долго думая, чувствовать симпатию к иным историческим явлениям и почти отвращение к другим».

Леонтьев сыграл важную роль в истории русского самосознания. Его идейная диалектика заканчивается утверждением примата религиозно-мистического понимания человека и истории (линия Гоголя, Чаадаева, Толстого, Достоевского). В культурологической традиции: Н. Данилевский — К. Леонтьев — Освальд Шпенглер ему принадлежит видное место. Леонтьев остро ставил тему о судьбе культуры. Он многое сказал раньше Ницше и Шпенглера. Современные публицисты (Марк Фейгин. Новый мир. 1998. №3,) пишут: «Мы наследники Византийской культуры, чтобы не говорили. Каждый народ имеет право на свою культуру. Нелепо говорить, какая лучше».

Поставив вопрос о культуре и цивилизации и об отношениях России и Запада, Леонтьев обращал особое внимание на угрозу России и славянству со стороны Запада, вступившего по его классификации в третий, последний период. В этом убеждении он не был одинок. Его опасения разделяли: И.С. Аксаков, Н.Я. Данилевский, Ф.М. Достоевский, А.А. Киреев, В.И. Ламанский, Ф.И. Тютчев. Особенно близки были взгляды Леонтьева и Ивана Аксакова.

Один из предтеч евразийцев (русских эмигрантов, чье учение возникло уже после 1917 г.), Леонтьев искал спасения для России в идее о создании сверхдержавы с оригинальной культурой. Фундаментом нового культурно-государственного здания должно было стать формирование восточно-православной политической, религиозной, культурной, но ни в коем случае не административной конфедерации славянских стран. Именно эта конфедерация под гегемонией самой неславянской и в то же время самой славянской России должна была обеспечить «новое разнообразие в единстве, все славянское цветение» и в то же время стать оплотом против западного европеизма, обеспечить себе духовную независимость.

Безусловное влияние воззрения Леонтьева оказали на П.Н. Савицкого. Возрождение идей Леонтьева в совершенно новых условиях является доказательством продолжающегося спора между западниками и славянофилами об исторических путях России.

В народ Леонтьев не верил. Он проповедовал то, что позднее было названо персонализмом (Н.А. Бердяев), «борьбу за индивидуальность» (Н.К. Михайловский).

Защищая в целом взгляды Данилевского, Леонтьев полемизировал с Владимиром Соловьевым (статья «Владимир Соловьев против Н.Я. Данилевского», 1888). В свое время отец Владимира Соловьева историк С.М. Соловьев полагал, что для развития народа необходимо его соприкосновение с культурно более развитым народом. Для русского народа по С.М. Соловьеву таким «учителем» стали европейские народы, встреча с культурой которых произошла на рубеже XVII—XVIII вв. Данное представление оказало влияние на сына историка. Леонтьев не оспаривал у В.С. Соловьева саму возможность обновления теократического начала. Возражение вызывала оценка продуктивности римско-католической теократии: «Христианин нашего времени мыслит не о чем-нибудь действительно новом и небывалом, он мечтает о возвращении *вспять к частной форме*, к воссоединению Церквей, уже проживших вместе веков десять и *потом ощутивших неотразимую потребность разделения*».

Полемизируя с В.С. Соловьевым, Леонтьев подчеркивал: «Что славяне, с Россией во главе, произведут на время *некоторое отклонение* в русле всемирной уже *истосяющей* свои силы, уже стареющей истории, это довольно правдоподобно. Что в отклонении этом будет довольно много *антиевропейского*, или, точнее оказать, *антилиберального, антисовременного*, это для успеха подобного отклонения даже *необходимо*».

Последователь Данилевского, Леонтьев считал, что тот «увяз одной ногой в реформационной трясине». Сам же Леонтьев рассматривал «весь эмансипационный период» России как приобретенный горький политический опыт. «...Для будущего и самой России, и всего славянства предстоит неизбежно жестокий выбор между двумя путями: или создать в недрах своих новые формы определенной и ясной *общинности* и *сословности* (опять нечто вроде Платона), развить и утвердить над своим социальным миром нечто подобное той самой *теократии*, которую ищет и г. Соловьев (только *не непременно* в Риме, как он), или же вступить, после непродолжительной и неудачной *реакции*, на тот «пространный» путь, по которому шаг за шагом готовы вести нас наши «средние» западники в объятия интернациональной Европы», — считал он.

Лев Александрович Тихомиров (1852—1923)

В 90-е гг. XX в. произошло концептуальное возвращение Тихомирова в отечественную историографию. В нем увидели одну из важнейших фигур русского «творческого традиционализма», т. е. идейного движения, представители которого полагали возможным плодотворное развитие России на основе православно-монархических традиций русской жизни. Пишущие о Тихомирове авторы (С.М. Сергеев, М.Б. Смолин) ставят его в один ряд с А.С. Хомяковым, И.В. Киреевским, братьями К.С. и И.С. Аксаковыми, Ю.Ф. Самариним, Н.Я. Данилевским, К.Н. Леонтьевым. Писатель Василий Белов считает Льва Тихомирова светлым и глубоким российским умом, достойным большого романа и выражает уверенность в том, что, «если бы Достоевский прожил еще несколько лет, ему не удалось бы уйти от соблазна этой темы».

Лев Александрович Тихомиров — человек необычайной судьбы, масштабная и трагическая личность. Он пережил духовную драму. «1888 год был моментом, когда окончательно созрело мирозерцание, определившее всю мою последующую деятельность», — писал о себе Тихомиров. Тогда в Париже Альберт Савин на русском языке издал его работу «Почему я перестал быть революционером». Заметим, что до 1895 г., т. е. времени ее переиздания Тихомировым на страницах «Московских ведомостей», она оставалась практически неизвестной русскому читателю.

Эволюция мировоззрения Тихомирова на этом не заканчивается. В 1889—1907 гг. его взгляды получают дальнейшее развитие: все больше сфера интересов от политической борьбы смещается в область истории и методологии, а усилия концентрируются на объяснениях необходимости, — для сохранения нити самостоятельного развития, — укрепления современного общества на русских исторических основах. Последовательный анализ проявлений современного либерализма в России привел Тихомирова к выводу, что даже в этом, казалось бы, явлении нового времени, навеянном связями России и Западной Европы, слышится родная старина и исторические русские. Они «выглядывают» из-под «размытых» пластов иностранного «либерализма» и «консерватизма». Однако отбросить их, чтобы стать самими собой, «пока нет сил, нет достаточно выработанного собственного сознания». Итог размышлениям подводит

труд Тихомирова «Монархическая государственность» (1905 г.).¹ Здесь получило завершённое выражение государственно-правовое учение Тихомирова о монархическом принципе власти. О нём он начал писать в работе «Единоличная власть как принцип государственного строения» ещё в 1897 г. С тех пор Тихомиров настойчиво разрабатывал учение о русской государственности, о её сущности и условиях действия. Он первым целенаправленно исследовал феномен русского самодержавия в этой плоскости.

К 1907 г. мировоззренческая эволюция Тихомирова завершается. Он выступает как религиозный мыслитель (публикует статьи «Апокалипсическое учение о судьбах и конце мира» и «О семи апокалипсических Церквях»), знакомит заинтересованного читателя со своими историософскими наблюдениями. В 1913–1918 гг. Тихомиров продолжает углублённую разработку человеческой истории с религиозной точки зрения, изучает роль православия в истории Российской государственности, тех сил и учреждений, которые действовали в истории в условиях религиозных влияний; роль религии в культурной, общественной и политической борьбе этических типов. Эта работа получает завершение в рукописи «Религиозно-философские основы истории», изданной уже в наши дни.

**Судьба.
Обретение
православного
мировоззрения**

Сын военного врача, Тихомиров родился в 1852 г. в военном укреплении Геленджика на Кавказе. В 1870 г. он окончил керченскую Александровскую гимназию с золотой медалью. В том же году Тихомиров поступил в

Московский университет: сначала на юридический факультет, где учился его старший брат, но только затем, чтобы перевестись на медицинский. Объяснялось это тем, что требования к экзамену по латыни на медицинском факультете были более высокими, что и вызывало некоторые опасения при поступлении.

В детстве Тихомиров был очень набожен. Но вскоре все изменилось. В гимназии он зачитывался «Русским словом». С 1863 г. этот журнал вел полемику с «Современником». Любимым автором гимназиста стал Д.И. Писарев. Характеризуя свои «убеждения» в 5–7 классах как республиканские, Тихо-

¹ В дальнейшем он переиздавался в нашей стране в 1923 г. и неоднократно 1990-е гг. 28 февраля 1906 г. за «поднесённое» Николаю II сочинение «Монархическая государственность» Тихомиров был им удостоен пожалования серебряной чернильницы с изображением государственного герба.

миров вспоминал: «Я не слышал ни единого слова в защиту монархии. В истории я учил только, что времена монархии есть времена «реакции», времена республики — «эпоха прогресса». Анализируя самосознание 1860-х гг., Тихомиров сделал вывод о том, что верой у молодежи была революция. Читали Огюста Минье, Томаса Карлейля, Карла Фогта, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского. «От них разило той же писарщиной, которая пропитывала меня. Это грубое, механическое, материалистическое мирозерцание было в меня вбито накрепко, вбито разными Фогтами. Это была вера, не допускавшая никаких сомнений».

Участие в народническом движении для Тихомирова заканчивается арестом по делу «193-х». Проведя более четырех лет в Петропавловской крепости, с 1878 г. он переходит на нелегальное положение. Член «Земли и воли» (до ее распада), затем член Исполнительного комитета «Народной воли», после убийства Александра II 1 марта 1881 г. Тихомиров занял ведущее положение в организации. Он воспротивился плану убийства Александра III. Позднее Тихомиров писал о чувстве пресыщения и тяжелом впечатлении от внутреннего смысла событий. От имени народовольцев он написал обращение к царю, которое отредактировал Н.К. Михайловский.

Свое понимание террора Тихомиров изложил в работе «Начала и концы. Либералы и террористы» (1890). Терроризм, по его мнению, был партизанской войной, массовым (стадным) движением в революционном слое интеллигенции, к которому толкал коллективный инстинкт. Он даже называл этот инстинкт «проницательным» и обладавшим наибольшей результативностью (с боевой точки зрения) «употребления ничтожных революционных сил». Полемизируя в 1880-е гг. с директором департамента полиции П.Н. Дурново, считавшим терроризм ядовитой и страшной идеей, которая «создала силу из бессилия», Тихомиров говорил: «Это не мысль, не идея. Если бы террористы были поразвитее и действовали сколько-нибудь головой, они бы очень легко поняли, что терроризм нелепость, ибо они им революции все-таки не произведут. Но они действовали чувством и ни за что не хотели перестать быть революционерами». Тихомиров же это состояние преодолел.

Легенда гласит, что Александр III, соблюдая царский обычай посещать по праздникам узилища, ходил однажды по казематам Петропавловской крепости и выслушивал жалобы узников. Заключенные твердили одно и то же: «Страдаю невинно». И только один заключенный ответил кратко, но странно.

Сказал, что он преступник и заслужил большей суровости наказания. «Зачем одного преступника держать среди такого множества невиновных? — будто бы изумился император... И дал распоряжение выпустить этого заключенного из крепости на свободу. Этим узником был Лев Александрович Тихомиров. Выйдя из крепости, он уехал за границу. В. Белов высказал предположение, что он уехал не из-за административного надзора, а от стыда за свое прошлое. Царевубийца стал монархистом. Демократия для него превратилась в призрак.

Как подготовлялось перевоплощение Тихомирова? В 1878—1881 гг., несмотря на нелегальное положение, помимо революционных журналов, он сотрудничал во многих легальных изданиях: «Отечественных записках», «Деле», «Слове», «Русском богатстве». Но в своих теоретических понятиях и идеалах еще не продвинулся «ни на волос вперед»: «Те же — демократия, социализм и т. п., которые с молодости были вбиты в голову. Да и немудрено», — вспоминал Тихомиров. Из людей, оказавших на него наиболее сильное влияние в юности, кроме Д.И. Писарева, Тихомиров выделял еще Н.В. Щелгунова. Однако в конце 1870-х гг., оставаясь «теоретическим радикалом», социалистом и революционером, Тихомиров все же, «по чувству, по внутреннему запасу впечатлений», претерпевает изменения, и эти изменения идут вразрез с его теоретическими убеждениями. Похожее явление Тихомиров «часто замечал у умных радикалов после некоторого житейского опыта». К концу 1880 г. он стал чувствовать, что в народовольческом движении «нет творящей силы». Ему представлялось невероятным противоречие между здоровой, полной жизненной силы Россией и чахнувшим революционным движением. Ведь с юности Тихомиров воспринимал революционное движение как «высшее проявление роста страны». Уже 1881 г. он пережил, по его словам, с чисто формальной «верностью знамени».

Постепенно революционная мысль перестает в сознании Тихомирова ассоциироваться с «действительно передовой мыслью человечества»: «Я повсюду видел жизнь, движение, видел, что люди работают, каждый в своем духе, но бодро. Этим я был вполне доволен. Но, с другой стороны, мы, революционеры, по крайней мере, типа 1881 года — оказывались на голову разбиты, и, видимо, не имели места в русской жизни... Я верил не в нас, а в Россию, Россия же, на мой взгляд, была здорова и оживлена. Не годились только мы».

Жизнь заставила Тихомирова изменить оценку народолюбцам. Он называет их «романтиками» и узурпаторами, «которые по своей слабости прибегли к террору»: «Я не имею ни малейшего желания становиться судьей людей тех времен. Себя я за дела тех дней уже осудил и лично и публично, свою жизнь постарался изменить сообразно с этим судом. А судить умерших — не чувствую желания».

Настроения, свидетельствующие о духовном перерождении Тихомирова, лишь укрепились во время его пребывания за границей. С 1883 г. он сотрудничал с П.Л. Лавровым в «Вестнике «Народной воли». Принадлежа к другому поколению, Тихомиров отстаивал «свое нравственное право мыслить». Он упрекал Лаврова в том, что «человек думающий обязан понимать, что и другие поколения имеют право мыслить». У Лаврова, по мнению Тихомирова, оказались границы допустимого свободомыслия, которые переступать было нельзя. Он считал, что сам Лавров не пользовался большей частью того, что видел и о чем читал. Самого Тихомирова отличали вкус и уважение к факту. Данное обстоятельство помогало ему вырабатывать умственную самостоятельность. В 1884 г. Тихомиров вышел из кружка Г. Лопатина.

Запад вызвал у Тихомирова принципиальное отторжение, и пережитая им душевная драма была никак не менее глубокой, чем та, которую в свое время пережил Герцен. Актуальность для русских мыслителей темы «Россия — Западная Европа» подтверждает обращение к ней на рубеже XIX—XX вв. С.Н. Булгакова в статье «Душевная драма Герцена». Тихомиров понял, что во Франции и в Европе под парламентаризмом речь идет о расцвете «политического политиканства». Судьба народа политиков интересует далеко не в первую очередь. «Во Франции, — писал Тихомиров, — народ стал жертвой и игрушкой политиканов. Это заставило меня подвергнуть пересмотру общепринятые политические учения и затем привело к убеждению в превосходстве монархического принципа». Он не хотел, чтобы партийные распри раздирали Россию так же, как они раздирали Францию. Да и саму причину слабости Франции, которую «постоянно третирует Германия», Тихомиров увидел в партийных распрах. В противовес слабой Франции Тихомиров оценил достоинства «сильной и стабильной Российской империи, управляемой твердой рукой императора Александра III». Сравнив Францию и Россию, Тихомиров сделал вывод не в пользу демократического принципа власти.

Непосредственное знакомство с Западом послужило тем последним толчком, который заставил Тихомирова пересмотреть свое мировоззрение. Лидер революционеров стал искренним приверженцем идеи монархии. Параллельно с политическими переменами в самосознании Тихомирова шли религиозные искания, в свою очередь стимулировавшие изменения. Желание возродить в себе православного человека укрепляло решение порвать с революцией. К нему пришло осознание, что нужно иметь созидательную идею социального творчества, и без православия это просто невозможно.

Если до середины 1880-х гг. Тихомиров причислял себя к революционерам (в том числе и вспоминая об этих событиях в старости), то, описывая события, начиная с конца 1880-х гг., он уже говорит о революционерах как о чужой силе, стоящей вне общества. И сам себя ей противопоставляет: «Отныне нужно ждать всего лишь от России, русского народа, почти ничего не ожидая от революционеров... Сообразно с этим, я начал пересматривать и свою жизнь. Я должен ее устроить так, чтобы иметь возможность служить России так, как мне подсказывает мое чутье, независимо ни от каких партий. Но, видя факты и не боясь выводов, я не мог не «отступить» (от революционеров), вышел из-под власти схем и клише». Такая позиция требовала смелости.

Искренность раскаяния Тихомирова становится постоянным мотивом в его публицистике. Спустя более чем десять лет после смерти Александра III, он написал: «Когда мы теряем близкого, любимого человека, мы не думаем спрашивать: что он сделал, — мы только ощущаем, чем он был, — и для нас всего дороже, всего ощутительнее живой его образ, со всей окружавшей его нравственной атмосферой, все, что от него исходило к нам и держало в нас ту гармонию жизни, которую, с кончиной его, мы утратили. И кажется, в эту минуту — его нет — как нам жить без него? Таким-то чувством дрогнул весь народ русский, пораженный вестью, что отошел от вас царь Александр III. Душа народная слилась с его душой и, утратив его, сама растерялась. Чувство это живо и поныне» («Памяти государя императора Александра Александровича», 1907). С 1896 г. Тихомиров был действительным членом Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III.

Тихомиров был недоволен теми возможностями, которые существовали в России для реализации его интеллектуально-го потенциала: «Моя писательская судьба будет служить упреком современной России: не умела она мною пользоваться. Ослиное общество во всяком случае».

Александр III в ответ на прошение Тихомирова даровал ему помилование всего два месяца спустя после выхода в свет брошюры «Почему я перестал быть революционером». Однако с приходом к власти Николая II ведущий теоретик монархического принципа власти был вновь лишен гражданских прав. Он не мог быть редактором газеты или журнала, избирать и быть избранным в представительные органы. «Император Александр III повелел предать забвению мои политические грехи. Но Николай II вспомнил их, и его закон объявил, что ни высочайшие министры, ни поведение не восстанавливают этих прав, хотя я раньше имел их... Господи, что за несчастный царь. Меня просто до боли огорчает, что он только делает. Сам лишает себя самодержавия и в то же время издает законы с обратным действием... За что он меня уничтожил. Ну, сам себя уничтожает — его воля. А меня то? За что? Просто руками разводишь. И он хочет перестроить всю Россию, замыслил «великое дело» — так записал Тихомиров в «Дневнике» 6 января 1906 г. Власть проявила интерес к Тихомирову как теоретику монархизма дважды: в лице П.Н. Дурново в период его управления МВД (1905—апрель 1906 г.) и в лице П.А. Столыпина в 1906—1910 гг. Тихомиров был его советником по рабочему вопросу. Тихомирова пожаловали чином статского советника и назначили членом Совета министра внутренних дел, наградили золотой табакеркой. В 1907—1908 гг. он был членом Предсоборного Совещания.

Интерес к истории сопровождал Тихомирова всю жизнь, но он часто не имел возможности реализовать его в полной мере. Еще в годы революционной молодости он долго работал, вплоть до самого ареста в 1873 г., над «Историей Пугачева», так и не успев ее окончить: «Окончена она была, кажется, Кропоткинским». Не мог Тихомиров публиковать исторические статьи и работая в «Московских ведомостях». В них едва справлялись с обилием политического материала: «Наша газета — центр такого большого круга живых деятелей, что их постоянно затрудняешься поместить. Для исторического материала совсем нет места», — жаловался он В.В. Розанову в 1910 г. Тихомиров мечтал о собственном историческом журнале, но на это у него не было средств: «Только если бы имел — то издавал бы на немецком языке, а то, пожалуй, на японском. Нашему дикарю это не в коня корм».

В журнале «Русское обозрение» с конца 1892 г. до начала 1898 г. Тихомиров вел с перерывами отдел «Летопись печати», где поместил более 100 заметок, рецензий, обзоров и статей.

Издателем этого журнала был А.А. Александров, почитатель К.Н. Леонтьева. Сотрудничество с ним содействовало кристаллизации идей Тихомирова в 1890-е гг. К последним двум годам жизни К.Н. Леонтьева относится его знакомство с Л.А. Тихомировым, ставшее символичным. «Мы встретились, — вспоминал Тихомиров, — как люди умственно равноправные, и то, что оказалось у нас сходным и родственным, — было каждым выработано самостоятельно и различными путями». Узнав о кончине Леонтьева, Тихомиров записал: «У меня не умирало человека так близкого мне не внешне, а по моей привязанности к нему». Вместе с тем Тихомиров отдавал себе отчет в том, что с Леонтьевым они «приходили именно только к «почти» тому же. Разница все же была и осталась». Тихомиров умер в 1923 г. в Сергиевом Посаде, там же, где и Леонтьев.

**Теоретические
основания
концепции**

Общественную жизнь Тихомиров определил как жизнь кооперативную. В кооперации он увидел закон общественной и биологической взаимосвязи, «закон развивающейся жизни и закон существования», выделив кооперацию биологическую и кооперацию социальную.

Размышления над закономерностями истории привели Тихомирова к выводу о том, что говорить о самом существовании закона можно «только в отношении объекта, обладающего некоторыми основными неизменными свойствами». Таким объектом научного наблюдения может быть психологический мир человечества, который поддается «точному» научному анализу в силу присущих менталитету консервативных свойств: «Наука только и возможна потому, что вся сколько-нибудь точная история, все древнейшие предания, все обрывки древнейшей поэзии, — рисуют нам то же самое человечество, какое мы наблюдаем теперь». Он называл психологический фактор в истории и социологии «основным фактом общественности», а психологические основания общественности — внутренним нервом истории.

Тихомиров определил психологический мир человека как явление, имсющее внутренние законы и в силу этого обладающее способностью «к эволюции своих форм на их вечно неизменных основах». Он писал об эволюции форм, но никак не сущности: «Последняя всегда неизменна, так как в случае изменения «она просто перестает быть».

Психологические состояния не исключают опосредованных внешних и материальных влияний. Последние отражаются

и перерабатываются «в нашей душе, в нашей внутренней сфере чувства, желания и представлений». Анализируя внешние психологические воздействия на сознание человека, т.е. воздействие чужой воли и чужих целей на нашу жизнь, Тихомиров писал: «Все внешние влияния падают не на пустое место...» Он подчеркивал, что «наша душа обладает самостоятельным и постоянным содержанием».

В законах нашего духа, говорил Тихомиров, мы замечаем коренное несходство с законами физического мира. Его беспокоили попытки упрощения исторических событий и самого человека. Задачу историков он видел в том, чтобы «улавливать безмерную сложность исторических событий». «...Для меня, — писал Тихомиров, — общество, как некоторый процесс органический, создающий нечто целое, все усложняющееся в своей организованности, — это не есть идеал, а просто факт», — коренной социологический факт. Предметом исторического анализа становится нарастающая социальная ткань общества. В качестве общей задачи науки Тихомиров ставил анализ психологической почвы социальных явлений. Характеризуя историографическую ситуацию, он заметил непропорциональность внимания к отдельным проблемам. Так, «внечеловеческие» факторы, влияющие на природу, оказались лучше изучены «в сфере чисто материальной» и признаются исследователями естественными. Тихомиров не отрицал, что природа создает определенные рамки для жизни и деятельности («их не преjdeши?»), но он не соглашался с игнорированием действия Божественной силы в истории теми историками, которые сами признавали существование духовных сил и существование Божества. Он писал об их непоследовательности. Привнесение религиозной идеи к задачам познания свидетельствовало об осознании Тихомировым необходимости религиозно-философского исследования. Он считал, что религиозная идея, искание откровения, необходимо для философии истории.

Концепция Тихомирова имеет ярко выраженную религиозно-социальную направленность. В ней показан потенциал справедливости и учета народных интересов христианством. Борьба с христианством, по мнению Тихомирова, составляет нерв истории. С древнейших времен мысль о свыше исходящих целях жизни охватывает человека с непреодолимой силой: «Для большей части у нас раньше или позже наступает черед увидеть перед собой вопросы о высших целях бытия и нашей личной жизни». Тихомиров писал об упорстве человечества, его устремленности к познанию к вопросу о целях жизни,

о целях истории, для которой люди получили именно данную, а не какую иную природу и способности. Что показывает исторический опыт? На этот вопрос Тихомиров отвечал следующим образом: «Это искание смысла жизни личной и мировой есть то же самое, что искание Бога».

Тихомиров внимательно рассматривал значение христианства для нравственного воспитания человека и народов. Он оценивал его как этический элемент в истории: учитывал его присутствие, наличие или отсутствие в конкретных условиях. Положительным свойством христианства является отсутствие эзотеризма, т. е. двойной доктрины (как, например, в масонстве — для «профанов» и посвященных). Поэтому христианству присуща нравственная высота, сила, справедливость, демократизм и универсальность, иными словами, способность предложить человеческому обществу прочные, пригодные для его существования основы. Тихомиров обратил внимание на важное значение чувств в истории: «Психологический вклад зла, вложенный в душу человека»... «почти неустраним». Чувства, прививаемые людям в длинном ряде поколений практикой, долго сохраняются и отнюдь не всегда в ней преобладают добрые чувства.

Нравственное воздействие христианства и его положение в мире давало Тихомирову критерий для определения состояния исторических линий: развития или деградации. Понятия: «критерий духовной жизни», «состояние религиозного сознания» для Тихомирова являлись ключевыми. С этих позиций он оценивал духовное и нравственное амплуа в истории духовных пастырей.

Тихомиров проанализировал рецидивы языческого сознания, его причины и разнообразные формы проявления. Он обратил внимание, что эта борьба с христианством происходит «в нисходящих поколениях». К языческим божествам XX в., со всеми сопутствующими им атрибутами, и в первую очередь жертвоприношением, Тихомиров относил революцию. Проанализировав психологию террора с религиозных позиций, он пришел к выводу, что сам по себе нормальный человек никогда не совершил бы большинства гнусностей. Однако если злодейства совершаются во имя божества, для служения ему, чтобы быть с ним в общении, угрызения совести исчезают. Чем меньше страна хочет революции, тем натуральнее должны прийти к террору революционеры. «Терроризм исчезнет у нас тогда, когда исчезнет мысль действовать революционным путем». «Ре-

волюционеры, — писал Тихомиров, — совершенно искренне убеждены, будто бы они идут в первых рядах исторического прогресса. По их понятиям, развитие человека приближает его к ним, отдаление же от них есть понижение».

Религиозный подход к истории и детальный анализ мировых религий, и прежде всего христианства и иудаизма, дал Тихомирову возможность показать личное неприятие национализма и определить приоритет общечеловеческих ценностей как показатель развития. Тихомиров проанализировал различные состояния национально-патриотического чувства и механизмы национального самосохранения в кризисные эпохи. Он выделил конкретные факторы, которые воздействовали на напряжение национального чувства (такие, как потеря государственных атрибутов народом и др.). Тихомиров говорит о том, что черты, которые явились у народа уже после нескольких тысяч лет воспитания, даны ему законом и историческими судьбами. Он предложил методику исследования религиозных основ не только национальных, но и политических движений, в частности масонства.

Идея преемственности поколений и их объединение в судьбе Отечества подсказала Тихомирову своеобразный исторический подход к анализу современности и прогнозированию будущего. «Судьбой народа руководят в гораздо большей степени умершие поколения, чем живущие. Ими заложено основание. Столетие за столетием они творили идеи и чувства, то есть побудительные причины для нашего поведения», — это высказывание Г. Лебона неслучайно привлекло внимание Л.А. Тихомирова: «...задачи науки не связаны с судьбами, жизнью и смертью России».

Тихомиров отвечал на вопрос «Что изучать историку?» следующим образом: «Звание этих целей мировой жизни, не нами поставленных, но в рамках которых нам приходится устанавливать наши собственные цели, составляет, очевидно, вопрос жгучий и насущный». «Нужно возможно скорее и шире развить цивилизацию и науку, особенно же изучение своей страны и народа».

Три принципа власти

В основу своей концепции русской истории Тихомиров положил историю государственного строительства. Он сосредоточил внимание на анализе его предпосылок и внутренних механизмов. Идея государства, по Тихомирову, вытекает из глубины человеческого сознания. Поэтому он считал, что госу-

дарственные принципы всякого народа тесно связаны с его национальным самосознанием и представлениями о целях существования.

Человечество выработало три принципа власти: монархический, аристократический и демократический. В зависимости от понимания нацией общечеловеческого принципа справедливости верховная власть предлагает ей тот или иной принцип. Демократия и аристократия основаны на силе: первая — на количественной, а вторая — на качественной. Монархия же отличается от них принципиально. Ее основной чертой является непереносимость для ее реализации нравственного выбора. Тихомиров охарактеризовал принципы власти следующим образом. Демократию — как силу материальную, физическую и количественную. Она может быть жестокой и нелепой. Однако когда демократия является реальностью, людям кажется, что выше ее «правды» нет.

Аристократия — это сила качественная. Она становится узнаваемой, когда люди замечают, что первая, количественная сила (т.е. демократия) на самом деле высшей силой не является, а сама зависит от другой силы — качественной, которая собственно и дает преобладание одному человеку над толпой. С такого осознания люди ищут «Высшей правды» в других качественных, героических силах, ждут этой правды от них.

И наконец, со временем приходит монархия. Это происходит тогда, когда люди находят «нечто» более глубокое, некоторый нравственный закон. Они чувствуют на себе его силу. Только когда люди признают высшей реальностью этот нравственный закон, и в твердой надежде на него решаются подчинить ему количественную и качественную силу своего общества, рождается монархия. Если «в нации жив и силен некоторый всеобъемлющий идеал нравственности, всех во всем приводящий к готовности добровольного себе подчинения», — писал Тихомиров, — то появляется монархия, ибо при этом для верховного господства нравственного идеала не требуется действие силы физической (демократической), не требуется искание и истолкование этого идеала (аристократия), а нужно только наилучшее постоянное выражение его, к чему способнее всего отдельная личность как существо нравственно разумное, и эта личность должна быть поставлена в полную независимость от всяких внешних влияний, способных нарушить равновесие ее суждения с чисто идеальной точки зрения».

В идеале монархия для развития и поддержания своего существования и действия, по мнению Тихомирова, должна опираться на силы, именно ей свойственные. А для монархии нужна могущественная организация управления, высокая технически, соединяющая единство действия с совершенством специальных властей. Монархии приходится заботиться о своей способности быть выразительницей «высшего нравственного идеала», больше всего заботиться о поддержании и развитии условий, необходимых для сохранения в народе высших идеальных стремлений. К числу забот относится создание таких условий, которые облегчают возможность «чувять и наблюдать душу народную» монарху, с тем чтобы быть с нею всегда в единении.

Тихомиров подчеркивал, что выбор формы верховной власти тесно связан с национальными особенностями конкретного государства, народа и обусловлен религиозными воззрениями, а также традиционными нравственными и бытовыми национальными особенностями. Именно религиозно-нравственный идеал дает исходные пункты высшей справедливости нации. Для русского народа таким идеалом была жизнь «по Правде» (с этой идеей Ф.М. Достоевского Тихомиров был согласен). «Человеческие представления о правде и справедливости народятся в тонкой внутренней связи с верованиями и представлениями религиозными. Но наряду с этим фондом верований, в выработке понятий о справедливости, правде и праве играют огромную роль условия исторической национальной жизни, отношения межплеменные, социальные и бытовые, которые — даже при всем влиянии верований — никогда не определяются исключительно ими, а имеют свою причину также влияния и соображения чисто житейские, практические, соображения о возможности или невозможности, удобстве или неудобстве, пользе или вреде.

Весь этот громадный слой влияний и условий чисто политических, социальных, экономических также играет могущественную роль в определении формы и характера верховной власти, а в частности, отражается и на монархии», — писал Тихомиров.

Взаимные отношения и взаимовлияния трех принципов верховной власти бывают сложными. Нередко в монархическом способе правления проявляются признаки аристократической формы власти, а признаки демократической верховной власти заметны в аристократическом правлении или

наоборот. Поэтому Тихомиров и не связывает способы верховной власти с понятием «исторического прогресса». «Необходимо признать все эти три формы власти особыми, самостоятельными типами власти, которые не возникают один из другого... Это совершенно особые типы власти, имеющие различный смысл и содержание. Переходить эволюционно один в другой они никак не могут, но сменять друг друга по господству могут... Смену форм верховной власти можно рассматривать как результат эволюции национальной жизни, но не как эволюцию власти самой по себе... Сами по себе основные формы власти ни в каком эволюционном отношении между собою не находятся. Ни один из них не может быть назван ни первым, ни вторым, ни последним фазисом эволюции. Ни один из них, с этой точки зрения, не может быть считаем ни высшим, ни низшим, ни первичным, ни заключительным...» Смена аристократического способа верховной власти демократическим в конкретной истории не всегда становилась благом для государства. Тихомиров допускал в историческом процессе смену демократического способа верховной власти аристократическим или монархическим способом и говорил, что пресловутое «колесо истории» при такой смене отнюдь не застопорится.

Мыслитель был убежден: нельзя рассуждать о том, что для человечества лучше: монархия, аристократический способ верховной власти или демократический (т. е. народный). Эти способы отнюдь не друг из друга вытекают, как трактует формационная теория марксизма, основанная на борьбе классов. Они живут в каждом государстве, они независимы. И хотя симпатии Тихомирова были на стороне монархического принципа, он признавал и демократический, и аристократический выбор как реальность и обращал внимание на сочетание разных принципов в рамках единого доминирующего в конкретных исторических условиях. Любое государство, по Тихомирову, независимо от времени или местонахождения, характеризуется по одному из трех главных принципов власти.

Не замыкаясь в анализе видов государственности на монархическом принципе, он разделял понятия «верховной власти» и «способа управления», под которым подразумевал правительство. Тихомиров предупреждал о возможности вырождения монархии и несовместимости подлинной монархии с абсолютизмом.

Выбор России «У всякого народа, — писал Тихомиров, — как и у отдельного человека, есть своя история, своя сеть событий и действий, в которых стремится воплотить себя душа народная. В исторической науке пытливым умом, критически исследуя факты, действия и характеры, желает определить точную достоверность их и уловить взаимную их связь и внутреннее значение в судьбах общественной и государственной жизни народа».

Тихомиров видел в России страну с великим прошлым. Что, с его точки зрения, было результатом исторической работы христианства и исторической работы русского народа? Почему Русское государство выбрало монархический принцип? Ответы на данные вопросы, занимающие краеугольное значение в концепции Тихомирова, дают основание для ответов на другие историографические вопросы. Почему Тихомиров считал для русского народа более полезным монархический принцип власти? Какое содержание он вкладывал в понятие «самодержавие» и почему противопоставлял его абсолютизму?

Древней Руси идея монархии далась, по Тихомирову, сравнительно легко. И власть, и народ проявили не только способность, но и готовность к ее восприятию. Порог восприятия был подготовлен во внешних, враждебных по отношению к Руси, действиях. «Россия представляет страну с особо благоприятными условиями для выработки монархической верховной власти», — писал Тихомиров. В каких же обстоятельствах происходило рождение русской монархии? Русская монархия окончательно сложилась в условиях борьбы с восточными (татаро-монгольскими) и западными (польскими аристократическими) влияниями. Важнейшее значение обрела национальная борьба за существование. Тихомиров в качестве системообразующих признаков назвал следующие. С древнейших времен Русь обладала определенной национальностью. Личность князя, которому была передана родом власть, в юридическом сознании народа была неприкосновенна. По условиям нашего социального строя государственная власть явилась сразу династичною. Те результаты, которые для Византии стали итоговым результатом ее существования, Руси дались «без труда, без раздумывания, по простой, привычной аналогии».

Родовое княжение внесло свою лепту в сложение антипатичного ему самодержавия, установив идею династичности, «столь трудно прививаемую к народному сознанию». Прочно заложенная «идея династичности высшей власти», преобразованная

социальными влияниями в «династичность семейную» и определила свойства русской монархии. На ранних этапах право престолонаследия по нисходящей линии совпадало с правом назначать себе преемника из этой линии.

Единство в идеалах верховной власти и нации, особенно в условиях борьбы с татаро-монгольским игом и борьбы за национальное единение являлось условием освобождения. Христианская идея подчинения подданных одновременно определяли широту власти и одновременно ее пределы, прежде всего религиозные.

Царская власть не представляет власти народной, так как она не есть избранная, а является нечто более высоким, осуществляется «по Божьему повелению». Царь, помазанник Божий, несет свой крест. Царская власть поощряет добрых и карает злых. В этом проявляется непременно присущий власти этический компонент. Для выполнения столь важных задач власть должна быть единой и не ограниченной ничем, кроме религии. Ее ограничение вредит государственному строению.

Надежда на царя живет в народе. В ней черпается убеждение в том, что положить предел хищничеству способно лишь самодержавие: «Без царя — земля вдова». Царь ответственен перед Богом, но не перед подданными.

Общая совокупность религиозных, социально-бытовых и внешнеполитических условий дала решительную победу Царской идее и эта же совокупность предопределила слабость политической сознательности подданных. Тихомиров был согласен с К.Н. Леонтьевым в том, что примером для Руси стала Византия. Однако Тихомиров подчеркивал не только положительное значение фактора идеализации Византии в нашей стране. Византийская наследственность проявлялась по-разному. Гораздо труднее давалась Руси идея государственного единения, столь ясная для Византии.

Генетическое проявление основных черт русской монархии наблюдалось неоднократно. Тихомиров писал: «Ничто не могло разлучить народ с идеей, вытекающей из его мирозерцания».

История России

Рост русской нации и царской власти, по Тихомирову, — это две составные единого процесса. «Царская власть развивалась вместе с Россией, вместе с Россией решала спор между аристократией и демократией, между православием и инославием, вместе с Россией была унижена татарским игом, вместе с Россией была раздроблена уделами, вместе с Россией объединяла старину,

достигла национальной независимости, а затем начала покорять и чужеземные царства, вместе с Россией осознала, что Москва — Третий Рим, последнее и окончательное всемирное государство. Царская власть — это как бы воплощенная душа нации, отдавшая свои судьбы Божьей воле. Царь заведует настоящим, исходя из прошлого и имея в виду будущее нации».

Идея единодержавия созревала в ее конкретных представителях. «Мономахово племя у нас начинает затмевать всех Рюриковичей и в народном сознании получает какое-то особое право на великое княжение и окружается особым почтением». В XIII в. история русской государственности была историей Мономаховичей.

С 1157 г. Андрей Боголюбский начал «круто сосредотачивать власть Суздальскую в своих руках». В 1169 г. после двухдневного разграбления Киева он перенес столицу во Владимир. Всеволод Великий (Большое Гнездо) даровал старшему сыну наследство большей силы и тем самым поддержал принцип династического наследования. Усобица при Василии Темном укрепила власть наследственных великих князей. Иван Калита в качестве меры предосторожности держал влиятельных старших родственников по тюрьмам. Преемственность самосознания монархической власти Тихомиров прослеживал от Владимира Мономаха, через князей Суздальских, Андрея Боголюбского, Александра Невского и князя Даниила с родом Калиты. Характерной считал особенность причисления к лику святых Андрея Боголюбского, и Александра Невского, и Даниила Московского церковью и народным сознанием.

В основу концепции Тихомиров положил смысловую периодизацию. Он выделял три периода в истории русской государственности. Первым периодом считал время формирования русской монархии: от рождения государственной монархической идеи в Суздале, владимиристо-суздальских князей до Ивана Грозного. Второй — Московский период — видел в самодержавии от Ивана Грозного до Петра Великого. И третий — Петербургский период — абсолютизм, определял как господство бюрократии от Петра Великого до Николая II. По Тихомирову, самодержавие и абсолютизм — понятия, взаимоисключающие друг друга. В их трактовке в 1890-е гг. собственно и прошла линия его размежевания с отечественной интеллигенцией, причем не только революционной, но и либеральной. Если оценка абсолютизма была негативной для всех, то само понимание понятия было разным. Тихомиров увидел в абсолютизме силу, убивающую самодержавие.

вие и угрожающую ему перерождением. Абсолютизм не оставлял места для свободы. Так, если с утверждением монархии в качестве верховной власти аристократия и демократия все же получали широкое место в системе «управительной» власти, то при абсолютизме возможности местного самоуправления вообще сходят на нет, ибо абсолютизм вводила враждебная свобода бюрократия. Тихомиров противопоставлял монархии бюрократию. Наличие тенденций к абсолютизму, не говоря уже о его сложившейся системе, являлось для Тихомирова важнейшим критерием в оценке состояния государственного строя России. По его мнению, деградация русской монархии начинается при Петре Великом. Тогда происходит «смешивание самодержавия с абсолютизмом», что ведет к опаснейшему кризису и создает «новый момент самодержавного водительства». Абсолютистское построение правительственного механизма, начатое Петром, завершается при Александре I. Переход монархической власти в состояние бюрократического правления — это не просто болезнь, а по определению Тихомирова — это образец страшного зла.

Появление при Петре опасных для будущего страны тенденций дало основание Тихомирову характеризовать его время как «регресс» по сравнению с московской монархией, прежде всего в отношении состояния монархического сознания. «Влияния религиозные и социальные можно назвать органическими, наиболее глубокими и основными. Помимо их, существуют, однако, еще очень сильные влияния государственной практической жизни, т. е. влияния внешней и внутренней политики». Если первые влияния преобладали, по мнению Тихомирова, в Московской монархии, то вторые — в период петербургского абсолютизма.

Монархический принцип развивался у нас, по Тихомирову, до тех пор, пока народный нравственно-религиозный идеал, не достигая сознательности, был фактически жив и крепок в душе народа. «Когда же европейское просвещение поставило у нас всю нашу жизнь на суд и оценку сознания, то ни православие, ни народность не могли дать ясного ответа на то, что мы такое, и выше мы или ниже других, должны ли, стало быть, развивать свою правду или брать ее у людей в виду того, что настоящая правда находится не у вас, а у них? Пока перед Россией стоял и пока стоит этот вопрос, монархическое начало не могло развиваться, ибо оно есть вывод из вопроса о правде и идеале».

Период Ивана Грозного Тихомиров характеризовал как напряженный и полный внутренних противоречий. Он называл опричнину революцией на том основании, что Иван IV осуществил слом княжеско-боярской аристократии, а сама опричнина вызвала страшное социальное расстройство. В ней выявилась неспособность народа (демократии) согласовывать свои местные интересы с общегосударственными. Этим искусством обладала аристократия, которую «подорвал» Грозный. Таким образом, «земская Россия не умела вести дел государевых», что Тихомиров считал недостатком, повлекшим в будущем победу абсолютизма.

Тихомиров различал самодержавие как принцип и как учреждение (государственное «строение»). «Обычная ошибка — устремление всего внимания на развитие безусловности власти и организацию правительственного механизма в таком направлении, чтоб эта централизованная правительственная машина могла взять на себя исполнение всех жизненных функций нации. Между тем эта идея правительственного всевластия есть именно глубоко демократическая, и увлечение ею монархическими правительствами более всего подготовило почву для социальной демократии».

В рамках Петербургского периода абсолютизма и бюрократии Тихомиров выделяет новый период в русской истории, начиная его с 1861 г. Этот период он считает «самым важным, самым решительным, самым критическим, какой только был в истории России». Он характеризует его как бюрократический период монархического правления.

В этих условиях на государственность обрушилась интеллигенция. Саму же государственность ослабляла и подтачивала бюрократия. Роковым обстоятельством для русского типа государственности стало упразднение социально-исторической роли дворянства, после которого около верховной власти остались только ее бюрократические служебные органы. Произошло окончательное разъединение царя и народа.

С 1840-х гг. монархическая идея прояснялась общественному сознанию в долгом историческом споре славянофилов и западников. Л.А. Тихомиров перевел исследование в плоскость изучения явления власти и психологических основ власти. Одновременно он поставил и более узкую задачу — анализа такого явления, как власть, т. е. власти как основного фактора политики. «Изо всех областей социального творчества, государственность есть в наибольшей степени область сознательности,

она создается в наибольшей степени действием преднамеренности и рассуждения человека. Поэтому на государственное строение, как в хорошем, так и в дурном смысле, имеет огромное влияние все, что относится к области разума: состояние наших знаний, логическая развитость, способность критической оценки и т. д.

Для государственности народа огромное значение представляет глубина и характер развития образованного класса, степень его образования, степень развития и самостоятельность науки данной страны. Тихомиров охарактеризовал образованный класс, к которому причислял дворянство, бюрократию, интеллигенцию и оценил их роль в истории России.

**Интеллигенция —
принципиальный
враг власти**

Тихомиров выделил в отечественной интеллигенции два течения: национальную и космополитическую, старую и новую. В национальной интеллигенции он видел прямых преемников 200-летней культурной работы России. К их числу он относил Ф. Достоевского, Н. Данилевского, Л. Толстого, И. Аксакова, М. Каткова, отца и сына Соловьевых, М. Салтыкова (Щедрина) и других деятелей, которые «раскрывали разные стороны содержания русского духа и более или менее формулировали плоды русского самосознания».

Анализируя космополитическую интеллигенцию как историческое явление, Тихомиров выделил целый ряд новых для науки «социальных фактов». Во-первых, ее «общеευропейские» приоритеты и их видение в «европейском», «общекультурном», и притом в тех «крайних побегах, которые и в Европе отрицали все «старое, органическое». «Наша новая революционная интеллигенция, поэтому связала себя традиционно с прежним западничеством направлением, с которым, в действительности, имела немного общего. Со страстью вспыхнула в ней старая наша подражательность, от которой стали было излечиваться культурные слои дворянской образованной России».

Новая интеллигенция после 1861г. приобретает две главные черты: нигилизм и резкий революционный характер. «В эту область хлынуло множество не русских элементов, все более увеличивающихся в составе «интеллигенции». Среди них особенно должны быть отмечены евреи, которых прежде почти не знала Россия в среде своих высших, правящих классов. В новый период они стали быстро захватывать самую влиятельную роль во всех областях умственного труда и либеральных профессий.

Сам по себе прилив чужих элементов хорошо знаком России, но прежде русские сохраняли достаточно силы для того, чтобы русифицировать приходящие извне элементы. В новой России пришлые «интеллигенты» брали уже верх над коренными. Разночинская интеллигенция была внутренне слишком слаба как культурная сила и по своему сбродному сложению легче всего сплывалась на отрицании». Каждый отбрасывал свое органическое прошлое.

«Этот отрицательный, космополитический, внеорганический, а потому революционный дух — тяжело налег на новую Россию». И именно «кипение интеллигентной революционности» не позволило отечественной интеллигенции подвести какой-нибудь общенациональный итог, на это не хватило сил, ушедших в нигилизм и революционность. Тихомиров писал: «...при устройстве России, освобожденной от крепостного строя, созидаящая власть встретила перед собою заготовленный прошлым, но только тут выросший во всю силу, огромный слой революционной интеллигенции, которая страшно затруднила национальные задачи. Эта интеллигенция не только в своих крайних проявлениях, но и в умеренных, так называемых либеральных, отрицала не частности строения, а самую строящую силу, требовала от нее не тех или иных мер, а того, чтобы она устранила самую себя, отдала Россию им. Но на такой почве возможна только борьба, полное торжество победителя, полное уничтожение побежденного». «Иногда в народах возникает самый жгучий практический интерес, который всех объединяет, всех связывает общим, всех охватывающим желанием... В этих случаях перед жгучестью потребности или желания ступешевываются все идеалы, и данный интерес имеет вид национального идеала. Но этого временного идеала не должно смешивать с тем, который живет в глубинах народной психологии».

**Дворяне
и крепостные**

Характеризуя дворянство, Тихомиров иначе расставил акценты, чем историки-народники, в частности В.И. Семевский. Подойдя к дворянству комплексно, он выделил в нем три части. Лучшую, чьи имена связаны с подвигом дворянства (декабристов и А.С. Пушкина «Увижу ль я народ неугнетенный и рабство, павшее по манию царя»). Среднее, обычное дворянство тоже не было лишено потребности создавать школы. В высшие слои просвещения дворянство выдвинуло не мало бывших крепостных. В качестве примера Тихомиров назвал

Т.Г. Шевченко. И наконец, худшее дворянство, допуславшее злоупотребления. В отношении последней категории государство использовало механизм наложения опеки. Тихомиров привел статистику опеки по суду за 1836 — 1848 г. В 1838 г. опека была наложена на 140 имений, в 1840 г. — на 159. Тихомиров обратил внимание на психологическое состояние народной массы, т. е. той социальной почвы, на которой укрепилось крепостное право. «Личность ценилась не высоко». «Не возмущались насилием и бесправием». Эти условия облегчали процесс закрепощения крестьян.

Для оценки роли дворянства в русском историческом процессе, Тихомиров искал ответ на вопрос: «Насколько все-народная просветительная роль действительно лежала в самой идее дворянства?» И обращал внимание на конкретные обстоятельства. Так, при основании Московского университета прямо предвиделась возможность, что дворяне будут отдавать в этот храм науки и своих крепостных, сопровождая это их освобождением.

**Роль личности
в истории**

«Человек делает историю; но столь же верно и еще более значительно, что история образует человека. Человек может узнать и объяснить себя не иначе как всею своею историей. Дух человеческий, с первой минуты бытия, неудержимо, непрерывно стремится всякую свою способность, всякую мысль, всякое ощущение выразить, воплотить в действии, — и вся эта энциклопедия событий и действий составляет жизнь человеческую». Развивая эту мысль, Тихомиров писал: «В этом смысле жизнь, составляя сцепление событий, связанных между собой логической связью причины и действия, в то же время есть таинство души: есть события в жизни, которые роковым, таинственным образом действуют на чуткую душу, определяя стремления, волю, характер и всю судьбу человека».

Личность проявляет себя наиболее ярко в эпохи перемен. Тихомиров считал, что в русской истории было несколько блестящих реформационных эпох. К их числу, несомненно, принадлежала эпоха Петра Великого. В трактовке личности Петра, Тихомиров, с одной стороны, продолжая традицию Соловьева, признавал, что в своем стремлении достичь европейского просвещения Петр I не был самобытен. Он продолжал государственную политику, начатую Иваном Грозным и нашедшую продолжение в действиях Бориса Годунова и Алексея Михайловича. В то же время Тихомирову была близка трак-

товка Петра, данная Ключевским. Он заострил и даже вынес в заголовок постановку вопроса «Петр Великий как русский человек». С точки зрения Тихомирова, русская природа Петра брала в нем верх, вопреки всем его подражательным стараниям. Петр, по характеристике Тихомирова, оставался русским, православным и «уже собственно самодержцем». Он обладал гениальным монархическим чутьем и в основной своей задаче, по мнению Тихомирова, был, безусловно, прав и «был великим русским человеком». В этой общей оценке Тихомиров был согласен с С.М. Соловьевым, однако в целом дал более глубокую оценку результатам деятельности преобразователя с учетом исторической перспективы. Петр силой «двинул страну вперед», «закабалил нацию на службе целям государства». И Тихомиров признает, что другого исхода для спасения России тогда не было. Однако временную необходимую меру (отказ от самоуправления, не воспользовался общинным бытом) Петр превратил «в постоянный зловерный принцип» и тем нанес непоправимый вред будущему России. Самодержавный инстинкт Петра велик, но где требовалось самодержавное сознание — он подрывал монархический принцип. Увековечивал свои временные частные меры. Ввел «недобрый обычай», уничтожив правильное престолонаследие. При Петре появилась абсолютистская точка зрения в толковании русской монархической власти о договорном происхождении государства. Ее сформулировал Ф. Прокопович на основании трудов Г. Гроция и Т. Гоббса. «В Петре — величие русского духа — в Петре жалкая отсталость России, бедность ее умственных средств. Но средства наживаются, если сохраняется величие духа... Если у нас исчезнет любовь к истине — то не Петр будет в этом виноват...» Противоречие принципов Петровской эпохи Тихомиров видел в западных влияниях, специфике порога восприятия (слабой культурности) и, как следствие, подражательности и подчинению европейскому умственному игу. В этой цепочке рассуждений Тихомиров продолжает наблюдения А.С. Хомякова.

С конца XVII в. в Россию стали приходить понятия протестантские и римско-католические в религиозном отношении, а в политическом отношении сначала идеи абсолютизма, а потом конституционные. Это были психологические предпосылки Петровских реформ. «Такая» ломка была бы невозможна даже и для Петра, если бы она не была подготовлена расколом,

обессилившим церковь. Раскол внес «смуту мировоззрения», разделил народ в верованиях. Растерявшись в понятиях, народ стал податлив на подражание. Долговременным негативным следствием раскола (ломка церкви) являлось создание «страшной опасности»: эволюции в абсолютизм.

Во все эпохи нас уродовала недостаточная сознательность нашего политического принципа. Петр выслушивал советы Лейбница по государственному строительству и им следовал. Петр I весь век переправлял свое создание. Рост государственных функций в условиях недостаточно продуманной политической системы вел к росту внутреннего напряжения и противоречий. В своих основных идеалах Россия пришла к тяжкому раздвоению. Сложность усугублялась действием двух деструктивных сил: бюрократии и интеллигенции, порожденных просвещением и влиянием Запада.

Екатерину II Тихомиров оценивал положительно на том основании, что она опиралась на дворянство в большей мере, чем на бюрократию (в противовес Петру), стремилась на местах развить дворянское самоуправление и была практичной, т. е. соотносила отвлеченные соображения с реальной жизнью.

«Велико значение личности. Но есть еще нечто более великое: затаинственная сторона истории, которую нынче не хотят признавать. Почему, в самом деле, Александр III умер так невероятно рано? Почему разбился, получил горячку и умер способнейший Георгий? Почему его болезнь сделала невозможным отречение Николая от престола, которого он не желал?» «И вот потом будут писать о неизбежных внутренних причинах Русской Великой Революции, будут подводить всякие глубокомысленные причины крушения старого строя. Будут говорить, что дело не в личностях, а в условиях... А вот современнику этой революции ясно, как $2 \times 2 = 4$, что не умри так рано Александр III, не разбейся так странно Георгий — никаких бы революций не было», — записал в дневнике Тихомиров в феврале 1906 г. Он считал, что «в обществе, как повсюду в природе, идет вечное взаимодействие сил, закономерное и пропорциональное. Личность есть для истории нечто, но нечто лишь известной величины. Она влияет на общество. Но для быстроты ли роста или разрушения в обществе есть известный предел, обусловливаемый взаимодействием поколений, и этого предела не перейдет ни злонамеренность, ни благонамеренность».

**Сложность
работы
самосознания**

«И для отдельного человека, и для народа, и для общества — всю цену истории составляет самосознание. И отдельный человек, и народ —

представляемый властью — познает себя в своей истории. Поучительна история развития этого самосознания у нас, в России». Тихомиров высказал наблюдение, которое определил как закономерность: эпохи национального крушения и национального воскрешения сопровождаются ростом национального самосознания. Анализируя исторический материал, он выделил ряд проблемных линий: подведение итогов политического самосознания в России за 200 лет после Петра — «получается нечто бледное»; расширение России; усложнение ее многонационального состава.

**Слабые стороны
русской государ-
ственности**

В их числе Тихомиров называл следующие: слабую политическую сознательность как печальный результат нашего политического существования; доминирующую силу ин-

стинкта в русском народе; прочность чувства, создающего идеалы нравственной жизни, как основы политического существования; отсутствие политической философии и системы права; неразвитость народной массы, в том числе и религиозной. Отрицательной чертой русского характера он считал готовность к самокритике и самоосуждению. Царь может делать все, поэтому для государственной устроительной деятельности никаких ясных путей нет. В данном обстоятельстве Тихомиров усматривал источник пороков, предпосылки трансформации самодержавной власти в абсолютистскую и «шаткость» всего политического строения. Прямым следствием не развитой государственно-правовой стороны творчества в России и стала привлекательность идеи конституционализма (для Тихомирова это синоним подражательности) и парламентаризм. Ценной чертой конституционализма и выборов Тихомиров признавал постоянное обнаружение народных желаний и мнений, но как систему государственного управления он считал парламентаризм «в высшей степени не удовлетворительной».

К числу недостатков российской государственности Тихомиров относил крайнюю незначительность серьезно образованного, мыслящего слоя, способного к серьезной умственной работе. «Реформатор, если он не самозванец, должен быть умственно и нравственно выше среды, в которую привносит свет, а стало быть, он имеет силу и пересоздать ее, повлиять на нее». К реформам Тихомиров подходил с критерием созидания, полагая, что ничего не создающее разрушение ослабляет общественный организм.

Тихомиров высказал ряд соображений в отношении реформ и реформаторов. Он считал важным для историка ответить на вопрос: где реформаторы находят идеал, которым руководствуются в жизни? В России или вне ее? Тихомиров подчеркивал, что идеалом нельзя владеть, ему можно только подчиниться. Господство, как правило, западноевропейского вектора в сознании начинающих отечественных реформаторов привело к тому, что Россия так и осталась страной с нерешенными национальными задачами и с множеством внутренних неудовлетворенных запросов, постоянно нуждающейся в сильном и прочном правительстве. И тем не менее Тихомиров, как и Леонтьев, надеялся, что если и есть страна, от которой можно ожидать пышного развития своеобразной культуры, то это, конечно, Россия. Поэтому он продолжил линию Леонтьева на поиск внутренних законов российской государственности.

Важнейшим условием развития России Тихомиров считал заботу об образовании молодежи. Он говорил, что Россия может только выиграть, если молодежь даст зарок не мешаться в политику, не посвятив, по крайней мере, 5—6 лет на окончание курса наук и некоторое ознакомление с Россией, ее историей, настоящим положением.

О науке

Тихомиров внес свой вклад в историческую науку. В своих основных трудах он развил и конкретизировал социальное учение классиков славянофильства. Соглашаясь с их тезисом о необходимости сочетания с самодержавием местного самоуправления и Земских соборов, он дополнил его идеей построения общества как союза профессиональных корпораций, выдвигающих своих представителей для «общения» с монархом.

Тихомиров не следовал хронологическому порядку развития школ в отечественной историографии, а стремился выявить логическую картину выводов из одной и той же концепции мира. Используя результаты трудов отечественных историков, он синтезировал и переплавил их в собственную концепцию. У С.М. Соловьева он черпал сведения о древнерусских князьях, содержательной стороне взглядов Ивана Грозного и появлении бюрократии. Единение народного идеала с царским Тихомиров осветил по материалам В.И. Даля и С.Ф. Платонова; «правильный рост государственных учреждений» показал, используя труд И.Д. Беляева «Крестьяне на Руси»; общение царя и народа в управлении, институты Боярской думы и Земских соборов — на основании работ Д.И. Ило-

вайского, С.Ф. Платонова, С.М. Соловьева. Глава «Общение государства и народа в церковном управлении» построена Тихомировым в монографии «Монархическая государственность» на публикациях С. Соловьева, А. Голубцова, А. Доброклонского; материал для раздела «Единение царя и народа в управительной области. Самоуправление» почерпнут у С.М. Соловьева и И.Д. Беляева.

У Тихомирова мы находим и общие оценки науки. Он считал, что наша наука не стояла впереди нашего развития и не указывала ему путь. «Во все критические, решающие моменты Русской истории голос могучего инстинкта побеждал... и возвышался до гениальной проницательности». Это, с точки зрения Тихомирова, ее и спасало.

Источники

- Леонтьев Константин.* Цветущая сложность. М., 1992.
Леонтьев Константин. Избранное. М., 1993.
Леонтьев К. Восток, Россия и славянство. М., 1996.
Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1992.
Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. М., 1997. (Отдел 5-й. Христианская эпоха. Отдел 8-й. Тайные учения и общества. Отдел 9-й. Воскресение языческой мистики и экономический материализм).
Тихомиров Л.А. Критика демократии. Статьи из журнала «Русское обозрение» 1892—1897 гг. М., 1997 (ст.: Почему я перестал быть революционером. Славянофилы и западники в современных отголосках. Русские идеалы и К.Н. Леонтьев, и др.).
Тихомиров Л.А. Апология веры и монархии. М., 1999. (ст. Что такое отечество? О смысле войны, и др.).
Тихомиров Л.А. Христианство и политика. М., 1999.
Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000.

Литература

- Белов В.* Незамеченная книга // Наш современник. 1997. № 1.
Ермашов Д.В., Пролубников А.В., Шириняц А.А. Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: Л.А. Тихомиров. М., 1999.
Костылев В.Н. Выбор Льва Тихомирова // Вопросы истории. 1992. № 6—7. Русская социально-политическая мысль XIX века. К.Н. Леонтьев / Под ред. А.А. Шириняца. М., 1995.
Сивак А.Ф. Константин Леонтьев. Л., 1991.

Имя историка Дмитрия Ивановича Иловайского знала вся образованная Россия. Во второй половине XIX в. он был автором самых популярных и многотиражных учебников по русской и всеобщей истории, и едва ли можно найти школьника, который не изучал историю «по Иловайскому». Менее удачно сложилась его судьба как ученого. При жизни Иловайского его научные труды получали весьма разноречивые оценки современников. В советской исторической науке он рассматривался только как типичный представитель дворянско-монархического охранительного направления.

Биография

Д.И. Иловайский родился в 1832 г. в Раненбурге, небольшом городке Рязанской губернии (ныне Липецкая область) в обедневшей купеческой семье. Его отец в течение нескольких лет был управляющим имения графини Пален. По окончании уездного училища будущий историк был определен в Рязанскую гимназию. «Начиная с IV класса гимназии, — вспоминал впоследствии ученый, — я уже содержал себя частными уроками, почувствовал склонность к занятиям историей и к преподавательской деятельности».

По окончании гимназии в 1850 г. Иловайский был принят на историко-филологический факультет Московского университета. В течение нескольких лет он слушал лекции самых известных отечественных историков и филологов того времени: Ф.И. Буслаева, Т.Н. Грановского, С.П. Шевырева, С.М. Соловьева. Последний даже предложил способному студенту тему для самостоятельной научной работы: «История Рязанского княжества».

В 1854 г. Иловайский окончил университет и как «казеннокоштный студент» (т. е. обучающийся за счет казны) должен был отслужить 6 лет по назначению учебного округа.

С 1854 по 1858 г. он преподавал в той же Рязанской гимназии, где когда-то учился сам. Именно в этот период определился круг его постоянных интересов: научная работа, создание учебников и пособий для школ, публицистическая деятельность.

Опыт преподавательской работы заставил Иловайского по-новому взглянуть на существующую практику школьного исторического образования. Он был убежден, что главным условием хорошего урока является личность преподавателя и прежде всего высокий уровень его знаний, вызывающий уважение учеников. Основой же исторического образования он считал совместную работу учителя и учащихся с учебником. Роль учебников Иловайский оценивал чрезвычайно высоко: «Не только наша речь, письменная и изустная, возлит часть следы книг, по которым мы учились, но это влияние иногда прослеживается и на самом складе нашего мышления». Между тем уровень существующих школьных пособий по истории он находил крайне неудовлетворительным, как с научной точки зрения, так и относительно отбора фактов и приемов подачи материала. Его мнение разделялось многими учителями. Тем не менее одни из них оставались сторонниками зубрежки и заучивания параграфов; другие, отказываясь от устаревших пособий, заменяли их конспектированием собственных лекций. Поэтому Иловайский начал разрабатывать план собственного учебного пособия по истории, пытаясь воплотить в нем свое представление об «идеальном» учебнике. С конца 50-х гг. XIX в. он регулярно выступает в печати со статьями о методике преподавания истории в школе, с отзывами на учебники истории отечественных и иностранных авторов.

И все же интенсивная преподавательская деятельность не могла заглушить в нем стремления к научной работе, к профессиональным занятиям историей. Во время каникул Иловайский пешком путешествовал по Рязанской губернии, собирая материал для будущей диссертации. Его интересовало все: географические особенности края, археологические памятники, архитектура, местные предания, быт и занятия жителей. Он считал, что знакомство историка с настоящим изучаемого края поможет ему лучше понять его прошлое. Свои впечатления об этом путешествии он изложил в путевых очерках «Прогулки по берегам Оки», которые были опубликованы в 1856 г. в «Московских ведомостях».

Собранные Иловайским материалы стали одной из составных частей его магистерской диссертации «История Рязанского княжества», защищенной в 1858 г. в Московском университете. Его труд был с интересом встречен в среде ученых как одна из первых попыток комплексного изучения местной истории.

В 1858 г. благодаря хлопотам графа А.С. Уварова молодой ученый был переведен в Москву, он преподавал историю в 3-й Московской гимназии на Малой Лубянке. В 1860 г. увидел свет его первый учебник «Краткие очерки русской истории», предназначенный для учащихся старших классов. В том же году по окончании положенного срока службы Иловайский получил место адъюнкта при кафедре всеобщей истории юридического факультета Московского университета. Как подготовившийся к профессорскому званию, в 1861 г. он выехал за границу. Молодой ученый посетил Германию, Австрию и Францию, где изучал достижения современной европейской педагогики, а также подготовил ряд статей по истории европейских стран XIX в.

В 1862 г., вскоре после возвращения в Россию, Иловайский решил оставить службу. Свой выход в отставку он объяснял тем, что служба на кафедре, чтение лекций по всеобщей истории отвлекали его от занятий русской историей. Он решил «вполне отдаться любимому предмету» и прежде всего продолжить исследовательскую деятельность. С этого времени официального служебного положения Иловайский не занимал. Получив в 30 лет независимость, он сам отныне определял ритм и направление своих занятий.

С 60-х гг. началась интенсивная научная работа ученого. Собирая материал по истории Польши, Иловайский совершил поездки в Гродно, Варшаву, Львов, Краков, Познань. В 1870 г. он блестяще защитил докторскую диссертацию «Гродненский сейм 1793 г.», посвященную русско-польским отношениям и гибели Польши как самостоятельного государства.

Научные интересы Диапазон научных интересов Иловайского был обширен. Еще в ходе подготовки докторской диссертации он опубликовал несколько статей по истории Польши XVIII в., а также очерки об известных деятелях того времени — княгине Е.Р. Дашковой и графе Я. Сиверсе. Ряд своих статей, посвященных критике норманнской теории, ученый позднее объединил в книгу «Разыскание о начале Руси...» (1876). С 60-х гг. он часто выступает с докладами и сообщениями на съездах и заседаниях различных исторических и историко-археологических обществ: Московского археологического общества, Московского общества истории и древностей российских, Московского публичного и Румянцевского музея, Музея изящных искусств им. имп. Александра III при Московском университете, Общества

любителей российской словесности, Московской, Рязанской, Саратовской архивных губернских комиссий и т. д. Эти материалы чаще всего публиковались в журналах «Русский архив», «Русская старина», «Древняя и новая Россия», «Русское слово», в «Трудах» Московского археологического общества, в газете «Новое время» и др.

Главным же делом своей жизни Иловайский считал создание монументального обобщающего труда «История России». В ходе работы над ним он объездил и скрупулезно изучил всю европейскую часть страны. Первые два тома (1876, 1880) были благожелательно встречены в научных кругах, хотя большинство историков не поддержало его критику норманнского происхождения русской государственности и версию о племенах роксолан как генетических предшественниках русского народа.

Помимо крупных трудов, Иловайский публиковал и небольшие исторические работы. Чаще всего это были очерки в форме путевых заметок и исторических воспоминаний. Обладая даром увлекательного рассказчика, историк отразил в них впечатления о своих многочисленных путешествиях по стране. С теплотой вспоминая учителей, он написал также ряд статей о профессорах Московского университета: Т.Н. Грановском, П.П. Кудрявцеве, К.Ф. Рулье, о писателе П.И. Мельникове-Печерском.

Школьные учебники

Другим жизненно важным делом Иловайского стала подготовка к изданию школьных учебников по русской, а затем и по всеобщей истории — «Руководств» и «Кратких очерков»

для учащихся всех возрастов. Необходимость зарабатывать на жизнь постоянно возвращали его к работе над учебниками. Доходы от продажи собственных книг были единственным источником его существования.

Во второй половине XIX в. в России учебники по истории писали и издавали многие авторы: Н.А. Баженов, И.И. Беллярминов, К.А. Иванов, П. Либен и А. Шуйской, М.Я. Острогорский, В. Пузицкий, П. Полевой, С.Е. Рождественский, С.М. Соловьев и др. Но самыми популярными и многотиражными постоянно оставались очерки, курсы и руководства Иловайского. В течение нескольких десятилетий они занимали лидирующее положение в отечественной учебной литературе. До 1917 г. пособие по русской истории для старшего возраста переиздавалось 36 раз, курс русской истории для среднего возраста — 44 раза, курс всеобщей истории для старшего возраста — 30 раз, для среднего — 35 раз.

Такой успех недоброжелатели ученого, а позже и советские историки, не ставя задачи понять феномен Иловайского, объясняли тем, что правительственные инстанции усиленно «внедряли» учебники «реакционного» автора. Между тем точно в таком же официально-монархическом духе были выдержаны и учебники других авторов, в том числе либералов С.М. Соловьева и С.Е. Рождественского. Ведь сюжеты, структура, периодизация в учебниках жестко определялись программами Министерства народного просвещения. В то же время с 60-х гг. XIX в. в России существовала свободная конкуренция школьных пособий, и педагогические советы могли выбирать любые книги, одобренные Ученым комитетом министерства. Предпочтение же неизменно оказывалось Иловайскому, и все новые поколения школьников продолжали изучать историю по его пособиям.

Такой успех, скорее всего, объяснялся внутренними достоинствами его учебников. Школа, подчеркивал Иловайский в своих статьях по методике преподавания, должна «приготовить канву» — определенный запас тщательно отобранных и хорошо усвоенных фактов, который даст учащимся возможность в дальнейшем продолжить образование. Поэтому он резко возражал против непродуманного и бессистемного загромождения учебников фактами, датами и примерами. Для преподавания истории в школе, считал ученый, необходимо выбрать лишь некоторые наиболее важные явления народной жизни. Главная задача авторов учебников «заключается в выборе фактов, в решении вопроса, какие события можно обойти молчанием, какие упомянуть слегка и на каких остановиться подольше, как на событиях, наиболее характеризующих эпоху или обильных результатами». Отсюда вытекало и требование соразмерности и гармоничности в расположении материала, с тем чтобы «народы и события занимали места сообразно их всемирно-историческому значению».

Содержанием школьного исторического курса должна быть, по мнению Иловайского, прежде всего история государства и его выдающихся деятелей. Признавая огромное нравственно-воспитательное значение истории, и прежде всего в формировании характера человека, он приводил примеры мужества, гражданской доблести, настойчивости, торжества и страданий замечательных людей своего времени — и в то же время эгоизма, жестокости, слабости, пороков.

Объем и форма изложения материала у Иловайского зависели от того, для какого возраста предназначался учебник.

Кратко и по возможности красочно история подавалась малышам. Приводилось много фактов и дат, так как «преобладающая способность в этом возрасте есть память». При этом историк считал недопустимым «запутывать изложение отвлеченными выводами и так называемыми критическими взглядами». Для учеников старшего возраста давалось больше материала для размышлений. Наиболее важные места в тексте выделялись курсивом. Широко использовались примечания, с помощью которых автор иллюстрировал особо важные факты и события. Здесь же давалась историография вопроса, приводились «замечания или вывод, почему-либо упущенный в тексте» и т. д. Часто примечания содержали примеры, подробно поясняющие мысль автора.

Обязательным требованием к учебнику Иловайский считал «легкий», правильный язык. Автор обязан владеть даром рассказчика: «Стиль должен быть четким, повторения недопустимы. Требуется логика в изложении материала, который при этом должен быть максимально сжат». Сам Иловайский даром рассказчика владел в совершенстве, умея сделать акцент на какой-либо яркой детали, прочно увязанной с определенным лицом или событием. В художественно-биографическом очерке «Дом у Старого Пимена» Марина Цветаева, в свое время на «отлично» сдававшая историю «по Иловайскому», отмечала: «Все, что он пишет — вижу. Тут живые лица, живые цари и царицы, и не только цари: и монахи, и пройдохи, и разбойники!» По свидетельству поэтаэссы, тексты Иловайского легко усваивали даже те учащиеся, которые «не вполне хорошо знали русский язык».

Тщательный отбор фактов, яркое повествование в сочетании с высокой информативностью, широкое обращение к первоисточникам, развернутая система примечаний, сравнительно небольшой объем текста — таковы главные особенности учебников Иловайского.

Все свои сочинения, в том числе и учебники, ученый издавал на собственные средства. Но и стабильно высокие доходы от их продажи он получал сам, и к концу жизни прослыл «миллионщиком». Значительную часть средств он тратил на издание своих книг, определенные суммы вкладывал в банк, в ценные бумаги различных акционерных компаний. Он имел возможность много путешествовать, собирал библиотеку, куда входили прижизненные издания многих авторов — от А.С. Пушкина до К. Маркса, делал пожертвования на строительство Музея изящных искусств.

**Публицистика:
общественная
позиция**

Обладая незаурядным общественным темпераментом, Иловайский принимал близко к сердцу все, что касалось национальных интересов России. Важным направлением

в его творчестве стала публицистика. Он считал своим гражданским долгом участвовать в публичном обсуждении всех проблем текущей политики. На страницах «Нового времени», «Московских ведомостей» ученый публиковал статьи по самым разнообразным вопросам общественной жизни, неизменно отстаивая свою точку зрения. Его интересовали мероприятия правительства в области торговли и промышленности, национально-освободительное движение в Польше, Литве, Белоруссии, события на Балканах и русско-турецкая война 1877—1878 гг. Суждения Иловайского-публициста не были легковесны, они основывались на широких познаниях в самых разных областях, а зачастую и на собственном опыте. Так, желая досконально разобраться в причинах неудачи русской армии в войне с Турцией, Дмитрий Иванович в 1877 г. совершил поездку под Плевну. Несмотря на то, что он прибыл как частное лицо и не имел никакой протекции, ему удалось осмотреть позиции русских войск, вооружение, госпитали, побеседовать с представителями высшего военного командования, включая генерала М.Д. Скобелева, и младшими офицерами.

Как публицист Иловайский выступал с позиций убежденного монархиста и националиста, страстного поборника укрепления национальных основ русской самодержавной государственности. «Охранительно-патриотическое» направление его деятельности было высоко оценено правящими кругами. В 1883 г. в связи с 25-летним юбилеем научной деятельности историку был пожалован чин действительного статского советника, давший ему, мещанину по происхождению, звание потомственного дворянина. Это был знак необычной монаршей милости, так как по законам Российской империи подобное звание могло быть пожаловано лишь лицу, получившему чин действительного статского советника на государственной службе. Иловайский же, как было сказано выше, с 1862 г. официального служебного положения не занимал.

Иным было отношение к историку со стороны русского образованного общества. Ярлык консерватора и националиста прочно закрепился за его именем. После награждения ученого утвердилось мнение, что он пользуется особым покровитель-

ством в высших сферах, хотя он был весьма далек от придворных кругов. Благожелательное внимание властей не изменило эмоциональный и независимый характер выступлений Иловайского, презиравшего всякую «кружковщину». Нежелание ученого-публициста считаться с существующими в обществе представлениями по какому-либо вопросу, резкий и назидательный тон его статей вызывали раздражение у читающей публики. Даже его образ жизни был вызовом общественному мнению, так как нарушал привычный образ представителя «образованного класса». Он рано вышел в отставку, отказался от карьеры университетского ученого, не имел учеников, на доходы с учебников вел роскошную, по понятиям ученой среды, жизнь.

К концу 1890-х гг. Иловайский оказался в оппозиции практически ко всему образованному обществу. В 1890 г. жесткой критике подвергся вышедший из печати третий том его «Истории России». Это не смутило ученого. Дав оппонентам резкий ответ, он продолжал работать над следующим томом, писал новые статьи, переиздавал старые. Кроме того, Иловайский начинает издавать собственную газету с символическим названием «Кремль», что, как известно, означает «крепость внутри города», и становится ее единственным автором, редактором, распространителем и, можно сказать, читателем. Четко определились три главные темы его публицистических выступлений: экономическая политика правительства, национальный вопрос, антигосударственные выступления. С середины 90-х гг. XIX в. появилась еще одна тема — о возможности и целесообразности частичной реорганизации государственного строя России.

Бурное возмущение общественности вызвала позиция Иловайского в 1905 г. Он резко осудил революционную «смуту», а события в Москве в декабре 1905 г. назвал «неделей баррикад и московской трагикомедией». Именно с этого времени началось резкое падение тиражей школьных учебников Иловайского, которым пришли на смену новые пособия по русской и всеобщей истории С.Ф. Платонова и П.Г. Виноградова, блестяще написанные и отвечавшие современным научным и общественным запросам.

1905 год стал трагичным для Иловайского и в личном плане. В свое время он похоронил жену и троих детей. Теперь же с разницей в месяц умерли от туберкулеза двое его детей от второго брака: 20-летний сын и 22-летняя дочь. Но горе не сломило ученого. В том же году он выпустил пятый и, как оказалось,

последний том «Истории России», доведенный им до времени царствования Алексея Михайловича. Он пытался продолжить свой труд, готовил к изданию и переизданию школьные учебники, писал отзывы на труды других ученых, в том числе на «Курс русской истории» В.О. Ключевского, работы М.К. Любавского, Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, но с 1908 г. его основным занятием становится публицистика.

Иван Владимирович Цветаев, отец Марины Цветаевой, был женат первым браком на дочери Иловайского Варваре (1858—1890). М.И. Цветаева, с детства хорошо знавшая «дедушку Иловайского», оставила в своих воспоминаниях замечательный портрет ученого: «Это был красивый старик. Хорошего роста, широкоплечий, в девяносто лет прямой ствола, прямоносый, с косым пробором и кудрями Тургенева и его же прекрасным лбом, из-под которого — ледяные большие пронзительные глаза...» Марина Ивановна почувствовала и хорошо выразила внутренний мир и душевный склад этого человека: «Нет, жестоким он не был, он был именно жестоковыйным, с шеей, не гнушейся ни перед чем, ни под чем, ни над чем, кроме очередного (бессрочного) труда».

На склоне лет Иловайскому довелось пережить события новой революции. Октябрь 1917 г. он оценил как «закономерное следствие антинациональной политики правительства». В 1918 г., в возрасте 86 лет, ученый оказался на допросе в ЧК, но своих монархических убеждений не предал. Отвечая на вопрос «Каковы ваши политические убеждения?», наставительно и твердо заявил: «Был монархист, есть монархист». Жить ему оставалось недолго. Дмитрий Иванович Иловайский скончался 15 февраля (по другим данным — 20 ноября) 1920 г.

Методологические позиции

Становление Иловайского как ученого пришлось на сложную, переломную эпоху в жизни страны — эпоху Великих реформ. Важные перемены происходили и в сфере исторической науки. Историографическая традиция, связанная с именем Н.М. Карамзина, доживала свой век, и изучение истории поднималось на качественно иной уровень осмысления прошлого. Эти тенденции так или иначе повлияли на историческое мировоззрение Иловайского.

В своих трудах он пытался возродить методы изучения прошлого, идущие от Н.М. Карамзина, и его понимание задач исторической науки. Разумеется, как ученый, живущий

во второй половине XIX в., Иловайский признавал, что историческая наука «стремится раскрыть самые законы и основания, на которых общество существует и развивается». Вместе с тем вслед за Карамзиным он пытался «объединить» науку и искусство, приравнять средства научного исследования к разным средствам воспроизведения прошлого. История, считал он, «с одной стороны ... наука, а с другой — искусство». Творческую задачу историка Иловайский видел в том, чтобы «изобразить события, обстоятельства и лица такими, какими они представляются воображению историка», «найти всему соответствующее выражение в языке, усвоить своему изложению достойный высокой задачи благородный стиль», а также «сгреть... изложение своим теплым участием».

Такое понимание творчества историка было, по-видимому, связано с тем, что, как и Карамзин, Иловайский был убежден в огромном нравственно-воспитательном значении истории, которую он называл «великой наставницей и поучительницей для новых поколений». Изучение предмета истории, считал ученый, должно способствовать развитию народного самосознания, нравственному совершенствованию общества.

Дух, нравственные силы, управляющие деятельностью людей, Иловайский рассматривал как движущую силу исторического развития. Исторический прогресс, полагал он, заключается в нравственном совершенствовании общества, а воплощается в формах «государственного быта».

Вводя понятие «государственного быта», Иловайский пытался усложнить и дополнить формулу историков современной ему «государственной школы», считавших государство «высшим достижением истории народа». «Государственный быт», согласно Иловайскому, специфичен для каждого «исторического» народа и состоит из четырех элементов: формы правления, религии, политического и социального положения, «этнографического элемента». Форма правления и религия, оставаясь всегда неизменными, определяют характер изменений в политической и социальной сферах, а «этнографический элемент» обуславливает своеобразие исторического развития страны. В центре внимания историка должны находиться носители власти, так как «история, по преимуществу, имеет дело с лицами, стоящими во главе народа и вообще с теми деятелями, посредством которых он проявляет себя в разных сферах общественного развития».

Данные положения Иловайского легли в основу его концепции русской истории. Центральное место в ней занимает деятельность князей, царей, видных государственных, церковных и общественных деятелей, усилиями которых создавалось и поддерживалось Русское государство. Ярво выраженный самобытный характер русской истории ученый видел в огромной созидательной роли православной церкви в строительстве государства. Как и славянофилы, он считал религиозность главным признаком русской народности. От славянофилов он воспринял и версию об особых свойствах русского народного самосознания, искони склонного к сильному государственному порядку, и подчеркивал, что «все русские сословия вырабатывали самодержавный строй».

Историю России Иловайский, подобно Карамзину, разделял на три периода: Киевский, Московский и Петербургский. Первый он рассматривал как начало становления русской государственности; второй — временем ее оформления и расцвета; третий характеризовал как гибкий, мягкий, приспособляемый к европейским условиям жизни.

Оценка правителей

Прочность «государственного быта», считал Иловайский, определяется личными качествами того или иного правителя. По его мнению, наиболее безупречно выглядели в истории Иван III, Василий III, первые цари из дома Романовых — Михаил Федорович и Алексей Михайлович — и уже затем только Николай I и особенно Александр III. Все они в период своего правления укрепляли самодержавный строй России. Резко отрицательно относился историк к Ивану IV Грозному, последствия царствования которого приравнивал к последствиям ордынского нашествия. Петра I он обвинял в недостатке национальной политики. Этот же упрек он распространял на Александра I, Александра II и Николая II.

Называя себя консерватором, Иловайский тем не менее одобрял учреждение Петром I Сената и Коллегий. В то же время он осуждал его за методы проведения реформ, пристрастие к иностранцам, уничтожение родовой национальной аристократии, отмену Боярской думы и Освященного собора. Самое же тяжелое последствие петровских преобразований, по мнению историка, заключалось в том, что с этого времени начался разрыв между высшими и низшими сословиями, причем «первые все более и более усваивали иностранный обычай, а вторые оставались верны обычаям и понятиям Древней Руси». Именно в этом

разрыве, по Иловайскому, были заложены истоки бироновщины, немецкого засилья и всех «смут» России XVIII—XIX вв. Петр I, заключал ученый, подготовил переход «патриархального и национального московского самодержавия к бюрократическому и космополитическому петербургскому абсолютизму». Петровские реформы «нередко страдали излишней подражательностью своим западным образцам и были недостаточно согласованы с условиями и потребностями русской жизни».

Характерной чертой русского государственного строя Иловайский считал наличие представительных совещательных учреждений при русских правителях. «Русское вече, или обычай сходки, совещания при общем деле, есть такое же древнее учреждение, как и княжеская власть. В эпоху историческую видим совместное их существование на Руси, но при явном подчинении веча князю». Мудрыми правителями Иловайский называл тех, кто стремился «оживить древний общинный дух русского народа», особенно в период внутренних «смут» и внешней опасности. Умение привлечь к участию в государственных делах представителей «основных» сословий — дворянства и торгово-промышленных людей — было мерилом мудрости русских правителей. Это помогло, в частности, Михаилу Федоровичу, который сумел сделать Боярскую думу действительным и деятельным советом государства. Напротив, Борис Годунов не привлек к себе дворянство и даже оттолкнул его, восстановил против себя. Это погубило его самого и привело к плачевному результату его царствования.

Роль сословий

Одну из главных предпосылок становления и процветания Русского государства Иловайский видел в единении русской гражданственности (самодержавия) и церковности. Без усилий духовного сословия, без успехов православия, считал он, было бы невозможно окончательное оформление и укрепление русского «государственного быта». Особенно подчеркивал историк роль церкви в период «смут», которые были тяжелейшим испытанием русской государственности, красочно описывал заслуги духовенства в «благоустройстве и восстановлении порядков, нарушенных анархическими явлениями». Не менее ярко рассказывал он и о выдающемся вкладе православной церкви в развитие русской культуры, книжности и образования народа.

Столь же исключительными, по выражению Иловайского, были заслуги перед государством высшего сословия — старинного русского дворянства. Особенно значительна была роль дворянства в деле защиты страны от внешних врагов, в вопросах

культуры и образования. Именно дворянство на протяжении всей истории России выступало советчиком правителей в сложных государственных делах. Всю тяжесть забот о сохранении «государственного быта» в периоды междуцарствий и «смут» также брало на себя высшее сословие. Соответственно государство наделяло бояр и дворян землей с последующим закреплением поместий за их наследниками.

Конечно, продолжая эту политику, правительство было вынуждено закреплять за пожалованными землями крестьянское население. Сам факт закрепощения крестьян при Борисе Годунове Иловайский считал лишь юридическим оформлением тех отношений между двумя сословиями, которые «уже давно выработались самою жизнью». Однако правительство всегда стремилось смягчить тяжесть крепостного гнета. Отмена крепостного права также была проведена по инициативе правительства при поддержке значительной части дворянства.

В своих произведениях Иловайский отмечал не только заслуги, но и «многие вины» перед государством представителей высшего сословия. Он писал о присущем дворянству себялюбию и корысти, недостойном поведении отдельных его представителей, осуждал дворян за роскошь жизни по сравнению с бедностью народа, а порой и за измену. В своих публицистических заметках 90-х гг. XIX в. Иловайский писал: «...говорить, что дворянство есть главная опора самодержавия, — значит не только обижать другие сословия, но и плохо знать историю».

Другими не менее важными сословиями ученый считал торгово-промышленных людей, купечество, посадский люд и буржуазию. В своих трудах он постоянно отмечал исключительные способности русского народа к торговой и промышленной деятельности, потенциальную экономическую мощь торгово-промышленного сословия.

Национальный характер

Большое внимание Иловайский уделял проблеме изучения национального типа, национального характера. Он пытался выяснить, какие именно черты, присущие народу, способствуют или препятствуют его процветанию, какова зависимость национальных и политических интересов. Много писал он о народном «инстинкте самосохранения». Важно не только организовать «государственный быт», но и уметь сохранить, оградить его от разрушительного проникновения

«инородческого элемента». По мнению историка, Западная Русь потеряла «инстинкт самосохранения», и это имело для нее пагубные последствия. Освободившись от ордынского ига и объединившись в государственном отношении, она не смогла вернуть самостоятельности, так как оказалась под властью иноплеменных вождей (поляков и литовцев), к тому же католиков и протестантов.

В этих рассуждениях Иловайского ярко проявился исключительный русский национализм, характерный для его исторических и публицистических работ. Но, требуя оградить русскую государственность от любых инородных влияний, он в то же время искренне осуждал погромы, иронизировал над «почвенничеством», восхищался европейской культурой, считая ее достойной подражания, и был сторонником классического образования с обязательным знанием латинского и греческого языков.

Причины смут

Помимо внешних влияний, другую угрозу национальной государственности историк видел в различного рода антигосударственных общественных выступлениях и проявлял большой интерес к исследованию причин возникновения и характера этих выступлений в прошлом.

Оставаясь верным идее самобытности русского исторического развития, Иловайский находил истинно русские причины «смут». Главной из них он считал нарушение порядка наследования русского престола. Начало Смуты XVII в. он связывал с сыноубийством Ивана IV, который тем самым подготовил и облегчил взрыв народных движений, что едва не привело государство к гибели. Казнь царевича Алексея также явилась причиной «смут» и дворцовых переворотов в послепетровский период. Иловайский старался подчеркнуть исключительно сильные в народе охранительные и легитимные чувства. Так, причиной участия солдат в событиях 14 декабря 1825 г. явилась, по его мнению, обстановка временного междуцарствия: народ не знал о перемене престолонаследия и потому волновался.

Другой причиной «смут» Иловайский считал негибкость верховной власти, отступление ее некоторых представителей от «канонов» русской жизни. Отсутствие единства в правящих кругах определяло возникновение, масштаб и последствия антиправительственных выступлений в отдельные периоды русской истории. Деспотизм и необузданная тирания Ивана IV

привели, по мнению Иловайского, к падению народных нравов, что предопределило широкий размах Смуты начала XVII в. Неоправданная жестокость Петровских реформ также стала причиной «смут». «Ошибки» при проведении реформ 1860—1870-х гг. вылились в «беспорядки» и «смуты» в различных слоях русского общества.

В то же время Иловайский отмечал, что мягкость, непоследовательность в характере русского народа, его исключительная податливость, недостаток прочности и устойчивости также являются причиной того, что Русское государство на протяжении многих веков сотрясают «смуты». Средние и низшие классы слишком легко поддаются желанию перемен и различным антигосударственным влияниям. Грубую, несмышленную толпу часто пленяли личные качества руководителей антиправительственных выступлений. Поэтому историк давал подробные психологические характеристики Степану Разину, Лжедмитрию, Заруцкому, Яну Сапеге и др. Кроме того, указывал он, для русского общества характерно наличие постоянного бунтарского, стихийного элемента, который в различные исторические периоды проявляет себя более или менее активно. Таким неустойчивым элементом в истории России XVI—XVIII вв. Иловайский считал казачество, в своей основе состоящее из отважных беглых холопов и крестьян. Казачья вольница была стабильной антигосударственной оппозицией, обладавшей своеобразным обаянием и временами влиявшей на ход русской истории.

Особенно заботило Дмитрия Ивановича нарастание тревожных симптомов в общественно-политической жизни России к исходу XIX столетия. Одной из главных причин современных «смут» он считал «действия» различного рода «агитаторов». Их «кознями» он объяснял крестьянские и студенческие волнения, выступления рабочих, оживление антиправительственной либеральной оппозиции. Особенно опасными действия «агитаторов» были для молодежи, горячей и увлекающейся по своей природе. Легкомысленная молодежь, считал Иловайский, начинает творить всякие беспорядки, которые если не угрожают устоям самодержавного государства, то подрывают их. Среди агитаторов, подчеркивал он, много инородцев, что обусловлено «причинами» иностранных держав, преследующих свои национальные интересы.

Помимо «агитаторов», «беспорядки» творят и просто анархисты, т. е. лица, не имеющие твердых политических убеждений и стремящиеся к беспорядкам ради самих беспорядков. Говоря о «подпольной шайке царубийц и анархистов», Иловайский делал вывод, что их цель — разложение России с помощью всякого рода замешательств и беспорядков, «возбуждение черни против имущих или интеллигентных классов с кровавой перспективой избиения последних».

Особенностью новейшего времени Иловайский считал стремление «агитаторов» прикрыться в своих действиях «модной фразеологией... словами: народ, деспотизм, община, свобода, равенство, братство, идея, развитие и т. п.». Высказал он и свой взгляд на развитие идей социализма в России. Их возникновение на Западе ученый объяснял существующими там «ненормальными отношениями между массой населения и количеством земли». Распространение социалистических идей в российском обществе он связывал с «полуобразованием и антинациональными тенденциями, преобладающими среди нашей интеллигенции», с ее увлеченностью космополитическими идеями, насаждающими на русскую почву «теории социализма и коммунизма».

Особый интерес Иловайский проявил к учению К. Маркса. В своей статье «По поводу марксизма и сумбура в умах» он оценил «Капитал» Маркса как «удивительную смесь экономических положений с историческими и практическими осложнениями». По его мнению, автор «Капитала» руководствовался лишь «слепой ненавистью к капиталистическому производству» и «буржуазному строю». Марксу был чужд сравнительно-исторический путь исследования, подчеркивал ученый, а выводы, к которым он пришел, изучая промышленное производство в Англии, «менее всего подходят к нам, т. е. к России». Доказывая искусственность применения марксистских положений к России, Иловайский особый упор делал на различия «исторической почвы, географических условий, общественного и вообще государственного склада России и Запада». Для распространения западных идей в России нет реальной почвы, настаивал он, так как «мы имеем изобилие в земле, громадные естественные богатства и недостатки в рабочих руках». «Могут ли иметь какое-либо серьезное отношение к нам все эти интернационалки и коммуны? — писал Иловайский. — Никакого, кроме возможности делать поучительные наблюдения и уяснять себе уроки истории».

Позитивная программа

Установление причин «смут» позволило Иловайскому предложить довольно четкую программу их ликвидации с помощью укрепления самодержавной власти, опирающейся на православную религию и единение всех сословий. Формой единения он считал создание всесословного «народного» представительства при царе. Именно поэтому, к удивлению многих либералов, он в своей газете «Кремль» приветствовал Манифест 17 октября 1905 г., провозгласивший создание Государственной думы и гражданские свободы. По мнению Иловайского, это был шаг, знаменующий собой переход «от петербургского периода с неограниченной монархией к новому периоду с более смягченной формой правления» при сохранении жизненных «основ» наций.

Актуальной задачей Иловайский считал дальнейшее развитие национальной экономики и посвятил этой теме немало публицистических работ. В них и в какой-то мере в школьных учебниках он раскрывает свое понимание «национализма» как преобладания национальных, политических и экономических интересов господствующей нации. Будучи сам членом нескольких русских акционерных обществ, он всячески пропагандировал развитие отечественной торговли и промышленности. При этом Иловайский настаивал на обязательном соблюдении двух важных условий: недопущении к хозяйствованию иностранных предпринимателей и отказ от мероприятий, способных ущемить интересы русского дворянства. Он обвинял «петербургское общество» в том, что оно слишком легко отдает иностранцам командные позиции в промышленности, торговле и на транспорте, что ведет к отчуждению власти от народа и подрыву русской государственности.

Первоначальной экономической задачей Иловайский считал учет естественных ресурсов России и организацию их использования, а затем помощь национальной промышленности со стороны государства. Он приветствовал строительство казенных заводов, создание и укрепление кредитной системы, поощрение частного промышленного предпринимательства, развитие обрабатывающей промышленности. Как историк он находил подтверждение своих идей в протекционистской таможенной политике Алексея Михайловича и Александра III и, напротив, осуждал «антинациональные» экономические мероприятия в царствования Петра I и Александра II.

Огромное внимание уделял Иловайский национальному вопросу. Он обосновывал цивилизаторскую роль России, при-

званной «помочь» «неисторическим» народам приобщиться к цивилизации и культуре. Ученый отмечал значительную роль казачества в истории колонизации Дона, Урала, Сибири и Приуралья, считал необходимым осваивать новые территории в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Крайне резко относился он к идеям предоставления этническим меньшинствам каких-либо форм национальной автономии.

Особенно ярко проявилась националистическая позиция Иловайского в области внешней политики. В сфере его внимания находились многие внешнеполитические проблемы: восточный кризис 1875—1877 гг., русско-турецкая война 1877—1878 гг., болгарский кризис 1885—1886 гг., ближневосточный кризис 1895—1897 гг., Балканские войны 1912—1913 гг. Он писал о необходимости усиления русского влияния на Балканах, овладения черноморскими проливами, изгнания оттуда турок. Он пытался обосновать мессианскую роль России по отношению к славянским народам, протестовал против усиления на Балканах политических и экономических позиций Австро-Венгрии и Германии.

В деле восстановления и укрепления «народных нравов» особое внимание Иловайский уделял печати и постановке школьного дела. Он бичевал «распущенность» современной печати, выступающей не охранителем, а обличителем государства. Немало критики доставалось произведениям Л.Н. Толстого, В.Г. Короленко, Н.В. Гоголя. Иловайский боролся с либеральным направлением таких журналов, как «Исторический вестник», «Русская мысль», «Вестник Европы», считал недопустимыми некоторые театральные постановки, «действия» кинематографа. Требуя от правительства твердых мер по отношению к «распустившейся» печати, он приводил достойные для подражания примеры внутренней политики Николая I и Бисмарка. В постановке народного образования Иловайский требовал от правительства большей твердости в контроле, критиковал его за либеральные колебания. Он считал, что умелая организация народного образования должна укрепить основы русской государственности и ликвидировать постоянный источник «смут», особенно среди студенческой молодежи.

Оценки деятельности Иловайского

По-разному оценивали современники политическую направленность и научные качества работ Д.И. Иловайского. Неизменно положительными были рецензии, помещаемые в «Русском архиве», «Русском вестнике», «Журнале Министерства народного просвещения», газете «Московские ведомости».

Их авторами чаще всего были историки К.Н. Бестужев-Рюмин и Д.В. Цветаев, отмечавшие «замечательное умение» Иловайского «видеть и подавать исторические события в надлежащем освещении». Они же признавали научные достоинства работ ученого, говорили об их насыщенности архивным материалом. Отмечалось стремление Иловайского к комплексному использованию всех источников по теме и попытка их критического осмысления. Особо ценилось умение историка скомпоновать материал, изложить его точным и красочным языком. По словам К.Н. Бестужева-Рюмина, никто после Н.М. Карамзина не подходил к художественному идеалу ближе, чем Иловайский.

Среди критиков Иловайского были Н.И. Костомаров («Русская старина»), Н.В. Сторожев и А.Н. Пыпин («Вестник Европы»), С.Н. Южаков («Русское богатство»), А.А. Кизеветтер («Северный вестник»), П.В. Безобразов («Русское обозрение»). Рецензенты подчеркивали реакционную политическую направленность работ Иловайского, особенно откровенно выраженную в его школьных учебниках, которые «привели к общему понижению нашей гражданственности и образованности». Что касается ранних работ историка, особенно его кандидатской и докторской диссертаций, рецензенты признавали, что они отличаются интересной постановкой тем и кругом новых источников, введенных в научный оборот. Огонь их критики был сосредоточен на главной работе Иловайского «Истории России». Говорилось о компилятивном характере этого труда, составленного, по мнению критиков, из мыслей и выводов других исследователей, указывалось на слабость источниковой базы, недостаточную аргументированность выводов и небрежность в обращении с архивными материалами. Большой сдержанностью и взвешенностью суждений отличался отзыв С.Ф. Платонова («Журнал Министерства народного просвещения»). Отвергая выдвинутые против Иловайского обвинения в компиляции, он указал на действительно имевшие место противоречия в определениях, неудачные формулировки, недостаточное обоснование использованной терминологии. По мнению Платонова, труд Иловайского не является квинт-эссенцией современного научного знания о прошлом России и не соответствует мерке обобщающего труда, как такового. Более благожелательными были отзывы о научной деятельности Иловайского историков-источниковедов и археографов: М.К. Любавского, А.В. Филиппова, С.В. Бахрушина, С.Б. Веселовского, А.И. Соболевского, А.И. Яковлева, Ю.В. Гутье и М.М. Богословского.

В 1926 г. вдова ученого А.А. Иловайская обратилась к советскому правительству с просьбой назначить ей персональную пенсию за мужа. Был подготовлен отзыв о работах Иловайского, в котором отмечалась известная пристрастность современников в оценке его трудов. Отсутствие объективности, говорилось в отзыве, объясняется раздражением рецензентов против резких, грубых по форме и черносотенных по содержанию публицистических и полемических выступлений Иловайского. И далее: «Теперь все эти выступления уже отошли в область прошлого и об Иловайском, как об ученом-историке, можно говорить и писать. Многие к изысканиям своих предшественников он добавил сам, особенно ранее неизвестный архивный и археологический материал».

Возможность дать квалифицированную оценку научному наследию Д.И. Иловайского появилась лишь в наши дни. Благодаря исследовательнице дореволюционной историографии Э.Д. Колосовой и сегодняшним усилиям И.В. Бабич имя популярного некогда историка и неутомимого труженика не забыто. По мнению И.В. Бабич, «на нынешнем уровне развития науки, знакомой с концепциями Б. Кроче и Л.Н. Гумилева, возможен новый подход к попыткам Иловайского синтезировать методы исторической науки и искусства, рассматривать прошлое с учетом того отпечатка, который сообщают ему черты национального характера, национального типа».

Источники

- Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. М., 1884; Рязань, 1990.
Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории: Курс старшего возраста. М., 1860, 36-е изд. М., 1912, М., 1992, Саратов, 1996; и др.
Иловайский Д.И. Гродненский сейм 1793 г. Последний сейм Речи Посполитой. М., 1870.
Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. М., 1876.
Иловайский Д.И. История России. М., 1876—1905. Т. 1—5.
Иловайский Д.И. Мелкие сочинения, статьи и письма. М., 1888—1896. Вып. 1—2.

Литература

- Бабич И.В.* О Д.И. Иловайском и его учебниках // *Иловайский Д.И.* Краткие очерки русской истории. М., 1992. Ч. 1.

- Бабич И.В.* Дмитрий Иванович Иловайский // Историки России XVIII—XX веков. Вып. 3.
- Колосова Э.В.* Исторические воззрения и общественно-политические взгляды Д.И. Иловайского и Н.П. Барсукова. (Из истории официально-охранительной историографии второй половины XIX — начала XX в.) М., 1975.
- Колосова Э.В.* Личные фонды историков и историография // Советские архивы. 1971. № 4.
- Колосова Э.В.* Исторические воззрения и общественно-политические взгляды Д.И. Иловайского (1832—1920) // История и историки. Историографический ежегодник 1975 г.
- Рогожин Н.М.* К читателям // Иловайский Д. Краткие очерки русской истории. Саратов, 1996.
- Цветаев Д.В.* К 50-летию учено-литературной деятельности Д.И. Иловайского. М., 1908.
- Цветаева М.И.* Дом у Старого Пимена // Москва. 1966. № 7.
- Языков Д.Д.* Учено-литературная деятельность Д.И. Иловайского. По поводу его юбилея // Исторический вестник. 1884. № 1.

МАСТЕРА БИОГРАФИЧЕСКОГО ЖАНРА Н.К. ШИЛЬДЕР И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ. ИСТОРИК-ДИПЛОМАТ С.С. ТАТИЩЕВ

**Н.К. Шильдер
(1842—1902)**

**Интерес
к истории**

Николай Карлович Шильдер не был профессиональным историком. Он занимался историей в свободное от служебных обязанностей время. Его прежде всего интересовала недавняя русская история. Этот интерес имел в том числе и личный характер. Глубокий отпечаток в сознании Шильдера оставила смерть отца в результате тяжелого ранения, полученного им во время осады Силистрии 11(23) июня 1854 г. В то время мальчику было 12 лет, утрату он перенес болезненно. Память об отце стала путеводной нитью, которая привела Н.К. Шильдера в историческую науку. Его первой публикацией была обстоятельно написанная им биография отца — талантливого военного инженера Карла Андреевича Шильдера (1785—1854). Она содержала элементы воспоминаний. Ее опубликовал М.И. Семевский в 1875 г. в журнале «Русская старина». В дальнейшем Шильдер много и плодотворно сотрудничал с этим изданием, на его страницах появились статьи, характеризующие творческое становление историка: «Война России с Турцией в 1829 г.» (1881), «Граф Аракчеев в 1812—1834 гг.» (1882), «Таганрог в 1825 г.» (1897), «Междуцарствие в России в 1825 г.» (1897), «Император Николай I и Польша» (1898), «Император Николай I и Восточный вопрос» (1898—1901) и др. После смерти М.И. Семевского в 1892 г. в течение четырех лет Н.К. Шильдер возглавлял журнал. Однако редакционную работу пришлось оставить в 1896 г., ее было трудно совмещать с основной службой.

Шильдер обратился к жизнеописанию отца еще и потому, что это была жизнь замечательного человека, впервые применившего в мировой практике электрозапуск ракет, осуществившего пуск ракет из-под земли в предложенной им так называемой трубной обороне крепостей, создавшего и испытывавшего первую в мире цельнометаллическую подводную лодку с ракетами, запускаемыми из-под воды. Разработка подводных мин с электроподрывом, конструирование разборного подвесного моста, организация водоснабжения военных лагерей дополняют неполный перечень его работ в области техники. С большим мастерством использовал К.А. Шильдер свои инженерные знания на поле боя для обеспечения побед русского оружия.

Обстоятельства жизни отца рождали интерес к эпохе Александра I и Николая I. К.А. Шильдер воевал в армии Кутузова против Наполеона. Он получил боевое крещение под Аустерлицем в 1805 г. Затем принял участие в строительстве Бобринской крепости на реке Березине. В 1812 г. она превратилась в неприступный форпост русских войск.

В 1828 г. саперный батальон под командой Шильдера в походе к Днестру и Дунаю трижды испытывал канатный мост, изготовленный по проекту своего командира. В 1829 г. Шильдер возглавил Дунайскую экспедицию: под прикрытием плавучих ракетных батарей сплавливал по реке 63 плашкоута и, разгромив две турецкие флотилии, построил мост через Дунай. В том же году участвовал во взятии Силистрии. Здесь же он встретил смерть четверть века спустя. В размышлениях об обстоятельствах жизни и смерти отца у Н.К. Шильдера рождается их мистическая трактовка. Позднее он будет проецировать мистические соображения на историю, придавая им важное значение.

Периодизация

Личная трагедия наложила отпечаток на исследовательский подход Н.К. Шильдера к оценке Крымской войны, которую он называл «крымским погромом». Как историк он поставил проблему вины государя и народа, сформулировал идею неизбежности искупления народом грехов государей. Идея неизбежности наказания легла в основу периодизации новой отечественной истории Н.К. Шильдера. Масса бед обрушилась на Россию в период с 1741 по 1855 гг. Их первопричину Шильдер увидел «в роковой ночи 25-го ноября 1741 г.», в результате которой на престол взошла Елизавета Петровна. В литературе отмечалось, что Шильдер дал царствованию дочери Петра оценку, коренным

образом отличающуюся от оценок других историков. Так, например, С.М. Соловьев и С.Ф. Платонов одобряли восшествие на престол Елизаветы Петровны — продолжательницы дела Петра Великого и избавительницы от «ига Запада». Шильдер оценил это событие негативно, подчеркнув несправедливость и жестокость кровавого исхода событий: «невинный младенец, защитой коего должны служить его законные права, был лишен престола, разлучен с родителями, обречен на страдальческую жизнь в заключении и, наконец, убит много лет спустя в критическую минуту».

Негативным следствием воцарения Елизаветы Петровны, по мнению Шильдера, было то постоянное напряжение, которое испытывала власть. Оно неизбежно влияло на общую ситуацию в стране. Только с рождением Павла I Елизавета Петровна могла надеяться на укрепление династии и «стать спокойнее: образ дитяти-императора Иоанна заслонялся колыбелью новорожденного великого князя».

Правление Елизаветы Петровны, в глазах Шильдера, стало чередой сменявших друг друга несправедливостей. Такую очередную несправедливость она совершила, лишив Екатерину права воспитывать сына, вызвав тем самым цепь долговременных негативных последствий в государственной жизни страны. Личное горе Екатерины послужило истоком особенностей ее будущей государственной политики и наложило отпечаток на дальнейшие отношения с Павлом, а их следствием были новые преступления, которые несли, в свою очередь, беды России. На эту схему Шильдера ориентирована система подбора фактов. Рассказ о полной униженности жизни Екатерины при дворе Елизаветы Петровны осуществлен по схеме «как ее обижали». В основу положена версия самой Екатерины II.

Вина Елизаветы (отчуждение Екатерины II и Павла I), по глубокому убеждению Шильдера, имела далеко идущие негативные последствия для судеб России.

Руководствуясь критерием неизбежности искупления преступления, совершенного властью, Шильдер выделил два трагических рубежа в новейшей русской истории: I) ночь на 25 ноября 1741 г. и II) ночь на 11 марта 1801 г. (убийство Павла I). Под бременем тяжелых воспоминаний этой ночи Александр I, по словам Шильдера, изнемогал в продолжение всей своей жизни: «В общей сложности, все эти печальные явления привели в 14-му декабря, а в далеком будущем — к крымскому погрому».

**Расширение
научного
горизонта**

Показав династическую историю Нового времени, Шильдер многое сделал для расширения хронологических рамок исследования, совершив в этой области прорыв. Он собрал материалы, показывающие преемственность сменявших друг друга царствований, — Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I. Связующая их мистическая нить могла проявлять себя через поколения, обретая иногда характер рока. В таком ключе Шильдер ставит проблему генетических бед России и виновности в них власти.

Другие, более частные, факторы: негативные воздействия при воспитании Павла Петровича, отсутствие разумной педагогической системы, попытка все это компенсировать Екатериной II в собственном внуке Александре обернулись новой бедой для России и сыграли по отношению к личности Александра и судьбе Павла I разрушительную роль. Читатель погружается в замкнутый круг неизбежной трагедии. Окончательную деградацию Павла как государственного деятеля Шильдер отнес к двум последним годам его четырехлетнего царствования.

В самой формулировке идеи об искуплении Россией грехов императоров Шильдер не избежал противоречий. С одной стороны, Россия пострадала за измену «делам и мыслям» Екатерины II, а с другой — за преступление 11 марта 1801 г. Одним из первых в историографии он написал об убийстве Павла I и причастности к этому его сына Александра. Да и роль личности Екатерины II в истории России, при всей данной ей положительной оценке, не была лишена негативных характеристик. С одной стороны, Екатерина II прекратила дворцовые перевороты, омрачавшие русскую историю со времени кончины великого преобразователя, с другой — ее не отпускала мысль об изменении порядка престолонаследия в отношении ее собственного сына в пользу старшего внука. И только внезапная смерть Екатерины II избавила сына и внука в 1796 г. от семейной трагедии. Но узел был императрицей завязан.

Императоры по-разному усваивали значение собственной исторической роли в России. Правитель, по Шильдеру, должен обладать качествами сильной личности, чтобы проводить политическую линию в условиях бесконечных интриг при дворе. Историк считал деятельность императоров важнейшим фактором, определявшим судьбу народов. Поэтому Шильдер описывает не только быт и поступки своих героев, «государственных дельцов», но и анализирует вопросы внутренней

и внешней политики, оказавшие на них влияние психологические мотивы и особенности характеров.

Положительно оценивал Шильдер государственную деятельность Екатерины II и Николая I, отрицательно — Петра III и Александра I. Неоднозначно он оценивал Павла I, обращая одновременно внимание на его достоинства и недостатки. Павел — жертва, русский Гамлет, «несчастный цесаревич с самого рождения». «Вынужденное бездействие не могло благотворно повлиять на дальнейшее развитие характера Павла Петровича», усиливая его раздражительность и подозрительность, недовольство политикой матери и неприятие ее конкретных действий внутри страны и на международной арене. В итоге жажда установления порядка в реальной жизни обернулась беспорядком. Шильдер обращал внимание на симптоматику, на основании которой можно прогнозировать последующую политику. Она проявлялась в нравственном климате семьи, воспитании, первом дне царствования. Так, он писал, что по событиям, сопровождавшим первый день царствования Павла, можно было предугадать перемены в государственном строе России и готовиться к необычным зрелищам.

Шильдер противопоставил космополитический характер политики Александра I национальной политике Николая I. Он считал политику Александра I и его лично не только виновником восстания декабристов, но и исходной причиной поражения в Крымской войне. Отдельная глава в книге об Александре Павловиче посвящена «тайне старца Федора Кузьмича», за которым, по мнению Шильдера, скрывался мучимый угрызениями совести император.

Александр I Чьим последователем в большей мере (Екатерины II или Павла I) стал Александр I?

Шильдер нашел больше общих черт между отцом и сыном. По мнению Шильдера, мистицизм и судьба вели по жизни Александра I. Он родился в сентябрьские дни 1777 г., во время наводнения, грозившего Петербургу гибелью. По желанию Екатерины II был назван «в честь Александра Невского, святого народного для России и для Петербурга в особенности». С появлением на свет Александра у Екатерины II появилась уверенность в укреплении династии. Однако вновь, подчеркивает Шильдер, судьба распорядилась иначе. Две дочери Александра I Мария и Елизавета умерли в возрасте до двух лет. Императрица-бабушка «ледеяла его детство, назначала ему наставников и руководителей его учением, сосредотачивая

в нем... никогда не теряемый из виду династический интерес». Шильдера не смущали противоречия в системе воспитания Александра и выборе для него воспитателей. Пара — республиканец-воспитатель и будущий монарх-воспитанник — вызвала у автора симпатии. Он подчеркивал, что при Лагарпе великий князь не был набожным в отличие от последнего десятилетия жизни. Шильдер писал: «Еще вопрос — была ли эта вновь обретенная набожность полезнее государству душевного настроения юношеских годов Великого Князя». К числу ошибок Екатерины II Шильдер отнес преждевременную женитьбу внука (в возрасте 16 лет). Екатерина II тем самым оставила Александра недоучкой, распорядившись его судьбой так, как мечтал распорядиться своей судьбой Митрофанушка Фопвизина. Итогом явилась неприспособленность Александра I к пуждам России и задачам, которые должен был решать император. Отсюда вытекали и отрицательные результаты его царствования. Служба в гатчинских войсках нанесла вред физическому (глухота левого уха) и нравственному здоровью Александра. Особенно это проявилось в его увлеченности военными поселениями и фрунтуманией. Ненормальная, как пишет Шильдер, семейная обстановка рождала мучительное раздвоение и двойственность. Самые передовые методы воспитания и образования давали абсолютно негативный для России результат. Шильдер отметил «отрицательное, почти враждебное отношение Александра к правительственной системе своей державной бабки», особенно в юности. Позднее он стал относиться к ее памяти с большей справедливостью.

Школа политического маневра, пройденная Александром благодаря усилиям Екатерины II, приносила опасные плоды. Внезапно разбивший императрицу паралич 5 ноября 1796 г. помешал ей объявить свое решение о передаче престола внуку, минуя сына и, таким образом, наконец решить вопрос о престолонаследии, не дававший ей покоя долгие годы. По Шильдеру, в тот день провидение опять спасло Россию, Павла I и великого князя Александра Павловича. Историк подчеркивал не только спасительность внезапной смерти Екатерины II для Павла как наследника престола, но и, может быть, избавление от еще более худших прецедентов в будущем. «Вообще мечты, занимавшие в то время ум Александра, увлекали его совершенно на другой путь, чем тот, который предназначала и готовила ему Екатерина», — писал Шильдер.

В царствовании Александра I Шильдер выделил три периода, каждому из них дав свое название.

I. 1801—1810 гг. — «эпоха преобразований». II. 1810—1815 гг. — «борьба с Наполеоном». III. 1816—1825 гг. — «последнее десятилетие».

Идеальное и духовное начало в истории исключительную роль играло, по мнению Шильдера, в переломные эпохи. Так, Александру «казалось необходимым оградить несчастное человечество от угрожающего ему варварства» со стороны Наполеона. Шильдер был согласен с писателем, сказавшим, «что «война 1812 года была великою дипломатическою ошибкою, обращенною духом русского народа в великое народное торжество». 1825 г. Шильдер назвал роковым. Таким он стал для Александра I и России.

Декабристы Эта тема была тогда еще новой. Официальная точка зрения была изложена 1848—1857 гг. М.А. Корфом в изданиях: «Историческое описание» 14-го декабря» [1825 г.] и предшествовавших ему событий», «Четырнадцатое декабря 1825 г.», «Восшествие на престол императора Николая I». Шильдера не удовлетворяла ни сама концепция автора, ни источниковая основа его исследования, ни методы работы с источниками. Шильдер показал тенденциозность Корфа. Сам фактор времени (со времени выступления декабристов прошло более 70 лет) помогал Шильдеру. Уже прошла политическая острота восприятия темы, и он мог позволить себе судить о ряде новых для науки вещей. Шильдер показал, что декабристы предвосхитили реформационные планы Александра II на 30 лет. Он подчеркнул благородную мотивацию их поступков, сочувствуя либеральной части восставших. Шильдер внимательно относился к свидетельствам участников движения.

Работа с источниками Шильдер следовал версии Екатерины II, изложенной ею в воспоминаниях, и пошел на поводу созданных ею легенд, прежде всего о Петре III, не анализируя привлекательности его образа в глазах народа, что было сделано М.И. Семевским. Достоверность информации других источников, вышедших из-под пера Екатерины II, также не ставилась им под сомнение. Вместе с тем Шильдер заметил допущенные другими историками (например, М.А. Корфом) пропуски в источниках и обратил внимание на случаи их тенденциозной трактовки. Таким образом, в трудах Шильдера можно встретить элементы критики источников.

Моменты биографии

Шильдер окончил элитарный Пажеский корпус и более демократическую по составу Николаевскую инженерную академию (в 1886—1899 гг. он был ее начальником). Присущее ему здоровое демократическое начало «подпитывалось» системой воспитания (родители следовали системе так называемого «бодрого и практического воспитания»), а также самой средой жизнедеятельности (академия и инженерные войска), позднее — широтой кругозора. Все это позволяло убежденному монархисту Н.К. Шильдеру нести в себе основательный демократический потенциал и давать либеральные оценки как современным, так и историческим событиям. Такой подход позволял историку смотреть на многие исторические события критически.

В 1863 г. Шильдер был назначен адъютантом к ученику своего отца, герою Крымской войны Э. Тотлебену. Позднее, во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. адъютантом Тотлебена был С.С. Татищев. Шильдер также был участником этой войны. Жизненные привязанности и впечатления рождали потребность запечатлеть их для потомков. И в 1886—1888 гг. увидел свет двухтомник Шильдера «Граф Э.И. Тотлебен. Его жизнь и деятельность. Биографический очерк».

Основные труды Шильдера были роскошно изданы А.С. Суворинным в виде крупноформатных томов в конце 1890-х — начале XX в. «Император Александр Первый. Его жизнь и царствование», 4 т. (1897—1898); «Император Павел I. Историко-биографический очерк» (1901).

История Николая I не была завершена Шильдером. После смерти под наблюдением С.Н. Шубинского были изданы два тома «Император Николай I. Его жизнь и царствование» (1903), освещающие события от рождения Николая I до подавления польского восстания в 1831 г.

Поскольку в центре внимания историка было жизнеописание русских императоров, то на этом основании долгое время в отечественной историографии трудам Шильдера давалась уничижительная оценка. Однако в конце XX в. монархическая и династическая проблематика вновь стала престижной, и работы Шильдера стали интересны насыщенными психологическими характеристиками. Те же качества трудов Шильдера, которые делали их интересными современникам, вновь оказали

воздействие на научное и общественное сознание, а именно: сочность языка и стиль исторического романа, обильное цитирование источников личного происхождения.

В свое время внимательными читателями трудов Шильдера были члены императорской фамилии. По вечерам Николай II, по свидетельству военного министра А.Н. Куропаткина, читал Александре Федоровне «Войну и мир» Л.Н. Толстого, «Тараса Бульбу» Н.В. Гоголя или сочинения Н.К. Шильдера о царствовании Александра I. Очевидно влияние творчества Шильдера на великого князя Николая Михайловича.

Шильдер формулировал свою задачу предельно осторожно: «Есть чем вдохновиться будущему русскому Шекспиру. Художественная кисть его нарисует нам эти потрясающие картины нашего прошлого и раскроет перед зрителями внутренний смысл событий; тогда станет понятным таинственное звено, связывающее между собою самые, по-видимому, разнородные явления, логически вытекающие одно из другого. Но до этого еще далеко! Пока приходится довольствоваться одним туманным очерком этого далекого прошлого, в котором лишь мимолетно проглядывает едва уловимый проблеск солнца. Мы, со своей стороны, можем только подходить к истине, и не нам суждено вступить в обетованную землю полной исторической правды».

Шильдер дружил с председателем Русского исторического общества издателем «Русского биографического словаря» А.А. Половцевым, был близок к замечательному историку общественной мысли А.Н. Пыпину, принадлежность которого к либеральному направлению историографии никто не оспаривает. Статьи Шильдера «Император Николай I и Аракчеев» (1900) и «Император Николай I в 1848—1849 гг.» (1899) печатались в «Историческом вестнике» С.Н. Шубинский.

Роль историка в глазах Шильдера была сродни судьбе нелицеприятного суда истории, от которого не свободен никто. Шильдер занимался историей в свободное от службы время, и, казалось бы, его можно было бы отнести к любителям. Однако увлеченность, добросовестность и талант определили трудам Шильдера достойное место в отечественной исторической науке. В 1899—1902 гг. он был директором Публичной библиотеки в Петербурге, только в эти последние годы жизни получив возможность интенсивно, полноценно заниматься историей.

Шильдер оказал заметное влияние на великого князя Николая Михайловича самым подходом к истории, умением показать ее в жанре психологической биографии. Он отказался от одностороннего панегирика российским императорам, используя прием пространного цитирования документов. Свои труды об Александре I Н.М. Романов писал, имея уже перед собой результаты работы в этой области Н.К. Шильдера.

Великий князь Николай Михайлович — историк (1859—1919)

В 90-е гг. XX в. возрождается научный и общественный интерес к творчеству великого князя Николая Михайловича. В 1996 г. в Петербурге, правда в сокращенном виде, издаются составленные им биографии и портреты знаменитых россиян XVIII—XIX вв. (Книга самого Николая Михайловича «Русские портреты XVIII и XIX столетий» насчитывала 5 томов.) Выходят статьи А.Н. Цамутали, В.А. Колобкова, Д.И. Исмаил-заде, посвященные «августейшему» историку. В 1999 г. в серии «Памятники русской исторической мысли» переиздается труд великого князя «Император Александр I».

Под знаком имени

Великий князь Николай Михайлович был тезкой Карамзина. Самой судьбой ему было уготовано стать историком. Николай Михайлович — внук Николая I и старший сын великого князя Михаила Николаевича (т. е. младшего брата Александра II) получил при рождении (14 апреля 1859 г.) имя царственного деда. Николай Михайлович рос и воспитывался вдали от Петербурга — на Кавказе. Он любил Кавказ и много времени проводил в отцовском имении в Боржоми (Ликаны), унаследованном им впоследствии. Первое боевое крещение великий князь получил совсем юным, в возрасте 18 лет. В качестве ординарца своего отца — главнокомандующего Кавказской армией — он участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. и был награжден орденом Св. Станислава 4-й степени.

По семейной традиции великий князь получил военное образование, стал военным. В 1885 г. он окончил Академию Генерального штаба. Его служба проходила на Кавказе: в 1894 г. он командовал 16-м Мингрельским полком; являлся шефом

3-й гвардейской артиллерийской бригады и 82-го пехотного Дагестанского полка; в 1897—1903 гг. командовал Кавказской Гренадерской дивизией. С этой должности и ушел в отставку полковником. Но военная служба была лишь частью жизни Николая Михайловича.

В юности великий князь увлекался энтомологией (наукой о насекомых), особенно его интересовали бабочки. В Зоологическом институте АН Петербурга до сих пор хранится собранная им уникальная коллекция. Под редакцией великого князя вышли 9-томные «Мемуары о чешуекрылых». В 18 лет он уже член Французского энтомологического общества. Великий князь был многосторонним человеком. Наряду с биологией в сферу его интересов входила и география. С 1892 г. Н.М. Романов возглавлял Русское географическое общество.

Однако истинным призванием великого князя была русская история. Интерес к ней пробудился, когда великий князь помогал С.А. Панчулидзеву в подготовке книг по истории Кавалергардского полка («Истории кавалергарда» и «Сборника биографий кавалергардов»). Затем этот интерес перерос в серьезное академическое занятие. Определенное влияние оказали на великого князя советы историков Н.К. Шильдера, В.А. Бильбасова и Е.С. Шумигорского.

Николай Михайлович, начав подготовку к изданию собственных статей, занялся дополнительными изысканиями в архивах. Результатом стало появление в 1901 г. труда «Князь Долгорукие, сподвижники императора Александра I в первые годы его царствования». Не сразу удалось Николаю Михайловичу решение опубликовать эту работу. Он долго колебался, «не желая выступать на арену в печать».

Свои основные труды Николай Михайлович представил общественности уже после того, как ушел с военной службы. Одна за другой вышли посвященные эпохе Александра I книги: «Граф Павел Александрович Строганов (1774—1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I», т. 1—3 (1903), «Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Кузьмича» (1907), «Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I», т. 1—3 (1908—1909), «Император Александр I», т. 1, 2 (1912), «Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной» (1910), «Генерал-адъютанты императора Александра I» (1913), «Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров

Александра и Наполеона. 1808—1812, т. 1—7, (1905—1914), «Некоторые новые материалы к вопросу о кончине императора Александра I» (1914). Николай Михайлович проделал кропотливую работу по составлению справочников «Московский некрополь», т. 1—3 (М., 1907—1908) и «Петербургский некрополь», т. 1—4 (М., 1912—1913). Он задумал издание «Русский провинциальный некрополь» и выпуск «Русского некрополя в чужих краях», но полностью реализовать эти планы не успел. До революции удалось издать книгу «Париж и его окрестности».

Интерес Николая Михайловича к истории питали не только письменные источники, но и сама жизнь. К идее пятитомника «Русские портреты» Николай Михайлович пришел, опираясь на накопленный опыт сохранения культурного наследия. Свообразным толчком стал «Каталог исторической выставки портретов лиц XVI—XVIII вв.», составленный на основании художественной выставки, подготовленной историком П.Н. Петровым еще в 1870 г. в Петербурге. Следующая подобная выставка состоялась в 1902 г. Ее организовал известный искусствовед, барон Н.Н. Врангель. Эту выставку также сопровождал информационно насыщенный каталог, который обратил на себя внимание Николая Михайловича. Художественные выставки стимулировали желание великого князя издать галерею портретов исторических лиц и тем самым сохранить для потомков историческую память о высокой художественной культуре России. Великий князь писал: «Цель будет достигнута, если издание даст значительное число портретов русских людей второй половины XVIII и начала XIX столетий и если этим путем издателю удастся сохранить навсегда изображения, оригиналы которых, быть может, погибнут затем от времени и неблагоприятных условий хранения или бесследно исчезнут, как это случается». Для организации выставки великий князь привлек знакомых ему историков Е.С. Шумигорского и А.А. Голомбиевского. Им он поручил составление текстов к портретам. Отбором и репродуцированием портретов великий князь занимался сам. С зимы 1903—1904 г. ему начал помогать А.Н. Бенуа.

Историко-художественная выставка русских портретов, подготовленная при участии и под патронажем великого князя, открылась 6 марта 1905 г. в Таврическом дворце. Она пробудила интерес к изучению старых мастеров XVIII—XIX вв.: А.П. Антропова, Ф.С. Рокотова, Д.Г. Левицкого, Вл. Боровиковского и др. На открытии выставки побывал Николай II.

Научное и общественное признание Н.М. Романов получил в 1909—1915 гг. В 1909 г. он был назначен Николаем II председателем Императорского Русского исторического общества, в работе которого принимал деятельное участие и раньше. Так, в марте 1908 г. Николай Михайлович выступил на заседании РИО с чтением писем императрицы Елизаветы Алексеевны, супруги Александра I. Вплоть до 10 марта 1917 г., когда Николай Михайлович сообщил председателю Государственного Совета А. И. Куломзину о решении сложить с себя обязанности председателя Императорского Русского исторического общества, он был его бессменным председателем.

В 1910 г. Н.М. Романов стал доктором философии в Берлинском университете. От этого звания он отказался, когда началась Первая мировая война. В 1915 г. Совет профессоров Московского университета по представлению историко-филологического факультета присудил ему, как автору многочисленных трудов по русской истории, ученую степень доктора русской истории. Великому князю принадлежала инициатива создания Общества защиты и сохранения памятников искусства и старины. Он был его первым председателем.

**Политические
взгляды
и занятия
историей**

В литературе, посвященной Николаю Михайловичу, подчеркивается его репутация либерала и сторонника превращения России в конституционную монархию. Для доказательства этого положения приводятся выдержки из письма великого князя Льву Толстому: «Когда Вы прочтете чистые увлечения четырех юношей, окружавших Александра I, и то, что они создали, и что вскоре было обработано Сперанским, то увидите, что все эти учреждения, как то: комитет министров, Государственный Совет, министерские департаменты, остались почти нетронутыми сто лет спустя и ныне действуют в полной мере. Нормально ли это?»

Имя великого князя упоминается в связи с его участием в масонстве. Николай Михайлович в полной мере оправдывал свое прозвище «Филипп Эгалите» (так звали члена французской королевской династии, оппозиционного двору). Он писал Л.Н. Толстому: «Вы вполне правы, что есть что-то недоговоренное между нами, но смею Вас уверить, что, несмотря на родственные узы, я гораздо ближе к Вам, чем к ним. Именно чувство деликатности вследствие моего родства заставляет меня молчать по поводу существующего порядка власти, и это молчание еще тяжелее, так как все язвы режима мне очевидны».

и исцеление оных я вижу только в коренном переломе всего существующего». И тем не менее едва ли данные высказывания до конца проясняют отношение Николая Михайловича к монархии в истории России и к ее отдельным представителям.

Великий князь высоко оценивал личность Александра III в отличие от личности Николая II. В актив Александру III он засчитывал то, что ему удалось во внутренней политике «стать на твердые начала добра» и добиться крепких международных позиций для России. В целом Н.М. Романов считал фактор личности самодержца в русской истории одним из наиболее влиятельных.

Признавая архаичность государственного строя России, Н.М. Романов был убежден в необходимости постепенного совершенствования ее монархического устройства. Не рассчитывая на Николая II как реформатора, «царя-богатыря» вроде Петра Великого, Николай Михайлович, по его словам, «набрел на мысль о реформировании высших учреждений». «Нельзя же требовать от Николая II неисполнимого, а надо помочь ему... Необходимо установить ответственность министров перед общественным мнением... ограничить число департаментов, переписку, установить более строгий надзор за чиновничеством, которое, как червь, понемногу съедает все строение и дискредитирует власть, где только хочет и может... А тогда бы при полном обновлении высших государственных учреждений новые люди бы сами явились... Неужели Вы не признаете пользы, принесенной такими личностями, как Сперанский, Мордвинов, Канкрин, Милютин, сам Александр II», — писал Н.М. Романов Льву Толстому.

Николай Михайлович искал в эпохе Александра I исторические обоснования своему тезису о необходимости приспособления самодержавия к изменившимся условиям общественно-политической жизни. Ему было важно понять, почему «молодые друзья» императора Александра I не смогли решиться на кардинальные преобразования. Научная оценка, данная великим князем деятельности членов негласного комитета Александра I (В.П. Кочубея, П.А. Строганова, Н.Н. Новосильцева и А. Чарторыйского), испытала серьезное влияние его политических взглядов и симпатий. Этот конкретный пример показывает, что историческая реконструкция изучаемой эпохи и концепция Н.М. Романова в целом не были свободны от воздействия его политических взглядов и, как следствие, не избежали модернизации. Впрочем, не одному великому кня-

зю не удалось избежать этого. В сфере политической истории Нового и новейшего времени данная проблема обретает серьезное методологическое звучание, хотя сам Николай Михайлович над ней еще не задумывался.

Наряду с положительными оценками, которые давались личности Николая Михайловича, в источниках можно встретить и нелюбимые характеристики. А.Н. Бенуа отмечал открывшиеся ему со временем в великом князе под лоском европейца черты грубости и самодурства. Тем не менее и в глазах Бенуа, Николай Михайлович оставался «самым культурным» и «самым умным из всей царской фамилии».

1917 г. стал для Николая Михайловича трагическим. После Февральской революции он вел активную переписку с членами императорской фамилии, пытался добиться от них формального отречения от престола. В апреле 1917 г. написал свою последнюю работу «О подвигах Русского солдата в XIX столетии и об его любви к родине». После Октябрьской революции вместе с другими великими князьями Николай Михайлович был арестован большевиками. За него, как заслуженного историка, в декабре 1918 г. просила Российская Академия наук. Однако его убийство предотвратить не удалось.

Также предпринимались попытки добиться его освобождения с помощью Германии, однако сам Николай Михайлович понимал их тщетность. Он писал принимавшему активное участие в его судьбе (до разрыва дипломатических отношений Советской России с Данией в декабре 1918 г., после чего посол должен был вернуться на родину) датскому послу в России Скавениусу: «Я думаю, что не ошибусь по поводу настоящих намерений немцев. Вы сами прекрасно знаете, что все наши теперешние правители находятся на содержании у Германии и самые известные из них, такие, как Ленин, Троцкий, Зиновьев, воспользовались очень круглыми суммами. Поэтому одного жеста из Берлина было бы достаточно, чтобы нас освободили. Но такого жеста не делают и не сделают, и вот *по какой* причине! В Германии полагают, что мы можем рассказать находящимся там многочисленным родственникам о тех интригах, которые немцы в течение некоторого времени ведут здесь с большевиками. Поэтому в Берлине предпочитают, чтобы мы оставались в заточении и никому ничего не могли поведать. Они забывают, что все это вопрос времени и что рано или поздно правда будет установлена, не-

смотря на все их уловки и хитрости». В ночь на 24 января 1919 г. великий князь Николай Михайлович был казнен. Перед смертью он шутил с палачами, держа на руках любимого котенка. В официальном сообщении большевистских властей было сказано, что великие князья Романовы (Николай и Георгий Михайловичи, Павел Александрович и Дмитрий Константинович) были расстреляны в качестве заложников за убийство в Германии вождей немецких коммунистов Розы Люксембург и Карла Либкнехта.

Источники

Трудность династической проблематики, которой занимался Николай Михайлович, заключается в состоянии источниковой базы и ее доступности исследователям. Семейная тайна, становясь государственной, имела следствием то обстоятельство, что источники, ее освещающие, уничтожались. На это Николай Михайлович обращал внимание исследователей. Он настойчиво старался выяснить судьбу исчезнувших источников и о гибели многих из них при Николае I, систематически их уничтожавшем, сообщил. Так, император сразу после смерти своей матери, императрицы Марии Федоровны, уничтожил ее дневники. Что же касается писем матери к Александру I, то они сохранились лишь частично.

Доступ к ряду материалов был открыт Николаю Михайловичу благодаря его высокому положению. Он пользовался библиотекой Зимнего дворца, Государственным архивом, Архивом Канцелярии Военного министерства, находившимся тогда в Петропавловской крепости. При этом великий князь сожалел, что не смог «воспользоваться полностью всеми иностранными архивами, несмотря на любезность архивов иностранных дел, французского, австрийского и прусского». Вместе с тем во многие частные архивы, как русские, так и иностранные, тогда не было доступа и у Николая Михайловича, но некоторыми архивами, в частности графов Строгановых, он пользовался.

Для великого князя готовили специальные копии писем царей и цариц из журнала «Русский архив». Великий князь тщательно работал с печатью как историческим источником. Он собирал вырезки из газеты «Русский инвалид», камерфурьерского журнала («справочная книга» жизни их величеств), из журналов «Русская старина», «Кавказ». Мемуары и переписка являлись для Николая Михайловича основными источниками. Результатом напряженных занятий в русских и за-

граничных архивах стал подготовленный Николаем Михайловичем труд в 7 томах «Дипломатические отношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра I и Наполеона (1807—1812)» (1905—1914) и «Донесения посланника при русском дворе Лебцельтерна за 1816—1828 годы» (1913).

Александр I, опыт исторического исследования

Великий князь Николай Михайлович отдавал предпочтение биографическому жанру. К этому располагало его понимание роли личности, прежде всего личности императора в истории России, ее влияния на формирование внутренней и внешней политики. Поэтому он выбирал конкретную историческую личность и вокруг нее, на широком историческом фоне, строил повествование. Николай Михайлович был убежден, что без исследования жизни человека, психологической мотивации его поступков едва ли возможно изучение серьезных и крупных исторических проблем.

Исследование эпохи Александра I и его личности представлялось Николаю Михайловичу «архитрудной» работой: «...тема, избитая Шильдером, Вандамом, Татищевым; масса недомолвок, пробелов...» Исследование Николая Михайловича об Александре I появилось после смерти Н.К. Шильдера и не просто стало дополнением к его труду, а привнесло новые подходы в изучение темы. Работу Шильдера об Александре I Николай Михайлович считал больше историческим романом. Он отдавал должное его работе по сбору материалов. У великого князя были собственные находки. Шире были и историографические основания труда Николая Михайловича.

Великий князь разделял оценку, данную характеру Александра I А.А. Кизеветтером в этюде об Аракчееве. Оба историка писали о неспособности императора к целенаправленной систематической практической работе и стремлении переложить ее тяжесть на плечи других.

Новизна, внесенная великим князем в исследование, началась с его периодизации царствования императора Александра I. В ней Николай Михайлович выделил пять периодов, каждому из которых дал характеристику:

1) 1801—1807 гг. — «эпоха колебаний». Самый, по словам Н.М. Романова, неопределенный период из всего царствования. Он начался «с проблесков какого-то возрождения», а закончился «погромом русского оружия»: «Показались новые силы в лице юных и неопытных новаторов, были привлечены

некоторые почтенные деятели века Екатерины... В мире военном не сумели оценить Кутузова и Багратиона, а привлекали или бездарностей, или неопытных новаторов».

2) 1807—1812 гг. — время «союза с Наполеоном», который носил унижительный для Александра I характер. Ключевой для характеристики этого периода Николай Михайлович считал фразу Александра I: «Мне *пришлось* (выделено нами. — М.Л.) проводить свои дни с Бонапартом». Державному повелителю России пришлось принести самолюбие в жертву обстоятельствам. Позитивное содержание данного периода Николай Михайлович видел в присоединении Финляндии к России. Он полагал, что этим Александр I завершил дело, достойное Петра I. К числу конструктивных моментов Николай Михайлович отнес начало в 1810—1812 гг. реальной подготовки к войне с Наполеоном, принятую благодаря усилиям Аракчеева и Барклая де Толли.

3) 1812—1815 гг. — период «великой борьбы с Наполеоном». В рамках данного этапа Николай Михайлович отдельно рассматривал Отечественную войну 1812 г., во время которой Александр I осознал «народную мощь, всегда существовавшую на Руси; и сплотился с ней». Если 1812 г. и его воздействие на Александра I великий князь оценивал положительно, то влияние заграничных походов на историю России и личность Александра I историк причислял к негативным фактам (по своим последствиям).

4) 1816—1822 гг. — «эпоха конгрессов, мистицизм, военные поселения». Все эти явления несли в себе больше минусов, чем плюсов для России и ее императора. И как следствие данной эпохи — завершающие три года царствования Александра I.

5) 1822—1825 гг. — «эпоха общего разочарования» нашла свое наиболее яркое и одновременно болезненное для общества выражение в выступлении декабристов.

Член императорского дома великий князь Николай Михайлович характеризовал личность императора Александра I без примеси какого бы то ни было фамильного пиетета. Он мог позволить себе дать ей более резкую, чем Шильдер, характеристику. Он пишет об императоре как о простом смертном, очень способном, но отнюдь не гениальном человеке. Назвав личность Александра I сложной, Н.М. Романов счел возможным дать ей положительную оценку только для «години Отечественной войны». В другие же периоды 24-летнего царствования, по его словам, «интересы России, к сожалению, отходили на второй план» в сознании императора.

К числу негативных черт были отнесены «любимые военные занятия» Александра I, шефа Семеновского полка, его страсть к военной муштре, унаследованная от Павла I, приверженность идее военных поселений. Здесь Николай Михайлович не был оригинальным. Все эти черты были замечены уже Шильдером. Подобно предшественнику Николай Михайлович подчеркивал роковую роль Александра I в судьбе своего отца. Великий князь писал: «Наследник престола знал все подробности заговора, ничего не сделал, чтобы предотвратить его, а напротив того, дал свое обдуманное согласие на действия злоумышленников, как бы закрывая глаза на несомненную вероятность плачевного исхода, т. е. насильственную смерть отца».

По-новому в труде великого князя прозвучала тема реформ в царствование Александра I. Николай Михайлович отказал ему в репутации реформатора: «Император Александр I никогда не был реформатором, а в первые годы своего царствования он был консерватор более всех окружавших его советников». С середины 1804 г., с его точки зрения, Александр I уже не возвращался к внутреннему обновлению страны. Николай Михайлович подчеркивал, что даже когда Александр I еще любил говорить и толковать о либерализме (в 1801—1803 гг.), в том случае, если «дело доходило до конфликта», в императоре «немедленно проявлялось желание настоять на своем, другими словами, подчеркнуть самодержавную власть».

Великий князь четко обозначил тему необходимости преобразований. И «молодые друзья», и М.М. Сперанский в его глазах были носителями реформационных идей. Разрыв с реформационными начинаниями начала александровского царствования Николай Михайлович связывал с появлением фигуры Наполеона.

Оставаясь самодержавным, Александр I негативно относился к дворянству. Николай Михайлович видел корень этой ненависти не в крепостном праве, а «в роли дворянства в кровавом событии 11 марта 1801 года, не забытом Государем в течение всей его жизни».

Усиливала в глазах великого князя негативное впечатление от личности Александра I его «страсть к содействию сомнительных личностей», которая продолжалась во все время его правления. Некоторым из таких личностей даже удалось дойти до высших степеней доверия, как, например, «ловкому Пюццо-ди-Борго довелось быть русским послом!». Николай Михайлович проанализировал качества Александра I как ру-

ководителя внешней политики России. Среди механизмов удержания власти в самодержавной России историк подчеркивал значение «сердцеведения». В этой области в эпоху Александра I не было равных А. Аракчееву.

**Александр I
и Наполеон**

«Для России Александр не был великим... ему не хватало знания ни русского человека, ни русского народа». Александр I получил и от «мнимой дружбы», и от соперничества

с Наполеоном «то наитие, которое составляет необходимый атрибут Великого монарха», — писал Николай Михайлович. Александр I, в глазах великого князя, подчеркивал величие французского императора, как бы являлся «необходимым дополнением образа Наполеона». Если 1809 г. стал апогеем славы и могущества Наполеона, то 1812 г. — «звездный час» Александра I. Великий князь писал, что русскому императору удалось оправдать надежды своих подданных. 1812 год «сблизил Царя с народом». Это время было лучшим в его царствовании.

В 1813—1815 гг. происходит накопление негативных изменений в духовном настроении русского императора. Он становится религиозным, совершает цепь политических ошибок. Ошибками, имевшими серьезные негативные последствия, Николай Михайлович считал заграничные походы (1813—1815), заглушившие чувство патриотизма, заключение Священного союза (вдохновителем и творцом которого он называл Александра I), а также мистицизм и «аракчеевщину». Следствием всех этих явлений и стали события 14 декабря 1825 г., которые, в свою очередь, надолго, по мнению великого князя, отвели Россию на путь «самой убежденной реакции николаевского режима».

Николай Михайлович не разделял мнения о возможности ухода Александра I из политики в «мир» и «превращения» его в старца Федора Кузьмича. Несмотря на то что личность самого Федора Кузьмича установить не удалось, великий князь считал, что Александр I умер в Таганроге в 1825 г. и не соглашался с Н.К. Шильдером и В.В. Барятинским, сторонниками легенды о старце Федоре Кузьмиче.

Великий князь Николай Михайлович проецировал историю на современность. В условиях революции он говорил: «...учитесь истории... В революционной борьбе нет середины...»

Труды Николая Михайловича были фундаментальными, а заслуги перед организацией науки и защитой памятников столь

очевидны, что его, как историка, высоко ценили представители разных общественных направлений: и консерваторы, и либералы, и демократы.

**Сергей Спиридонович Татищев
(1846—1906)**

Имя Сергея Спиридоновича Татищева — известного дипломата, историка и журналиста нередко встречается в исследованиях по отечественной истории XIX — XX вв. Чаще всего к работам С.С. Татищева обращаются историки внешней политики. В историографических трудах облик Татищева остается схематичным. Его, видимо, едва ли узнали бы современники. Сложившийся стереотип историка-монархиста, апологета самодержавия не проясняет и концептуальных оснований работ Татищева. Встречаются обвинения Татищева в полном отсутствии у него самостоятельной позиции. Его упрекают в том, что в отличие даже от Н.К. Шильдера, он якобы безо всякой критики восхвалял русских императоров.

**Дипломатия
и история**

Потомок Василия Никитича Татищева был по своему призванию дипломатом. Сергей Спиридонович получил образование в Александровском лицее и Сорбонне. С 1864 г. служил в МИДе: сначала в русском консульстве в Греции, а позднее, в сложный для России период кризиса на Балканах накануне русско-турецкой войны 1877—1878 гг. в возрасте 29 лет он был секретарем русского посольства в Вене. Два качества Татищева — «блестящий дипломат» (в этом современники сходились) и противник Германии привели к краху дипломатической карьеры Татищева в 1878 г. и обвинению его в государственной измене, чему в немалой степени способствовали интриги самого Бисмарка. Татищев активно участвовал, используя дружеские отношения с министром иностранных дел Австро-Венгрии Д. Андраши, в подготовке секретной русско-австрийской конвенции 3(15) января 1877 г., когда в условиях надвигающейся войны нейтралитет Австро-Венгрии был получен Россией ценой предоставления Австро-Венгрии права оккупации Боснии и Герцеговины. Это обвинение вновь догнало Татищева спустя 10 лет, когда содержание тайных переговоров между Россией и Австро-Венгрией с целью воздействия на Россию было разглашено «Северо-Германской Всеобщей газетой».

Личные дела дипломатов хранятся в Архиве внешней политики Российской империи, однако среди них дела С.С. Татищева нет. Обращает на себя внимание та настойчивость, с которой Татищев объяснял мотивацию и условия своих поступков. Дипломатическая линия А.М. Горчакова — С.С. Татищева в 1875 г. в Вене нанесла ущерб европейской политике Бисмарка, в то время одновременно направленной против Австрии и против Франции. Как показали дальнейшие события, Бисмарк не простил ни Горчакову, ни Татищеву их действий. Татищеву же выпала участь компенсировать моральные издержки, пережитые Бисмарком в 1875 г. Был даже распушен слух о продаже Татищевым иностранцам официальных документов, которые в совокупности представляли картину дипломатической деятельности России во время Берлинского конгресса и оказались в его руках в 1878—1879 гг. Это обвинение Татищев называл оговором. Обстоятельства, при которых документы попали в руки Татищева, он счел нужным объяснить министру иностранных дел Н.К. Гирсу, сменившему на этом посту А.М. Горчакова. Татищев рассказал о просьбе, с которой к нему обратился А.М. Горчаков. Канцлер хотел, чтобы история Берлинского конгресса была написана именно Татищевым с целью «выгородить» его перед историей. По свидетельству Татищева, Горчакову принадлежали обращенные к нему слова: «Таково мое политическое завещание». Для того чтобы Татищев осуществил задуманное, Горчаков передал ему литографированные копии с депеш, которыми МИД обменивался со своими представителями в основных политических центрах Европы и Востока.

Татищев не раз возвращался к вопросу о своей так называемой «государственной измене», наталкиваясь на стену молчания в течение всего царствования Александра II, ситуация изменилась только при Александре III, когда был взят курс на союз России с Францией.

Обвинение в измене тяготило Татищева. Его безуспешные обращения к Александру II с прошениями о реабилитации усиливали личную неудовлетворенность Александром II и оказали воздействие на изменение историком трактовки действий императора в специально посвященном ему труде. Татищев нелюбезно писал о государе во втором томе монографии «Император Александр II», что и стало причиной задержки его публикации цензурой. Для преодоления препятствий потребовалась поддержка министра внутренних дел В.К. Плеве. Одна-

ко Татищев разделял два понятия: политику конкретного царя и критику самодержавия. Он рассматривал критику монархического принципа как «бесплодное и тлетворное отрицание живых и положительных начал русской государственности». Для Татищева «самодержавная власть — власть отеческая, но потому-то она и допускает для подданных долю свободы в области мысли и слова несравненно большую, чем та, что гарантируется параграфом любой из западноевропейских конституций». Татищев считал, что сложившиеся веками, в силу исторических условий, отношения русских людей к государю и государству — «одно из своеобразнейших явлений столь богатой своеобразием государственной жизни нашего отечества».

Что же касается политического заказа Горчакова, то в форме отдельного исследования о Берлинском конгрессе он не был выполнен Татищевым. Однако весь собранный материал был им использован в процессе работы над монографией «Император Александр II», где событиям Восточного кризиса 1870-х гг. посвящено 6 глав. Таким образом, взаимосвязь практики Татищева-дипломата и предмета его исторических исследований очевидна. Она проходит красной нитью сквозь все его творчество. Именно практика (дипломатическая, журналистская, в должности финансового агента в Лондоне) углубляла суждения Татищева о причинах исторических явлений, расширяла горизонты его методологических представлений и арсенал средств исторического исследования, приводила к пересмотру устоявшихся представлений и выработке новых подходов (переоценка им степени революционной угрозы и анализ страха перед ней во внешнеполитических действиях государства; понимание взаимосвязи внешней и внутренней политики и постановка, в связи с этим перед русской дипломатией задачи обеспечения условий для ее претворения в жизнь; осознание важной роли экономических интересов держав в системе их международных отношений).

Методологические соображения Татищев разделял убеждение Н.Я. Данилевского во враждебном отношении Западной Европы к России. Он писал об одиночестве России и ее противостоянии Западной Европе как о вечном, непреложном законе истории: «...общий интерес явился связующим звеном между нашими противниками и союзниками. Они спешили протянуть друг другу руку и единодушно воздвигались на нас, противопоставляя нашему праву совокупные пользы и нужды Европы». Такой, по Татищеву, была модель

поведения европейских стран в отношении России в течение всего XIX в.

Помимо несовместимости интересов России и европейских стран, Татищев выделял и другие системообразующие факторы во внешней политике России. К их числу он относил убеждения и характер русских императоров. Он постарался это показать на примере Николая I. В анализе внешнеполитического курса Татищев использовал средства психологического портрета и исторической психологии. Историк считал, что на склад личности Николая I оказали влияние национальные особенности: великодушие, добродушие, доверчивость к иностранцам, способность к быстрому прощению даже измены и др. Добродетельные сами по себе, они обернулись негативными последствиями для России в качестве средств и принципов внешней политики. Изучая воздействие национального, идеологического и конфессионального факторов на принятие решений в конкретных внешнеполитических ситуациях, Татищев, стараясь оправдать Николая I, не избежал его идеализации. Историк исходил из того же определения, что и народ: «Не ведает царь, что творит псарь». Благодетельным, в глазах Татищева, национальным особенностям царя он противопоставил негодность российских дипломатов, руками которых осуществлялась внешняя политика страны.

**Дипломатия
«отвлеченных
начал»**

Татищев считал, что в начале XIX в. «наше дипломатическое ведомство перешло в руки инородцев по происхождению, иноверцев по исповеданию, скоро обративших русскую дипломатию в нечто обособленное, чуждое, лишенное всякой живой и органической связи с животворящими источниками государственной и общественной жизни России». «Такой оборот в нашей внешней политике навлек на Россию тяжкие испытания. Последствиями его была гроза двенадцатого года и Севастопольский разгром». Начало этой «новой» дипломатии Татищев ведет от Адама Чарторыйского, которому посвятил специальное исследование, вошедшее как раздел в его книгу «Из прошлого русской дипломатии».

Татищев считал, что в эпоху Николая I «окончательно сложился тип русского дипломата XIX века... по образу и подобию дипломата австрийской, меттерниховской школы», самым полным воплощением которого стал канцлер граф Нессельроде. По отношению к Западу он не шел далее «заколдованного круга» тесного соглашения России с Австрией

и Пруссией. При нем «идеальные воззрения, отвлеченные начала окончательно берут верх над соображениями практической политики».

Ошибки Николая I во внешней политике Татищев объяснял приверженностью императора мечте о солидарности монархических государств (России, Пруссии и Австро-Венгрии) в виду «поступательного движения революции», т.е. преемственности стратегии Александра I и Николая I в отношении защиты Священного союза. Это коренное заблуждение, по мнению Татищева, привело к постановке всей дипломатической системы России на ложные основания: подчинение «этой отвлеченной идее всех прочих соображений своей внешней политики». Так, цель Священного союза виделась в «обеспечении торжества права над бесправием», с которым ассоциировали революцию. Страх перед революцией мешал системному видению внешнеполитических отношений. Поэтому, как считал Татищев, «мечта разлетелась в прах при первом соприкосновении с действительностью». Реальная противоположность интересов взяла верх над отвлеченностью. Русско-турецкая война 1877–1878 гг., по наблюдению Татищева, «обличила» всю «несостоятельность» Тройственного союза, доказала призрачность начал, положенных в его основание, так же точно, как Крымская война «рассеяла его первообраз: пресловутый Священный союз».

«Политика отвлеченных начал» строилась, по Татищеву, на двух устоях: великодушии и бескорыстии. Ее целью на Западе было достижение мира и благоденствия в Европе, а на Востоке — счастья и процветания христианских племен, его населяющих. Данную систему, которой упорно придерживалась русская дипломатия, Татищев считал глубоко ошибочной. Ее результатом он считал Сан-Стефанский договор и Берлинский трактат («плоды одного и того же дерева»): «И тот и другой молчат о пользах и нуждах самой России, не упрочивают за нею ни малейших материальных обеспечений ее интересов».

Концепцию «отвлеченных положений», выработанных западной наукой и ни мало не согласованных с нашими историческими, географическими и народными особенностями» в конце XIX в., как считал Татищев, защищал и Ф. Мартенс. Острая полемика между ними вылилась на страницы печати. Мартенс не только заведовал кафедрой международного права в Петербургском университете, но одновременно и был членом Совета МИДа. Татищев считал, что Мартенс не уделяет достаточного внимания взаимосвязи внешней и внутренней

политики и вопросу о необходимости защиты внутренней политики дипломатическими средствами. С этим он не мог согласиться: «В большей части случаев МИД выражает к внутренним делам полное безучастие, совершенно устранив от их обсуждения. Так поступает он в вопросах административных, финансовых, торговых, обыкновенно вовсе не высказывая своего мнения и слагая с себя всякую ответственность».

**Личность, народ
и дипломатия**

Роль личности в истории Татищев оценивал двойко. Очень влиятельной была роль во внешней политике императора. Что же касается других государственных деятелей, то к ним вполне приложимы слова, высказанные Татищевым в адрес Бисмарка: «При всем своем умственном превосходстве над большинством современных государственных людей, князь Бисмарк не создает событий, он только умеет ловко пользоваться ими в применении к своекорыстным своим целям».

Татищев увидел своекорыстие Бисмарка в высказанной им после разгрома Австрии Пруссией в 1866 г. мысли о целесообразности для Германии распространения сферы австрийской мощи на Восток, приобретении «компенсаций» в балканских землях и на этой основе — тесное сближение, возобновление союзнических отношений с Германией. Татищев показал, что, обещая Австрии отстаивать ее интересы на Балканах и тем самым действовать против России, Бисмарк одновременно призывал к созданию союза трех императоров (Пруссии, Австрии и России), изначально заложив под него мину. Коварство Пруссии и Австрии по отношению к России Татищев персонифицирует в первую очередь в Меттернихе и Бисмарке.

Историк проводил идею независимой политики России от Германии и Австро-Венгрии. Он считал, что, «вступив однажды на почву уступок, мы быстро спускаемся по наклонной ее плоскости с высоты, на которую подняли нас договоры адриано-польский и ункиар-искеlessийский». «В исторической жизни народов есть неустойчивые течения, коими обуславливается ход и направление их государственного развития. Течения эти стихийная сила, создающая события, с которыми приходится считаться разумной политике. Задача дипломатии и состоит именно в том, чтобы обращать себе на пользу эти самые события, предотвратить или видоизменить которые не в ее власти. Такая цель достигается просто и легко, когда дипломатия, ясно сознавая свою задачу, неуклонно стремится к ее осуществлению. Напротив, та дипломатия сама обрекает себя на поражение, кото-

рая, действуя без определенной программы, пытается под влиянием случайных, преходящих впечатлений и с помощью искусственных преград, остановить движение истории».

«Забудем ли, что великая держава, великий народ, не могут безнаказанно удаляться с пути, указанного им историей, намеченного и прославленного целым рядом прошедших поколений, что народное самосознание одно предохраняет от опасных уклонений или увлечений; что только та дипломатия стоит на высоте своего призвания, которая, как Антей, почерпает силу в соприкосновении с родной почвой?»

Проблему патриотизма Татищев рассматривал в рамках своих представлений о патриархальности государственных отношений, сложившихся в России. Историк выразил их следующим образом: «Они не вмещаются в узкую рамку правового определения, и сущность их всего яснее выражается народным взглядом на Царя-батюшку и на матушку-Россию. Мы не ошибемся, назвав их семейными, сыновними, теми же отношениями, что связывают детей с родными матерью и отцом».

В работах Татищева большое место занимали размышления о жупеле «революционной угрозы», роли которую сыграл страх перед ней, в выработке внешнеполитического поведения России. В 1875 г. Татищев «попался на удочку» Д. Андраши, который умело разыграл карту революционной угрозы в Боснии и Герцеговине и тем самым подтолкнул дипломатические круги России к принятию аннексии балканских земель. Понимание опасности подчинения внешней политики страху перед революцией пришло к Татищеву позднее и было проанализировано им в исследовании «Внешняя политика императора Николая Первого...» (1887).

Татищев одним из первых занялся анализом проблемы воздействия революций на изменение соотношения сил на международной арене. Для него был характерен широкий подход и аналогии. Он считал, что в результате революционных бурь 1830 и 1848 гг., потрясших «политическую поверхность» Европы, возникли две группы (или, как он говорил, «стана») стран: либеральная на Западе, в которую вошли морские державы — Великобритания и Франция, и охранительная на Востоке в составе России, Австрии и Пруссии. «Из революционного погрома родились не только новые учреждения, но и целое поколение общественных деятелей, которые, какого бы направления они не придерживались, не имели ничего общего

**Фактор
революционных
опасений**

с деятелями дореволюционной эпохи и иными средствами преследовали иные цели». Исключение составили Россия и Англия, которых не коснулось «тлетворное» дыхание революции. По мнению Татищева, влияние революции всего более отразилось на Пруссии. Она вышла из нее неузнаваемой.

Экономический фактор

В 1898 г. Татищев был приглашен министром финансов С.Ю. Витте в качестве финансового агента. Ему предстояло наладить в Лондоне диалог с торговыми, промышленными и финансовыми кругами Британии. Практика финансового агента расширила представления Татищева-историка. Ему в полной мере открылось значение экономического фактора; экономических интересов и отношений между странами в системе международных отношений. Татищев стал рассматривать взаимосвязано политические и экономические вопросы, о чем свидетельствуют его письма-размышления С.Ю. Витте. Эти перспективные новые подходы Татищев, к сожалению, не успел реализовать в научном творчестве. В последние годы жизни его больше занимали практические вопросы. Он разрабатывал механизмы усиления эффективности внешнеполитического влияния России и хотел реализовать свою мысль об использовании для этих целей иностранной периодической печати. Одновременно с предложением не жалеть субсидий он предлагал создать в правительственных структурах особые отделения для «сношений с заграничной печатью». Поскольку раньше ни в МИДе, ни в министерстве финансов этого сделать не удалось, Татищев, найдя поддержку у Плеве, реализовал эту идею в МВД.

История и успехи государства

Татищев высоко ценил общественно-политические функции истории как науки. Он считал, что как историк он обладает теми знаниями и навыками, которые создают предпосылки для внешнеполитического успеха страны. Содействовать ему он считал своим долгом. Постигание истории помогало Татищеву отвечать на вопросы современной политики. В этом контексте история обрела в глазах Татищева особую привлекательность и глубокий смысл.

Наработанный Татищевым научный потенциал был востребован в конце XIX — начале XX в. политиками-практиками: сначала министром финансов С.Ю. Витте, а затем министром внутренних дел В. К. Плеве, с которым Татищев был хорошо знаком еще с начала 1880-х гг., т. е. со времени своей службы в Департаменте полиции.

Татищев всегда занимал активную жизненную позицию и тонко чувствовал исторические периоды, опасные для судеб монархии. Тогда его можно было встретить в центре судьбоносных для страны событий, как внутри страны, так и за рубежом. В стремлении укрепить авторитет Российского государства Татищев был последователен и защищал его искусством дипломата и историка, пером и оружием. В письме В.К. Плеве он так объяснил свою позицию: «В том-то я и полагаю мою гордость, чтобы жертвовать собою тому самому государственному строю, в котором нет для меня ни признания моих заслуг, ни даже мало-мальски соответствующего достоинству моему места, но который я считаю единственным строем, способным развить и упрочить величие, славу и счастье России».

Поведение Татищева-историка не было чем-то оригинальным. Он брал пример с немецких историков. Татищев был убежден, что во многом достижения Бисмарка следует объяснять расцветом немецкой исторической школы. Татищев опирался на мнение канцлера Австро-Венгрии графа Бейста, определившего тесную связь, существовавшую в Пруссии между «поучениями» историков и действиями и речами государственных людей. Ценность трудов Леопольда фон Ранке, Генриха фон Зибеля, Генриха Трейчке и других так называемых малогерманцев была своевременно учтена властью. С этим мнением Татищева был согласен Витте, который и пригласил историка, чтобы использовать в практической сфере его научные знания.

«Просвещаясь светом истории, размышляя над ее уроками, извлекая пользу из накопившегося опыта предшествовавших поколений, разумная политика предохраняет себя от колебаний, от промахов, от заблуждений всякого рода, а также от разочарований, являющихся их неизбежным последствием. Сознав совершенные ошибки, она уже не повторит их и не задумается покинуть систему, осуждающую событиями. Таковы приемы новейшей дипломатии, справедливо считающей историю главным основанием своих действий», — писал Татищев. Однако, подобно М.Н. Каткову, он был убежден, что русские подданные имеют нечто более, чем права политические, они имеют политические обязанности. «Каждый из русских подданных обязан стоять на страже прав Верховной Власти и заботиться о пользах государства. Каждый не то, что имеет только право принимать участие в государственной жизни и заботиться о ее пользах, но призывается к тому долгом верноподданного. Вот наша конституция. Она вся без

параграфов содержится в краткой формуле нашей государственной присяге на верность», — этим словам Каткова Татищев придавал значение кредо и использовал их как эпитафию к своей книге «Из прошлого русской дипломатии».

Восточный вопрос

Одним из первых среди русских историков Татищев начал глубоко анализировать общеевропейский смысл балканских событий в XIX в. В качестве важной проблемы исторического исследования он поставил Восточный вопрос. Татищев считал: «Права наши на Востоке были несомненны, но они всегда были бельмом на глазу Западной Европы. Лишь только представился удобный к тому случай, она воспользовалась, чтобы лишить нас этих прав и тем задержать наш политический рост, ослабить наше могущество». Поскольку в экономическом соревновании с Западом на Ближнем Востоке Россия уже отставала, то исторические предания, конфессиональная, культурная и духовная близость были основными аргументами русской дипломатии на Балканах и позволяли ей выглядеть благообразно, кроме, естественно, случаев вынужденного согласия русской дипломатии на аннексию Австро-Венгрии, Боснии и Герцеговины.

Неразрывная связь между церковью и престолом, в глазах Татищева, была своеобразной и отличительной чертой русской монархической идеи, которую твердо усваивали русские императоры. Объектами русского влияния были проливы, Константинополь и Балканы.

Подчеркивая глубину противоречий с великими державами на Ближнем Востоке, Татищев тем не менее со временем пришел к выводу о необходимости для России жить в мире с Англией. В этом он видел гарантию безопасности своей страны. Историк постоянно проецировал печальные последствия Крымской войны на события Восточного кризиса второй половины 1870-х гг. и на более позднее время — конец XIX — начало XX в.

Историческое призвание

«России обязаны свободой и Румыния, и Сербия, и Греция, и, наконец, Болгария. Но, взглядываясь в отношения, установившиеся между державой-освободительницей и молодыми государствами, ею же созданными, нельзя не отметить того поразительного по своему постоянству явления, что, по мере достижения независимости, каждую из упомянутых стран, русское влияние в них постоянно падало, и новообразованные государства становились часто в положение даже враждебное России,

которая, таким образом, освободительную миссию свою совершала в явный ущерб себе и своему политическому воздействию на судьбы Востока». Почему было утрачено русское влияние в освобожденных Россией странах? Отвечая на этот вопрос, Татищев выделял три группы причин: противодействие России со стороны стран Западной Европы, которые использовали любые средства, чтобы посорить Россию с Балканскими государствами; стремление к политической самостоятельности Балканских государств; и, наконец, ошибки России, которые он ставил в данном ряду на первое место.

Главной ошибкой Татищев назвал неправильную оценку «как сущности наших польз и нужд, так и средств к удовлетворению их в общении с молодыми Балканскими государствами». «Стоит задуматься над этим вопросом, имеющим первостепенную важность для будущего России как великой мировой державы. И в прежние годы мы неоднократно испытывали значительные неудобства от постепенного охлаждения отношений наших к Греции, Румынии и Сербии. Но то, что происходит в настоящее время в Болгарии, превышает всякую меру политической благопристойности».

«О единоверии с восточными христианами, о племенном с ними родстве, об общих исторических преданиях, о русской крови, пролитой за их освобождение, обо всем этом нет больше и помин. Хуже того, стремления их к возрождению мы приравниваем к проявлениям всемирной революции».

Татищев так диагностировал положение России на международной арене в середине XIX в.: «В Константинополе мы пасуем перед Англией. Скоро одиночество наше становится полным. Франция с нами в разрыве. Излюбленные наши соперницы, Австрия и Пруссия, обнаруживают тяготение. Первая к Парижу, вторая к Лондону. Таковы плоды наших стараний восстановить «европейский концерт».

Удалившись в конце XIX в. из Болгарии, Россия «добровольно покидала свой передовой пост на Балканах на пути к Проливам. Враждебные нам силы, которым мы сыграли в руку, естественно поспешили занять его».

Историки о работе Татищева

Интересно восприятие творчества Татищева известными историками. Так, в рецензии на труд Татищева об Александре II А.А. Корнилов высоко оценил главы, посвященные внешней политике, нашел интересными главы о ходе военных действий во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.,

отметив их конкретность. Однако в отношении вопросов внутренней политики рецензент подчеркнул неподготовленность автора и, как следствие, «несоразмерность отведенного отдельным событиям места сравнительно с важностью и историческим значением». Историческая деталь в трудах Татищева представляет особый интерес. Он привел цифры стоимости русско-турецкой войны. Немало интересных (с точки зрения профессионала уровня Корнилова) данных и документов было приведено Татищевым в главе «Церковь, просвещение, благотворительность». В то же время Корнилов упрекал Татищева в излишне оптимистичном тоне при освещении вопросов, затрагивающих «русское оружие» и его роль в истории, а также пореформенного развития производительных сил страны. Самостоятельной концепции социально-экономического развития России у Татищева не было. Но самым слабым Корнилову показался раздел о литературе, где даже не было упоминаний не только о писателях-народниках, но и о И.А. Гончарове и Н.А. Некрасове.

Источники

- Вел. кн. Николай Михайлович. Император Александр I. М., 1999.
- Вел. кн. Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов (1774—1817). Историческое исследование эпохи Александра I. СПб., 1903. Т. 1—3.
- Знаменитые россияне XVIII—XIX веков. Биографии и портреты. По изданию великого князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII и XIX столетий». СПб., 1996.
- Татищев С.С. Из прошлого русской дипломатии. Исторические исследования и полемические статьи. Спб., 1890.
- Татищев С.С. Дипломатические беседы о внешней политике России. Спб., 1889.
- Шильдер Н. Император Павел Первый. Историко-библиографический очерк. М., 1996.
- Шильдер Н. Император Александр I. М., 1996. Кн. 1—2.
- Шильдер Н. Александр I. Русский биографический словарь. Издан под наблюдением председателя ИРИО А.А. Половцова. СПб., 1896. Т. 1; М., 1992.
- Шильдер Н. Император Николай I. М., 1996. Кн. 1—2.

Литература

- Лачаева М.Ю. Финансовый агент С.С. Татищев // Россия на рубеже XIX—XX веков. М., 1999.

- Нелеин И.Г. Великий князь Николай Михайлович — историк // Вопросы истории. 1994. № 10.
- Цамутали А.Н. Жизнеописание русских императоров: Николай Карлович Шильдер // Историки России XVIII — начало XX века. М., 1996.
- Цамутали А.Н. Августейший историк: великий князь Николай Михайлович // Там же.
- Щеголев П.Е. Н.К. Шильдер // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XXXIX-а. СПб., 1903. С. 572—573.

**Феномен
Костомарова**

Решением ЮНЕСКО год 150-летия Н.И. Костомарова (1967) отмечался во всем мире. Это стало свидетельством его заслуг перед мировой наукой и культурой. И все же мы не до конца осознаем значение нашего соотечественника в исторической науке. Пристальный интерес к творчеству историка проявляли современники и потомки. В 90-е гг. XX в. переизданы исторические исследования, публицистика и романы Н.И. Костомарова. Рост общественного и научного интереса к этому автору в конце XX в., впрочем, как и к Н.М. Карамзину, был вызван потребностью читателей в ярком, насыщенном действующими лицами, динамичном и одновременно психологическом историческом чтении. Они стали интересны, потому что их труды давали пищу для анализа психологии и философии исторического поступка, объясняли конкретно-исторический выбор хорошо знакомыми и малоизвестными историческими лицами. Личность Костомарова традиционно обращала на себя внимание трагизмом судьбы, активной ролью в истории общественной мысли России и славянства, лидерством в Кирилло-Мефодиевском обществе.

Восторженные оценки Костомарову давали писатели, не чуждые интереса к истории. Ю. Нагибин считал его одним из самых выдающихся историков страны, блестящим лектором, смелым общественно-политическим деятелем, увлекательным беллетристом и драматургом, мыслителем, обогащающим время новыми идеями, который «пользовался громадной популярностью не только в научных и литературных кругах, но и среди широкой публики. Кроме того, Николай Иванович был подлинным

борцом за Идею и Истину, которую он неустанно проповедовал, за которую боролся и страдал». Необходимо добавить, что историк обладал несомненным поэтическим дарованием, внес лепту в науку как этнограф, источниковед, археограф и фольклорист. Характеристика Нагибина обращает на себя внимание тем, что в ней прозвучала важная для понимания концепции Костомарова вещь, а именно: безусловное воздействие на исторические представления политических взглядов, внимание Костомарова к общественному значению истории и современное звучание его исторических текстов, в которых проявлялся темперамент историка и гражданина. Истоки такой позиции понятны — это обостренное чувство социальной справедливости, присущее ученому с юности.

Биография

Костомаров был незаконнорожденным сыном русского помещика и крепостной (родился 4 мая 1817 г. в слободе Юрасовка Острогожского уезда Воронежской губернии). Позднее родители сочетались законным браком, но Иван Петрович Костомаров так и не успел усыновить сына до своей гибели, поэтому матери Татьяне Петровне Мыльниковой пришлось отстаивать свободу сына, выкупив его у родственников мужа. До 10 лет отец, отставной капитан, участник штурма Измаила, воспитывал будущего историка в духе времени по рекомендациям Ж.Ж. Руссо. Мать заботилась о православном воспитании. Гибель отца многое изменила. Ее причины Н.И. Костомаров подробно описал в «Автобиографии». На примере отца он показал, сколь уродливо сочетались в сознании помещика крепостной эпохи «смесь либерализма и демократизма с прадедовским барством». Этот «барский» опыт российского «просвещения» крепостных имел для семьи историка тяжелые последствия. Отец старался распространять «вольтерианизм» (термин Н.И. Костомарова) там, где «не представлялось для того никакой почвы» — среди дворян. Дворяне быстро научились пользоваться причудами барина, прежде всего его вспыльчивостью. Отец постоянно объяснял своим крепостным, что все люди равны, но при этом нередко применял физическое воздействие, после которого просил извинения у наказанного слуги, стараясь загладить несдержанность подарками или деньгами. В результате дворяне успешно провоцировали его к рукоприкладству. Особую опасность имели пропагандировавшиеся барином атеистические идеи: усвоив, что Бога нет и бояться наказания за грехи не надо, несколько дворян убили И.П. Костомарова

и ограбили его семью, похитив шкатулку, где хранились основные сбережения.

Будущий историк лишился возможности продолжить образование в Москве, где он начал учиться в пансионе Ге, лектора французского языка при университете. Это учебное заведение было на голову выше воронежского пансиона, где ему пришлось учиться уже после смерти отца. Разным было отношение Костомарова к двум пансионам. Если возвращения в московский пансион он ждал с нетерпением, то когда позднее его выгнали из воронежского пансиона, посчитал данное обстоятельство для себя спасительным. После воронежского пансиона Костомаров продолжил образование в гимназии в Воронеже, затем поступил на историко-филологический факультет Харьковского университета, когда ему было 16 лет.

Первое время занятия в университете не приносили удовлетворения. По словам историка, университет тогда переживал упадок: «Русскую историю читал Гулак-Артемовский, человек, бесспорно, с поэтическим дарованием, как показали его малорусские стихотворения, но в своих лекциях по русской истории отличавшийся пустым риторством и напыщенностью... Философию преподавал некто Чанов, бывший прежде того частным приставом». Не в университетской атмосфере черпал силы Костомаров, а у матери в деревне, где, отдаваясь самообразованию, продолжал «учиться по-латыни и по-французски, так, что к концу лета мог уже свободно читать»... Это умение учиться самостоятельно — характерная особенность Костомарова. Она позволила ему освоить в гимназические годы латынь, греческий и французский, в университете — итальянский, позднее — малороссийский, немецкий, польский, чешский и сербский языки.

В 1835 г. в Харьковском университете начинаются перемены. Обновление на историко-филологический факультет пришло вместе с М.М. Лупиным, одним «из лучших преподавателей всеобщей истории, какие когда-либо являлись в наших университетах. Он был вооружен всею современной ученостью, получив ее в германских университетах...». Именно Лунин, по признанию Костомарова, оказал глубинное воздействие на его научное становление: «Вообще лекции этого профессора оказали на меня громадное влияние и произвели в моей духовной жизни решительный поворот: я полюбил историю более всего и с тех пор с жаром предался чтению и изучению исторических книг». «История сделалась для меня любимым до страсти предметом».

Первый опыт занятий русской историей по источникам, или «первую школу для чтения старых бумаг», Костомаров прошел по окончании университета, во время службы в Кинбурнском драгунском полку в Острогжске. Свое решение определиться юнкером Костомаров объяснял желанием лучше узнать людей и «всякое общество, между прочим, и военное», ему совершенно неизвестное. В Острогжске был богатый архив уездного суда, на основании материалов которого Костомаров подготовил к печати описание Острогжского слободского полка (материалы изъяли при его аресте в 1847 г.). Тогда же у него возникла мысль изучить архивы других слободских полков и написать историю Слободской Украины. Но вскоре историк оставил военную службу, полностью в ней разочаровавшись. В 1837 г. он вернулся в Харьков. Костомаров много читал «всякого рода исторических книг, вдумывался в науку и пришел к такому вопросу: отчего это во всех историях толкуют о выдающихся государственных деятелях, иногда о законах и учреждениях, но как будто пренебрегают жизнью народной массы? Бедный мужик, земледелец, труженик как будто не существует для истории; отчего история не говорит нам ничего о его быте, о его духовной жизни, о его чувствах, о его проявлениях его радостей и печалей?»

Для тех лет это была новая постановка вопроса. Ответы на него Костомаров находил в фольклоре. Тогда же происходит его сближение с И.И. Срезневским, который активизировал интерес Костомарова к изучению малорусской народности. Историк, испытывая неудовлетворенность собственным профессионализмом, старался восполнить недостатки полученного образования, для чего использовал каждую предоставлявшуюся ему возможность. В Харькове он вновь прослушал лекции М.М. Лунина и А.О. Валицкого (по греческой словесности), а будучи весной — летом 1838 г. в Москве, посетил университетские лекции М.Т. Каченовского, М.П. Погодина, С.П. Шевырева. Тогда у него даже появилось нереализованное позднее «намерение держать экзамен на степень магистра русской словесности» в Московском университете. Самое сильное впечатление на Костомарова произвел Каченовский. По наблюдению В.И. Семевского глава «скептической школы» заронил в его душе зерно скептицизма по отношению к некоторым устоявшимся в науке взглядам.

В эти годы начинается литературное творчество Костомарова. Сам историк не отделял исторического повествования от

художественного слова. Он неслучайно восхищался Н.И. Карамзиным. Оба «восходили» в историю из литературы, принадлежали к тем избранным историкам, кому было подвластно художественно-литературное мастерство. Сама проблема правомерности написания историком исторического романа активно обсуждалась в 1860—1880-е гг. Костомаров считал жанр исторического романа для своего творчества просто необходимым. На долю литературного произведения ложилась задача «усиления вескости» авторской концепции изобразительными средствами, в частности более детальным эмоциональным описанием характеров исторических лиц. Функции художественного образа в глазах Костомарова имели концептуальное значение. Историк писал романы по хорошо известной проблематике. Так, в «Кудеяре» (исторической хронике времен Ивана IV) историческая концепция автора та же, что и в его «Русской истории в жизнеописаниях...».

Потребность в литературном труде у Костомарова вызывалась еще одним обстоятельством. Углубленному знакомству с конкретными историческими сюжетами и событиями помогали его путешествия и осмотры древностей. Эти впечатления могли получить всесторонний выход только в художественном творчестве. И наконец, еще одно принципиальное для Костомарова обстоятельство — стремление донести результаты своих научных изысканий до широкого читателя, что в художественной форме было сделать легче.

В конце 1840 г. Костомаров сдал магистерские экзамены и получил право писать диссертацию. Через полгода он представил работу «О причинах и характере Унии в Западной России». Назначили день защиты, но из-за доноса его отложили на неопределенное время. Дополнительное рецензирование поручили Н.Г. Устрялову, который дал отрицательный отзыв. (Спустя 19 лет Костомаров получит приглашение занять кафедру русской истории в Петербургском университете после отставки Устрялова.) Оппоненту показался неприемлемым характер видения предмета соискателем: критика православного духовенства и сочувствие казачеству. Последнему давалась оценка спасителя православия и народности. Устрялов увидел в работе Костомарова близость к позициям «Отечественных записок» и отметил идейное влияние В.Г. Белинского. Последовало распоряжение С.С. Уварова сжечь отпечатанные экземпляры диссертации, однако несколько из них сохранились. В переработанном и дополненном виде эта работа была издана

спустя 14—16 лет под другими названиями: «Отрывки по истории южнорусского казачества до Б. Хмельницкого» (1865) и «Южная Русь в конце XVI века» (1867).

Костомарову «позволили» написать новую диссертацию. Он выбрал тему «Об историческом значении русской народной поэзии», потому что к этому времени записал много народных песен, которые решил проанализировать как источник. Весной 1843 г. диссертация была готова. Костомаров с благодарностью вспоминал о поддержке М.М. Лунина: «...он вполне сочувствовал моей мысли о введении народного элемента в науку истории. Как человек с европейским образованием, он способен был смотреть шире других ученых мужей старого закала». Оппонентами на защите (13 января 1844 г.) были Якимов и Срезневский. Последний высказал свое сочувственное отношение к работе на страницах «Москвитянина». «В других журналах — «Библиотеке для чтения» (Сенковский) и «Отечественных записках» (Белинский) ее приняли не так ласково». Автора обвиняли в несерьезности самого предмета исследования и избранного источника. Особенно задело Костомарова мнение Белинского, который «еще в 1839 году, разбирая в «Отечественных записках» «Савву Чалого» и «Украинские баллады», отнесся к нему «совсем иначе» и признал за ним «несомненный талант». Костомарову пришлось отстаивать право и место в науке историко-этнографических исследований.

В 1845 г. Костомаров написал «Славянскую мифологию». В следующем году Совет Киевского университета избрал Костомарова преподавателем русской истории. Началась его недолгая профессорская карьера. К ученому тяготела даровитая молодежь, разделявшая его взгляды на народность — Н.И. Гулак, П.А. Кулиш, Т.Г. Шевченко, В.М. Белозерский. В воспоминаниях Костомарова о беседах 1846 г. отчетливо проступает его идейное лидерство, ключевая в политических взглядах роль его федеративной теории: «Наши дружеские беседы обращались более всего к идее славянской взаимности... Мимо нашей воли стал нам представляться федеративный строй как самое счастливое течение общественной жизни славянских наций. Мы стали воображать все славянские народы соединенными между собою в федерацию подобно древним греческим республикам или Соединенным Штатам Америки, с тем чтобы все находилось в прочной связи между собою, но каждая сохраняла свято свою отдельную автономию». Речь шла об уничтожении крепостного права и рабства, «в каком бы то ни

было виде». Изучение славянских языков и литератур ставилось главнейшим делом в образовании. Распространению идей должно было содействовать общество, которое с этой целью предполагалось создать. Так возникло Кирилло-Мефодиевское общество, программный документ которого «Книги бытия украинского народа» был написан Костомаровым. В этом документе нашли отражение многие положения его исторической концепции.

Оригинальная концепция исторического развития российской государственности Костомарова основывалась на идее вечности и неизменности этнических черт русского и украинского народов. Весомая роль отводилась внешнему фактору — татаро-монголам и затем московским самодержцам — грубо сломавшим естественный процесс федерализации русских земель и установления в них «народоправства» в форме вечного строя. Эта концепция противостояла как теории официальной народности, так и взглядам представителей государственной школы. Иной была и концепция Карамзина.

Костомаров считал, что русская история представляет две половины, «несхожие между собою по духу и содержанию». Каждая из них изображает свою особую Русь, отличную от другой, по политическому и общественному строю. Первая была Русь удельная, вторая — Русь единодержавная». Хронологическим рубежом между ними стала эпоха Ивана III. Идеал удельно-вечевых уклада Костомаров искал «в самом народе», тогда как идеал единодержавия рассматривал как привнесенный извне татарским нашествием. Внешний фактор в концепции Костомарова обретает качества внутреннего, когда речь заходит о противостоянии московского единодержавия удельно-вечевому укладу в разных регионах страны, или при рассмотрении конкретного сюжета гибели под его ударами новгородской независимости.

Костомаров считал, что примирение государственности с народностью зависит только от самой власти и ее способности к «мудрым поворотам общественного организма». К числу таких событий современной отечественной истории он позднее отнес отмену крепостного права. Историк считал 1861 г. началом новой русской истории: «Пусть государство не мешает свободе местной народной жизни, потому что оно крепко и сильно...»

Арестованный по делу Кирилло-Мефодиевского общества, Костомаров больше года пробыл узником Алексеевского ра-

велина Петропавловской крепости. Летом 1848 г. его отправили в административную ссылку в Саратов, с запретом преподавать и печатать книги собственного сочинения. Здесь началось его знакомство с Н.Г. Чернышевским, А.Н. Пыпиным, Д.Л. Мордовцевым. В научном отношении ссылка Костомарова прошла плодотворно. В губернском правлении Костомаров сначала занимал должность переводчика, к которой затем прибавились функции делопроизводителя статистического комитета. Изучая дела комитета, историк нашел интересные материалы по истории раскола. В Саратове им были написаны в основном произведения, которые вскоре поставили ученого в ряд выдающихся историков России.

По восшествии на престол Александра II судьба Костомарова меняется к лучшему. Сначала снимается запрещение печатать свои сочинения, а затем и полицейский надзор, но некоторое время сохраняется распоряжение Николая I о «недозволении» «служить по ученой части». В 1857 г. ведущие журналы публикуют труды Костомарова. «Отечественные записки» — «Богдана Хмельницкого» и «Бунт Степки Разина», «Современник» — «Очерк торговли Московского государства в XVI—XVII столетиях». Служить «по ученой части» Костомаров еще не мог, поэтому он уехал за границу, где работал в архивах Швеции, Германии, Франции, Италии и Австрии. Вернувшись через восемь месяцев в Россию, Костомаров работал в качестве делопроизводителя Саратовского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян, став, таким образом, участником «в трудах по великому делу освобождения крестьян от крепостной зависимости». Когда комитет завершал свою работу, Костомаров получил приглашение от Петербургского университета занять кафедру русской истории.

Еще в 1858 г. Совет Казанского университета избрал Костомарова профессором, но Министерство народного просвещения тогда наложило вето. Противостоять Совету Петербургского университета министерству было сложнее, и в 1859 г. ученый становится петербургским профессором. Имя Костомарова было хорошо известно русской общественности. Ее захватил спор в печати Костомарова и М.П. Погодина. Это были два постоянных оппонента, и круг обсуждаемых ими тем и проблем был достаточно широк, но были и главные — среди них происхождение Руси. Костомаров считал, что «самая история призвания князей есть не что иное, как басня». В отношении названия Руси он высказал мнение о том, что «геогра-

фия» удерживала за правым рукавом р. Немана»; «сторона по берегу этого рукава называлась Русью или Русиею; и народ, обитавший в ней, — руссами, или руссииеснами, иначе русью»; этот народ принадлежал к литовским племенам. Научная полемика в печати вылилась в публичный диспут, который состоялся между Костомаровым и Погодиным 19 марта 1860 г.

В 1861 г. в результате студенческих волнений Петербургский университет был временно закрыт. Вместе с профессорами Д.И. Менделеевым, И.М. Сеченовым, А.Н. Бекетовым Н.И. Костомаров начал чтение публичных лекций в пользу неимущих студентов, а право на издание своих трудов завещал «Литературному фонду» — обществу для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Открытие университета в 1862 г. не сняло общественного напряжения. Костомаров пытался предотвратить волнение студентов, но не был ими понят и подал в отставку, глубоко переживая конфликт со студентами. Это оказалось концом профессорской карьеры ученого. Советы Харьковского и Киевского университетов единогласно избрали Костомарова профессором, но Министерство народного просвещения приняло решение не допустить историка на кафедру, соглашаясь при этом платить ему профессорское жалованье. Впрочем, это никак не сказалось на научном признании Костомарова, о котором говорило его избрание действительным членом Петербургской, Югославянской академий, Виленской Археологической комиссии, Московского Археологического общества, Императорского общества истории и древностей российских, Исторического общества Нестора-летописца при Киевском университете.

**Предмет науки
и задачи
исследования**

На лекции, прочитанной 11 марта 1863 г. в Русском географическом обществе, тема которой была «Об отношении русской истории к географии и этнографии», Костомаров определил предмет своих научных занятий следующим образом: «История, занимаясь народом, имеет целью изложить движение жизни народа; следовательно, предметом ее должны быть способы и приемы развития сил народной деятельности во всех сферах, в которых является жизненный процесс человеческих обществ». Историк считал, что «...не восхищаться народностью, а знать ее следует. Точно так же — не восхищаться, не любоваться историей прошедшей жизни — наше дело, а уразуметь ее».

**«Федеративное
начало»**

В исторических взглядах Костомарова системообразующее значение имеет федеративная теория, над которой он размышлял более четверти века. Основные положения были озвучены историком в печати в 1860—1870-е гг. В проблемах федерации, исследовании природы и судеб федеративных начал в истории нашей страны он искал истоки свободолюбия и демократии, средства защиты самобытности и своеобразия. В 1861 г. в статье «Мысли о федеративном начале в Древней Руси» Костомаров определил природу федерализма следующим образом: «Географическая местность страны и обстоятельства, под влиянием которых сложился быт Восточных Славян, произвели надолго, в истории русского народа, сочетание единства и целостности земли с раздельностью частей ее и с своеобразностью жизни в каждой из этих частей. Коренной зачин русского государственного строя шел двумя путями: с одной стороны, к сложению всей Русской Земли в единое государство, а с другой — к образованию в нем политических обществ, которые, сохраняя каждое свою самобытность, не теряли бы между собою связи и единства, выражаемого их совокупностью». Костомаров считал, что федерация свойственна не только славянскому племени. Он разглядел ее «у древних и новых народов, повсюду, где только живучесть нравственных сил человека не была подавлена насильственным сплочением, или где, вследствие неблагоприятных для поддержания единства оборотов судьбы, части не приняли характера совершенного отдельных друг от друга целых, и не разошлись на своем пути в разные стороны». Таким образом, Костомаров подчеркнул внутренне присущие народам начала федерации, которые олицетворяют местные особенности (или «проявления») и стараются их сохранить. По существу, речь идет о местной истории и влияющих на нее тенденциях.

Федеративную связь между частями обуславливали три главных «начала»: 1) происхождение и быт (этнографическое тяготение), языковое сходство, несмотря на наречия; 2) единый княжеский род и 3) христианская вера и единая церковь. Благодаря этим «началам» все названные племена носили название общей Русской земли и сознавали общую связь.

«И вот начала, соединяющие земли между собою, хотя и были достаточно для того, чтобы не допустить эти земли распасться и каждой начать жить совершенно независимо от других, но не настолько были сильны, чтобы заглушить всякое

местное проявление и влить все части в одно целое. И природа, и обстоятельства исторические — все вело жизнь русского народа к самобытности земель, с тем чтобы между землями образовалась и поддерживалась всякая связь. Так Русь стремилась к федерации, и федерация была формой, в которую она начинала облекаться. Татарское завоевание сделало крутой поворот в ее государственной жизни. Завоевание принесло с собой рабство — антагонист федерации. Московские князья, усвоив единодержавные (самодержавные) принципы, начали борьбу с федерализмом — естественными народными основаниями».

Термину «федеративное начало» Костомаров придавал принципиальное значение. В 1870 г. в статье «Начало самодержавия в Древней Руси» он конкретизировал свои взгляды, высказанные в 1860-х гг. По мнению Костомарова, «зародыш федерации лежал в первобытном строе общественного быта». Историк полагал, что в основе дробления Руси лежали племенные различия, особенности говора и быта разных «земель» Руси. «Картина удельно-вечевой Руси, — писал Костомаров, — является наблюдателю в таком виде: все дробится... и между тем, однако, существует федеративная связь всех этих частей, без определенных учреждений для поддержки согласия между ними, основанная более на всеобщем чувстве и сознании единства русской земли и русского народа, управление посредством целого рода князей, из которых ни один, однако, не имеет значения государя; народоправление, выражаемое формою веч... перевес обычая над постановлением, побуждения над законом, личной свободой над повинностью, общинностью над единоличностью власти, воли живого народа над учреждением; вольница, движение, брожение, кочевание и потому безладица и непрочность... Напротив, признаки единодержавия были таковы: все народные интересы сосредотачиваются в одном лице, которое становится апофеозом страны и народа, и потому личность его приобретает святое значение; исчезает бытие отдельных частей, уничтожается народовластие — все стремится к единообразию; преобразование обычая в постановление, сознания в букву закона, перевес повинности над личной свободой, старейшинства над общинностью, стремление к оседлости, установке и покою... В борьбе этих двух укладов русского быта — удельно-вечевого и единодержавного — вся подноготная нашего старого деесписания».

Объективные условия, питавшие федерализм и определявшие его жизнеспособность, предопределяли длительность периода борьбы с тенденцией единодержавия. По мнению Костомарова, Русская земля была «слишком велика для скорого образования из себя единодержавного тела; племена, населявшие ее, были слишком разнovidны, чтоб скоро слиться в один народ; самое славянское племя, имевшее более залогов сделаться господствующим, первенствующим между другими, было само разделено на второстепенные племена, заключавшие в себе залогов долгого существования в отдельности».

У варягов не было «сознания государственного начала». Более того, за целое столетие власти над русскими славянами варяжские князья «не выработали для себя на русской почве государственных взглядов и понятий». Он определяет поведение варяжской власти как «наездническое направление власти». В силу этого «пришлая власть» не изменила в ранний период нашей истории древних народных обычаев и быта, не приносила с собою ничего существенно нового, и народы при благоприятных условиях могли впоследствии развиваться на собственных началах». Иначе было с татарами. Единственным объединительным моментом, содействовавшим сближению русских народов при варяжских князьях были, по Костомарову, «часто повторяемые походы на Византию». Новую эпоху сплочения славянорусских народов открыл Владимир. Вместе с церковью явилось и государство; «христианство без него невозможно». «Представлялось одно из двух: либо с христианством должен был войти в Русь новый, чуждый для нее государственный строй из того края, откуда пришла новая вера, либо те зачатки гражданственности, какие существовали в языческом быту, должны были, под влиянием христианской образованности, выработаться в государственные признаки. Православие не вводило в новопросвещаемый край ни чужого языка, ни чужих административных и юридических форм; оно мирилось со всякими формами, насколько они стояли слишком в разрез с главными началами христианства: оно старалось только, так сказать, охристианить то, что находилось в язычестве. Таков основной дух православия».

«Итак, в до-татарский период не выработалось никаких основ для будущего единодержавия в Руси, а тем более не было сознательного стремления к нему. В удельно-вечевом строе этого периода не видно никаких признаков, которые приводили бы необходимо к единодержавному порядку». Костомаров

не мог согласиться с Кавелиным и Соловьевым, которые не признавали влияния татарского завоевания на последующее устройство России. Костомаров связывал с татарским завоеванием будущий «быстрый и крупный переворот» к единодержавию. «Русь показала себя перед татарами крайне упорною, и потому была опустошена до крайней степени. Меньшинство, оставшееся в живых, уже не в силах было помышлять о восстании; ...приходилось сживаться с новыми условиями... Поколения, сменяя одно другое, возрастали и старели в этих условиях. Изменялись понятия, изменялся строй общественной жизни и самый народный характер. Веча умолкли. Только в Новгороде и Пскове долго еще раздавался их звон, но и там старые жизненные начала только прозябали, а уже не развивались и не давали новых форм». Началось развитие единодержавия: впервые на Руси явился единый господин «в особе грозного завоевателя хана». «Русь, покоренная его оружием, стала его военной добычей, его собственностью, все русские от князя до холопа стали его рабами без исключения. В этом-то рабстве Русь нашла свое единство, до которого не додумались в период свободы». Федеративные начала оказались не в состоянии стать орудием общего единства. Эта неспособность наиболее ярко проявилась для Костомарова в истории Новгорода и Южной Руси, которых он называл родными братьями. Историк считал, что строй их правления «был всегда под влиянием неожиданных побуждений личной свободы», «порывистого удалства, широкой отваги, поэтического увлечения», по у тех и других было «мало политической предприимчивости». В течение веков они сохраняли древние понятия, которые вошли в плоть и кровь. Несмотря на разницу форм (вече и казачество), общим для них было федеральное начало. Сознывая свое единство с Русской землей, они хотели «удержать в этом единстве свою отдельность» и не удержали. Новгород и Южная Русь, по мнению Костомарова, держались за федеративный строй даже тогда, когда татарское завоевание уже сломало его «недостроенное здание».

Федеративные идеи, как вырастающие из народной почвы, в творчестве Костомарова неразрывно связаны с его мыслями о сущности народности.

Народный характер Костомаров был согласен с С.М. Соловьевым в признании выдающейся роли географического фактора в истории. Он не использовал термина «колонизация» (как Соловьев и Ключевский), предпочитая ему «переходы». Большое значение он придавал

«встречам» славян с другими народами или «жизненным историческим обстоятельствам», при которых «от взаимного трения» народов, столкновений и мирного взаимодействия, «зависело их развитие и образование жизненных форм». Костомаров внес много нового в развитие понятия народности, конкретно исторический анализ великорусской и малорусской народностей. Важнейшим фактором, прямо влияющим на крепость или устойчивость народной самобытности, по мнению историка, является его образованность. В статье 1861 г. «Две русские народности» он показал, что самобытным может быть только более образованный народ, который «крепче стоит за свое прежнее, упорнее хранит свои обычаи и память предков». Встреча с народом слабейшим укрепляет народность сильнейшего, тогда как встреча с сильнейшим его ослабляет. Все зависит от «запаса воспитания, полученного на прежних жилищах». Ассимиляция происходит в том случае, если он скуден. Переход народа в новое качество, или, по словам Костомарова, переход от «страдательного» состояния к «сильному» (у Соловьева речь шла о переходе народа от возраста чувства к возрасту мысли), происходит тогда, когда народ создает собственную литературу: «Литература есть душа народной жизни — есть самосознание народа».

О формировании великорусского характера Костомаров писал: «... возвышение нового города Владимира здесь имеет собственный смысл и отпечатлевается характером великорусским». Он подчеркивал влияние колонизации на изменение характера переселенцев под воздействием неизбежных причин (других условий климата, почвы и пр.). Историк считал, что новый элемент надо искать не в новых городах, а в новых людях». «Вся суть в том, что на северо-востоке России слагалась новая славянорусская народность, со своеобразным характером, с отличительными условиями и приемами жизни».

Н.И. Костомаров определил сущность народности следующим образом: «Явления внешней жизни, составляющие сумму отличий одной народности от другой, суть только наружные признаки, посредством которых выражает себя то, что скрывается на дне души народной. Духовный состав, степень чувства, его приемы или склад ума, направление воли, взгляд на жизнь духовную и общественную, все, что образует нрав и характер народа, — это сокровенные внутренние причины, его особенности, сообщающие дыхание жизни и целостность его телу. Все, что входит в круг этого духовного народного состава, не высказывается по одиночке, отдельно одно от другого,

но вместе, нераздельно, взаимосвязано поддерживая одно другое, взаимно дополняя себя, и потому все вполне составляет единый стройный образ народности».

**Единодержавие
и монархизм**

Рождение русского монархизма или единой державы (Костомаров употребляет эти слова как синонимы) — длительный процесс.

«В татарский период сложились и установились нравственные и экономические условия, подготовившие народную громаду к тому, чтоб сделаться превосходным материалом для такого государства, каким являлась в XVI в. Московская монархия. Татарское завоевание дало Руси толчок и крутой поворот к такой монархии, но она не могла возникнуть скоро; Русь с половины XIII века до конца XV века переживала период феодализма. Употребляя это выражение, мы не думаем сказать, чтоб у нас существовали все те условия, которые на западе устроили порядок под именем феодального. Но в человеческом мире не все подобное одинаково. Мы принимаем слово феодализм в значении его общих признаков и разумеем под ним такой политический строй, когда весь край находится в руках владетелей, образующих из себя низшие и высшие ступени с известного рода подчиненностью низших высшим и с верховным главой выше всех. Такой строй существовал на Руси вполне».

«До татар у нас не было феодализма, если только не отыскивать некоторого далекого с ним подобия в отношениях старших и младших городов между собою, — но с татар он действительно начинается». Татарские ханы сделали русских князей из правителей земель вотчинниками. Пока Орда была сильна, князья могли удержаться только при защите со стороны ханов.

Московские князья, по Костомарову, превзошли ханов в стремлении к сплочению масс и централизации покоренных частей: «Монголы не насиловали народного самоуправления систематически и сознательно». Политическая их образованность не достигла такого стремления. Победа знаменовала для монголов всеобщее разорение и собирание дани. Для сбора дани хану необходимо было доверенное лицо. Этот «приказчик», по словам Костомарова, был подготовлен русской историей заранее в особе великого князя. Так, в борьбе двух начал федеративного и единой державного последнему благоприятствуют обстоятельства. «Право старейшинств и происхождения и право избрания, равным образом, должны были подчиниться другому праву — воле государя всех земель, государя

законного, ибо завоевание есть фактический закон выше всяких прав, не подлежащий рассуждению». При Иване III единой державы окончательно взяло перевес над удельностью, феодализмом.

«Когда удельность господствовала над всем составом Руси, семена единой державы пыгались пустить отростки, и, напротив, когда единовластие достигло полной силы, отжившие начала удельности, воскресая, оказывали признаки сопротивления». Среди них наиболее активное противодействие оказывало казачество.

«Отчего борьба возникшего монархизма с феодализмом пошла так успешно и последний оказал так мало упорного, деятельного сопротивления?»

«Образовалось государство с единой державным главой, состоявшее из холопов, сирот и богомольцев; те же, которые по разным условиям течения общественной жизни не принадлежали ни к тем, ни к другим, ни к третьим, назывались гулящие люди и составляли важнейший элемент народного исторического движения».

«Сокрушая при помощи уважения к себе народной громады, всякую явную оппозицию, полновластие, однако, не могло побороть иного рода оппозиции — тайной, тупой, страдательной, единичной. Эта оппозиция и состояла в том, что русский человек, не смея сопротивляться явно власти или открыто оказать ей непослушание, не стеснялся, однако, увильнуть от исполнения того, чего она требовала, не пропуская возможность обмануть и провести ее, поживиться царским добром и вообще действовать власти во вред, когда от этого произойдет польза или облегчения для него самого. Такого рода оппозиция сильно укоренилась в русском народе от мала до велика; в низших классах она выразилась в огромном размере побегам; всяческими уклонениями от повинностей, платанием, бродяжничеством, непамятством родства, изготовлением фальшивой монеты, всем, что, помимо прямых преступлений против личности и собственности других, подводило русского простого человека в острог, под кнут или плети и в Сибирь; в высших и служебных классах оппозиция эта выразилась тем казнокрадством, против которого Петр Великий принимал такие крутые меры, тем лихоимством и кривосудом... служебной и официальной ложью».

Костомаров задавал вопрос: «Когда мы с великим трудом восстанавливаем достоинство людей, заслуги которых были

приписаны казнившим их тиранам, нас не оставляет мысль, почему же мужественные полководцы, талантливые дипломаты, бесстрашные первопроходцы духа не пресекли злодеяния, но, за немногими исключениями, покорно подставляли под топор свои шеи, отдавали на растерзание близких, всю «святорусскую» землю?» Историк считал, что это происходило потому, что все они были слуги, плоть от плоти раздавившей их политической системы, а не граждане. Как части системы они могли совершать подвиги самопожертвования, и как части — не могли выйти за свои рамки, стать борцами с тиранией. Сложившаяся в недрах единой государственной власти система отношений, важнейшим условием которой было безгласие народа, оставила глубокий след в русской истории. «Русь привыкла исполнять без сопротивления все, что прикажут сверху».

Периодизация

Удельно-вечевой уклад Костомаров считал «первой половиной нашей истории», когда общерусская народная стихия явилась в совокупности шести главных народностей: южнорусской, северской, великорусской, белорусской, псковской и новгородской. С Ивана III начинается монархический период или период единой державы, подавляющий постоянно проявляющиеся признаки федерализма.

Раскол

В 1872 г. Костомаров опубликовал небольшую работу «История раскола у раскольников», в которой изложил свое понимание проблемы. Его занимал вопрос, почему религиозное движение набрало такую силу в стране, менее всего подготовленной в христианском мире «вообще к религиозным движениям». Особенно к такому движению, по мнению Костомарова, исторически не был подготовлен великорусский народ. Раскол рождался как отстаивание обычая «в обширнейшем смысле этого слова», что для народа составляло главнейший признак понятия «отечество». Сопротивление родилось внутри духовенства по мере роста раздражения против духовной власти. Вначале раскол, по Костомарову, был достоянием почти одного духовенства, «упрямцев» Аввакума, Павла Коломенского, Лазаря, Логгина. Немногочисленные, горячие приверженцы старых форм стекались в Соловецкий монастырь. Массовым движение стало, когда к расколу присоединился народ, у которого были для этого основания. В народе существовало недовольство управлением и вообще тогдашним порядком вещей, недовольство, которое перед тем уже не раз проявлялось открытыми возмущениями. «Рели-

гиозное дело постоянно примешивалось к народным бунтам, возникавшим от других причин». Масло в огонь подлило своими преследованиями раскольников правительство. Власть не объясняла, к чему она принуждала верить, пробуждая тем самым мысль у людей, которые хотели это понять.

Таким образом, для Костомарова были очевидны политические и социально-экономические причины раскола. «Русский мужик в расколе получил своего рода образование, выработал своего рода культуру, охотнее учился грамоте; кругозор его расширялся настолько, насколько могло этому содействовать чтение Священного Писания и разных церковных сочинений, или даже слушание толков об этих предметах». Споры поощряли способность русского простолюдина (а после Петровских реформ, укоренившихся иноземные понятия, «высший класс стал совершенно непричастен к расколу»): «Он мыслил, достигал того, что мог обобщать понятия, делать умозаключения; так как соборы, на которых раскольники собирались спорить о своих недоумениях, приучали их к обмену понятий, вырабатывали в них общительность, сообщали их уму беглость и смьшленость. Сфера церковная была для них умственной гимнастикой; они получали в ней подготовку к тому, чтобы иметь возможность удачно обратиться к другим сферам. От этого раскольники не только не беднели, но постоянно собирали в свои руки большую часть капиталов». Именно данное обстоятельство позволяло Костомарову сделать вывод о том, что «раскол был крупным явлением народного умственного прогресса»: «То, что только признавалось тупо, как дедовский обычай, то, чему слепо верили, не размышляя, то самое пришлось защищать, а следовательно, пришлось тогда думать, пришлось многому поучиться. Раскол расшевелил спавший мозг русского человека». Поэтому Костомаров и считал раскол — новым явлением, чуждым «старой Руси».

Крепостное право

В 1859 г. Костомаров опубликовал статью «Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права?». Она была ответом на статью М.П. Погодина в IV книге «Русской беседы» за 1858 г., с содержанием которой он не был согласен. Костомаров писал: «Погодин не только оправдывает Бориса перед судом истории, но доказывает, что личное крепостное право не возникло юридически, а образовалось само собою, вытекая из обстоятельств народной жизни, подобно многим учреждениям в английской истории, о которых напрасно было бы доискиваться, когда именно они возникли». «Обыкновенно при-

выкли думать, что первое прекращение перехода крестьян последовало в 1592 г. Указ по этому предмету не дошел до нас, но мы верим в его существование...» Одним из оснований Костомаров называл указ Василия Шуйского, в котором говорилось, что царь Федор по наговору Бориса выход крестьянам заказал. До 1592 г., по мнению Костомарова, крестьяне были люди вольные и по праву, в определенный годичный срок переходили с земли одного господина на землю другого. Уложение 1649 г. окончательно сделало крестьян крепкими земле. Мало-помалу значение «званий крестьянин и холоп сливалось». Социально-экономические причины крестьянских войн прекрасно осознавались Костомаровым.

Казачество Костомаров писал «казачество» и считал, что оно возникло, когда удельная стихия пала под торжеством единой державы, как противодействие новому. В середине XVII в. казачество охватывало более, чем половину Руси, «а народное недовольство гражданским порядком давало ему пищу и силы: в казачестве воскресали старые полугасшие стихии воевой вольницы: в нем старорусский мир оканчивал свою борьбу с единовластием... оно хотело поглотить весь русский народ...». Костомаров одновременно исследовал донское и малороссийское казачество, посвятив специальные работы Стеньке Разину и Богдану Хмельницкому. Костомаров старался выявить причины явления и полагал, что вся первая половина XVII в. была приготовлением эпохи Стеньки Разина. Историком было совершенно ясно, что казачество было народным ответом на закрепощение. В свое время Чернышевский сказал о Костомарове: «Историк при современном состоянии цензуры сказал все возможное». Он предупредил власть имущих об опасности усиления эксплуатации, введя в историческое исследование поверье, рассказанное глубоким стариком: «Стенька — это мука мирская! Это кара Божия!.. Он придет, непременно придет... Ему нельзя не прийти. Перед ссудным днем придет. Ох, тяжкие настанут времена... Не дай, Господи, всякому доброму крещенному человеку дожить до той поры, как опять придет Стенька! Пугачев — то и есть Стенька Разин; сто лет кончилось, он и вышел из своей горы!»

Личность в истории Костомаров — автор «Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей», 3 тома (6 выпусков) которой выходили в 1873—1888 гг. Первые тома были опубликованы при жизни автора. Личность и эпоха, личность и ее понимание времени, ее реальные действия

и значение в исторической судьбе России — такое прочтение курса русской истории предлагалось читателям впервые. Волновали Костомарова и понятия, обсуждавшиеся в науке, прежде всего понятие «великого человека», проанализированное С.М. Соловьевым в отношении Петра Великого, но имевшее в глазах историка более широкое значение. Спор между Костомаровым и Бестужевым-Рюминым развернулся вокруг критерия «великого человека» и применимости данного понятия к личности Ивана IV. Костомаров руководствовался четким критерием, на основании которого, с его точки зрения, историк только и мог причислить конкретную личность к уровню «великого человека»: «Сочувственное название великого должно давать только тому, что способствует благосостоянию человеческого рода, его умственному развитию и нравственному достоинству. Тот только великий человек, кто действовал с этими целями и достигал их удачным, сознательным выбором надлежащих средств». Под эту мерку Иван Грозный, с точки зрения Костомарова, никак не подходил. Что же касается Петра, то в целом в величии историк ему не отказывал.

Источники Костомаров был членом Археографической комиссии и многое сделал для расширения источниковой базы исследований. Им были опубликованы «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России» в 12 томах, том «Русской исторической библиотеки», 3 книги «Памятников старинной русской литературы», более ста отдельных публикаций источников от народных песен до записок иностранцев. В своем творчестве Костомаров опирался на материалы, добытые им в 65 архивах и библиотеках России, Польши, Швеции, Германии, Бельгии, Франции, Италии, Швейцарии, Австрии, Чехии и Сербии.

Источники

- Костомаров Н.И.* Автобиография // Русские нравы. М., 1995.
Костомаров Н.И. Господство дома Св. Владимира. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1993.
Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604—1613. М., 1994.
Костомаров Н.И. История раскола у раскольников // Раскол. М., 1994.
Костомаров Н.И. Казаки. М., 1995. Ст.: Князь Владимир Мономах и Козак Богдан Хмельницкий. Украинский сепаратизм. О воспоминаниях борьбы козков с мусульманством в народной южной поэзии.

Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1992.

Литература

- Библиографический указатель сочинений Н.И. Костомарова // Литературное наследие Н.И. Костомарова. СПб., 1890.
- Каталог III Очередной юбилейной выставки в память Н.И. Костомарова 1885—1910. Воронеж, 1910.
- Киреева Р.А. Не мог жить и не писать: Николай Иванович Костомаров // Историки России XVIII — начала XX века. М., 1996.
- Киреева Р.А., Соколов Н.П. Костомаров // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. М., 2000. Т.3, С.69—71.
- Литвак Б.Г. Николай Иванович Костомаров. Очерк жизни и творчества // Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992.
- Мордовцев Д.Л. Н.И. Костомаров по моим личным воспоминаниям // Новь. 1888. №15—17.
- Пинчук А. Исторические взгляды Н.И. Костомарова. К., 1984.
- Хлебников Л.М. Сожженная диссертация // Вопросы истории. 1965. №9.
- Цамутали А.Н. Н.И. Костомаров // Борьба течений в русской историографии. Л., 1977.

Место В.О. Ключевского в историографии

Популярнейший ученик С.М. Соловьева — Василий Осипович Ключевский стал легендой русской историографии. Звездность имени проявилась далеко за пределами исторической науки. Его имя носит планета №4560. Фамилия Ключевских символична и ассоциируется с истоком, источником, представлениями о родине. Она происходит от названия села Ключи Пензенской губернии. Слова «ключ» и «ключевой» для ученых имеют еще одно значение — метод. Обладая способностью аккумулировать в исторической мысли все лучшее, Ключевский хранил в своем сознании немало научных ключей.

Со временем менялись оценки, даваемые концепции Ключевского в отечественной историографии, в его творчестве высвечивались все новые стороны. В 1880-е гг. М.О. Коялович писал о системе научного изложения русской истории Ключевским, которая открывала перед историком возможности поиска смысла «наших» законов в народном строе жизни, в народных обычаях и воззрениях. Ему было важно показать «историю внутреннего развития русской жизни». Изучая исторические явления, Ключевский, по определению Кояловича, доискивался «их в русском складе жизни на большой глубине», благодаря чему ставил, как правило, верный исторический диагноз. Согласно такому подходу, государственные и общественные учреждения, а также само общество были лишь внешним выражением внутренней жизни народа. Ключевский не приписывал скорострительной смерти старым государственным учреждениям в горниле преобразований и не преувеличивал творческих сил ни преобразователей, ни тех поколений, на чей век выпадали перемены. Ключевский обратил внимание на необходимость анализа переходного

общественного состояния, когда уже произошло обновление (политическое, социально-экономическое), но привычные представления еще не успели измениться.

А.С. Лаппо-Данилевский обратил внимание на злободневность сомнений Ключевского. О «душевной сложности» Ключевского писал С.Ф. Платонов, считавший, что в ней сплелись самые разнородные элементы русской стихии и общечеловеческой мысли. А.Е. Пресняков отметил у Ключевского ярко выраженные особенности схемы Соловьева и Чичерина с присущим ей внутренним противоречием — «с одной стороны, утверждение преемственной связи исторической жизни севера с киевским югом, с другой — выяснение их резкой противоположности и самостоятельных корней северорусского исторического процесса».

Н.Г. Рубинштейн согласился с мнением П.П. Смирнова и отнес Ключевского к основателям экономического направления в русской историографии. М.В. Нечкина показала возможности психологического жизнеописания для раскрытия мировоззрения историка. Опыт системного анализа творчества Ключевского предложила Р.А. Киреева.

Исследователи писали об идейной эволюции Ключевского к позитивизму, восприятию им методологических принципов Кавелина и Бестужева-Рюмина, Щапова и Лаврова. Так, П.С. Шкуринов в книге «Позитивизм в России XIX века» (М., 1980) считал: «На взгляды Ключевского оказали заметное влияние философия Л. Фейербаха, Н. Чернышевского и Н. Добролюбова, историко-теоретические воззрения С. Ешевского и Ф. Буслаева. В миропонимании русского историка сложно переплетались либеральные и демократические убеждения, понятия, шедшие от эмпиризма, и конвенционалистские суждения о природе исторического процесса». Там же отмечалось, что в последние два десятилетия жизни Ключевский без особого уважения относился к идеям «субъективного метода» Лаврова и Михайловского, которые раньше влияли на его миропонимание. В литературе преувеличивалась степень зависимости Ключевского от позитивизма, особенно в тех случаях, когда авторы подчеркивали, что в своих поисках методологии истории он пытался опереться на крупнейшие естественно-научные достижения своего времени, труды Менделеева и Бутлерова, Сеченова и Павлова с целью сближения исторических явлений с явлениями физико-биологическими. В литературе отмечалось, что в начале XX в. Ключевский начал испытывать некоторое влияние неокантианства.

Историографические приоритеты и методы

Ключевского отличало бережное отношение к научной традиции. Он был убежден, что «памятное богатство литературы по отечественной истории» не дает права историку на научную расточительность. Ключевский умел заставить эффективно работать историографический компонент в своем исследовании и учил этому других. Высоко ценя «напряжение мысли» в чужих трудах, он советовал не просто углубляться в связь и смысл описываемых в них явлений, но всегда «принимать в расчет и то, как понимает эту связь и этот смысл» конкретный автор. Ключевский изучал механизмы, которые долгое время управляли мышлением ученых историков (изживание генетики летописного взгляда; переход к новому уровню познания). Научную задачу историка он видел в уяснении происхождения и развития человеческих обществ, в изучении генезиса и механизма *людского общежития*. Летописец же искал в событиях нравственный смысл и практические уроки для жизни, уделяя главное внимание *исторической телеологии и житейской морали*. Мысль летописца обращалась к жизни человека, к конечным причинам *«существующего и бывающего»*. Историческая жизнь служила летописцу нравственно-религиозной школой.

Путь к профессиональному мастерству Ключевский видел только один: через научную добросовестность, умение поиска «следов» прошедших явлений и событий, привлечение надежных источников, выработку действенной методики. Мастерство говорит само за себя. Оно проявляется в красочности исторического полотна, образности характеристик и определений; открывающейся в ходе исследования научной перспективе; эффективном сочетании повествования и анализа. Ключевский в совершенстве владел мастерством анализа сквозь призму повествования. В случае недостатка источников и информации он умел анализировать историческое явление, изучая его следствия. Присущая Ключевскому спасительная ирония хранила его от идеализации и панегириков. В целом же Ключевский реалистично оценивал возможности историков: «Мы можем следить только за господствующими движениями нашей истории, плыть, так сказать, ее фарватером, не уклоняясь к береговым течениям».

В совершенстве владея, как бы мы сейчас сказали, межпредметными связями, историк использовал филологические средства, особенно, если речь шла о древней истории. Он изучал лингвистический и топонимический смысл слов, считал, что

«...язык запомнил много старины, свеянной временем с людской памяти». Щедро рассеянные по всему курсу русской истории слова и поговорки не были сведены историком в единый словарь. Видимо, он полагал этот жанр уже освоенным В. Далем. Однако определения и разъяснения, данные Ключевским, казалось бы, обыденным словам, известным поговоркам и выражениям, обрели под его пером свежий смысл и звучание, и при желании «Историко-лингвистический словарь Ключевского» нетрудно составить.

Ключевский черпал в историографии дополнительные средства для решения спорных проблем. Так, рассмотрение «варяжского вопроса» позволило ему подвести важный для своего времени историографический итог, хотя сам спор между норманнистами и антинорманнистами он считал «ученой патологией», не имеющей никакого отношения к науке.

Обогащенное наследие

Концепция Соловьева оказала важное влияние на общие взгляды Ключевского о русской истории. Она стала «точкой отправления и опоры для дальнейшего изучения русского прошедшего». Но, как отмечали уже младшие современники, в схему Соловьева Ключевский вложил «столько нового понимания и содержания, что в его интерпретации знакомые построения и факты приобретали совершенно новый смысл и как бы перерождались». С этими словами А.Е. Преснякова можно согласиться.

Ключевский прошел в науке свой путь. Он пересмотрел историко-философскую схему Соловьева, не высказывая прямых замечаний в адрес учителя. Только в статьях, посвященных анализу творческого пути Соловьева (1876 и 1880 гг.), Ключевский осторожно намекнул на односторонность методики источниковедческого анализа.

Мысль Соловьева о колонизации, как важном факторе исторического развития, у Ключевского получила углубленное толкование за счет рассмотрения таких ее аспектов как экономический, этнологический и психологический. Начав историческую часть опубликованного курса лекций разделом «Природа страны и история народа», он перешел к определению значения почвенных и ботанических полос, а также тех влияний, которые оказывали на историю «основные стихии русской природы»: речная сеть, равнина, лес и степь. Ключевский показал отношение к каждой из них русского народа, объясняя причины устойчивости репутации (нелюбви к степи и лесу,

двусмысленном отношении к реке и т. д.). Историк подвел читателя к мысли о необходимости бережного, как бы мы сейчас сказали, экологического подхода к природе: «Природа нашей страны при видимой простоте и однообразии отличается недостатком устойчивости: ее сравнительно легко вывести из равновесия».

При свойственной России обширной территории, этнической пестроте и широкой миграции в ее истории, по мнению Ключевского, неизбежно действовал фактор так называемых «скреп», которые только и могли удержать в единстве постоянно растущий конгломерат. В политике роль «скрепы» отводилась высокоцентрализованной власти, абсолютизму; в военной сфере — сильной армии, способной к выполнению как внешних, так и внутренних функций (например, подавление несогласных); в административном плане — рано развившейся сильной бюрократии; в идеологии — господству типа авторитарного мышления в народе, в том числе и среди интеллигенции, религии; и наконец, в экономике — стойкости крепостного права и его последствий.

Ключевский разделял мысль Соловьева о возможности сравнения человеческих обществ с органическими телами природы, которые также рождаются, живут и умирают. Научное движение, в которое они с учителем внесли свою лепту, он охарактеризовал следующим образом: «Историческая мысль стала внимательно всматриваться в то, что можно назвать механизмом человеческого общежития». Неустраняемая потребность человеческого ума, по мнению Ключевского, заключалась в научном познании хода, условий и успехов «человеческого общежития», или жизни человечества в ее развитии и результатах. Задачу «воспроизвести последовательный рост политической и социальной жизни России» и проанализировать преемственность форм и явлений, поставленную Соловьевым, его ученик исполнил уже по-своему. Он подошел к изучению истории России с позиций взаимосвязи и взаимовлияния трех главных факторов — личности, природы и общества. Органический подход историка к истории требовал учета контекста эпохи и действующих сил истории, исследования многомерности исторического процесса и разнообразия существовавших и существующих связей. Ключевский сочетал исторический и социологический подходы, конкретный анализ с исследованием явления как феномена мировой истории.

**Жизненные
впечатления и
концептуальные
представления**

Ключевский родился 16 января 1841 г. в селе Воскресенское Пензенского уезда (существует версия о рождении историка в г. Пензе). В честь деда по отцовской линии был назван Василием. Отец и оба деда (по отцовской и материнской линиям), как и прадед, были священниками в приходах Пензенской губернии. Отец служил священником в селе Воскресенское Пензенского уезда, там прошли первые четыре года жизни будущего историка. Меняя не раз место службы, отец, видимо, как считала М.В. Нечкина, энергично искал чего-то лучшего в жизни. Это стремление отец передал сыну. Но сын пошел дальше: Ключевский не захотел пройти свой жизненный путь по колее, проложенной предыдущими поколениями.

На формирование мировоззрения, основ общественных воззрений и эстетических представлений особое влияние оказала пензенская юность, приобщившая Ключевского к корневой народной культуре. Еще ребенком он узнал цену борьбе человека с природой, увидел тяжесть земледельческого труда и крестьянский быт эпохи позднего крепостничества; приобрел привычку к подвижническому труду. Ключевский впитал любовь к сказкам и русским пословицам, которыми позднее обогатил свой курс русской истории. Богатство понятий, запечатленных в фольклоре о взаимосвязи природы и общества, обычаях общежития органично вошли в мировоззрение Ключевского.

Первой заметила одаренность внука бабушка, ласково называя его «бакалаврушка, ты мой!». Пробуждение интереса к истории было подготовлено отцом. Он научил сына читать «Жития святых» по старославянскому тексту Четых миней. Именно житиям, став историком, Ключевский посвятил свою первую диссертацию. Мальчик знал Священную историю и катехизис, умел писать. В 1850 г., когда в возрасте 34 лет отец трагически погиб, потрясенный 9-летний ребенок стал заикаться. Позднее лектор Ключевский превратил свой недостаток в прием ораторского мастерства, тщательно отработывая совмещение вынужденных и смысловых пауз.

Несомненное влияние на будущее творчество оказало церковное образование. Ключевский учился: в 1851—1852 гг. в Пензенском духовном приходском училище, в 1852—1856 гг. — в Пензенском уездном училище, а в 1856—1860 гг. в Пензенской духовной семинарии. В возрасте 15—19 лет семинарист

Ключевский целеустремленно осваивал гуманитарные науки небогословского характера — всеобщую и русскую историю, изучал латинский, древнегреческий и древнееврейский языки. Помимо истории «по Карамзину», в семинарии давались такие темы, как «Разин» и «Пугачев». Перед темой о Василии II преподаватели обычно знакомили учеников с проблемой «Связь с Европой». В семинарии у Ключевского сформировалась строгость логического мышления. По признанию самого историка, он оттачивал свое научное мышление о камень схоластики. В дальнейшем традиционно церковные источники Ключевский разрабатывал по разряду гражданской истории, как было, в частности, с русскими агиографическими сочинениями.

Когда указ 1869 г. избавил детей священно- и церковнослужителей от необходимости заниматься отцовским ремеслом, для Ключевского это было уже не актуально. К тому времени он уже вышел из своего сословия. Чтобы стать историком, ему пришлось выдержать борьбу: уйти из семинарии, не завершив курса и, избежав тем самым необходимости поступать в Духовную академию. Мечтой Ключевского был историко-филологический факультет Московского университета. И она осуществилась в 1861 г. В годы учебы в университете (1861—1865) были заложены основания для научного роста. Большое влияние оказал на историка Ф. Буслаев, который обратил его научный интерес на народную массу, научил сравнительной филологии. Ключевский слушал лекции С.В. Ешевского, П.М. Леонтьева, К.Н. Победоносцева, Н.А. Сергиевского, С.М. Соловьева, Н.С. Тихонравова, П.Д. Юркевича и др. По окончании курса он слушал Б.Н. Чичерина.

Как установила Нечкина, будучи студентом, Василий Осипович общался с деятелями ишутинской организации, основное ядро которой сложилось из его знакомых — пензенских земляков. Нити тянулись из семинарских лет, когда он был репетитором латинского языка у брата Д.В. Каракозова. Н.А. Ишутин — двоюродный брат Каракозова, учился в Пензенской гимназии (курса не кончил), но приезде в Москву стал вольнослушателем Московского университета и поселился в Москве вместе с Д.В. Каракозовым. Основанная в 1863 г. ишутинская организация усиленно вербовала новых участников в 1864—1865 гг. Рассказ о том, как Ишутин, возможно, «отпустил в науку» В.О. Ключевского весьма колоритен: «Ишутин, волосатый силач в красной рубахе, ходивший как истый сту-

дент-нигилист 60-х годов с огромной палкой-дубинкой, положил мощную длань на жиденькое плечо Василия Осиповича и твердо заявил: «Вы его оставьте. У него другая дорога. Он будет ученым», чем показал свою прозорливость».

**Первая
диссертация**

По окончании университета (1865) в течение шести лет Ключевский работал над книгой «Древнерусские жития святых как исторический источник». В 1871 г. она была опубликована в Москве К.Т. Салдатенковым тиражом 3 тысячи экземпляров, а в 1872 г. книга была с блеском защищена Ключевским на магистерском диспуте. «Читая жития, — писал Ключевский, — мы присутствуем при двух основных процессах нашей древней истории: мы встречаемся лицом к лицу с древнерусским человеком, который вечно двигаясь с крестом, топором и сохой, в зипуне и в монашеской рясе, делал одно немалое дело — рассчитал место для истории от берегов Днепра до берегов Северного океана и в то же время, несмотря на такую растяжимость, умел собрать силы на создание государства, сдержавшего и вторжения с Востока, и пропаганду с Запада».

Наблюдения над житиями укрепили Ключевского во мнении о вторичности монастырской колонизации, которой предшествовала колонизация крестьянская. Ключевский видел в монастырской колонизации важный фактор освоения новых территорий, т. е. приписывал ей государственно созидательную роль. Тем самым труд Ключевского, заняв место в ряду традиционной синодальной и народной оценки монашеской аскезы, разошелся с новейшей историографией (А.С. Павлов, опираясь на замечания В.А. Милютин, писал о монастырском землевладении как о факторе, сокращающем поместный фонд и тем самым ослабляющем дворянство, основную опору государства). Вывод Ключевского о слиянии монастырской колонизации и колонизации крестьянской имел принципиальное значение для науки.

В книге упоминаются 670 списков агиографических памятников из 321 рукописного сборника. Проанализировав эволюцию русского житийного жанра, автор предложил их классификацию. Опубликованный текст «Житий святых» представляет собой исследование, не доведенное до конца. В.Л. Янин высказал предположение, что «Жития...» должны были стать книгой об истории «умственного развития», но выстрел Каракозова (1866) и общее изменение тона журнальных статей представили многие вещи в ином свете и, видимо, побудили ученого оставить свое намерение.

Фундаментальные понятия. Основные «слагающие» исторического процесса

Свои методологические и методические соображения Ключевский выразил в специальном курсе «Методология русской истории», а в сжатом виде в первых четырех лекциях «Курса русской истории».

«Итак, в истории наших древних учреждений остаются в тени общественные классы и интересы, которые за ними скрывались и через них действовали», — считал Ключевский. Между тем интересы и требования социальности проявлялись в исторических типах и особенностях личности, в обществе с его «союзами».

Ключевский старался показать значение различных факторов в историческом процессе и в отдельные периоды русской истории (днепровский, верхневолжский, великорусский, все-русский). При характеристике этих периодов, помимо географических условий (Русь Днепровская, Русь Верхневолжская, Русь Великая, Московская), в которых жила основная масса населения, Ключевский одновременно выделял политический (удельно-княжеский, царско-боярский, императорско-дворянский), социальный и хозяйственно-экономический (городовая, торговая; вольно-земледельческая, военно-земледельческая, крепостная) критерии. Политический фактор усиливает свое влияние, начиная со второго периода. В течение всех четырех периодов происходит усложнение хозяйственной жизни. Роль городов, по Ключевскому, была наиболее влиятельной в днепровский и всероссийский периоды, но социально-экономическая основа этих периодов не была одинаковой (в первом случае — торговая, во втором — фабрично-заводская). Значение земледелия сохраняется и в Верхневолжский, и в Московский, и во Всероссийский периоды. Экономические последствия, как считал Ключевский, подготовляют последствия политические, которые становятся заметны несколько позднее: «Экономические интересы последовательно превращались в общественные связи, из которых вырастали политические союзы».

Ключевский был ярким представителем национальной психолого-экономической школы, сформировавшейся в России в последней четверти XIX в. Он стал предшественником историков, разрабатывавших психологические методики исследования в первой четверти XX в., когда особую популярность получил психоанализ. Историк писал, что «человек далеко не все постигает логическим мышлением и, может быть, даже по-

стигает им наименьшую долю постижимого». Всякий обряд и текст с практическим, житейским действием, кроме специально богословского, по мнению Ключевского, также имеет общее психологическое значение и с этой стороны, как и всякое житейское, т. е. историческое, явление, может подлежать историческому изучению. С такой народно-психологической стороны историк подошел, например, к проблеме происхождения раскола. Он считал, что «можно придумать тексты и обряды лучше, совершеннее тех, которые воспитали в нас религиозное чувство; но они не заменят нам наших худших». «Так религиозное миросозерцание и настроение каждого общества неразрывно связаны с текстами и обрядами, их воспитавшими», — продолжал эту мысль Ключевский.

О процессе передачи исторического опыта он писал: «Я не знаю, каков будет человек через тысячу лет; но отнимите у современного человека этот нажитой и доставшийся ему по наследству скарб обрядов, обычаев и всяких условностей — и он все забудет, всему разучится и должен будет начинать сызнова». Человечество ведет «всликую жизненную борьбу», «стремясь к целям, им себе поставленным». Приемы и характер этой борьбы меняются, но от этой борьбы «отлагается нечто более твердое и устойчивое: это известный житейский порядок, строй людских отношений, интересов, понятий, чувств, нравов».

«...Сменялись народы и поколения, перемещались сцены исторической жизни, изменялись порядки общежития, но нить исторического развития не прерывалась, народы и поколения звеньями смыкались в непрерывную цепь, цивилизации чередовались последовательно, как народы и поколения, рождаясь одна из другой и порождая третью, постепенно накопляясь известный культурный запас и то, что оглохлось и уцелело от этого многовекового запаса, — это дошло до нас и вошло в состав нашего существования, а через нас перейдет к тем, кто придет нам на смену», — писал он. Для Ключевского понятия: «культура» и «цивилизация»; «культурный запас» и «культурные завоевания» — были синонимами.

Ключевский признавал действие в истории закона психологической ассоциации. Он исследовал разнообразные мотивы поведения, которыми «служат как психологические и нравственные побуждения, так и практические цели, житейские расчеты»; выявлял умолчания и анализировал причины и следствия этого, одновременно показывая значение данного фактора.

Одним из методологических понятий, заявленных историком, были «исторические тела» или людские союзы. Они растут, размножаются, переходят один в другой, наконец, разрушаются. При этом подчеркивалась долговременность воздействия их жизни на исторический процесс.

Внутренне присущий историческому процессу драматизм, Ключевский характеризовал, как «непрерывное движение исторической драмы», время от времени меняющее сложившийся порядок, «которого держатся люди». Историю он рассматривал как поступательный процесс, и понятие развития ассоциировалось в сознании историка с накоплением опытов, знаний, потребностей, привычек, житейских удобств, улучшающих, с одной стороны, частную личную жизнь отдельного человека, а с другой — устанавливающих и совершенствующих общественные отношения между людьми.

Ключевский видел задачей историка познание причинных связей явлений, т. е. свойств и действий сил, строящих общежитие. Он выделил два предмета изучения истории: историю культуры (или историю цивилизации), которая изучает «...выработку человека и человеческого общежития», и историческую социологию. Последняя, в свою очередь, изучает «...исторические силы, строящие человеческие общества, свойства тех многообразных нитей, материальных и духовных с помощью которых случайные и разнохарактерные людские единицы с мимолетным существованием складываются в стройные и плотные общества, живущие целые века».

Историк размышлял над особенностями истории вообще и русской в частности. Он писал о разнообразном местном и временном подборе сил и условий, нигде более не повторявшемся, «вечно изменяющемся подборе исторических сил и условий», о человеческой природе, которая как в отдельных лицах, так и в целых народах раскрывается «не вся вдруг, целиком, а частично и прерывисто, подчиняясь обстоятельствам места и времени». «По этим условиям отдельные народы, принимавшие наиболее видное участие в историческом процессе, особенно ярко проявили ту или другую силу человеческой природы» — к такому выводу пришел Ключевский. Размышления об исторических закономерностях и возможности их познания рождали у историка новые мысли и вопросы.

«На что может пригодиться изучение исторических сочетаний и положений, когда-то и для чего-то сложившихся в той или иной стране, нигде более неповторимых и непредвидимых?»

«Мы хотим знать по этим сочетаниям и положениям, как раскрывалась внутренняя природа человека... как в явлениях, составляющих содержание исторического процесса, человечество развертывало свои скрытые силы...»

«Познать самих себя, свои внутренние свойства и силы, чтобы по ним устроить свою земную жизнь».

Каждому порядку было присуще внутреннее противоречие: следствия, вытекавшие из его же оснований и служившие средствами его поддержания, вместе с тем разрушали самые эти основания: «То значит, что очередной порядок разрушал сам себя, не выдерживал действия собственных последствий. Кроме того, эти условия разрушения, вытекавшие из самого порядка, вызывали к действию сторонние силы, также его расстраивавшие».

«...Действие очередного порядка было процессом его саморазрушения, состояло в его борьбе с собственными последствиями, его расстраивавшими».

«Гражданское общество складывается из очень сложных отношений юридических, экономических, семейных, нравственных. Эти отношения строятся и приводятся в движение личными интересами, чувствами и понятиями. Это по преимуществу область личности».

В основу выделения классов Ключевский положил критерии экономического различия (разновидности капитала, вносимого каждым классом в экономику) и юридического неравенства (разнообразие прав и обязанностей, характеризующих классы в области политической).

«Политические сословия создавались князем, княжеской властью; экономические классы творились капиталом, имущественным неравенством людей». Капитал наряду с княжеской властью являлся деятельной социальной силой, вводил в политический состав общества свое «особое общественное деление, которое должен был признать и княжеский закон».

С конца 1870-х гг. Ключевский целенаправленно занимался историей крестьянства, посвятив ей статьи 1879—1885 гг. Развитие крепостного права в России он считал процессом слияния крестьян и холопов в один разряд населения, перенесением на крестьян норм холопского права. До конца XV в. существовало два вида личной зависимости: полное холопство и долговое закладничество. Из их сочетания развилось холопство кабальное, которое было перенесено на крестьян. В результате сближения холопов с крестьянами в сфере хозяйствен-

ной жизни холопы стали привлекаться к исполнению государственных повинностей.

«Курс русской истории»

Преподавательская и научная деятельность была у Ключевского связана воедино. 5 февраля 1872 г. Совет Московского университета утвердил В.О. Ключевского в ученой степени магистра русской истории. С.М. Соловьев уступил Ключевскому кафедру в Александровском военном училище, где тот будет преподавать 16 лет. Летом 1872 г. Ключевский дал согласие своему другу В.И. Герье взять на себя чтение лекций на Московских Высших женских курсах (здесь Ключевский проработает 15 лет). Одновременно он читал лекции в Московской духовной академии. Началось накопление знаний и научных выводов, которые позже легли в основу знаменитого «Курса русской истории». В нем нашло свое завершенное выражение историческое зодчество Ключевского.

Ключевский предложил проблемное изложение русской истории. Подача материала студентам, выделение «главных моментов», в обучающем лекционном курсе, образность, доходчивость и конкретность изложения, «яркая драматизация исторической схемы» лишь оттеняли концептуальные основы труда.

Конструкцию «Курса» составили пять частей, в которые вошли 86 лекций, охватившие рассказ о русской истории с древнейших времен до реформ Александра II.

Концепция русского исторического процесса у Ключевского развивалась и оттачивалась десятилетиями. Особенно серьезные изменения в понимании соотношения роли народа и государства произошли в процессе его работы над докторской диссертацией «Боярская дума».

Народу как понятию этническому и этическому Ключевский отводил в своей концепции роль основной силы в истории образования и развития государства. «...Мы заставляем Россию столько раз умирать, переживать столько метаспиритов только потому, что сосредотачиваем свое внимание исключительно на технике ее правительственной машины, надеемся разглядеть общество, смотря на него сквозь сеть правивших им учреждений, а не наоборот». Между государством и народом находится элита. Государственное строительство сопряжено с периодической сменой элит. Рассматривая обстоятельства успеха или, наоборот, неудачи, Ключевский считал обязатель-

Основные линии истории России

ным учитывать наличие или отсутствие «вкуса к власти», осознания необходимости упрочения политических прав правящим классом. Он изучал средства и механизмы реализации элитой ее притязаний, умения влиять на общество, анализировать соотношение реальных интересов и деклараций. Счеты и споры внутри элиты и отсутствие внимания к проблеме взаимоотношений элиты с государством, с одной стороны, и народом — с другой, неумение тщательно выстраивать линию взаимоотношений по этим двум направлениям вели к потере элитой своего господствующего положения. «Правящая знать оказалась на низшем уровне понятий сравнительно со средними служилыми классами, своими ближайшими исполнительными органами — участь, обычно постигающая общественные сферы, высоко поднимающиеся над изменной действительностью». Государство, по мнению Ключевского, опирается на устойчивые общие интересы, на широкие общественные связи.

Для каждой эпохи, любого эпизода или действовавшего лица Ключевский умел находить красочный, запоминающийся образ или точное понятие, так или иначе обращенное к национальному и общественному самосознанию. Историк апеллировал к историческому чувству читателя: «Определяя задачи и направления своей деятельности, каждый из нас должен быть хоть немного историком, чтобы стать сознательно и добросовестно действующим гражданином».

Исследование феномена народной памяти, по мнению Ключевского, открывало историку пути познания прошлого, особенно глубокого прошлого: «Начало истории народа... надобно искать, прежде всего, в памяти самого народа. Первое, что запомнил о себе народ, и должно указывать путь к началу его истории». Его интересовали механизмы сохранения народной памяти (народного отношения) «сквозь века» по отношению к конкретным людям, явлениям и событиям¹. Он искал и находил их «следы» (в народных обычаях, поверьях и пр.), давал

¹ Народное отношение к Киеву Ключевский объясняет тем, что перелетные птицы Русской земли, князя со своими дружинами, всюду разносили семена культуры, которая росла и расцветала в средоточии земли, в Киеве. «Таким образом, в разные углы России вносились обстановка и формы жизни, снятые с одного образца». «Все устроилось по-киевски». «Таким образом, и руководителем местной жизни служил Киев, источник права, богатства и знания и искусства для всей тогдашней Руси. Благодаря распространению князей по Русской земле совершалось известное обобщение житейских отношений, нивелировка местной жизни: во всех частях земли устанавливались одинаковые бытовые формы, одинаковые общественные вкусы и понятия».

им объяснение. И наоборот, в случае забвения, сам факт которого свидетельствует о незрелости конкретных народов, по Ключевскому, вступает в свои права исторический закон. В этом случае последний выступает в роли строгого, неумолимого дядьки и бывает даже их палачом, когда «глупая детская строптивость переходит в безумную готовность к историческому самозабвению». Историк размышлял о механизмах поддержания исторической памяти. Для современников определяющим было личное впечатление. Они оставляли после себя историческое воспоминание, которое со временем тускнело. Церковная память превращала, по мнению Ключевского, впечатление в привычное, поднимающее дух, настроение, «этим настроением народ жил целые века; оно помогало ему устроить свою внутреннюю жизнь, сплотить и упрочить государственный порядок». При рассмотрении понятия о народе он придавал особое значение его этнической и ментальной составляющим, а также национальному самочувствию в конкретные исторические эпохи (религиозному и государственному).

Ключевский рассматривал народ в историческом процессе как совокупную личность. Взаимоотношением человека с природой он объяснял психологический склад великороссов (отдельного человека и всего народа).

Природа направляла его хозяйственную жизнь, что собственно и составляло по мнению историка основу исторического процесса.

Общеземское чувство, писал Ключевский, заставляло князей разных русских местных центров «вступить за обиду своего времени, за землю Русскую». «Тоска разливается по всей Русской земле» — так распространялась весть о поражении русских полков («Слово о полку Игореве»). «Везде Русская земля, и нигде, ни в одном памятнике не встретим выражения русский народ». «Пробуждавшееся чувство народного единства цеплялось еще за территориальные пределы земли, а не за национальные особенности народа».

«Народ — понятие слишком сложное, заключающее в себе духовно-нравственные признаки, еще не дававшиеся тогдашнему сознанию...» «Пробуждалось уже помышление о нравственной ответственности перед отечеством наравне со святыней».

Принятие христианства стало важным фактором культурного роста народа: «Печерский монастырь был собирательным фокусом, объединявшим рассеянные лучи русской жизни,

и при этом сосредоточенном освещении наблюдательный иннок мог видеть тогдашний русский мир многостороннее, чем кто-либо из мирян».

«Рядом с общественным делением по правам и имущественной состоятельности церковь вводила свое деление, основанное на иных началах. Она соединяла в одно общество людей разных состояний или во имя *цели*, житейского назначения, религиозно-нравственного служения, или во имя *чувства* сострадания и милосердия. При таком составе церковное общество являлось не новым государственным сословием с духовенством во главе, а особым обществом, *параллельным государственному*, в котором люди разных государственных сословий *соединялись во имя равенства и религиозно-нравственных побуждений*». Трудным делом церкви в устройстве семьи было установить в ней новые — христианские — юридические и нравственные — начала.

Важнейшей идеей для начального периода русской истории Ключевский считал *идею славянского единства*, которая требовала большого напряжения мысли: «Русский бытописатель помнил роковой исторический момент, с которого началось разрушение славянского единства...» Речь шла об утверждении венгров на среднем Дунае в начале X в., разорвавшее связи между западными и южными славянами. Ключевский высоко оценивает русских летописцев и русское общество: «Замечательно, что в обществе, где сто лет с чем-нибудь назад еще приносили идолам человеческие жертвы, мысль уже училась подниматься *до сознания связи мировых явлений*». Идея единства рассматривалась Ключевским как созидательная.

«Карпаты были общеславянским гнездом, из которого впоследствии славяне разошлись в разные стороны». «Итак, прежде чем восточные славяне с Дуная попали на Днепр, они долго оставались на карпатских склонах; здесь была промежуточная их стоянка» (пятивековая). В начале нашей истории, по мнению Ключевского, стоял военный союз, который складывается у восточных славян на Карпатах в VI в. под предводительством князя дулебов.

«Вторым начальным фактором нашей истории», по терминологии В.О. Ключевского, стало расселение восточных славян по русской равнине, вызванное аварским нашествием.

Родовое имя славян известно с VII в. Это первый рубеж, с которым связано обособление восточной ветви славянства от западной. До этого времени судьбы тех и других складывались

«в тесной взаимной связи, в зависимости от одинаковых или сходных обстоятельств и влияний». К этому времени под воздействием обстоятельств и влияний у славян уже заметны «признаки их внутреннего видового разделения, местного и племенного».

VII век был временем утверждения хазар в южнорусских степях, ставших торговыми посредниками между русскими славянами и Востоком.

К половине XI в. Русское государство еще не являлось государством русского народа; еще не существовало самого этого народа, были готовы только этнографические элементы, из которых потом долгим и трудным процессом выработается русская народность. Не было еще связи нравственной (христианства), распространявшейся медленно. Население Русской земли было связано «механически»: княжеской администрацией с ее посадниками, данями и пошлинами. До половины XI в. Ключевский считал единовластие политической случайностью, а не политическим порядком. Если между отцом и сыном действовало семейное право, то оно не распространялось на братьев. Этим историк объясняет уособицы между сыновьями Святослава и Владимира.

«...Княжеский род стал элементом единства Русской земли. Естественное преемство поколений сообщило потомству Владимира Святого вид династии, платным сторожам Руси дало монополию наследственного правления землей».

Русская земля была генеалогической федерацией. В русской земле «действовали связи, соединявшие эти части в одно целое; только эти связи были не политические, а племенные, экономические, социальные и церковно-нравственные. *Не было единства государственного, но завязывалось единство земское, народное. Нитями, из которых сплеталось это единство, были не законы и учреждения, а интересы, нравы и отношения, еще не успевшие облечься в твердые законы и учреждения*». Ключевский выделил четыре категории таких связей: 1) взаимное невольное общение областей, вынужденное действием очередного порядка княжеского владения, 2) общеземский характер, усвоенный высшими правящими классами общества, духовенством и княжеской дружиной, 3) общеземское значение Киева как средоточия Руси не только торгово-промышленного, но и церковно-нравственного и 4) одинаковые формы и обстановку жизни гражданского порядка, устанавливавшиеся во всех частях Руси при помощи очередного порядка княжеского владения.

Княжеский круговорот втягивал в себя местную жизнь, местные интересы областей, *не давая им слишком обособляться*. Области эти поневоле вовлекались в общую сутолоку жизни, какую производили князья. Они еще не были проникнуты одним национальным духом, сознанием общих интересов, общей земской думой, но, по крайней мере, *приучались* все более думать друг о друге, внимательно следить за тем, что происходило в соседних или отдаленных областях... *Создавалось общее настроение*, в котором первоначально отчетливо сказывалось, может быть, только чувство общих затруднений, но которое со временем должно было *переработаться* в сознание взаимных связей между всеми частями Русской земли.

Зарождение русской народности Ключевский связывает с пробуждением в русском обществе чувства земского единства, чему, с его точки зрения, содействовали первые киевские князья, «с таким успехом трудившиеся» над политической цельностью и государственным единством Русской земли. Здесь Ключевский ищет разгадки сочувственного отношения к старой Киевской Руси со стороны нашего народа и нашей историографии. Ничем иным Киевская Русь «со своей неурядицей, вечной усобицей князей и нападениями степных поганых» не могла, по мнению Ключевского, заслужить «благодарное воспоминание в народе», как о «колыбели русской народности». «Народ доселе помнит и знает *старый Киев* с его князьями и богатырями, с его св. Софией и Печерской лаврой, непритворно *любит и чтит* его, как не любил и не чтил ни одной из столиц, его сменивших, ни Владимира на Клязьме, ни Москвы, ни Петербурга». «Люди вообще не равнодушны к временам, исполненным чувства и движения»¹.

«Историческая эпоха, в делах которой весь народ принимал участие и *через это почувствовал себя чем-то цельным, делающим общее дело, всегда особенно глубоко врезывается в народную память*». Историк проследил эволюцию народного чувства и отношения к власти: «*О Владимире* он забыл, да и в свое время *мало знал его*; Москва была *тяжела народу*, он ее

¹ «Сами участники движения, наверное, выносили несколько иное впечатление из шума, какой они производили и переживали. Они видели себя среди все осложнявшихся затруднений и опасностей, внутренних и внешних, и все сильнее чувствовали, что с этими делами им не справиться разобщенными местными силами, а необходимо дружное действие всей земли. Необходимость эта особенно живо должна была чувствоваться после Ярослава и Мономаха», — писал В.О. Ключевский.

немножко *уважал и побаивался, но не любил искренно; Петербурга он не любит, не уважает и даже не боится*».

Ключевский высоко оценивал проникновение христианства на Русь. С ним пришли новые политические понятия и отношения: византийское понятие о государе, поставленном от Бога не для внешней только защиты страны, но и для установления и поддержания внутреннего общественного порядка.

Ключевский определял его в хронологических рамках: с древнейших времен и до конца XII или до начала XIII в. В XI—XII вв. «Русь как племя слилась с туземными славянами, оба эти термина Русь и Русская земля, не теряя географического значения, являются со значением политическим: так стала называться вся территория, подвластная русским князьям, со всем христианским славяно-русским ее населением». Нашествие монголов не стало разделительным рубежом: «...монголы застали Русь на походе. Во время передвижки, которую ускорили, но которой не вызвали; *новый склад жизни завязался до них*». Для Ключевского было важно объяснить, как и какими условиями был создан склад политических и экономических отношений, а также, когда появилось славянское население и чем было вызвано к действию его появление. Экономическими последствиями, по мнению Ключевского, были подготовлены и последствия политические, которые становятся заметны с начала IX в.

«Варяг у нас — преимущественно вооруженный купец, идущий на Русь, чтобы пробраться далее в богатую Византию... Варяг — разносчик, мелочный торговец, *варяжить* — заниматься мелочным торгом». «Осаживаясь в больших торговых городах Руси, варяги встречали здесь класс населения, социально им родственный и нуждавшийся в них, класс вооруженных купцов, и входили в его состав, вступая в торговое товарищество с туземцами или нанимаясь за хороший корм оберегать русские торговые пути и торговых людей, т. е. конвоировать русские торговые караваны». В XI в. варяги продолжали приходить на Русь наемниками, но уже не превращались здесь в завоевателей, и насильственный захват власти, перестав повторяться, казался маловероятным. Русское общество того времени видело в князьях установителей государственного порядка, носителей законной власти, под сенью которой оно жило, и возводило ее начало к призванию князей. Из соединения варяжских княжеств и сохранивших самостоятельность городо-

вых областей вышла третья политическая форма, завязавшаяся на Руси: то было *великое княжество Киевское*.

«Так, не видно больших торговых городов у древлян, дреговичей, радимичей, вятичей; не было и особых областей этих племен. Значит, силой, которая стягивала все эти области, были именно торговые города, какие возникали по главным речным путям русской торговли и каких не было среди племен, от них удаленных». Большие вооруженные города, ставшие правителями областей, возникли именно среди племен, наиболее деятельно участвовавших во внешней торговле.

Исторический анализ политического сознания власти и его эволюцию историк осуществил поэтапно. Политическое сознание князя в XI в., с точки зрения ученого, исчерпывалось двумя идеями: убежденностью в том, что «корм был их политическим правом», а собственно источником этого права являлась их политическая обязанность обороны земли. Идеи чистой монархии еще не было, совместное владение со старшим во главе казалось проще и было доступнее пониманию. В XII в. князья не являлись полновластными государями земли, а только военно-полицейскими ее правителями. «Их признавали носителями верховной власти, насколько они обороняли землю извне и поддерживали в ней существовавший порядок; только в этих пределах они и могли законодательствовать. Но не их дело было созидать новый земский порядок: такого полномочия верховной власти еще не было ни в действовавшем праве, ни в правовом сознании земли». Теряя политическую цельность, Русская земля начала чувствовать себя цельным народным или земским составом.

Причины феодальной раздробленности, которые Ключевский рассматривал как «политическое раздробление», он увидел в изменении представления об «отчине», что нашло отражение в словах внука Мономаха Изяслава Мстиславича: «Не место идет к голове, а голова к месту», т. е. «не место ищет подходящей головы, а голова подходящего места». Личное значение князя было поставлено выше прав старшинства. Кроме того, династические симпатии городов, вызывавшие вмешательство главных городов, областей во взаимные счеты князей, путали их очередь во владении. Ключевский привел высказывание новгородцев о том, что «они для себя его не кормили». Таким образом, «...отстаивая свои местные интересы, волостные города иногда шли наперекор княжеским счетам, призывая на свои столы любимых князей помимо очеред-

ных. Это вмешательство городов, путавшее княжескую очередь старшинства, началось вскоре после смерти Ярослава».

И наконец, третьим обстоятельством было то, что «князья не установили на Руси своего порядка и не могли установить его. Их не для того и звали, и они не для того пришли. Земля звала их для внешней обороны, нуждалась в их сабле, а не в учредительном уме. Земля жила своими местными порядками, впрочем, довольно однообразными. Князья скользили поверх этого земского строя, без них строившегося, и их фамильные счеты — не государственные отношения, а разверстка земского вознаграждения за охранную службу».

Колонизация, по наблюдению Ключевского, нарушила равновесие социальных стихий, на котором держался общественный порядок. А дальше вступили в действие законы политической науки: одновременно с пренебрежением развивается местное самомнение, надменность, воспитанная политическими успехами. Притязание, проходя под знаменем права, становится прецедентом, получающим силу не только подменять, но и отменять право.

В анализе монархической формы государственности Ключевским отчетливо проявилось его понимание идеала и влияние этнических представлений на авторскую концепцию и историческую оценку. «Политическое значение государя определяется степенью, в какой он пользуется своими верховными правами для достижения целей общего блага». Как скоро в обществе исчезает понятие об общем благе, в умах гаснет и мысль о государе, как общеобязательной власти». Таким образом, проводилась мысль о государе, блюстителе общего блага как цели государства, определялся характер державных прав. Ключевский ввел понятие «ответственное самодержавие», которое отличал от непростительного самодурства. С последним русские люди столкнулись уже в древности. Ключевский считал, что Андрей Боголюбский «наделал немало дурных дел». Историк признавал, что князь был проводником новых государственных стремлений. Однако во введенной А. Боголюбским «новизне», «едва ли доброй», не было реальной пользы. Ключевский считал пороками А. Боголюбского пренебрежение к старине и обычаям, своеволие («во всем поступал по-своему»). Слабостью этого государственного деятеля была присущая ему двойственность, смесь власти с капризом, силы со слабостью. «В лице князя Андрея великоросс впервые выступил на историческую сцену, и это вступление нельзя признать удачным» — та-

кую общую оценку дал Ключевский. Популярности представителей власти, по глубокому убеждению историка, способствовали личные доблести и таланты.

Идею власти, возникшую в результате чтения книг и политических размышлений, Ключевский связывает с именем Ивана Грозного, «начитаннейшего москвича XVI в.»: «Иван IV был первым из московских государей, который узрел и живо почувствовал в себе царя в настоящем библейском смысле, помазанника божия. Это было для него политическим откровением».

Почти двухвековая борьба Руси с половцами оказала серьезное влияние на европейскую историю. В то время как Западная Европа крестовыми походами предприняла наступательную борьбу на азиатский Восток (на Пиренейском полуострове началось такое же движение против мавров), Русь своей степной борьбой прикрывала левый фланг европейского наступления. Эта бесспорная историческая заслуга стоила Руси дорого: борьба сдвинула ее с насиженных днепровских мест и круто изменила направление ее дальнейшей жизни. С середины XII в. происходило запустение Киевской Руси под воздействием юридического и экономического принижения низших классов; княжеских усобиц и половецких нашествий. Произошел «разрыв» первоначальной народности. Население уходило в Ростовскую землю, край, который лежал вне старой коренной Руси и в XII в. был более инородческим, чем русским краем. Здесь в XI и XII вв. жили три финских племени — мурома, меря и весь. В результате смешения с ними русских переселенцев начинается формирование новой великорусской народности. Окончательно она складывается в середине XV в., и это время знаменательно тем, что фамильные усилия московских князей, наконец, встречаются с народными нуждами и стремлениями.

**Второй период
русской истории
(XIII—XV вв.)**

Под влиянием новых географических и экономических условий в треугольнике между Окой и верхней Волгой шел рост северо-восточной Руси, вырабатывался ее тип, характер и строй быта, в результате чего возник иной, чем в Киеве, уклад социально-политических отношений. Политическим следствием колонизации стал установившийся в XIII—XIV вв. удельный порядок. Его устроителем и руководителем стал князь — наследственный вотчинник своего удела. Так появилась новая историческая сцена, новая территория и другая господствующая политическая сила. Русь днеп-

ровскую сменила Русь верхневолжская, а волостной город уступил место князю, с которым прежде соперничал.

Важное историческое значение переходных времен Ключевский подчеркивал всегда именно потому, что такие времена «нередко ложатся широкими и темными полосами между двумя периодами». Эти эпохи «перерабатывают развалины погибшего порядка в элементы порядка, после них возникающего». «Удельные века», по мнению Ключевского, и были такими «передаточными историческими стадиями». Их значение он видел не в них самих, а в том, что из них вышло.

О политике московских князей Ключевский рассказывал как о «фамильной», «скупиломной» и «расчетливой», а ее суть определял как усилия по собиранию чужих земель. Слабость власти была продолжением ее силы, применявшейся в ущерб праву. Невольно модернизируя механизмы исторического процесса в соответствии с собственными общественно-политическими убеждениями, Ключевский обращал внимание студентов на случаи безнравственных действий московских князей. Среди условий, определивших в конце концов торжество московских князей, Ключевский выделил неравенство средств борющихся сторон. Если тверские князья в начале XIV в. еще считали возможной борьбу с татарами, то московские князья «усердно ухаживали за ханом и сделали его орудием своих замыслов». «В награду за это Калита в 1328 г. получил великокняжеский стол...», — данному событию Ключевский придавал исключительное значение.

XIV век — заря политического и нравственного возрождения Русской земли. 1328—1368 гг. были спокойными. Русское население постепенно выходило из состояния уныния и оцепенения. За это время успели вырасти два поколения, не знавшие ужаса старших перед татарами, свободные «от нервной дрожи отцов при мысли о татарщине»: они и вышли на Куликово поле. Так была подготовлена почва для национальных успехов. Московское государство, по Ключевскому, «родилось на Куликовом поле, а не в скопиломном сундуке Ивана Калиты».

Цементирующей основой (непременным условием) политического возрождения является нравственное возрождение. Земное бытие короче духовного влияния сильной в нравственном отношении личности (такой, как Сергей Радонежский...). «Духовное влияние преподобного Сергия пережило его земное бытие и перелилось в его имя, которое из исторического воспоминания сделалось вечно деятельным нрав-

ственным двигателем и вошло в состав духовного богатства народа». Духовное влияние перерастает рамки просто исторического воспоминания.

Московский период, по Ключевскому, является антитезой удельному. Из местных условий верхневолжской почвы выросли новые общественно-исторические формы жизни, типы, отношения. Источники московской силы и ее загадочных первых успехов крылись в географическом положении Москвы и генеалогическом положении ее князя. Колонизация, скопление населения давало московскому князю существенные экономические выгоды, увеличивало количество плательщиков прямых податей. Географическое положение благоприятствовало ранним промышленным успехам Москвы: «развитие торгового транспортного движения по реке Москве оживляло промышленность края, втягивало его в это торговое движение и обогащало казну местного князя торговыми пошлинами».

Экономические последствия географического положения Москвы давали великому князю обильные материальные средства, а его генеалогическое положение в ряду потомков Всеволода III «указывало» ему, как всего выгоднее пустить их в оборот. Это «новое дело» не опиралось, по представлению Ключевского, ни на какую историческую традицию, а потому могло лишь очень постепенно и поздно получить общее национально-политическое значение.

Смута

Ключевский рассматривал зверства Ивана Грозного как реакцию на народное возмущение, вызванное разорением. При малейшем затруднении царь склонялся в дурную сторону. «Вражде и произволу царь жертвовал и собой, и своей династией, и государственным благом». Ключевский отказал Грозному в «практическом такте», «политическом глазомере», «чутье действительности». Он писал: «...успешно предприняв завершение государственного порядка, заложенного его предками, он незаметно для себя самого кончил тем, что поколебал самые основания этого порядка». Поэтому то, что терпеливо переносили, когда был хозяин, оказалось невыносимым, когда хозяина не стало.

Ключевский разграничивал понятия «кризис» и «смута». Кризис — еще не смута, но уже сигнал обществу о неизбежности наступления новых отношений, «нормальная работа времени», переход общества «от возраста к возрасту». Выход из кризиса возможен либо путем реформ, либо путем революции.

Если при расстройстве старых связей развитие новых заходит в тупик, запущенность болезни приводит к смуте. Собственно смута и является болезнью общественного организма, «исторической антиномией» (т. е. исключением из правил исторической жизни), которая возникает под воздействием факторов, мешающих обновлению. Ее внешними проявлениями становятся катаклизмы и войны «всех против всех».

Ключевский различал «коренные причины» смуты — природные, национально-исторические и текущие, конкретно-исторические. Он считал, что объяснение частых смут в России нужно искать, в особенностях ее развития — природы, приучившей идти великоросса окольными путями, «невозможности рассчитывать наперед», привычке руководствоваться знаменитым «авось», а также в условиях формирования личности и общественных отношениях.

Ключевский предложил многомерную характеристику смуты. Он увидел ее в политике как кризис абсолютизма, писал не только о кризисе политики властей, но и их влияния, ибо «власть... есть соединение силы с авторитетом». Смутой в экономике историк считал «глубокое опустошение в хозяйственном положении народа» — главным источнике социального дохода, расстройство производства. В социальной сфере смута проявляла себя в разрушении классов, резкой дифференциации доходов, быстром наращивании нищеты, вплоть до мора, и небывалом росте доходов верхушки; «расстройстве местничества» и росте центробежных тенденций. В международной сфере смута имела также драматические последствия: резкое ослабление позиций, угроза потери независимости. («Со всех сторон позор и в укоризну стали».) В идеологической и нравственной сферах происходит ослабление гражданского сознания; потеря ориентиров, конформизм, спячка или эмоциональный стресс, неуверенность в завтрашнем дне, утомление и разочарование от обманутых надежд; преобладание инстинкта над разумом; страх и агрессивность вместо серьезных раздумий; попытки заимствовать чужие образцы и усиление подражательства; паразитизм, выраженное стремление жить за чужой счет; стремление жить для себя.

Характерными, с точки зрения Ключевского, были следующие черты смуты: «Власть без ясного сознания своих задач и пределов и с поколебленным авторитетом, с оскудевшими... средствами без чувства личного и национального достоинства...»

«Старое получило значение не устарелого, а национального, самобытного, русского, а новое — значение иноземного, чуждого... но не лучшего, усовершенствованного».

Конфликт центра и мест. Усиление сепаратистского сознания. Отсутствие общественных сил, способных оживить страну. Перерождение властных структур при авторитарных традициях в России.

Ключевский внимательно изучил характер смут XIII и XVII вв. и их ход. Он пришел к выводу, что смута развивается сверху вниз и является продолжительной по времени. Смута XVII в. длилась 14 лет, а ее последствия — весь «бунташный» XVII в. Смута последовательно захватывает все слои общества. Сначала в нее вступают правители (первый этап смуты). Если верхи не способны или не хотят решать коренные проблемы, которые и привели к смуте, то смута спускается «этажом ниже» (второй этап смуты). «Разврат высших классов. Пассивная храбрость народа». «Высшие классы усердно содействовали правительству в усилении общественного разлада». Они закрепляли старые обычаи в новой оболочке, оставляли нерешенными насущные задачи — главную пружину смуты, и тем предавали народ. А это, в свою очередь, усугубляло смуту. Такое разрушение «национальных союзов» чревато вмешательством иностранцев. Так, смута спускается на «нижний этаж» и недовольство становится всеобщим. Излечить смуту можно, только устранив причины, вызвавшие эту болезнь, решив проблемы, вставшие перед страной накануне смуты. Выход из смуты идет в обратном порядке — снизу вверх, особое значение приобретает местная инициатива.

Выход из Великой смуты XVII в. в условиях развития крепостного права и абсолютизма имел свои особенности (противоречивый, камуфляжный, антигуманный и потенциально взрывной характер). Так, в российскую традицию вошел априорный, кабинетный подход к реформам, когда народу предлагается готовая программа (или набор лозунгов), а желания и возможности народа при этом не учитываются.

Ключевский «как бы предупреждает будущих реформаторов России, задумавших ее европеизировать: опыт показывает, как важно учитывать в программах возрождения глубокие причины болезни — и общее, и особенное, иначе их реализация может дать противоположный результат», — считает исследователь данного сюжета Н.В. Щербень. Все дело в преодолении инерции авторитарного мышления и тенденций к монополизму.

Положительную работу смуты Ключевский видел в печальной выгоде тревожных времен: они отнимают у людей спокойствие и довольство и взамен того дают опыты и идеи. Главное — это шаг вперед в развитии общественного самосознания. «Подъем народного духа». Объединение происходит «не во имя какого-либо государственного порядка, а во имя национальной, религиозной и просто гражданской безопасности». Освободившись от «скреп» авторитарного государства, национальные и религиозные чувства начинают выполнять гражданскую функцию, содействуют возрождению гражданского сознания. Приходит понимание того, что можно заимствовать из чужого опыта, а что нельзя. Русский народ слишком велик, чтобы быть «чужающим растением». Ключевский размышлял над вопросом о том, как «пользоваться огнем мысли европейской, чтобы он светил, но не жегся». Лучшая, хотя и тяжелая школа политического размышления, по мнению Ключевского, — народные перевороты. Подвиг Смутной эпохи в «борьбе с самим собой, со своими привычками и предубеждениями». Общество приучалось действовать самостоятельно и сознательно. В переломные эпохи в муках рождаются новые прогрессивные идеи и силы.

Смута имела и негативные последствия для общественного сознания: «Разрушение старых идеалов и устоев жизни вследствие невозможности сформировать из наскоро схваченных понятий новое мирозерцание... А пока не закончится эта трудная работа, несколько поколений будут прозябать и метаться в том межумочном, сумрачном состоянии, когда мирозерцание подменяется настроением, а нравственность заменяется на приличие и эстетику». На заре «разделения властей» в России «вотчинность» власти одержала верх над избранным народом представительным органом. Восстания «черных людей» против «сильных» вызывали «приказную подделку под народную волю» — феномен, сопровождавший всю последующую историю России. Произошли социальные изменения в составе господствующего класса: «Смута разрешилась торжеством средних общественных слоев за счет социальной верхушки и социального дна». За счет последних дворяне получили «больше прежнего почести, дары и именная». Горечь вывода Ключевского заключалась в том, что потенциальные возможности смуты в будущем сохранялись, т. е. никакого иммунитета на будущее смуты не дают.

Мнение об установлении крепостной неволи крестьян Борисом Годуновым, считал Ключевский, принадлежит к числу наших исторических сказок. Напротив, Борис готов был на меру, имевшую целью упрочить свободу и благосостояние крестьян: он, по-видимому, готовил указ, который бы точно определил повинности и оброки крестьян в пользу землевладельцев. Это — закон, на который не решалось русское правительство до самого освобождения крепостных крестьян. Характеризуя Бориса Годунова и анализируя его ошибки, Ключевский в своих суждениях руководствовался собственными политическими симпатиями: «Борису следовало взять на себя почин в деле, превратив при этом земский собор из случайного должностного собрания в постоянное народное представительство, идея которого уже бродила... в московских умах при Грозном и созыва которого требовал сам Борис, чтобы быть всенародно избранным. Это примирило бы с ним оппозиционное боярство и — кто знает — отвратило бы беды, постигшие его с семьей и Россию, сделав его родоначальником новой династии». Ключевский подчеркивал двойственность политики Годунова: за наушничество он начал поднимать на высокие степени худородных людей, непривычных к правительственному делу и безграмотных.

Бюрократия Ключевский поставил проблему генезиса бюрократии в России. Уже в XVII в. московское правительство начинает править обществом посредством дворянства, а в XVIII в. это дворянство само пытается править обществом посредством правительства. «Но политический принцип, под фирмой которого оно хотело властвовать, перегнул его по-своему: в XIX в. дворянство пристроено было к чиновничеству как его плодovитейший рассадник, и в половине этого века управлялось не аристократией и не демократией, а бюрократией, т. е. действовавшей вне общества и лишенной всякого социального облика кучей физических лиц разнообразного происхождения». XIX в. стал веком бюрократии.

Россия и Запад С XVII в. не раз повторялось однообразное явление. «Государство запутывалось в нарождавшихся затруднениях; правительство, обыкновенно их не предусматривавшее и не предупреждавшее, начинало искать в обществе идей и людей, которые выручили бы его, и, не находя ни тех, ни других, скрепя сердце, обращалось к Западу, где видело старый и сложный культурный прибор, изготовлявший и людей и идеи, спешно вызывало оттуда мастеров и уче-

ных, которые завели бы нечто подобное и у нас, наскоро строило фабрики и учреждало школы, куда загоняло учеников».

«Новая европеизированная Россия в продолжении четырех-пяти поколений была Россией гвардейских казарм и барских усадеб». «Чужой западноевропейский ум призван был нами, чтобы научить нас жить своим умом, но мы попытались заменить им свой ум». Ставя вопрос о западном влиянии в исторической перспективе Ключевский размышлял над современными проблемами.

**Характер
государства
и бедь России**

Повышенную конфликтность русского общества Ключевский связывал с наследством, полученным от вечевых институтов, где спорные вопросы решались в кулачных боях. Из века в век шло накопление нерешенных проблем. Процесс изменений протекал мучительно, оставляя в сохранности прежние социальные силы и тенденции, возрождающие кризисные явления. Так, попытки создания в XVII в. представительных органов в политике вылились в камуфляж абсолютизма, а в экономике — в закрепощении крестьян.

Крепостное право имело развращающие и разлагающие для страны последствия. Уже после его отмены Ключевский дал достаточно грустный прогноз: «...пройдет, быть может, еще целое столетие, пока наша жизнь и мысль освободится от следов этого гнета».

В условиях самодержавного правления и дворянского господства государство задавило народ, его труд и жизнь. «Государственные требования, донельзя напрягая народные силы, не поднимали их, а только истощали». «Государство пухло, а народ хирел». Историк подчеркивал, что прогресс шел на костях народа. «Привычка расправляться без суда и следствия была особенно наболевшим недугом государственного организма, от которого хотели излечить власть возможно радикальнее».

Антимонархические и антидворянские взгляды Ключевского проявились в характеристиках культурно-психологического облика дворянства, который в ряде случаев историк нарочито доводил до гротеска.

Поиск спасения

«Когда надломились политические скрепы общественного порядка, оставались еще крепкие связи национальные и религиозные; они и спасали общество» в период смуты. Московский народ выработал особую форму политического протеста: люди, которые не могли ужиться с существующим порядком, не восставали против него, а выходили из него, «брели розно», бежали из

государства. В обществе проснулась (под влиянием произвола Грозного) смутная и робкая потребность в законном обеспечении лица и имущества от усмотрения и настроения власти.

О личности

Обращаясь к личности, Ключевский пытался подойти к характеристике народа, его духовности и этики. Инициатива исторического движения принадлежит личности. Индивидуальность ума и талант Ключевский относил к области исторического изучения. Но личность исторична и представляет первостепенную силу в «людском общежитии»; личность, имеющая несчастье стать вне союза, теряется для истории. Личности присущи все свойства социального. Она является носителем нравственности и культуры. Особое значение для чередующихся поколений имеет воспитание, которое создает историческое преемство материального и духовного достояния.

Петр Великий

Русских правителей XVIII в. Ключевский делил на две категории. К «необычным» он относил Петра Великого, а к «случайным» — всех остальных.

Познакомившись с Западной Европой, Петр навсегда остался под обаянием ее промышленных успехов. Осматривая фабрики в Париже, Петр особенно пленился шпалерной и гобеленовой и захотел основать такую же в Петербурге. «Ни за кем из своих Петр не ухаживал так, как за заграничными мастерами: по инструкции Мануфактур-коллегии в случае, если иноземный мастер захочет выехать за границу до контрактного срока, производилось строгое расследование, не было ли ему какого стеснения, не обидел ли его кто-нибудь, и хотя бы он не выразил прямо недовольства, а только показал вид недовольного, предписывалось жестоко наказывать виновных».

По мнению Ключевского, Петр руководствовался соображением необходимости разработки природных богатств, которые «должно вести само государство принудительными мерами». «Он сравнивал свой народ с детьми: без понуждения от учителя сами за азбуку не сядут и сперва досадуют, а как выучатся, благодарят». Но «от большой стройки всегда остается много сора, и в торопливой работе Петра пропадало много добра».

С именем Петра Ключевский связывал перелом во внешней политике: «С поворота на этот притязательный путь государство стало обходиться народу в несколько раз дороже прежнего». Со-

словная разверстка специальных повинностей стала еще тяжелее, чем была в XVII в. Ключевский считал, что «Петр стал преобразователем как-то невзначай, как будто нехотя, поневоле. Война привела его и до конца жизни толкала к реформам». Предварительной никакой программы реформ или продуманной политики у него не было. Тем не менее Ключевский считал Петра «не должником, а кредитором будущего» на том основании, что он создал то, что получило развитие позднее: «Так мирятся с бурной весенней грозой, которая, ломая вековые деревья, освежает воздух и своим ливнем помогает всходам нового посева».

XVIII в. не стал предметом самостоятельного изучения Ключевского. И он позволил себе карикатурность в средствах изображения. «Русские цари — не механики при машине, а огородные чучела для хищных птиц». «Наши цари были полезны, как грозные боги, бесполезны и как огородные чучела». Он считал недостойными преемников и преемниц Петра Великого, писал о вырождении правителей, начиная с сыновей Павла I.

Екатерина II

Екатерину II Ключевский называл «последней случайностью на русском престоле». Характеризуя эту эпоху, он практически проигнорировал явления «духовной культуры». Основным фактом эпохи Екатерины II Ключевский считал заявление в Манифесте от 6 июля 1762 г. о том, что самодержавное самовластие есть зло, пагубное для государства, требующее узды. Ею могут быть законы, которые бы указывали всем государственным учреждениям пределы их законности. Так, по Ключевскому, в государственной жизни России впервые было «возвещено» «начало законности».

Он подчеркивал «худое» происхождение Екатерины II — из Северо-Западной Германии, где «немецкий феодализм донашивал тогда сам себя», маленькие женихи искали больших невест, а бедные невесты тосковали по богатым женихам, наследники и наследницы дожидались вакантных престолов. Ключевский писал: «Такие вкусы воспитывали политических космополитов, которые думали не о родине, а о карьере и для которых родина была везде, где удавалась карьера». «Вот почему этот мелкокняжеский мирок получил в XVIII в. немаловажное международное значение». «Мир уже привыкал видеть в мелком князьке головы, которых ждали чужие короны, оставшиеся без своих голов».

Не лучше обстояло дело и с воспитанием Екатерины II: «Родители не отягощали ее своими воспитательными заботами».

За всякий промах она была приучена ждать материнских пощечин. Невеста по матери приходилась троюродной сестрой своему жениху. От приезда Екатерины II в Россию ничего хорошего ждать не приходилось: «Окутанные глубокой тайной, под чужим именем, точно собравшись на недоброе дело, мать с дочерью спешно пустились в Россию...» «Тотчас по приезде к Екатерине приставили учителей Закона Божия, русского языка и танцев — это были три основных предмета высшего образования при национально-православном и танцевальном дворе Елизаветы».

Ключевский дал нелестную оценку Екатерине II: «Она больше дорожила вниманием современников, чем мнением потомства, за то и ее при жизни ценили выше, чем стали ценить после смерти. Как она сама была вся созданием рассудка без всякого участия сердца, так и в ее деятельности больше эффекта, блеска, чем величия, чтобы ее самое помнили дольше, чем ее деяния».

Мысли о будущем

В течение всей жизни Ключевский оставался человеком 60-х гг. XIX в., как бы мы сейчас сказали «шестидесятником». Он считал себя человеком XIX в. и говорил, что в XX в., который своим не считал, попал по ошибке. Знание русской истории не прибавляло историку оптимизма. У него были мрачные предчувствия относительно будущего. В январе 1905 г. Ключевский записал о Николае II: «Это последний царь, Алексей царствовать не будет». Историк понимал, что для России революция обернется катастрофой. Предсказав в 1901 г. то, что династия будет изгнана, «вымрет раньше, чем перестанет быть нужной», Ключевский писал: «В этом ее счастье и несчастье ее народа, России, притом повторное. Ей еще раз грозит бесцарствие, смутное время».

Крах государственности не был единственной угрозой для России. Всеми миру угрожал рост милитаризма: «Пролог XX века — пороховой завод. Эпилог — барак Красного Креста». «Впредь будут воевать не армии, а учебники химии и лаборатории, а армии будут нужны только для того, чтобы было, кого убивать по законам химии снарядами лабораторий».

Ключевский оставил глубокий след в истории отечественной науки и культуры. И дело не только в формальном признании научным сообществом его заслуг (в 1900 г. Ключевский стал академиком, в 1908 г. почетным членом по разряду изящной словесности), что самому Ключевскому было важно. Его учениками были А.А. Кизеветтер, М.К. Любавский, М.М. Богословский,

П.Н. Милюков, М.Н. Покровский, А. Юшков. Ключевского читали Н.С. Лесков, А.П. Чехов, А. Блок. Он оказал глубокое влияние на современников и потомков.

Источники

Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1989.

Ключевский В.О. Соч. В 9 т. М., 1987—1990.

Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983.

Ключевский В.О. Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве. М., 1997.

Хрестоматия по «Курсу русской истории» В.О. Ключевского. Пенза, 1993.

Литература

Иллерицкий В.Е. В.О. Ключевский — выдающийся буржуазный историк пореформенного периода // Историография истории СССР. М., 1971.

Зимин А.А. Формирование исторических взглядов В.О. Ключевского в 60-е гг. XIX в. // Исторические записки. М., 1961. Т.69.

Карагодин А.И. Философия истории В.О. Ключевского. Саратов, 1976.

Киреева Р.А. В.О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966.

Киреева Р.А. Василий Осипович Ключевский // Историки России. XVIII—XX века. М., 1996.

Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974.

Черепнин Л.В. В.О. Ключевский // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т.2.

Щербень Н.Н. В.О. Ключевский о Смуте // Отечественная история. 1997. №3—4.

Хорошо знавший Павла Николаевича Милюкова современник, историк Н.П. Павлов-Сильванский определил его воззрения как «теорию контрастов». И в самом деле, при всех «оговорках» Милюкова о существовании неких общих закономерностей, его восприятие истории России было основано на противопоставлении ее Западу. России, по его мнению, самой исторической судьбой была уготована подчиненная культурная роль: участь подражать и догонять «высшую культуру»: «Различия с Западом, объяснимые особой средой национального развития, особенно велики в начале русского исторического пути, а по мере приближения к современности эти различия сглаживаются и уступают место все более явственно выраженному параллелизму. Параллелизм этот, и в данном случае, сперва выражается в непосредственном подражании образцам, данным высшей культурой, а затем, после того как подражание принесло свой плод и вызвало самостоятельное национальное творчество, параллелизм становится результатом взаимодействия равноправных культур, или, в более глубоком смысле, однообразия законов развития коллективной психики культурных народов».

Становление историка

Гносеологические корни дисгармоничного восприятия истории следует искать в среде обитания ученого, прежде всего в детские годы. Они прошли в неблагоприятной семейной обстановке. Бесконечное противостояние матери (помещицы Ярославской губернии М.А. Султановой, «кичившейся» «султановской породой») и отца-интеллигента болезненно отражалось на Милюкове и его брате. Деду Милюкова по отцу, надворному советнику, дворянство получить не удалось. Отец же нашел возможность самозащиты в увлеченности профессией

архитектора. Однако для обеспечения материального благополучия семьи Н.П. Милюков оставил государственную службу в чине надворного советника и перешел служащим в частный банк.

Из детства будущий историк вынес важное впечатление, определившее его собственное отношение к труду. Примером стала творческая натура отца. От него Милюков почерпнул широкие знания об истории архитектурных форм в России, унаследовал свое главное качество — увлеченность, которую проявлял и в истории, и в политике.

Милюков обладал абсолютным музыкальным слухом, любил музыку, приобретенные музыкальные познания использовал в исторических трудах, в частности в «Очерках по истории русской культуры».

Призвание историка Милюков открыл в себе далеко не сразу. Глубокого интереса к истории у него не было ни в московской гимназии, ни на первых курсах историко-филологического факультета Московского университета. Отсутствие интереса Милюков объяснял формальным преподаванием в гимназии по учебнику Д.И. Иловайского. На уроках ему было скучно. В университете все изменилось только с началом лекций В.О. Ключевского и семинара П.Г. Виноградова. Студенты сразу оценили Виноградова за созданную им атмосферу творчества. Педагог никогда не проявлял высокомерной снисходительности к студентам: он учил работе с источниками и навыкам научного труда. В результате к Милюкову и другим участникам семинара пришло понимание истории, прежде всего как истории социальной и истории учреждений.

Ключевский поразил Милюкова талантом и научной проницательностью. Однокурсникам Милюкова (среди них были М.К. Любавский и В.В. Розанов) посчастливилось стать первыми слушателями Ключевского в университете. По свидетельству Милюкова, семинар Ключевского сводился к лично-му, яркому, но сугубо индивидуальному комментарию учителем источников, и это не удовлетворяло ученика. Основной упрек, брошенный Милюковым, заключался в том, что между окончательным выводом профессора и уровнем знаний слушателей зияла непроходимая пропасть. Милюкову так и не удалось преодолеть этой юношеской обиды на Ключевского. Впрочем, едва ли здесь следует искать истинную причину их размолвки. Милюков не простил Ключевскому его педагогику. Профессор не поддержал в качестве диссертационной

предложенную Милюковым тему о реформах Петра Великого, а рекомендовал разработать «грамоты какого-нибудь из северных монастырей», отложив петровскую тему для докторской диссертации. Во время защиты Ключевский воспротивился присуждению Милюкову докторской степени, минуя магистерскую (такие прецеденты были), за труд «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого».

Впрочем, для истории науки личные обиды не главное, хотя они и характеризуют событийность научной деятельности и повседневность научного процесса. Важно отметить другое — то, с какой настойчивостью Милюков сохранял и развивал свою природную самостоятельность. В этом он преуспел, имея столь влиятельного в научном отношении учителя, как Ключевский. Ему помогали не только характер и склад ума, но и разносторонняя подготовка.

Еще в гимназии и в первые университетские годы, т. е. в период, когда закладывались основы мировоззрения, формировались философские и исторические взгляды, вырабатывались политические пристрастия, Милюков проявлял способности к аналитическому мышлению, обобщениям, синтезу и умению мыслить ассоциативно. Теоретический склад ума служил ему спасительным кругом. Увлечение философией Древнего мира открывало метод познания от частного к целому, становясь незаменимой опорной точкой, откуда радиусы шли в разнообразных направлениях.

Милюкова интересовала проблема исключительности и подражательности. Позднее она получила развитие в его концепции. Исключительность рассматривалась им и как источник национальной оригинальности, и признак односторонности. Он считал подражательность неизбежной и оценивал ее как прогрессивное явление, даже отстаивал право на подражание. Гимназист Милюков читал труды О. Конта и Д. Милля.

Выработать самостоятельную позицию в годы научного становления по окончании университета Милюкову помогло углубленное изучение трудов С.М. Соловьева. Студентом ему довелось слушать лекции позднего Соловьева, но оказалось, что он не был готов оценить их по достоинству. Понимание значения концепции великого предшественника пришло позднее, как, впрочем, и осознание серьезного влияния Соловьева на творчество Ключевского.

Соловьев оказался Милюкову ближе, чем Ключевский. В «Очерках по истории русской культуры» Милюков подчеркнуто опирался на выводы Соловьева, считая, безусловно, правильным его тезис о зависимости каждой национальной культуры от географического места, где совершается его развитие. Милюков принял концепцию колонизации С.М. Соловьева, тезис борьбы леса и степи, писал о задерживающей историческое развитие роли степи и ее разрушающих для культуры плодах. Он сосредоточил свое внимание на детализации колонизационных процессов, опираясь на новейшие археологические данные. И это позволило ему внести коррективы в концепцию колонизации Ключевского. Милюков, сам участник ряда археологических раскопок, чувствовал здесь свое превосходство. Он оспорил фактическую основу направленности ряда колонизационных потоков, которую Ключевский воссоздал главным образом на основе письменных источников. В целом Милюков продвинул изучение колонизации за счет анализа ее региональных ветвей. Переселения XIX в. он рассматривал как составную часть понятия колонизации, придерживаясь смешанного этногеографического принципа.

Однако к Ключевскому Милюков часто был несправедлив. У Ключевского вызвала внутренний протест демонстративная амбициозность и честолюбие ученика. Учителя особенно обидела критика Милюковым за глаза его взглядов в студенческой аудитории, тем более что Милюков часто вел продолжительные беседы за чашкой чая в доме Ключевского, никак не обнаруживая своего несогласия в личной беседе. Скорее всего, именно за это Милюков и был подвергнут «порке» во время защиты магистерской диссертации. Поскольку научный руководитель тогда одновременно являлся и главным официальным оппонентом, Ключевский использовал свое право, и назревший конфликт получил общественный резонанс. Воспитательные усилия Ключевского вызвали у Милюкова, в свою очередь, глубокий протест, имевший долговременные последствия.

За внешними признаками взаимной неудовлетворенности Р.А. Киреева увидела концептуальные различия и отметила, что Ключевскому была присуща неудовлетворенность работами Милюкова. По ряду конкретных вопросов русской истории он был с ним не согласен.

Тем не менее Ключевский и Милюков прекрасно понимали научное значение друг друга. Ключевский считал Милюкова не

худшим в своей рати: «В заблуждениях своих такие, как Миллюков, все же хранят нечто культурное и благомыслящее, на что у меня есть данные бесспорные». В предисловии к диссертационному исследованию Миллюков, предварительно заявив, что прямого участия Ключевский к данному исследованию не имеет, тем не менее отдал должное его университетским лекциям, которые в «весьма значительной степени определили самое содержание» воззрений Миллюкова о реформаторской деятельности Петра и ее роли в русской истории. В трудные для своего ученика времена правительственных гонений Ключевский защищал его перед властью.

В целом университетский период преподавательской деятельности (с сентября 1886 по февраль 1895 г., с перерывами в весенних семестрах 1889 и 1892 гг.) был самым плодотворным в научной жизни Миллюкова. Тогда созрели и воплотились замыслы его главных научных трудов. Он разработал и прочитал семь курсов: по русской историографии, истории русской колонизации, русской исторической географии, реформе Петра Великого, источникам по русской истории XVI—XVII вв., исторической статистике России, введению в русскую историю. В университете проявился бурный общественный темперамент Миллюкова. Студентом второго курса в 1878 г., он от имени своих друзей (кн. Н. Долгорукова, К. Старынкевича, Д. Некрасова, К. Иова) написал письмо Ф.М. Достоевскому с просьбой к писателю изложить взгляды по вопросу о взаимоотношениях народа и интеллигенции. Позднее эта тема приобретет в концепции Миллюкова важное значение.

Рассуждениям о взаимосвязи науки и политики в жизни историка он придавал серьезное значение задолго до того, как стал политиком. Миллюков-политик заявил о себе в творчестве Миллюкова-историка уже во «Введении» в «Очерках по истории русской культуры». Здесь проявилась не только внутренняя предрасположенность Миллюкова к политическим занятиям и его интерес к данной сфере, но и тенденции усиления политической ангажированности науки. Историческое творчество подготовило Миллюкова к политической деятельности, но и будучи политиком, он применял подход историка к анализу современных международных отношений

Постоянный интерес у Миллюкова-исследователя вызывали такие проблемы, как финансовый аспект Петровских реформ (и их предпосылки), русская культура (в ее всеобъемлющем значении), а также международные отношения современной России

(«Восточный вопрос», роль России на Балканах и др.). Сквозными для всех проблем были вопросы о роли государства в русской истории и история влияний «Россия — Запад». Миллюков изучал документальные материалы с XVI в. до первой трети XX в. Если он писал о событиях и явлениях более раннего времени, то предпочитал ссылаться на литературу. Историографический компонент играет в его трудах важную роль и постоянно сопровождает рассуждения о событиях и явлениях XVI — начала XX в.

Вместе с тем историография имела для Миллюкова и самостоятельное значение как средство ведения научной полемики и механизма развития науки, осознания ее первоочередных задач. В качестве таковых для исторической науки Миллюков выделил: «изучение материальной стороны исторического процесса, изучение истории экономической и финансовой, истории социальной, истории учреждений».

Заметное влияние на жанр и стиль работ Миллюкова-историка оказал его преподавательский опыт. Современники отмечали сильное впечатление, которое он производил на слушателей и читателей. Во многом успех достигался за счет особого внимания Миллюкова к приемам, средствам и формам подачи материала. Не случайно и для рассказа о культурной истории нашей страны он избрал жанр очерков. Блестяще работая с аудиторией, активно воздействуя на восприятие (учителем был сам Ключевский!), он поражал богатством и разнообразием сообщаемых сведений. Миллюков любил образные сравнения. Так, он называл Карла Брюллова Державиным русской живописи, Венецианова — Карамзиным русской живописи, а Левитана — родным братом Кольцова, Тургенева и Тютчева. Позднее, глубокая потребность общественного признания ускорила превращение историка в политического деятеля, лидера кадетской партии. Связь с современностью — характерная черта исторических работ Миллюкова, которому удавалось заставить звучать актуально даже сюжеты глубокой древности.

Система доказательств, материал и наблюдения Миллюкова обычно богаче и интереснее его выводов. Если конкретным наблюдениям и сравнениям присуща внутренняя сила, то выводы больше напоминают «кирпичики», обязательные для схемы, продиктованной концепцией органического характера отсталости России. Таким образом, Миллюкову не удалось избежать тех же дефектов, в которых

он обвинял православие, а именно: упрощения и стремления к оформлению в определенные, но тесные ему рамки. Сформулировав тезис о том, что православие не оставляет за художником свободы, а его уделом может быть только техника, Милюков повторил ту же судьбу, став заложником собственной концепции, при этом, подобно древнерусским иконописцам, продемонстрировав блестящую профессиональную технику. Но в обоих случаях «техника» имела столь глубокое содержание, что она не укладывалась в определенные ей Милюковым рамки.

**Воздействие
марксизма**

«Капитал» К. Маркса Милюков читал на младших курсах университета и, по его признанию, «при написании первых своих работ в основу исторического изучения полагал то, что мы тогда называли «экономическим материализмом». Ленин считал Милюкова «одним из наиболее сведущих историков, кой-чему научившихся у исторического материализма, под явным влиянием которого был этот историк... в бытность свою историком».

Тезис о влиянии марксизма на Милюкова в бытность его историком имеет как бы два плана: собственно сам фактор идеологического влияния и формы его проявления; а также сознательное использование Милюковым составных частей марксистской концепции в своих целях. Поэтому в наступательной полемике Милюкова с марксизмом на страницах «Очерков» присутствует его неприятие марксизма, как истинное, так и мнимое.

Милюков полагал, что настало время изучать «культурную историю». Этот термин у него «обнимал» «все стороны внутренней истории — и экономическую, и социальную, и государственную, и умственную, и нравственную, и религиозную, и эстетическую». Критику марксизма (исторического материализма) Милюков проводил с позиций принципиального отрицания монистического понимания исторического процесса.

Излагая свою теорию исторического процесса и методологию изучения истории, Милюков начинал с признания исторической закономерности, но последняя понималась им не как объективно существующие законы исторического развития, а как сумма отдельных факторов, физических, химических, физиологических и психических, проявляющихся в общественной жизни. Историк, по Милюкову, должен «разложить» целостный исторический процесс на указанные факторы. Он называл де-

дукцией «...сочетание элементов при бесконечной сложности явлений, которые будут бесконечно разнообразны. Закономерности надо искать в действии отдельных элементов, а потом уже в их сочетаниях, таким образом, задача анализа сводится к тому, чтобы выделить из сложного социологического итога отдельные слагаемые и определить сферу их влияния». Но Милюков признавал для историка и другой путь: «Можно взять прямо готовый итог и попытаться выяснить роль создавших его причин путем известных приемов индуктивного исследования. Этим методом с блестящим успехом пользовались статистики; но употребление его зависит от того, имеется ли подходящий материал для наблюдений, а значение выводов ограничивается пределами исследованного материала».

В своих рассуждениях Милюков пытался «примирить» марксизм с либеральной теорией эволюционного пути развития России. Он утверждал, что «в России государство имело огромное влияние на общественную организацию, тогда как на Западе общественная организация обусловила государственный строй». Этот тезис кажется Милюкову парадоксом только на первый взгляд. Он как будто резко противоречит той очень распространенной теории, что политический строй всякого государства должен быть «надстройкой» над экономическим «фундаментом» (так, не называя марксизм, Милюков полемизирует с ним). «Мы, однако, нисколько не отрицаем зависимости политической надстройки от экономического фундамента. Напротив, мы предполагаем лишний раз иллюстрировать эту зависимость на примере России. Именно элементарное состояние экономического фундамента вызвало у нас в России гипертрофию государственной надстройки и обусловило сильное обратное воздействие этой «надстройки» на самый «фундамент». Разрешение проблемы Милюков видел в получении конституции. Столь тесное соединение истории и политики также объясняло характер пристального интереса Милюкова к марксизму.

**Национальное
своеобразие
и отсталость
России**

Роль религии в русской истории для Милюкова была актуальной. Характеризуя духовную атмосферу на рубеже XIX—XX вв., он выделил следующую черту: «Религия находила себе место в нормальной человеческой психологии и являлась высшим видом знания, совмещающим и эмпирический, и рациональный, и мистический источники знания».

На лик русской культуры наложили отпечаток условия восприятия Русью христианства в X в. и само состояние восточного христианства в это время. Милюков подчеркивал, что к моменту принятия христианской религиозной культуры «древнехристианское искусство успело окончательно сделаться византийским» и не проявило никакого внутреннего движения и развития.

Таким образом, на параметры важнейших характеристик православия оказали влияние факторы времени и пространства. Для истории России решающим было обстоятельство вступления в православный мир последней. Константинополь, отмечал Милюков, «вовсе не был единственным центром восточно-христианского искусства. Египет и Сирия, Малая Азия и Персия, Балканские страны вложили свою долю в его развитие». Также серьезным минусом для России было неорганичное происхождение православия — «веры пришло». Поэтому она и оказалась в России, как считал Милюков, не жизнеспособной: «Новая вера (христианство) с самого начала перешла на Русь с чертами аскетизма; христианский идеал выдвинут был специально иноческий, монашеский. Для мира, для жизни, для действительности этот аскетический идеал был слишком высок и чужд. Для аскетического идеала мир, в свою очередь, был слишком греховен и опасен».

Характеризуя восточную православную культуру и результаты восприятия византийского православия на Россию, Милюков пришел к выводу, что Россия — это тоже Европа, но Европа отсталая. Он выделил внутренние и внешние причины отсталости России. Среди внешних влияний Милюков отличал византийские (для раннего периода русской истории, вплоть до XVII в.) и западные (для Нового времени, начиная с XVII в.). В качестве внутренних («органических») причин отсталости России он назвал низкий уровень религиозности в Древней Руси и то обстоятельство, что «ни идея критики, ни идея терпимости, ни идея внутреннего, духовного христианства не были по плечу тогдашнему русскому обществу». Усугубляя положение, по Милюкову, формализм старинного русского благочестия и, как неизбежное следствие слабости внутренней и духовной жизни, государственное покровительство. В этих условиях Иосиф Волоцкий заключил неизбежный союз с государством. Происходит национализация веры и церкви.

Россия «более или менее пассивно восприняла византийское искусство таким, каким она находила его в разные периоды его

влияния». В устах Милюкова такое заявление прозвучало как комплимент. Подобно П.Я. Чаадаеву, Милюков отрицательно оценивал роль Византии по отношению к нашей стране. Отличие от Чаадаева было в том, что Милюков не считал правильным обвинять православную религию в русской отсталости: «Для этой отсталости были другие органические причины, действие которых распространялось и на религию». Русское искусство, по Милюкову, «пережило и отразило в себе разные византийские влияния и, таким образом, приняло участие в его эволюции». Причем, если византийское влияние оказывало отрицательное воздействие на отечественную культуру, то влияние национальных, самобытных форм было животворным. Их первые проникновения Милюков выявил в московской архитектуре конца XV в.: «Усвоив итальянскую технику, русские мастера взяли реванш — перенесли деревянные формы национальной архитектуры на камень. К середине XVI в. «полностью выработались элементы русского самобытного архитектурного стиля, в России процветали и выдвигались на первый план национальные особенности». А к XVII в., по наблюдению Милюкова, они были осуждены как измена византийской старине. Именно в XVII в., считал Милюков, произошел разрыв традиции, преемственности: «И без того бедная духовным содержанием национальная жизнь была еще более обессилена болезненной операцией — отсечением всего национального как ложного». Ответственность за разрыв он возложил на московские власти, которые в такой форме защищали византийское начало. Им противостояла провинция, защищавшая национальное начало. В XVII в. центром национального сопротивления, по Милюкову, было Поволжье и особенно Ярославль, богатый торговый город. «Ярославский стиль распространился на Ростов, Борисоглебск, Углич». Победу Москвы в этой борьбе Милюков оценил как поражение национального начала и победу византийского. «Разрывы» в русской истории Милюков полагал основной причиной отсталости и элементарности.

Милюков считал, что архаизм присущ восточной православной культуре как обязательная принадлежность стиля. Заметим, что чуждый пониманию внутренней сути православия и считающий его пережитком старины Милюков не случайно сосредоточил свое внимание на внешних, как бы стилевых, узнаваемых читателем чертах православия. В восточном православии «секуляризация» (т. е. развитие светских,

реалистических тенденций) православного искусства происходила под воздействием внешнего фактора, т. е. поздних западных воздействий XVII в. Данное явление в области церкви и искусства, с его точки зрения, присуще истории России уже Нового времени, когда оно и стало представлять важную линию ее развития.

Истоки элементарности и отсталости России Милюков рассматривал в прямой связи с силой византийского влияния и тем поражением, которое русская церковь нанесла национальному развитию русского искусства в XVII в. «Собственно говоря, сама Византия подготовила ту тесную связь государства и церкви, которая составляет одну из самых характерных черт русской церковности». Милюков постоянно подчеркивал отсутствие творческого потенциала для Руси и России у византийских заимствований: «Таким образом, греческий устав оказался ярмом, неудобноносимым для лучшего из русских монастырей (Печерского) в цветущую пору его существования».

Оценка, данная Милюковым духовному состоянию «массы», была очень низкой: «Гораздо быстрее, чем поднимался уровень массы, падал ему навстречу уровень пастырей». «Отдаляясь постепенно от Византии и лишившись постоянного притока греческих духовных сил, Россия не имела еще достаточно образовательных средств, чтобы заменить греческих пастырей своими, так же хорошо подготовленными». «Только постепенно, хотя и очень рано, в заимствованный с Востока стиль начали проникать самостоятельные русские черты». Это влияние шло бессознательно на первых порах. «Иноземный продукт акклиматизировался в России за это время. В чем же состояли эти национальные отличия, приобретенные на Руси христианством?»

В дальнейшем, в течение XVI столетия, «перед учреждением патриаршества русская церковь нравственно и духовно эмансипировалась от Византии». Положительным фактором данное обстоятельство в глазах Милюкова не стало, так как «эмансипация была совершена при непосредственном содействии государственной власти, в прямых интересах великого князя московского». Политической доминанте русской церкви, по мнению Милюкова, противопоставить было нечего. Однако «национализация» русской церкви была внешней, обрядной: «считать русскую народность, без дальних справок, истинно христианской значило бы сильно преувеличивать степень усвоения русскими истинного христианства».

Подчеркивая внешние, «материальные» признаки воздействия православия на Россию, Милюков признавал за ними некоторую способность к самостоятельному развитию (например, в архитектуре, как наиболее тесно связанной с конкретной житейской обстановкой). Он как бы «выводил» из соприкосновения с материальной стороной — духовную, рассматривая ее параллельно (любимый прием Милюкова), обычно со знаком минус (как пережитка). Чтобы объяснить слабость и отсталость России духовным наследием православия, Милюков, как бы между прочим, упоминает о способности развития материальной сферы у нас в России, «как везде», наводя читателя на мысль о закономерности, уже знакомой ему в марксистском варианте. Для убеждения же читателей Милюков считал, что все средства хороши, в том числе и марксистские.

Милюков одновременно и отрицал, и признавал русское национальное своеобразие: «Русское благочестие действительно приобрело особый отпечаток, отличавший его не только от Запада, но и от Востока. Содержание русской веры стало образно и национально». Размышляя о судьбах национального своеобразия, он поставил вопрос о проникновении русских форм в старый византийский стиль, о содержании конкретных форм русского национального своеобразия, очертив для этого своеобразия строгие хронологические рамки (до XVII в.). Свой вывод о «болезненном и обильном последствием разрыве между интеллигенцией и народом, за который славянофилы упрекали Петра, совершился веком раньше... первой и главной причиной разрыва были вопросы совести» он считал серьезным вкладом в науку. «Русскому человеку в середине XVII в., — писал Милюков, — пришлось проклинать то, во что столетием раньше его учили свято веровать. Для только что пробужденной совести переход был слишком резок. Естественно, что масса отказалась на этот раз следовать за своими руководителями. Предоставленная самой себе, она очутилась в совершенных потемках».

Милюков считал, что Россия потеряла собственное «национальное содержание» к XVIII в., т. е. еще до Петра I, при котором к нам устремился поток немецких, французских, итальянских и английских влияний. Всем им противостоять страна была не в состоянии. Именно с петровского времени Россия была обречена на отсталость. Милюков пишет о наличии лишь элементов национального стиля, которые сохранились в русском искусстве «исключительно для декоративных целей».

«Самостоятельное» стало не внутренним существом, а лишь внешним атрибутом. Исключений немного. Так, русские древние рукописи, по мнению Милюкова, заключали в себе огромные богатства орнамента, нашедшие проявление в русской промышленности и ставшие национальным достоянием. Если допетровскую эпоху Милюков называет «национальной», то петровскую «подражательной». С XVIII в. борются перекрещивающиеся влияния «Восток — Запад».

Милюков предложил своеобразную концепцию соединения разорванных исторических нитей. Однако это «соединение» (например, в создании национального стиля русской архитектуры) происходило на нездоровой подражательной основе. Историк не отрицает попыток создания «настоящего национального стиля» в отдельные эпохи. Самостоятельный путь развития он обнаружил в архитектуре середины XIX в., когда, по словам Милюкова, на короткое время русская архитектура все же «нашла себе путь самостоятельного развития», увидев его в возвращении к традициям XVII в.

Милюков полагал, что он выявил некую фатальную закономерность. Он считал, что в истории России можно говорить лишь об отдельных и непродолжительных попытках самостоятельного развития. К сожалению, они всегда уступают место более грандиозным задачам, а те неизбежно обрекают на неудачу поиски национального стиля. Так, «догоняя современные европейские образцы, русское искусство (XVIII в.) порвало нить своего органического развития». «Оставив трудные и нерешительные попытки найти ощупью собственную дорогу, оно послушно отдалось в учение европейским мастерам», чему способствовала атмосфера, которую во многом определял «законодатель вкуса и главный заказчик» — государство. 1890-е гг. характеризовались новым разрывом традиций и бунтом молодежи, которая «спешила разорвать все связи с прошлым».

Ориентируя читателя «на пространстве нескольких веков», Милюков настойчиво проводит мысль об отставании России от Запада. Понятию национального своеобразия Милюков предпочитает термин «национализация», ограничивая его хронологическими рамками и подчиняя критерию, в качестве которого рассматривает итоги развития Западной Европы.

У Милюкова прозвучал вопрос и о влиянии русской культуры на западноевропейские страны и южных славян. Замечательна сноска Милюкова, где говорится о серьезности воздей-

ствия, которое оказала в начале XX в. русская икона на современного человека, в том числе и на западного. Он увидел здесь «соединение разорванных исторических концов».

Периодизация Милюков выделил четыре судьбоносных рубежа, или ступени, в истории России. «Первая ступень — это быт племенной, в которой государства еще нет, и люди связаны между собой кровной связью — родством, либо настоящим, либо придуманным. На второй ступени является уже государственная связь, но она еще очень некрепка, и вместо целого большого государства, — общество раздроблено на множество маленьких, в которых господствуют крупные собственники, завладевшие общими и племенными землями и вооружившие своих слуг, чтобы вместе с ними защищать своих подданных и нападать на чужих. Эта вторая ступень называется феодальным бытом». Третий период Милюков связывал с московскими князьями и становлением самодержавия: «На третьей ступени один самый сильный или самый ловкий хищник уничтожает или покоряет остальных и подчиняет своей власти все население одного языка и одной веры, создавая, таким образом, единую нацию и организуя постоянное войско для защиты государства. Эту третью ступень и можно называть военно-национальным государством». Милюков предпочитает точно не датировать обозначенных им процессов. Однако упоминания о хронологических рамках третьего периода он дал и в работе 1905 г. «Исконные начала» и «требования жизни» в русском государственном строе». Данный период длился с XVI в. вплоть до 6 августа 1905 г., когда Россия, по Милюкову, благодаря учреждению Думы сделала первый шаг в направлении превращения военно-национального государства в промышленно-правовое. «Мало-помалу, — писал Милюков, — военная деятельность такого государства ослабевает, уступая место мирному развитию промышленности». Данная периодизация в большей степени характеризует теоретические основания положения Милюкова в освободительном движении дореволюционной России. В «Очерках» Милюков обозначил принципиальные рубежи в истории России. Он считал водоразделом XVII в. — время раскола. Понятие периодизации для творчества Милюкова в конце XIX в. было противоестественным, так как он придерживался концепции «разорванных концов и начал исторического развития», которые затем «вновь связываются». Задача историка виделась в поиске неких устойчивых

тенденций. Данное убеждение Милюкова принадлежит к числу коренных, т. е. тех, которых он придерживался всю жизнь. Уже после революции историк писал: «Мы видим после первоначального, очень острого наскока на положение, существовавшее до революции, — постепенное возвращение к прежнему, но с новым запасом опыта и с новым импульсом к внутреннему развитию».

Роль государства в русской истории

Восприняв тезис о зависимости национальной культуры и ее развития от географического места, Милюков сосредоточил свое внимание на причинном обосновании этой связи. Поскольку на территории России «соединяются, по крайней мере, три-четыре самостоятельные и законченные культуры разного характера, не говоря о культурах незаконченных, соединить их в целое могло только слияние государственное». Милюков придерживался мнения, что роль государства в истории России определялась ее географическим положением. В сильной роли Российского государства он видел отличие нашей страны от западноевропейских стран. Милюков писал о чересчур высоких государственных требованиях к чересчур неразвитому экономически населению, о том, что политический рост государства постоянно опережал его экономическое развитие, особенно в период реформации.

Свои соображения о роли государства и механизмах его роста он высказал в рецензии на сочинение А.С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве» (СПб., 1892), возможность написать которую Милюкову была предоставлена благодаря содействию С.Ф. Платонова. Потребность научного самоутверждения привела к появлению под вывеской рецензии монографии, общим объемом 183 страницы. Из-под пера Милюкова родилось произведение невиданного жанра — рецензия-монография «Спорные вопросы финансовой истории Московского государства».

Сомнительной, с точки зрения Милюкова, была сама постановка вопроса о необходимости изучения «специфических явлений, свойственных национальному типу, а не черт, общих ему и другим народностям». Он не был согласен с идеей частно-хозяйственного происхождения государственных отношений Московского княжества: «...в наше время, кажется, роль этой идеи следует считать сыгранной».

Важнейшая функция государства — податная система. Милюков строит свою критику на анализе характера ее отдель-

ных исторических форм. Так, различая кормления (как род) и корм (как вид), он писал: «Будучи государственным налогом, с самого начала, корм никогда не был «частным доходом» (упрек А.С. Лаппо-Данилевскому), а составной частью казенного жалования; кормление же, действительно, могло быть передачей государственного налога в частное пользование (если давалось частному лицу, а не чиновнику), но оно не создавало никакого нового налога».

«Финансовые затруднения должны быть главной движущей пружиной реформационной деятельности Петра и... необходимо, следовательно, привести ход реформы в связь с историей государственного хозяйства России...» Цели заполнения этого пробела в науке была посвящена диссертация Милюкова.

Он выделил три периода, или три порядка, в государственном хозяйстве эпохи Петра:

- 1) до 1709 г. — время упадка приказного хозяйства, когда шло разрушение старого государственного порядка;
- 2) 1710—1718 гг. — время становления губернского хозяйства, когда нарастал кризис как государственного хозяйства, так и государственных учреждений; и наконец,
- 3) с 1719 г. — период коллежского хозяйства, «систематической реорганизации государственного строя, едва успевшей закончиться к концу царствования Петра Великого, а в ближайшие годы после него потерпевшая существенные изменения».

Первых девяти лет Северной войны было достаточно, чтобы привести старые учреждения к окончательному кризису. Основной причиной этого кризиса Милюков считал быстрое возрастание военных расходов (на армию и флот), «превысившее как параллельный рост дохода, так и платежеспособность населения». Это заставило правительство коренным образом пересмотреть старый бюджет. «Не доведенная до конца в XVII столетии, — писал Милюков, — организация военно-феодалных округов быстро и незаметно осуществилась под влиянием военных потребностей первого десятилетия XVIII в.».

Реформа, с точки зрения Милюкова, «не была делом теоретического обсуждения. Законодатель не пошел в ней дальше, чем требовали неотложные военные нужды времени, и для их удовлетворения ограничился тем, что попало под руку».

В цепи многочисленных ошибок, допущенных Петром, Милюков подчеркивает отсутствие преемственности и согласования

в проведении административной реформы 1718–1722 гг. и податной 1708–1712 гг.: «Административное и податное устройство не было приведено в одну общую связь, в цельную систему».

«Государственная реформа не вызвана личными планами или увлечениями законодателя, как его флот или немецкое платье; но она не произведена также одним историческим процессом. Воля Петра была, конечно, необходима для ее осуществления; но эта сторона реформы выходила из его кругозора и была осуществлена им поневоле. Факты исторического прошлого тоже подготавливали государственную организацию, но она не вытекала из них сама собою. Не личная инициатива и не исторические прецеденты вызвали эту реформу, хотя тот и другой элемент в ней соединились; ее вызвали текущие потребности минуты, в свою очередь, созданные и личной инициативой, и историческими прецедентами».

«Ценой разорения страны Россия возведена была в ранг европейской державы». Петровские реформы (по своим целям) были своевременны «по отношению к внешнему положению России», однако «по отношению к внутреннему положению ответ на вопрос о своевременности должен быть отрицательным».

Современная внешняя политика

В исследовании ведущих тенденций современной внешней политики «Балканский кризис и политика А.П. Извольского» (1910) Милюков объединил два излюбленных жанра: исследование и публицистику. Заметим, что в анализе событий новейшей истории он всегда опирался на широкую историографическую основу (непрерывно указывая отечественную и зарубежную библиографию), а также личные впечатления. Противоречия между балканскими народами были хорошо известны ему благодаря неоднократному посещению Балкан. В июле–сентябре 1908 г. он вновь побывал в Константинополе, Салониках, Софии, Белграде, Сараево, Цетинье, Загребе. Милюков выявил три основных элемента неустойчивости (напряжения) в регионе: решение западных стран о ликвидации Турции при одновременной активизации наступательной политики Болгарии; положение Боснии и боснийских сербов и «сербские стремления» или мечты о «великой Сербии». События на Балканах, по мнению Милюкова, «бесспорно имеют ближайшее отношение к нашим национальным интересам», но «наша осведомленность о балканских делах не стояла на высоте вызванного ими общественного интереса». Этот пробел Милюков старался восполнить. Результаты дей-

ствий Извольского были определены Милюковым как «дипломатическая Цусима». Исторический анализ в данном случае ему был нужен для прогнозирования и оценки современной ситуации, в которой оказалась Россия. 1908 год представлялся Милюкову тем рубежом, когда «из германского фарватера мы перешли в английский». «Совершился поворот и в задачах нашей внешней политики. От Дальнего Востока мы вернулись в Ближнему». «Прежде всего, пришлось окончательно выбирать между Германией и Англией, между этими двумя силами, которые вступили в мировое соревнование и около которых группируются все мировые комбинации. Мы выбрали Англию. Для соглашения с нею мы пошли на уступки...»

В работе «Вооруженный мир и ограничение вооружений» (1911) дается анализ современного процесса быстрого перераспределения мирового удельного веса между великими державами. Идеология соперничества, механизмы вооруженного мира, реальные причины вооружений, военные бюджеты освещаются Милюковым параллельно с историей «идеи мира», вкладом в ее развитие России (I и II Гагские конференции). Милюков и в данном случае не изменяет своему принципу публикации ранее неизвестных документов. В данном случае он поместил в приложение «Протокол организационного и годовичного собрания С.-Петербургского отделения Общества Мира».

В эмиграции

После Октябрьской революции Милюков вынужден был эмигрировать. Об этом тяжелом для него времени оставил свидетельство Г.М. Катков: «Понадобилось несколько лет, чтобы в историческом анализе Милюкова ослабло влияние революционной фразы. В «Истории русской революции», написанной весной–летом 1918 г., утверждалось, что монархию свергла Дума. С годами это утверждение получило некоторые коррективы, но совершенно освободить свое историческое мышление из-под власти того политического жаргона, который им владел в феврале 1917 г., Милюкову не удалось. Может быть, для этого нужно было еще больше времени, а может быть — это вообще выше человеческого сил».

Он много и серьезно занимается историей русской культуры. Перерабатывает и переиздает «Очерки по истории русской культуры». К 100-летию со дня смерти А.С. Пушкина Милюков написал историко-биографический очерк «Живой Пушкин (1837–1937)». Милюкову было важно показать, как с годами Пушкин прошел определенный путь в сторону консерватиз-

ма, религиозности и русской государственности. Созвучными настроениям историка были слова Пушкина: «Мы все должны умереть, не высказавшись. Какой язык человеческий может выразить все, что чувствует и думает сердце и мозг, все, что предвидит и отгадывает душа?» «Все, что я пишу, — ниже того, что я хотел бы сказать. Мои мысли бегут гораздо быстрее пера, на бумаге все выглядит холодно, в голове у меня все это иначе».

Источники

- Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. М., 1892.
- Милюков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. М., 1896.
- Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. М., 1896—1903. М., 1994. Т. 1—3.
- Милюков П.Н.* Балканский кризис и политика А.П. Извольского. СПб., 1910.
- Милюков П.Н.* Вооруженный мир и ограничение вооружений. СПб., 1911.
- Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 1.

Литература

- Вандалковская М.Г.* П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992.
- Думова Н.Г.* Либерал в России: трагедия несовместимости. Исторический портрет П.Н. Милюкова. М., 1993.
- Медушевский А.Н.* П.Н. Милюков: ученый и политик // История СССР. 1991. № 4.

Лекция 23

А.А. КИЗЕВЕТТЕР И А.А. КОРНИЛОВ

Два историка У М.Г. Вандалковской есть книга «П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: история и политика» (1992). Любой сопоставительный анализ невольно вызывает вопрос о мотивации авторского выбора. При чтении книги не оставляет ощущение, что замысел «питала» надежда на возможность сопоставимого исследования жизни и творчества Милюкова и Кизеветтера. Основания для сравнительного, казалось, подхода давали фактор «родственной» среды жизнедеятельности и научного творчества, иными словами, единой научной почвы, благоприятствовавшей росту двух ученых (Московский университет и В.О. Ключевский как учитель обоих историков), членство в кадетской партии, принадлежность к единому методологическому направлению — позитивизму. Однако исследование Вандалковской показало не столько сходство, сколько глубокие различия между Милюковым и Кизеветтером. Склад личности каждого ученого представлял ярко выраженную индивидуальность. Видимо поэтому, рассказ о каждом из двух историков автор вела отдельно.

В этой связи представляется, что больше общего можно найти между другими двумя историками-кадетами — А.А. Кизеветтером и А.А. Корниловым. Оба — генеральские дети, дворяне, тезки и почти ровесники. И тот и другой родились в Петербурге, но росли в провинции. Окончившего Петербургский университет Корнилова едва ли можно причислить к классическим представителям петербургской исторической школы (подобно С.Ф. Платонову, А.С. Лаппо-Данилевскому и др.). Он осваивал историю после окончания юридического факультета, став чиновником. По окончании университета Корнилов получил должность комиссара по крестьянским делам в Польше, где

ему предстояло разрешать земельные споры между помещиками и крестьянами и наблюдать за крестьянским самоуправлением, т. е. осуществлять нечто вроде функций мирового посредника. Но в отличие от мировых посредников комиссары не имели связей с местным дворянством, а были представителями русского правительства, которое рассматривало польских помещиков как потенциальных бунтовщиков. Пока губернатором был деятельный и нравственный Толочанов, Корнилову удавалось служить по совести, но затем он вынужден был подать в отставку. Чиновничья служба разрушила его теоретические построения. Он осознал невозможность ее превращения в системное государственное служение, слишком уж многое зависело от личных качеств начальника. Корнилов, таким образом, получил возможность на практике проверить реальность своих надежд на государство как основную силу социального прогресса. Практическая деятельность Корнилова оказывала серьезное влияние и на процесс познания им истории.

Выйдя в 1891 г. в отставку, Корнилов переехал в Москву. С этого времени его творческая деятельность была связана с Москвой, где он оказался в эпицентре либерального движения.

Выпускник Московского университета Кизеветтер безоговорочно принадлежал к московской исторической школе.

Кизеветтера и Корнилова не манили, подобно Милюкову, историософские высоты. Они не обладали его теоретической изворотливостью и не считали методологическую увлеченность преимуществом или особым профессиональным достоинством историка, интересуясь в гораздо большей степени источниками, историческими фактами и деталями ушедших эпох. Подобно Кизеветтеру, Корнилов придерживался принципа сохранения верности историческому материалу. Оба исповедовали позитивизм и были либералами. Но если Кизеветтера больше интересовал XVIII в., то для Корнилова притягательнее было XIX столетие. Тем не менее каждый выходил за хронологические рамки «своего века» и их интересы «встретились» на «научном поле» проблематики времени Екатерины II, к которому историки подошли с принципиально разных позиций.

Кизеветтер приступил к рассмотрению царствования Екатерины II уже после того, как исследовал проблемы развития русского города более раннего времени. Сравнение результа-

тов усилий Екатерины II и ее предшественников разочаровало Кизеветтера. Они оказались более реакционными, чем он ожидал. Поэтому историк определил правление Екатерины II как процесс закрепления «окончательных результатов дворянского закрепощения, начавшегося за 30 лет до ее воцарения», а никак не поворот «на новый путь». Он увидел в екатерининской России, скорее, не зародыш России наших дней (на чем настаивал Корнилов), а крайнее выражение «такой исторической формации, которая являлась полной противоположностью основам новейшей культуры».

С негативной оценкой царствования Екатерины II А.А. Корнилов был категорически не согласен. Он брался защищать тезис о том, что это царствование было непосредственной прелюдией к истории России XIX в., потому что считал: именно с Екатерины II начинается решительный поворот России на новый путь демократизации. Содержание магистральных линий развития в последней трети XVIII в. представлялись Корнилову следующим образом. Вместо расширения и охраны государственной территории целью государственной деятельности постепенно становится благополучие граждан; начинается раскрепощение сословий и смягчение прежней суровости правительственного деспотизма. Предпосылки этого процесса складываются в царствования Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. Собственно этот путь и составил, по мнению Корнилова, «в своем дальнейшем движении содержание исторической жизни России XIX в.».

Кизеветтер смотрел на содержание процессов последней трети XVIII в. иначе. Он был убежден, что основной исторический процесс русской жизни в XIX столетии заключался в последовательном разложении закрепленного при Екатерине II «старого порядка». А главной пружиной разложения послужил постепенный переход России к более сложным формам экономических отношений.

Мы видим, как самостоятельные опыты научного исследования источников и критики, добытые ранее данные, а без них, по мнению Корнилова, «не может быть осуществляемо» ни научное исследование, ни научное изучение истории как науки, вели двух ученых к противоположным выводам.

Но были и точки соприкосновения, в том числе и методологического характера. Так, и Кизеветтер, и Корнилов полагали, что для каждого круга явлений требуется своя специальная периодизация, извлеченная из особенностей данной именно

стороны жизни, поскольку без соблюдения этого правила нельзя избежать искусственно-механической группировки тех или иных явлений.

Пути двух историков окончательно разошлись в 1920-е гг. Кизеветтер эмигрировал, а Корнилову пришлось остаться в Советской России. В 1918—1921 гг. он жил в Кисловодске. Летом 1921 г. Корнилов, чтобы вернуться с семьей в Петроград, был вынужден признать советскую власть. В следующем году он ушел на пенсию. Корнилов умер в Ленинграде в 1925 г. Кизеветтер пережил коллегу на восемь лет и скончался в Праге.

А.А. Кизеветтер (1866—1933)

Биография

В воспоминаниях «На рубеже двух столетий» Александр Александрович Кизеветтер описал события своей жизни 1881—1914 гг. В год рождения сына отец Кизеветтера (юрист по образованию) заведовал архивом Главного штаба. В том же здании была служебная квартира, где родился будущий историк.

Немецкую фамилию Кизеветтер унаследовал от предков из Тюрингии, но немецкий язык знал плохо. Поэтому, когда его выслали из России в 1922 г., он поехал в Прагу, а не в Германию, так как чтение лекций на немецком языке вызывало у него серьезные трудности. Человек русской культуры, А.А. Кизеветтер был похож на мать, Александру Николаевну. Она принадлежала к богатому талантами роду Турчаниновых (прадед историка был известным церковным композитором, дед преподавал историю в Духовной академии). Из этого родника Кизеветтер черпал свои литературные и ораторские способности. Мать, выпускница Смольного института, аккумулировала то ценное, что вырабатывалось не одним поколением и бережно передавалось детям.

Интерес к истории в семье был глубоким, и в воспитании большое значение придавалось истории.

Отец в чине тайного советника представлял военное министерство при Оренбургском генерал-губернаторе. В 1884 г. в Оренбурге Кизеветтер окончил гимназию. Позднее он вспоминал: «Ближайшим университетским городом к Оренбургу была Казань, и большинство воспитанников Оренбургской гимназии по окончании гимназического курса поступало в Казанский

университет. Но меня неудержимо влекла к себе Москва. Уже в средних классах гимназии я принял твердое решение посвятить себя изучению русской истории, и к Москве меня притягивало, словно магнит, имя Ключевского, тогда только что прогремевшее в связи с его блестящим докторским диспутом, на котором он защищал диссертацию: «Боярская Дума Древней Руси». Профессиональные исторические занятия в то время были интересны обществу, и защита докторской диссертации талантливым человеком превращалась в общественное событие.

В момент поступления Кизеветтера в Московский университет преподавание русской истории было всецело сосредоточено в руках Ключевского. Кизеветтер вспоминал: «Ключевский блистал ослепительным талантом первоклассного ученого и художника-лектора».

Кизеветтер оказался трудолюбивым учеником: «7 лет почти ежедневно просидел я в архиве (Министерства юстиции) от 9 часов утра до 3 часов и накопил такую гору выписок из архивных документов, что для их обработки потребовалось еще около 2 лет». Много времени занимала и преподавательская работа, в том числе на МВЖК, в Коммерческом институте. «Наконец, в 1903 г. была отпечатана моя магистерская диссертация под названием «Посадская община в России XVIII столетия». Книга получилась в 50 печатных листов. Она была насыщена совершенно новым архивным материалом и раскрывала полную картину жизненного строя русского города XVIII века». В свое время тема получила одобрение Ключевского. Кизеветтер вспоминал: «Ключевский сказал мне на диспуте: «Вашу книгу еще долго надо будет не столько критически разбирать, сколько изучать».

Кизеветтер показал, что магистратские учреждения, скопированные Петром I с иностранных образцов, составили всего только показной верхний слой городского самоуправления, под которым в течение всего XVIII в. вплоть до городской реформы Екатерины II продолжал существовать типичный посадский мир, унаследованный от Московской Руси, с его органом — мирским посадским сходом. «Состояние посадского общинного хозяйства в XVIII столетии ярко отразило тяглый, закрепощенный характер посадских общин того времени» — к такому выводу пришел Кизеветтер. «Мечты Петра опережали русскую действительность». Личный состав посадской общины определялся двумя началами: наследственностью

посадского состояния и профессиональным характером посадского тягла, который «выражался в том, что всем, не вложившимся в посадское тягло, запрещалось иметь торговлю и промыслы в пределах посада». Для вступления в посадскую общину со стороны требовалась наличность торгового и промыслового установленного размера.

В качестве источников Кизеветтер пользовался многочисленными мирскими приговорами различных посадков, и на основании этого материала он смог начертить подробную картину того посадского самоуправления, которое существовало тогда не на бумаге, не в официальных регламентах, а в действительности, на практике. Он подробно изучил социальный состав посадского населения того времени (его основные разряды: посадское купечество, цеховые ремесленники, «подлые» люди — огородники и чернорабочие) и посадские службы, повинности и подати, т.е. посадское тягло. Любивший образно писать, Кизеветтер говорил о господствующих чертах социальной физиономии типичной посадской общины XVIII столетия.

Его общий вывод был неутешительным: «Разорение плательщика и недоимка в казне являлись естественным результатом... финансовой системы, представлявшей собой хроническое вытягивание жил из податного населения». Скорбная ситуация Петровского времени несколько облегчается к середине XVIII в., но уже в начале 1760-х гг. «последовал новый пароксизм нажимания податного прессы». В прямой зависимости от организации посадского общинного тягла мирское посадское самоуправление получало резко выраженную олигархическую окраску. «Земские по выборному составу, эти учреждения (магистраты) являлись органами бюрократической централизации в сфере управления по всему кругу присвоенных ими задач». Магистерская диссертация заканчивалась оптимистическим выводом Кизеветтера о смягчении крепостнического характера посадской общины (автор к тому времени изучил развитие русского муниципального строя до середины 1760-х гг.), который «шел на убыль», причем сам процесс готовил почву для коренной реформы муниципального строя в 1780-е гг.

Этот вывод был скорректирован в докторской диссертации, специально посвященной Кизеветтером анализу «Городового положения» Екатерины II 1785 г. Деятельность Екатерины II

не оправдала возлагавшихся на нее Кизеветтером либеральных надежд.

Диспут по защите магистерской диссертации Кизеветтера состоялся в декабре 1903 г. Громадная активная аудитория университета была «битком». Кизеветтера хорошо знали как лектора и автора статей («Иван Грозный и его оппоненты», опубликованной в журнале «Русская мысль», о Домострое, напечатанной в «Русском богатстве»). Его исторические очерки печатались в журналах «Образование» и «Журнале для всех». Однако сам Кизеветтер считал главной «приманкой» для публики присутствие на своей защите Ключевского, который должен был выступить официальным оппонентом. «Слушать, как диспутирует Ключевский, было величайшим наслаждением для тонких ценителей научных споров».

Впрочем, защита прошла гладко, у Кизеветтера сложились совсем иные отношения с Ключевским, чем у Милюкова. «Все заметили, что Ключевский на этот раз вел диспут совсем не в обычном тоне: совсем не было «игры кошки с мышкой», соединенной с легким экзаменом диспутанту; Ключевский вел диспут таким тоном, который ясно давал понять всем присутствующим, что он признает в своем ученике собрата по науке, и вот этот-то тон его был для меня лучшей наградой за мои долгие труды», — вспоминал Кизеветтер.

При работе над докторской диссертацией Кизеветтера интересовали источники «Городового положения» 1785 г., его черновые проекты и применение в жизни. Историк показал, как в 1770—1780-х гг. Екатерина II проштудировала Блекстона. Проанализировав остзейские, шведские, прусские источники «Городового положения», особенно «Ремесленное положение», Кизеветтер определил и проанализировал характер заимствований. Екатерина II пользовалась работами Уложенной комиссии 1767 г. как подготовительным материалом. Она «накладывала на них штамп собственной политической идеи». «Идея сводилась к установлению общественных союзов и корпораций, по форме самоуправляющихся, по существу служащих подчиненными органами коронной администрации. Эта идея проходит красной чертой через все крупнейшие законодательные акты Екатерининского царствования». Основной тенденцией екатерининского законодательства было подчинение действию старых начал государственной жизни некоторых вводимых ею новых форм государственного устройства.

«Подновлялся и перекрашивался фасад государственного здания, но все, прикрываемое этим фасадом, лишь в слабой степени затрагивалось вводимыми переменами».

«Россия Петра Великого знала лишь закрепощенные — служилые и тяглые — общественные группы. Вот почему попытки Петра подвести под государственное здание фундамент самоуправляющихся союзов потерпели неудачу». Усложнение и развитие экономических отношений, повышение уровня городской культуры — объективные процессы XVIII в. «Дворянство из служилых людей превратилось в земле- и душевладельцев». Подчеркнув это глубокую «социальную метаморфозу», Кизеветтер не провел анализа ее взаимосвязи с правительственной политикой.

Кизеветтер испытывал сильнейшее влияние Ключевского. Милюков писал по этому поводу: «Как историк он был подавлен готовой схемой русской истории в блестящем синтезе Ключевского». Это мнение Милюкова не совсем справедливо. Обращение Кизеветтера к «локальным» и «мало разработанным историческим проблемам» свидетельствовало еще и о другом. О том, что наука развивается по собственным законам. В конце XIX в. она вступала в период углубленной специализации.

Для Кизеветтера история — единый целостный процесс: «Если местные своеобразия западноевропейских стран не препятствуют им тем не менее принадлежать к единому миру европейской культуры, то и наличие в русской культуре местных своеобразий не упраздняет понятия единой европейской культуры». Он представлял себе историческую жизнь человечества в виде ряда параллельных культурных развитий, не вытягивающихся в единую линию, но совершающих круг своего развития друг от друга самостоятельно и отвергал идею линейного прогресса.

«Выделение» России из «общеевропейского жизненного процесса» он считал недопустимым, что не мешало ему признавать национальное своеобразие отдельных местных историй. Кизеветтер отстаивал понятие общечеловеческой культуры и понимал под этим «совокупность некоторых начал и норм, значение которых выходит за пределы местных различий и нормативная сила которых сохраняет свою ценность при всех национальных своеобразиях, будучи связана с основными стихиями человеческой природы и в этих стихиях имея свой подлинный корень. Наличие таких начал в жизни

Мировоззренческие приоритеты

Для Кизеветтера история — единый целостный процесс: «Если местные своеобразия западноевропейских стран не препятствуют им тем не менее принадлежать к единому миру европейской культуры, то и наличие в русской культуре местных своеобразий не упраздняет понятия единой европейской культуры».

человечества и придает некоторое единство культурным процессам самых различных стран, отнюдь не устраняя в то же время пестрого многообразия национальных развитий».

«...Каждая человеческая личность неповторяема: сколько лиц, столько и отдельных биографий. Но кто же в силу этого станет отрицать единство человеческой природы не только физической, но и духовной? Как ни своеобразны все индивидуальные биографии, все же все люди подчинены действию некоторых общих законов в жизни и своих телесных, и своих психических организмов....

Даже гораздо более своенравные, нежели человеческая мысль, человеческие страсти при всем многообразии их порывов подчиняются-таки некоторым общечеловеческим законам».

Из наличия «национальных своеобразий» Кизеветтер не считал возможным выводить отрицание общечеловеческих элементов в основе отдельных культур. Он подчеркивал связь экономики и политики: «Экономический прогресс в рамках элементарной политической формы — это все равно, что взрослый мужчина, втиснутый в детское платье».

Убежденный конституционалист и сторонник парламентаризма, он видел в нем возможность для населения участвовать в государственной жизни. Кизеветтер стремился выявить в прошлом институты, например городского самоуправления, способные в своем органическом развитии стать опорой конституционного строя.

Кизеветтер рассматривал русскую историю с точки зрения борьбы общественных интересов и правительственных репрессий, федерализма и централизации. Двигателем русского исторического процесса он считал реформаторство и либеральное законодательство.

К XVII в., по мнению Кизеветтера, «старина отживала». Концептуальное отношение к понятию «старины» выражало его отношение к проблеме Россия—Запад в целом. Его содержание проявляется сквозь описание исторических характеров действовавших лиц в русской истории. Историк считал, что «у каждой эпохи свой умственный кругозор, свой круг понятий». Он пытался определить его для достаточно продолжительного периода XVII — начала XIX в.

И хотя Кизеветтер пишет: «Было бы на лицо бескорыстное стремление к истине, способности отстаивать свои убеждения, и если человек проявил эти свойства, мы признаем в нем брата,

как бы ни были далеки его мысли и стремления от наших собственных понятий», «старина» для него — синоним отсталости и рутины. Так, Д.М. Голицын, несмотря на знание европейской культуры и просвещенность (его библиотека насчитывала 6 тыс. томов), для Кизеветтера был ретроградом уже потому, что средствами западной науки и изучением западных государственных порядков пытался «подпереть и освежить на будущее время любезную его сердцу разрушающуюся родную старину».

Кизеветтер не разделял точки зрения, активно функционировавшей в современной ему исторической и экономической науке, согласно которой на исторический вектор влиял фактор древности, предопределявший и содержание генетического исторического кода.

Принятие западных идей и внутренний отказ от русской старины (признание ее чем-то менее развитым) являлись для Кизеветтера синонимом прогресса и тем неперменным критерием передового, который позволял ему выделять среди исторических деятелей самых лучших. На этом основании в число передовых людей был включен Федор Михайлович Ртищев.

«Западные влияния «воздействовали» все в одном и том же направлении, они расширяли свободу и непринужденность действий человека, разнообразили его интересы, сбрасывали с жизни цепи старинной рутины». «Жалостью сжимается сердце, когда подумаешь, сколько богатых, поистине богатырских душевных сил целиком было растрчено на борьбу за пустые формы и обряды, в которых видели какой-то таинственный оплот национальной самостоятельности», — писал Кизеветтер о старообрядцах и протопопе Аввакуме.

Кизеветтер любил жанр публицистики, что не находило понимания у Ключевского: «Кизеветтер — изфразился (ученый-Петрушка)». «Фразы за него мыслят». «Слово подсказывает мысль». «Это такая отвлеченная схематизация, такая дистилляция спирта, в которой остается только запах спирта без вещества его». «Мысли вслух на Красном крыльце».

Кизеветтер одним из первых заметил, что в русской истории в качестве действенного фактора постоянно присутствует утопия, значимость которой не следует недооценивать. «Историк усматривает в продукте утопических мечтаний одно из средств изучения исторической действительности. Отдельные узоры, которыми украшаются утопические картины будущего, могут

принадлежать к области чистой фантастики, но узоры предполагают канву, и на этой-то канве «социальных утопий» историк сосредоточивает свое внимание. Он расчленяет канву на ее составные мотивы, современные изучаемому памятнику утопической литературы». Идеальные воззрения, по Кизеветтеру, — это неотъемлемая часть «умственного и нравственного капитала, нажитого русским обществом» уже к XVI в. Блестящим источником для анализа исторических утопий Кизеветтер считал «Домострой». Он рассматривал этот памятник в качестве дидактического источника о представлениях допетровской Руси, одновременно поучающего и обличающего порядок семейной жизни.

Сравнивая утопию М.М. Щербатова и утопию А.Н. Радищева, Кизеветтер не скрывал своих политических пристрастий: «История показала, кто из двух утопистов был ближе к исторической правде, что более радикальная утопия была наиболее дальновидной, а потому и наименее фантастичной».

В XVI в. Кизеветтер видел «время глубокого раздвоения и интересов, и воззрений». Россия переживала страшный кризис, сопровождавшийся во всех сферах жизни острыми, болезненными потрясениями. И все же эта эпоха была «временем творческих побегов деятельной мысли». Господствовавшее литературное течение в XVI в. не было механически-компилятивным, оно было, по существу, полемическое, боевое. «Оно не резюмировало продуктов старины, оно стремилось искусственно придать вид старины новым веяниям, порожденным событиями текущей политической жизни и партийной борьбы».

О народных движениях

Развивая поднятую Ключевским тему народных движений в смутные времена, Кизеветтер предлагал исследовать их цели. Подчеркивая здоровое начало в этих движениях, историк не считал, что они являются анархическими. Наоборот, крестьяне выступают за социальную справедливость государственного порядка и против процесса закрепощения. Поэтому, считал Кизеветтер, «самозванщину» следует рассматривать как изобретение общественных верхов, а не социальных низов. Под знамена Тушинского вора стекались бояре и дворяне, посадские и крестьяне, холопы и казаки, духовенство, т. е. все недовольные своим положением. Однако, убедившись в погромном, разрушительном характере тушинщины, крестьяне первыми покинули этот лагерь.

История либерализма

Кизеветтер воскрешал забытую память о многих замечательных людях. Это направление своей работы он рассматривал как гражданскую обязанность. В основном Кизеветтер восстанавливал историческую справедливость по отношению к представителям русской либеральной доктрины, к зародышам которой он относил творчество Радищева и его младших современников, вышедших из радищевского кружка, в частности, И.П. Панина.

«Мы можем начинать историю русского либерализма лишь с того момента, когда в составе русского общества впервые обозначились группы, сознательно противопоставившие свои самостоятельные интересы всемогуществу государственного начала, когда в рамках государственного союза начали слагаться другие союзы, смотревшие на себя не только как на подпорку государственного здания, но и как на самодовлеющие соединения, которым государство обязано предоставить со своей стороны охрану и поддержку, то есть в конце первой четверти XVIII в. после смерти Петра Великого».

Специальные условия русской жизни сделали дворянство застрельщиком либерализма: «Сближение с европейским Западом сделало свое дело. Влияние западной культуры на умственную жизнь русского человека вскоре вышло далеко за пределы тех первоначальных задач, ради которых русский человек ехал за рубеж своей родины на выучку к иноземцам. Он ехал туда, чтобы научиться воевать и строить корабли. Он возвращался оттуда с ученьем рассуждать и строить политические системы».

Попытка русского дворянина XVIII в. превратиться из холопа в гражданина, по мнению Кизеветтера, была первым дебютом нарождавшегося русского либерализма: «Почва для появления такой попытки была дана местными условиями общественного развития, но самое осуществление ее не могло обойтись без услуг иноземной западноевропейской политической теории».

Сон или настоящая жизнь?

Концепция Кизеветтера не лишена противоречий. С одной стороны, он подчеркивал, что до первой половины XVIII в. «русская провинция еще не просыпалась от своего векового исторического сна», а с другой — не разделял взгляды тех, кто считал, «что русская история скучна и однообразна. Как будто древнерусские люди не жили настоящей жизнью, а полусонно тянули какую-то никому не нужную канитель».

В конкретно-историческом анализе Кизеветтер стремился выявить субъективные и объективные, глубинные и внешние факторы, найти и проанализировать систему взаимосвязей между ними. Эпоху дворцовых переворотов он рассматривал как следствие петровских преобразований, определивших сословные интересы конкретных групп дворянства, которые вели бескомпромиссную борьбу за власть. На этом фоне Кизеветтер рассматривал конкретные жизненные катастрофы, составлявшие историческое полотно дворцовых переворотов. Он исследовал «наследственные правительственные привычки, навыки и стремления, характерные для XVII — начала XIX в., проанализировал сословную структуру дворянства и его основные категории.

Общая концепция истории и отношение к евразийству

В отличие от Миллюкова, которому элементы теории евразийства представлялись интересными, Кизеветтер не принимал эту концепцию по принципиальным соображениям.

В критике евразийства (в основном воззрений П.Н. Савицкого) Кизеветтер сформулировал общую концепцию истории. Он не считал европейскую культуру врагом русской культуры, которому надо объявлять войну во имя лучшего будущего России. Кизеветтер писал об общей судьбе человечества: «Неизбежность в наше время войны и те ужасы, которыми современные войны сопровождаются вследствие головокружительных успехов военной техники, указывают лишь на то, что культурное развитие современного человечества все еще не может перешагнуть за какой-то предел, обрекающий современные народы на службу звериным инстинктам». Ученый полагал, что современная ему научно-историческая мысль шла дальше евразийцев в расчленении исторического процесса.

А.А. Корнилов (1862 — 1925)

На вопрос «В чем состоит научное изучение истории?» Александр Александрович Корнилов отвечал следующим образом: «Научное изучение есть изучение *сообразно требованиям науки*. Каковы же требования науки? *Достоверность, точность* (основанная на критической проверке излагаемых фактов и выводов) и *принятие в расчет всех существенных данных*, добытых до настоящего времени научными исследованиями в излагаемой области знания.

Научное *изучение* истории не равнозначно и научным *исследованиям* истории. Оно основывается главным образом на данных чужих научных исследований. *Научное исследование* предполагает всегда *самостоятельные и непосредственные исследования и разыскания* в исследуемой области — работу над источниками, над сырым материалом и построение из данных этой работы и сопоставления их с результатами ранее установленных данных и выводов — самостоятельных научных выводов, обобщений, теорий и т. д.» Так Корнилов определил вопросы методологии и методики истории для своего курса истории России. В чем же заключалась самостоятельность работы научной мысли для А.А. Корнилова? Каким человеком и историком он был?

Моменты биографии

Отец и сын Корниловы были тезками. Родственник героя Севастополя адмирала В.А. Корнилова, отец историка Александр Александрович и сам был человеком незаурядным. Современники видели в нем деятельного администратора школы Н.А. Милютина. Только денежные затруднения заставили «писателя по морским вопросам» расстаться с работой в любимом «Морском сборнике». Вершиной карьеры отца стала должность управляющего канцелярией варшавского генерал-губернатора И.В. Гурко в 1880-е гг.

Современники видели в нем деятельного администратора школы Н.А. Милютина. Только денежные затруднения заставили «писателя по морским вопросам» расстаться с работой в любимом «Морском сборнике». Вершиной карьеры отца стала должность управляющего канцелярией варшавского генерал-губернатора И.В. Гурко в 1880-е гг.

Корниловы происходили из старинного дворянского рода, но уже отец, разорившийся и беспоместный помещик Тверской губернии, жил на жалованье от государственной службы. Мать — Елизавета Николаевна, урожденная Супонева (ее родственниками были Новосильцевы, Шиповы, Бологовские), была из дворян Ярославской губернии. Она не принесла богатства мужу, но их брак был счастливым.

Будущий русский историк учился в первой варшавской гимназии (ее называли «русской»). Директором гимназии был противник «классической» системы Д.А. Толстого Е.М. Крыжановский. Там не было возможности приобрести глубокие знания классических языков, о чем ученики вспоминали без сожаления. Окончив гимназию, в 1880 г. Корнилов поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. Но через год он перевелся на юридический факультет. В 1886 г. после защиты диссертации «О значении общинного землевладения в аграрном быту народов» Корнилов стал кандидатом права.

Именно в Петербургском университете Корнилов окупился в атмосфере идейных исканий. Он считал, что «всем своим

мировоззрением» был обязан студенческому кружку Ф.Ф. Ольденбурга. В 1881—1882 гг. его участниками были В.И. Вернадский и С.Ф. Ольденбург (в будущем академики), кн. Д.И. Шаховской и С.Е. Крыжановский (последний был одноклассником Корнилова по варшавской гимназии, а позднее одним из ближайших сотрудников П.А. Столыпина). Впоследствии к кружку были близки И.М. Гревс, А.А. Кауфман, В.В. Водовозов, Б.Б. Глинский. Другом Корнилова стал Владимир Иванович Вернадский, ученый, далекий от религиозных увлечений братьев Ольденбургов и Д.И. Шаховского.

Первое время члены кружка провозглашали как принцип воздержание от политики во имя накопления сил и знаний. Этой позицией активного аполитизма они рассчитывали противопоставить себя одновременно и революционным, и реакционным тенденциям русской жизни. Студентов особенно интересовали морально-этические проблемы. Их обсуждение обострило в душе Корнилова потребность активного действия. Он занялся политэкономией, вступил на слабо изведанный тогда путь изучения социально-экономических проблем.

Мировоззренческие основания

Теоретические основы своим сочинениям Корнилов черпал в трудах ученых-позитивистов. Проводя аналогию между органическим и неорганическим миром, он почти отождествлял законы природы с историческими законами. Говоря о силах, «управляющих развитием общества», Корнилов придерживался теории множества факторов. Свои рассуждения о предмете политэкономии Корнилов «конструировал» по Д.С. Миллю. В размышлениях о происхождении общины опирался на наблюдения и выводы М.М. Ковалевского, широко использовал работы Г. Спенсера, был знаком с «Капиталом» К. Маркса.

Размышляя о борьбе в «экономической политике» между двумя направлениями — либеральным и социалистическим (марксизмом), Корнилов к середине 1880-х гг. пришел к выводу о единстве их основной цели, которую увидел в «достижении народного благосостояния». Водораздел между ними, по мнению историка, заключался в выборе средств. Если либералы пытаются достичь цели путем «возможно большего освобождения личности», то социалисты все свои надежды возлагают на преобразования, совершаемые сильным государством.

При сравнении различных форм землевладения ранний Корнилов, исповедовавший либерально-народнические представления, отдавал предпочтение общинной форме.

В 1893 г. вышла первая серьезная научная работа Корнилова «Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском». Об этой реформе автор знал не понаслышке. Чиновничья служба в Варшаве и постигшее Корнилова разочарование в реформаторских способностях и возможностях самодержавия нашли свое концептуальное отражение в исследовании. На вопрос о политических взглядах в середине 1890-х гг. Корнилов отвечал: «Мой идеал, скорее всего, подходит к идеалу анархистов». Это положение в корне противоречило прежним мыслям Корнилова о примате государства над личностью и предполагало широкое самоуправление, свободу личности и вообще «полную свободу». Он понимал, что для достижения нового анархического идеала надо пройти ряд переходных стадий от бюрократическо-самодержавного к конституционно-демократическому правлению. Средством такого перехода Корнилов считал подъем народного просвещения, которое только и сможет обеспечить сознательное участие народа в государственных делах. Историк Корнилов был противником любого насилия. Считая себя социалистом «в идеале», Корнилов выдвигал вполне либеральную программу.

Разрабатывая историю крестьянской реформы, Корнилов бережно отнесся к историографии. Он опирался на работы И. Иванюкова «Падение крепостного права в России» (1882) и Г. Джаншиева «Эпоха великих реформ» (1892), анализировал «Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России», «Материалы Редакционных комиссий», «Крестьянское дело в царствование императора Александра II» А. Скребицкого. Иванюков первым предложил концепцию освобождения крестьян, поставив во главу угла силу просвещения, пришел к выводу об «установлении гражданского равноправия» в результате реформы, однако социально-экономические процессы остались вне поля его зрения. В отличие от критически настроенного по отношению к Манифесту 19 февраля 1861 г. Иванюкова Джаншиев увидел в нем осуществление дум и чаяний народа. Корнилов отметил привлечение Джаншиевым новых источников: «Освобождение крестьян в царствование императора Александра II» Н.П. Семенова; записку А.И. Левшина; дневник П.А. Валуева и другие публикации, в основном мемуарного и эпистолярного характера, материалы о деятельности либеральных помещиков.

Путь в науке Статья Корнилова «Судьбы крестьянской реформы» во многом определила его научную судьбу. В лице Корнилова В.И. Семевский увидел единомышленника. Их знакомство состоялось в 1894 г. Спустя три года Семевский предложил Корнилову разобрать архив Виктора Антоновича Арцимовича, просвещенного калужского губернатора, реформатора (семейство Арцимовича обратилось с этой просьбой к В.И. Семевскому, но, будучи занятым, он отказался). Арцимович был единственным из губернаторов, кто поручил «объявление воли» крестьянам не помещикам, а специальным чиновникам. Он не доверял помещикам. При Арцимовиче «Калужские губернские ведомости» стали содержательной газетой. Под его руководством действовал губернский статистический комитет и калужское сельскохозяйственное общество.

Так в тему реформ вошли новый сюжет и новый персонаж, олицетворявший борьбу, развернувшуюся внутри бюрократии. Если Валуев был воплощением зла и произвола, то Арцимович — добра, которому было суждено испытать на себе горечь победы сил зла. Крушение замыслов Н.А. Милютинна Корнилов объяснял объективной действительностью, засильем бюрократии. В очерке «Крестьянская реформа в Калужской губернии при В.А. Арцимовиче» Корнилов поставил вопрос о зависимости материальных интересов помещиков и их воззрений на крестьянскую реформу. Доброжелательные рецензии написали В.И. Семевский и М.М. Стасюлевич.

Уже в ранних работах Корнилов размышлял о путях проведения реформы, анализируя причины успеха или неудачи, расстановку сил и мотивов, движущих этими силами. Зрелые работы по аграрной проблематике Корнилов написал накануне революции 1905 г. Они имели прямую связь с современностью, поскольку именно аграрный вопрос тогда находился в центре внимания всех политических партий и группировок.

Для Корнилова связь 1861 и 1905 гг. была несомненна. Реформа 1861 г. «укрепила крестьянское землевладение и расшатала помещичье, подготавливая неизбежную будущую его экспроприацию путем экономического разорения помещичьих хозяйств; но при этом обусловила и нищету крестьянских хозяйств. Она подготовила образование в будущем демократической структуры поземельных отношений в России; она обусловила трудный и горестный путь для осуществления этого результата».

В 1912—1914 гг. вышел в свет «Курс истории России XIX века» Корнилова. Второе издание курса появилось уже при советской власти в 1918 г. Он стал первым авторским трудом, посвященным систематическому обзору истории России в XIX в.

До этого русская публика имела возможность познакомиться с коллективным трудом, посвященным XIX в., в подготовке которого для братьев Гранат приняли участие М.Н. Покровский, А.А. Кизеветтер, П.Н. Сакулин. Так, Корнилов и Кизеветтер оказались оппонентами. Кизеветтер, в рецензии на «Курс...» Корнилова подчеркнул преимущества жанра авторской работы. Коллективный труд в его глазах был лишен «той систематической законченности, которая дается лишь единством научного воззрения».

Между двумя учеными были принципиальные концептуальные расхождения. Корнилов трактовал русскую историю как процесс постепенного «раскрепощения сословий и смягчения деспотизма верховной власти». Кизеветтер увидел в «Курсе...» Корнилова преимущественное внимание автора к явлениям двух категорий: «Он следит за ходом правительственных мероприятий в связи с общими переменами в направлении правительственной политики и за развитием общественных идеалов в связи с историей литературных течений и политических движений». Не был согласен Кизеветтер и с тем, что свой «Курс истории России в XIX веке» Корнилов начал с царствования Екатерины II. Кизеветтер считал такой подход необоснованным, поскольку в его глазах «екатерининская» Россия есть русская вариация того самого «ancien régime», который на Западе привел к бурному кризису в виде Великой французской революции, а у нас стал разлагаться в форме тягучего «лизиса», который и растянулся на весь XIX в., да не закончился еще и в первом десятилетии XX в. Этот «старый порядок» окончательно оформившийся и закрепившийся у нас именно под скипетром Екатерины II, состоял, как и на Западе, в соединении политического абсолютизма с социальными привилегиями землевладельческого дворянства». Такой взгляд на значение екатерининской эпохи представлялся Корнилову «совершенно поверхностным и неверным»: «В нем важную роль играет, я думаю, увлечение критикой *деяний* и *роли* самой великой императрицы с предвзятой народнической точкой зрения столь же тенденциозной, как и точка зрения марксистов».

В юности отец познакомил Корнилова с братьями знаменитого анархиста Михаила Бакунина помещиками Тверской губернии П.А. и А.А. Бакуниными. С 1904 г. Корнилов разби-

рал их семейный архив, насыщенный обширной документацией о духовной жизни дворянской интеллигенции первой половины XIX в. Станкевича, Белинского, Боткина, Тургенева. Изучая документы, историк задумал написание биографии М.А. Бакунина. Однако по ходу работы ее жанр претерпел изменения. В итоге появилось оригинальное культурно-историческое исследование, в котором архивный материал служил концептуальным целям. Анализ конспектов Бакунина позволил Корнилову сделать вывод о том, что в 1837 г. Бакунин, впервые обратившись к Гегелю, «выхватил» из этой философии наиболее оптимистические положения. Публикация документов усиливала звучание концепции автора. Однако работа была прервана в годы Первой мировой войны, поскольку историк активно занялся политической жизнью. Соображениями о тактических расхождениях кадетов с Прогрессивным блоком Корнилов поделился в брошюре «Парламентский блок», опубликованной в 1915 г.

Источники

- Кизеветтер А.А.* Посадская община в России в XVII в. М., 1903.
- Кизеветтер А.А.* Городовое положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария. М., 1909.
- Кизеветтер А.А.* Делопроизводство русских внутренних таможен как исторический источник // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню 30-летия его профессорской деятельности в Московском университете. М., 1909.
- Кизеветтер А.А.* Исторические очерки. М., 1912.
- Кизеветтер А.А.* «Евразийство» (1925) // Антология «Мир России — Евразия». М., 1995.
- Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881—1914. М., 1997.
- Корнилов А.А.* Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России. СПб., 1905.
- Корнилов А.А.* Общественное движение при Александре II. Париж, 1905; М., 1909.
- Корнилов А.А.* Крестьянская реформа. СПб., 1905.
- Корнилов А.А.* Из истории вопроса об избирательном праве в земстве. СПб., 1906.
- Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. М., 1912—1914. Ч. 1—2; М., 1918; М., 1993.

- Корнилов А.А.* Русская политика в Польше со времен раздела до начала XX века. Пг., 1915.
- Корнилов А.А.* Молодые годы Михаила Бакунина. М., 1915.
- Корнилов А.А.* Годы странствий Михаила Бакунина. М., 1925.
- Корнилов А.А.* Воспоминания // Минувшее. М., СПб., 1992.—Вып. 11.

Литература

- Вандалковская М.Г.* П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: История и политика. М., 1992.
- Левандовский А.А.* Из истории кризиса русской буржуазно-либеральной историографии. А.А. Корнилов. М., 1982.
- Левандовский А.А.* Крестьянская реформа 1861 года в работах А.А. Корнилова // Проблемы истории СССР. М., 1976.—Вып. 5.

Важнейшие приобретения русской исторической науки конца XIX — начала XX в. связаны с именем Сергея Федоровича Платонова, который, по словам П.Н. Милюкова, был одним «из наиболее выдающихся специалистов по русской истории, принадлежащих нашему поколению».

Моменты жизни С.Ф. Платонов родился 16 июня 1860 г. в Чернигове. Он был единственным ребенком в семье заведующего губернской типографией Федора Платоновича Платонова и его жены Клеопатры Александровны (урожденной Хрисанфовой). Родители мальчика были коренными москвичами, и вся их родня проживала в Москве. Согласно семейным преданиям, предки Сергея Федоровича были крестьянами Перемышльского уезда Калужской губернии, а сам он считал себя «чистым представителем южной (московской) ветви великорусского племени».

Детство мальчик провел в Москве, в доме своего деда Александра Герасимовича Хрисанфова. В 1869 г., когда Сергею было 9 лет, отца перевели на службу в Петербург, куда вскоре переехала вся семья. Но связь с Москвой не прерывалась, и в доме деда юный гимназист проводил каникулы. «Не только происхождение, но и сознательная преданность Москве, с ее святынями, историей и бытом делали моих родителей, а за ними и меня именно великорусским патриотом», — писал впоследствии ученый.

В детстве Сергей находился под сильным влиянием отца, о котором до конца жизни сохранил благодарную память. «Это был умный, способный и гуманный человек, стоящий в умственном и моральном отношении выше своей среды, — вспоминал Сергей Федорович. — Он вложил в меня любовь к чтению и дал

первые сведения по истории и литературе. Я начал читать Карамзина и Пушкина лет восьми и девяти и очень любил слушать рассказы отца о событиях его молодости, прошедшей в соприкосновении со студенческими кружками Москвы».

В результате успешного продвижения по службе Ф.П. Платонов стал управляющим типографией министерства внутренних дел и в 1878 г. получил дворянский титул.

В Петербурге Сергей учился в частной гимназии Ф.Ф. Бычкова (1870—1878). На семнадцатом году жизни он тяжело и долго болел тифом. Эта опасная болезнь стала для него рубежом между детством и юностью: «До нее я был мальчиком, после нее началась серьезная умственная работа. Я много читал и писал, познакомился с Тэнном, Льюисом, Миллем».

Еще в гимназические годы Сергей обнаружил склонность к литературному творчеству: он писал стихотворения, рассказы, фельетоны, повести и др. По совету В.Ф. Киневича, преподававшего в гимназии словесность, он «для обработки своего дарования» в 1878 г. поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета.

Постепенно интересы Платонова смещаются от словесности к русской истории. Уровень преподавания литературоведческих дисциплин в Санкт-Петербургском университете был невысок, зато блестящие лекции профессоров исторического и юридического факультетов произвели сильное впечатление на молодого студента. На третьем курсе началась специализация, и Платонов уже «без сомнений и колебаний» выбрал в качестве предмета занятий русскую историю. «Все впечатления университета сводились к тому, что для меня история и история права не только больше похожи методом на науку, чем история словесности, но и больше питают любовь к народности и вводят в разумение прошлой жизни».

До конца своих дней Платонов сохранил глубокую признательность своим университетским преподавателям. В своих воспоминаниях он оставил яркие характеристики каждого из них. Огромное впечатление на него производили блестящие лекции К.Н. Бестужева-Рюмина по русской истории. «Перед нами был человек широко образованный, свободно вращавшийся во всех сферах гуманитарного знания, великолепно знавший науку, умевший легко поднять нас на высоты отвлеченного умозрения и ввести в тонкости специальной ученой полемики», — вспоминал Платонов.

Близко сошелся Сергей Федорович и с профессором всеобщей истории В.Г. Васильевским — «великолепным ученым и очаровательным человеком». Его семинары по истории Средневековья помогли будущему историку приобрести навыки творческого отношения к анализу исторических первоисточников. По воспоминаниям Платонова, на этих занятиях Васильевский вел «простую беседу о каком-нибудь эпизоде византийско-русских, византийско-арабских или готских отношений, ставя учеников лицом к лицу с текстом первоисточника и извлекая из этого текста вывод, так сказать, на их глазах».

Привлекали Платонова и лекции профессоров юридического факультета — В.И. Сергеевича и А.Д. Градовского. «Теперь я думаю, — писал впоследствии ученый, — что Сергеевич мало знал и понимал старую русскую жизнь, потому что мало был знаком с современным народным бытом... У Сергеевича история превращалась в ряд схем, иногда картин, великолепно изображенных. В них поражало совершенство техники, красота метода и стиля. У Сергеевича хотелось учиться быть лектором, но в нем не было ничего воспитывающего и морально руководящего». По-иному оценивал Платонов лекции профессора А.Д. Градовского. «Впервые на лекциях Градовского, — писал он, — сложились мои представления о государстве и обществе, о целях государства, об отношении государства и личности и о благе личной свободы и независимости. «Либералу» Градовскому обязан я, между прочим, тем упрямством, с каким я всегда противостоял всякой партийности и кружковщине, ревниво охраняя право всякой личности на пользование своими силами в том направлении, куда их влечет внутреннее побуждение. Сильное влияние чтений Градовского на мою душу заставляет меня признать его за одного из моих учителей в лучшем значении этого слова».

В своих преподавателях Платонов искал не только учителей в науке, но и в жизни. По его словам, Бестужев-Рюмин и Градовский «проникали в сердце и совесть, будили душу, заставляли искать идеала и моральных устоев. В их изложении история давала материал для оценки настоящего и заставляла юношу продумать свое отношение к народности и государству».

В последний год своего обучения в университете Платонов знакомится с трудами В.О. Ключевского, только что опубликовавшего свою докторскую диссертацию «Боярская дума». Впоследствии он вспоминал: «Для меня лично в манере этого автора прельщала не склонность его к «экономической точке зрения», а разносторонность и широта исторического понима-

ния и полная независимость (как мне казалось) от корифеев историко-юридической школы, не говоря уже об остроумии и красоте речи. Не скрою, что влияние на меня сочинений Ключевского было сильно и глубоко».

Многое дало Платонову и его активное участие в кружке студентов-историков и филологов, регулярно в течение нескольких лет собиравшегося у В.Г. Дружинина. Здесь слушались и обсуждались рефераты, велись исторические беседы, диспуты, отмечались юбилеи. Друзьями Платонова стали известные впоследствии ученые — В.Г. Дружинин, М.А. Дьяконов, А.С. Лаппо-Данилевский, И.А. Шляпкин, Е.Ф. Шмурло и др. Вспоминая эти годы, Сергей Федорович писал: «Мы жили в новой для нас области русской историографии, как в каком-то ученом братстве, где все дышали одними общими учеными интересами и жаждой народного самопознания. Работа на ученом поприще родной истории являлась пред нами в ореоле духовного подвижничества и сулила высшее духовное удовлетворение». Особенно подчеркивал он взаимную терпимость участников кружка: «Мои новые друзья были весьма различными людьми, но они умели взаимно признавать и щадить личные особенности каждого и не пытались гнуть друг друга непременно на свою статью».

Процесс политизации студенчества, начавшийся в «эпоху политических убийств и покушений», не затронул Платонова. Политические дебаты в студенческой среде, прокламации, действия агитаторов мало привлекали его. Студенческие сходки представлялись ему «беспорядочными сборищами, рассчитанными на обработку грубой массы». «Я не был способен на подчинение партии или кружку, — вспоминал он, — не был склонен даже на простую коллективную работу ... веровал в то, что источником прогресса всего общества является личная самодеятельность. Этою чертою моего тогдашнего настроения объясняется то, что я уходил очень быстро изо всех кружков (политических. — *Ред.*), куда случайно попадал». На всю жизнь Платонов сохранил убеждение о несовместимости науки и политики. В его сознании университет был храмом науки, островом «нормальной» жизни, и, как таковой, он противопоставлялся обществу, «помешавшемуся» на политике.

Начало научно-педагогической деятельности

Весной 1882 г. Платонов успешно окончил университет и представил дипломное сочинение на тему «Московские земские соборы XVI—XVII вв.». После успешной защиты диплома он, по представлению К.Н. Бестужева-Рюмина, был оставлен при факультете для подготовки к профессорс-

кому званию. В 1883 г., в возрасте 23 лет, Платонов начал читать лекции по русской истории на Высших женских курсах, а позже стал вести здесь и семинары. В 1884—1889 гг. он также преподавал историю и русский язык в Петровском училище Санкт-Петербургского купеческого общества, с 1886 по 1891 г. читал лекции по русской истории XVIII—XIX вв. в университетском классе императорского Александровского лицея.

Первая научная публикация Платонова «Заметки по истории московских земских соборов» появилась в 1883 г. Это были извлечения из его дипломной работы. Основное внимание автор уделил организации земского представительства в Смутное время. «Мне хотелось, — вспоминал он впоследствии, — углубить изучение данной переходной эпохи, исследовать всесторонне начало и развитие того общественного движения, которое создало ополчение князя Д.М. Пожарского, и в нем образовало устойчивое временное правительство. Это мое желание подсказывало тему магистерской диссертации».

По окончании университета Платонов занялся выявлением рукописей, относящихся к истории Смуты. Со временем он внес коррективы в свои первоначальные исследовательские планы. Избранная им тема магистерской диссертации — «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник» была одобрена Бестужевым-Рюминым. Он писал из Рима Платонову: «Я вообще того мнения, что исследование источников — лучшая тема магистерской и даже докторской...»

За шесть лет после окончания университета Платонов проделал колоссальную работу. В поисках рукописей он обследовал 21 архивохранилище, начиная с Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге и Румянцевской в Москве и кончая частными собраниями. Он просмотрел 150 рукописей и выявил 60 сказаний о Смуте. Многие из них (например, «Временник» дьяка Ивана Тимофеева, мемуары князя Ивана Хворостинина) ранее не были известны и стали подлинными научными открытиями. Таким образом, молодой ученый обнаружил целый комплекс культурно-исторических памятников России XVII в., посвященных эпохе Смутного времени.

Платонов поставил перед собой чрезвычайно сложную задачу «историко-критического изучения сказаний о Смуте во всей их совокупности». Из многочисленных и разнородных памятников он отобрал и исследовал около 30 наиболее интересных и значительных произведений. Анализ источников

он производил в хронологическом порядке, показывая развитие идей о Смуте на протяжении всего XVII столетия. Ученый установил время и обстановку написания сказаний, выявил автров, их цели, взгляды и литературные приемы, сделал выводы о репрезентативности источников (т. е. об их «достоверности и правдоподобии»).

11 сентября 1888 г. Платонов блестяще защитил магистерскую диссертацию. По своему уровню она резко выделялась среди других диссертаций и в 1890 г. на основе отзыва В.О. Ключевского была удостоена Уваровской премии Академии наук. Дважды этот труд Платонова выходил в виде монографии.

Большой заслугой ученого было то, что он не только исследовал, но в последующие годы и опубликовал выявленные источники. Изданные Платоновым «Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени» («Русская историческая библиотека», т. XIII) и поныне широко используются историками и литературоведами.

Успешно развивалась и служебная карьера Сергея Федоровича. С 1888 г. он стал приват-доцентом Санкт-Петербургского университета. Через год после защиты магистерской диссертации ему было предложено возглавить в университете кафедру русской истории, которую оставил Е.Е. Замысловский в связи с болезнью. Осенью 1890 г., в возрасте 30 лет, Платонов был избран экстраординарным профессором кафедры русской истории. В этом же году он становится членом Ученого комитета Министерства народного просвещения, а также помощником редактора «Журнала Министерства народного просвещения» В.Г. Васильевского. Наступил новый период моей жизни и деятельности, — вспоминал Платонов, — материально более обеспеченный, в научном отношении лучше обставленный».

Докторская диссертация и расцвет научно-педагогической деятельности

С 1896 г. ученый приступил к работе над докторской диссертацией, посвященной истории Смутного времени конца XVI — начала XVII в. Казалось, исследование столь сложной и многоаспектной темы не под силу одному человеку. И все же прочный источниковедческий фундамент магистерской диссертации Платонова позволил ему создать монументальный труд «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время)». В 1899 г. работа вышла отдельной книгой,

которую ученый защитил в качестве докторской диссертации. Защита состоялась 3 октября 1899 г. в Киевском университете, так как в Санкт-Петербургском университете не было докторов русской истории. Официальными оппонентами были профессор В.С. Иконников и П.В. Голубовский, отметившие высокий научный уровень представленного труда. «Эта книга, — писал Сергей Федорович, — была высшим научным достижением всей моей жизни, она не только дала мне степень доктора, но, можно сказать, определила мое место в среде деятелей русской историографии». Концепция Смуты, созданная Платоновым, была принята современной ему историографией, а его докторская диссертация до 1917 г. выдержала три издания.

После защиты докторской диссертации Платонов избирается ординарным профессором Санкт-Петербургского университета, а с 1900 по 1905 г. — деканом историко-филологического факультета университета. Он читал общий курс русской истории, курсы по отдельным эпохам и проблемам, вел семинарские занятия. За годы своего преподавания он создал крупную научную школу, получившую название «Петербургской школы русских историков», или «школы Платонова». В разное время его учениками были такие видные историки, как Б.Д. Греков, М.А. Полиевктов, А.Е. Пресняков, С.В. Рождественский, П.А. Садиков, С.М. Середонин, С.Н. Чернов, А.О. Заозерский, А.И. Лаппо, П.Г. Любомиров, Н.П. Павлов-Сильванский и др. По словам А.Е. Преснякова, характерной чертой этой школы является «научный реализм, сказывающийся прежде всего в конкретном, непосредственном обращении к источнику и факту вне зависимости от исторической традиции». «Школа Платонова» ориентировала исследователей на конкретное изучение и объективный анализ источников, выяснение закономерностей исторического процесса.

Необходимость содержать большую семью (от брака с Надеждой Николаевной Шамониной Платонов имел девять детей, из которых трое — двое сыновей и дочь — скончались в детском возрасте) заставляла ученого помимо университета преподавать и в других учебных заведениях: Петровском коммерческом училище, Александровском лицее, Археологическом институте, на Высших женских курсах. В 1903 г. Платонов возглавил только что созданный женский Педагогический институт, директором которого он был до 1916 г. Он сам занимался постройкой здания, подбирал преподавателей, читал лекции. При институте с двумя факультетами был организо-

ван детский сад, приготовительный класс, гимназия. В 1912 г. Сергей Федорович учредил в институте именную Платоновскую стипендию.

В 1895—1902 г. Платонов был приглашен преподавать русскую историю великим князьям Михаилу Александровичу, Дмитрию Павловичу, Андрею Владимировичу и великой княжне Ольге Николаевне. Сохранилась записка Николая II о профессорах русской истории, в которой о Платонове было сказано следующее: «Вполне приличен также и профессор Платонов, обладающий огромной эрудицией; но он сух и уже, несомненно, весьма мало сочувствует культу русских героев; конечно, изучение его произведений не может вызвать ни чувства любви к отечеству, ни народной гордости».

Как ученый Платонов по-прежнему оставался верен теме Смуты, посвятив ей по крайней мере половину из более чем ста созданных им работ. В начале 1900-х гг. в развитие этой темы он пишет серию статей об отдельных деятелях Смутного времени (патриархе Гермогене, Лжедмитрии I и др.), о первых Романовых, о Земском соборе 1648—1649 гг. и др. В то же время диапазон его научных интересов расширяется. Появляются его работы по истории царствования Ивана Грозного, Алексея Михайловича, Петра I. Много внимания уделял Сергей Федорович и археографической деятельности: собирал, выявлял, издавал и комментировал различные типы источников. В их число входили не только нарративные источники, посвященные событиям Смуты, но и различные актовые документы (грамота, акты, кабальные книги), а также фольклорный материал. Историографические взгляды Платонова отражены в его работах о Н.М. Карамзине, В.О. Ключевском, В.Г. Васильевском, К.Н. Бестужева-Рюмине, а также в рецензиях на труды других ученых-историков.

Широкую известность принесли Платонову его «Лекции по русской истории» для высшей школы (с 1899 по 1917 г. переиздавались 10 раз), а также «Учебник русской истории» для средней школы (с 1909 по 1917 г. — 8 изданий). Сергей Федорович умел кратко, ясно и интересно выражать свои мысли, сочетать научность и доступность изложения. Его учебники отличались стройностью концепции, насыщенным, критически изложенным, фактическим материалом.

Признанием важных заслуг ученого стало его избрание в 1909 г. членом-корреспондентом Российской Академии наук. В 1912 г. в связи с 30-летием начала преподавательской дея-

тельности С.Ф. Платонов получил звание заслуженного профессора. В следующем году он вышел на пенсию, передав кафедру русской истории в университете своему ученику С.В. Рождественскому. Последний в 1916 г. сменил Платонова и на посту директора женского Педагогического института. Освободившись от начинавших тяготить его административных обязанностей и сохраняя минимум часов преподавания в университете, Сергей Федорович надеялся посвятить последние годы жизни науке и путешествиям.

Но 1917 г. резко изменил жизнь ученого. Историк, описавший первые шаги династии Романовых, стал свидетелем ее трагического конца и «нового издания» Смуты. Для Платонова события февраля и октября 1917 г. означали, по свидетельству Ю.Г. Оксмана, «крушение России с ее культурой и вообще великорусской национальностью». Программа большевиков казалась ему «искусственной и утопичной», а сам факт завоевания ими власти ученый объяснял «общей в то время русской действительностью, войной и различного рода кризисами». Но чувство патриотизма и опыт изучения Смуты подсказывали Сергею Федоровичу, что в обстановке Гражданской войны именно большевики олицетворяют теперь русскую государственную идею и способны навести хоть какой-нибудь порядок в измененной стране.

В этих условиях Платонов решил пойти на сотрудничество с новой властью. Пытаясь спасти русскую историческую науку и ее традиции от посягательств наиболее рьяных строителей «нового общества», он одновременно возглавил несколько научных центров. Он был председателем Археографической комиссии (1918—1929), заведующим Петроградским отделением Главархива (1918—1923), директором Археологического института (1918—1923), с 1923 г. — председателем археологического отделения факультета общественных наук (ФОН) Петроградского университета. В 1920-е гг. Сергей Федорович был также председателем Археологического общества, Союза российских архивных деятелей, заведующим ученой комиссией по истории труда в России, председателем Комитета по изучению древнерусской живописи, главным редактором «Русского исторического журнала».

В апреле 1920 г. Платонова избирают действительным членом Академии наук. В 1922 г. ему было поручено руководство работой Постоянной исторической комиссии Академии,

в 1925 г. он становится директором Пушкинского дома, а также возглавляет Библиотеку Академии наук (БАН). При столь значительном объеме административной работы преподавательская деятельность Платонова (университет, Педагогический и Археологический институты) постепенно сокращалась.

В послеоктябрьские годы продолжалось и научно-исследовательское творчество Платонова. Среди его трудов — блестяще написанные исторические биографии «Борис Годунов» (1921), «Иван Грозный» (1923), «Петр Великий. Личность и деятельность» (1926). Свою концепцию Смуты ученый сжато изложил в небольшой научно-популярной книге «Смутное время» (1923). Новым в творчестве Платонова стало исследование истории Русского Севера. Ряд работ на эту тему он объединил в сборнике статей «Проблемы Русского Севера. Очерки по истории колонизации Поморья» (1923). Проблеме европеизации Московской Руси была посвящена книга Платонова «Москва и Запад в XVI—XVII вв.». По некоторым данным, ученый задумывал и крупную работу о начальном этапе русского государства. В этой связи он опубликовал статьи «Летописный рассказ о крещении княгини Ольги в Царьграде» и «Русса». Историографический характер носят его статьи-некрологи о А.А. Шахматове, В.С. Иконникове, А.Е. Преснякове. Трижды Платонов выезжал за границу, общался с зарубежными коллегами. Его доклад «Проблемы Русского Севера в новейшей историографии», прочитанный им в 1926 г. на «Неделе русских историков» в Берлине, был высоко оценен известным немецким историком Отто Гетчем.

Смерть жены в 1928 г. тяжело отразилась на самочувствии Платонова. Постепенно он сокращает объем административной работы: отказывается от директорства в БАН, затем — от директорства в Пушкинском доме. Но авторитет его был по-прежнему высок, и в марте 1929 г. он избирается академиком-секретарем Гуманитарного отделения и членом Президиума Академии наук СССР. Это событие стало вершиной его научной карьеры и одновременно прологом последнего, самого трагического периода жизни.

С конца 1920-х гг. ситуация в стране резко меняется. С разгромом «уклонов» в партии, сворачиванием НЭПа и началом коллективизации открылась и эпоха террора, в том числе и главным образом против интеллигенции. Положение Платонова осложнялось тем, что в послеоктябрьский период он не перешел на позиции марксизма и по-прежнему исповедовал

«научный реализм» и беспартийность науки. «...Определившаяся смолоду моя личность не изменилась ни от появившейся в нашей литературе теории марксизма, ни от политического торжества этой теории в коммунистическом государстве СССР», — писал ученый. Для историков-марксистов во главе с М.Н. Покровским он был не только «классовым врагом на историческом фронте», «антисоветчиком и антимарксистом», но и главой Археологической комиссии АН и БАН, вокруг которых сплотилась старая профессура. В конце 1920-х гг. из-за трудностей избрания коммунистов в состав Академии наук (до 1929 г. в ее стенах не было ни одного коммуниста) сторонники М.Н. Покровского начали открытую травлю историков дореволюционной школы под флагом борьбы с «буржуазной историографией».

19 октября 1929 г. правительственная комиссия по «чистке» Академии наук обнаружила в ее библиотеке подлинные экземпляры манифестов об отречении от престола Николая II и его брата Михаила и другие документы актуального общественно-политического содержания. Виновником «сокрытия» был объявлен академик-секретарь Отделения гуманитарных наук, академик С.Ф. Платонов. 8 ноября он подал в отставку со всех занимаемых постов.

Вскоре дело о «неправильном» хранении документов приобрело политическую окраску. В ночь с 12 на 13 января 1930 г. Платонов и его дочь Мария — сотрудница Публичной библиотеки — были арестованы. 70-летнему ученому было предъявлено обвинение «в активной антисоветской деятельности и участии в контрреволюционной организации». Были арестованы и многие видные московские и ленинградские историки, всего 115 человек, в том числе академики Н.П. Лихачев, М.К. Любавский и Е.В. Тарле. Все они были объявлены участниками «контрреволюционной монархической организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России»», целью которой якобы было свержение советской власти и установление конституционной монархии во главе с великим князем Андреем Владимировичем (бывшим учеником Платонова). Самому Сергею Федоровичу отводилась роль премьер-министра будущего правительства.

Следствие длилось больше года. На Платонова оказывалось колоссальное давление со стороны следователей, раздавались угрозы в адрес его дочерей Марии и Нины. Платонов шел на некоторые уступки (например, признался в своем «монархизме»),

но категорически отказывался давать какие-нибудь компрометирующие сведения о своих коллегах и учениках. Лишь когда у следствия накопилось большое количество «сознаний» от других обвиняемых и показания Платонова, как считал он сам, уже не могли никому «повредить», он стал делать «признания» (в частности, в получении «денежных сумм на контрреволюционную деятельность» от Ватикана и «немецких националистов»).

2 февраля 1931 г. на общем собрании Академии наук СССР было объявлено «об установлении факта участия» С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле, Н.П. Лихачева и М.К. Любавского в «контрреволюционном заговоре», в связи с чем они были исключены из состава ее действительных членов.

Постановлением коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г. 15 «главных преступников», в том числе и Платонов, получили по 5 лет ссылки. Местом ссылки Платонова и его дочерей стала Самара. Жизнь ссылного ученого была недолгой. 10 января 1933 г. он скончался в самарской больнице от острой сердечной недостаточности и был похоронен на городском кладбище. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 20 июля 1967 г. С.Ф. Платонов и другие осужденные по делу «О контрреволюционном заговоре в Академии наук» были полностью реабилитированы. 5 апреля 1968 г. постановлением Президиума АН СССР Платонов был восстановлен в звании академика.

Историческая концепция

Современники считали творчество С.Ф. Платонова глубоким олицетворением Санкт-Петербурга. Строгая, европейская красота города отразилась в его произведениях, безупречных с научной точки зрения и написанных изысканным литературным языком. В то же время беспристрастность, отсутствие эмоциональности в изложении материала, в свое время подмеченные Николаем II, объяснялись отнюдь не недостатком патриотизма ученого, а спецификой его взглядов на задачи исторической науки.

Определяя общественную роль исторической науки, Платонов писал, что «национальная история есть путь к национальному самосознанию», что «знание прошлого помогает понять настоящее и объясняет задачи будущего». Долг исследователя, считал он, заключается в том, чтобы дать обществу объективное знание о его прошлом, свободное от каких-либо предвзятых точек зрения и субъективных идей, «а приложение этого знания зависит уже не от него».

Давая определение предмета истории, Платонов писал, что «история есть наука, изучающая конкретные факты в условиях... времени и места, и главной ее целью признается систематическое изображение развития и изменений жизни отдельных исторических обществ и всего человечества». Исследователь должен собрать исторические материалы, определить их достоверность, восстановить точно отдельные исторические факты и, подвергнув их анализу, указать их причинную последовательность, «прагматическую связь». Лишь после этого открывается возможность «исторического синтеза», т. е. создания здания «схемы», «системы» процесса общественного развития. «Конечной целью русской историографии всегда остается построение системы местного исторического процесса», — писал ученый.

Попытки выработать «цельный взгляд на русское историческое прошлое», указывал Платонов, предпринимались в русской историографии с начала XIX в. (Н.М. Карамзин, западники и славянофилы). Но первая строго научная историческая схема была разработана создателями теории «родового быта» С.М. Соловьевым и К.Д. Кавелиным, которые впоследствии вместе с другими учеными их направления (Б.Н. Чичериным и др.) стали известны как представители историко-юридической школы. В основе взглядов Соловьева и Кавелина, отмечал Платонов, лежало представление об «органическом» характере развития человеческого общества, которое «совершается как развитие организма, по строгим законам, ниспровергнуть которые не может ни историческая случайность, ни личность, как бы гениальна она ни была... Всю русскую историю представляли они как последовательный органически стройный переход от кровных общественных союзов, от родового быта — к быту государственному. Между эпохой кровных союзов и государственною лежит промежуточный период, в котором происходила борьба начала кровного с началом государственным». Впоследствии ряд новых научных споров расшатал стройную систему взглядов Соловьева и Кавелина в их первоначальном виде. Но новая историческая схема создана не была, и русская историография, подчеркивал Платонов, до сих пор находится под влиянием теоретических воззрений историко-юридической школы. Оценивая перспективы развития русской исторической науки, он отмечал: «Состояние русской историографии до сих пор таково, что иногда налагает на русского историка обязанность просто собирать факты и давать им первоначальную научную обработку. И только там, где факты уже собраны

и освещены, мы можем возвыситься до некоторых исторических обобщений, можем подметить общий ход того или другого исторического процесса, можем даже на основании ряда частных обобщений сделать смелую попытку — дать схематическое изображение той последовательности, в какой развивались основные факты нашей исторической жизни». Плодотворные поиски историков в области методов исторического исследования, пересмотр старых проблем, разработка новых крупных тем давали Платонову надежду на возможность создания в недалеком будущем новой системы русского исторического процесса.

Признавая большое влияние концепции историко-юридической школы на формирование своего мировоззрения, Платонов тем не менее осознавал узость «юридического» взгляда на русскую историю. Преимущественное внимание деятелей этого направления к истории развития государственных форм в ущерб «экономическому и культурному быту» он связывал с влиянием на них немецкой историографии и философии, в частности с идеями Канта, который понимал историю «как путь человечества» к созданию государственных форм. Платонов же был позитивистом и предпочитал исходить в своих исследованиях не из отвлеченных идей, а из данных «опыта», т. е. анализа исторических источников. «Позитивизм, мною рано усвоенный, — писал он, — освободил меня от тех условностей и метафизики, которые владели умами историков — моих учителей (Соловьев, Чичерин, Кавелин и др.), привил мне методы исследовательской ученой работы, далекие от априорных умозрений». Этим, вероятно, можно объяснить то «сильное и глубокое» влияние, которое, по его словам, оказали на него работы В.О. Ключевского. Верный позитивистскому принципу разыскания индивидуальных конкретных причинно-следственных связей в истории и сочетания факторов (географического, экономического, социального и политического), определяющих собой ход событий, Ключевский привлекал Платонова «разносторонностью и широтой исторического понимания». Именно влиянием работ Ключевского можно объяснить большой интерес Платонова к социально-экономическим проблемам, который ярко проявился в его исследованиях о русской Смуте.

И все же определяющее влияние на творчество Платонова оказывали идеи историко-юридической школы. Это с особой силой проявилось в его «Лекциях по русской истории», в ос-

нову которых он положил взгляды своих учителей на «органическое» развитие русской истории, ведущую роль государства в этом процессе и знаменитую теорию Б.Н. Чичерина о закреплении и последующем раскреплении государством сословий в России.

Каждый народ в своем развитии, отмечал Платонов, движется от родового строя к высшей форме — государству, проходя на этом пути несколько этапов. В русской истории начальным этапом была Киевская Русь — слабое в политическом отношении государственное образование, во главе которого стоял многочисленный княжеский род. Для удельного периода XIII—XV вв. был характерен вотчинный тип власти, когда отдельный князь, владея определенной территорией, признавал в силу этого и всех людей, живущих на территории, подвластными себе. Создание объединенного государства при Иване III привело к появлению вотчинно-государственного типа власти: продолжая смотреть на Московское государство как на свою вотчину, русские государи уже ведут национальную политику и в глазах народа постепенно становятся выразителями «народного единства и символом национальной независимости». Окончание периода Смуты начала XVII в. открыло новую, государственно-национальную эпоху в истории России.

Вслед за историками государственной школы и В.О. Ключевским Платонов считал, что отличительные черты истории каждого народа во многом предопределяются природными и географическими условиями страны. Так, равнинная местность, открытость Руси внешней агрессии обусловила военный характер Московского государства. «Еще в XIII в., — писал Платонов, — создались те обстоятельства, которые направляли в течение многих веков и внешние стремления русского племени и государства, и их внутреннюю организацию». Немецкая и шведская угроза на Балтике, захват Литвою юго-западных русских земель, золотоордынское иго, тяготевшее над северо-восточной Русью, привели к тому, что «почти одновременно, с трех сторон, великорусское племя было окружено врагами, действовавшими наступательно». Борьба за «историческое существование, за целостность племени и религии» продолжалась сотни лет вплоть до Петра I и закончилась уже при Екатерине II достижением «полной безопасности и естественности границ».

Военный характер сформировавшегося во второй половине XV в. национального великорусского государства выразил-

ся в закреплении государством сословий, каждое из которых должно было по-своему обеспечивать оборону страны. Служилые люди были прикреплены к военной службе, посадское население к «тяглу» (денежная повинность), крестьянство частично участвовало в тягле, а другая его часть своим трудом содержала дворян, давая им возможность нести военную службу. Такое положение, по мнению Платонова, продолжалось вплоть до эпохи Петра I, установившего особое крепостное право, в равной мере распространявшееся на жизнь и труд представителей всех сословий.

Постепенное «раскрепощение» сословий в послепетровскую эпоху сначала коснулось дворянства, занимавшего первенствующее положение в качестве высшего класса общества. Этот процесс получил окончательное оформление в Жалованной грамоте дворянству 1785 г. «Расцвет дворянских привилегий, — отмечал в связи с этим Платонов, — необходимо соединялся с расцветом крепостного права». С этого момента Россия превращается в «односословную монархию», дворянскую империю, в которой дворянству принадлежит «исключительное господство в государстве». Следующим актом «раскрепощения» явилась отмена крепостного права в 1861 г., когда крестьянство получало личную и экономическую свободу. Но политического освобождения общества так и не произошло, что в конечном счете вылилось в революционные потрясения начала XX в.

Смута

Влияние идей историко-юридической школы сказалось и при разработке Платоновым своей главной исследовательской темы, связанной с эпохой Смутного времени. Объясняя мотивы своего обращения к этой теме, он писал: «Мне представлялось, что это время является историческим узлом, связующим старую Русь с новой Россией. Естественным казалось взяться, прежде всего, за этот узел и потом, держась за путеводные нити, расходящиеся из этого узла, или восходить в древнейшие эпохи, или спускаться в новейшие времена».

В основе такого взгляда Платонова лежала мысль С.М. Соловьева о том, что начало новой России следует искать в событиях начала XVII в., что реформы Петра I не были внезапным крутым поворотом в истории страны, а имели корни в событиях Смутного времени. Смута, считал Соловьев, представляла собой последний акт борьбы старых родовых «начал» с новыми государственными, после чего последние восторжествова-

ли окончательно. Свою исследовательскую задачу Платонов видел в том, чтобы вложить в эту формулу «конкретное содержание и на фактах показать, как погибал в Смуте старый порядок и в каких формах возникал новый — тот порядок, в условиях которого создавалось наше современное государство».

В то же время в платоновских «Очерках по истории Смуты» появилась и другая линия исследования, которая отступовала у представителей историко-юридической школы и была связана с изучением общественного строя и сословных отношений. В этом сказалось влияние Ключевского, стимулировавшее Платонова искать в «древнерусской жизни движение и борьбу идей ... конкретных отношений общественного верха и низа, господ и управляемой массы, труда и капитала (т. е. отношений землевладельцев и зависимого от них крестьянства. — *Н.Р.*)». В своем исследовании Смуты он опирался на мысль Ключевского о том, что в основе Смуты лежала социальная рознь, порождаемая тягловым строем Московского государства, и что, начавшись с раздора в верхах после смерти Ивана Грозного, Смута в конце концов переросла в открытую социальную борьбу в период восстания И.И. Болотникова.

Платонов подошел к Смуте как к сложному социальному и политическому кризису в стране, истоки и последствия которого далеко выходили за рамки начала XVII в. В его работе тщательно проанализированы географические, демографические, экономические, социальные факторы и условия, в которых развивались события Смуты. Во вступительной части «Очерков по истории Смуты» ученый, опираясь на труды своих предшественников, впервые в русской историографии XIX в. дал всесторонний и обстоятельный обзор географических районов складывающегося государства (Московский центр, Новгородские и Псковские земли, Поморье, Поволжье, города запада и «Дикое поле»). Он охарактеризовал территорию и управление, географические особенности каждого района, ход его заселения, сельское хозяйство и промыслы, размещение крупного привилегированного землевладения, возникновение поселений, городов, характер торговли и т. д. По словам академика М.Н. Тихомирова, это был «своего рода краткий очерк исторической географии России XVI в., написанный с большим знанием дела».

Характеристика местных отличий Московского государства позволила Платонову представить реальную обстановку, в ко-

торой развивались те или иные события Смуты, объяснить характер поведения населения различных областей.

Истоки русской Смуты Платонов видел в остром социально-политическом кризисе, который переживала страна во второй половине XVI в. С середины этого столетия Московское государство вступило в полосу внешних войн. Для ведения войны и обороны новых рубежей государства правительство в 1570—1580-е гг. резко увеличило численность служилого сословия, главным обеспечением которого была земля и «обязанный» труд крестьян, сидевших на этой земле. В связи с этим шла массовая и беспорядочная раздача в частные руки черносошных и дворцовых земель. Это ухудшило положение населения, сидевшего на этих землях, и вызвало массовое бегство его на южную окраину государства. Рассматривая меры правительства по «укреплению» крестьян, процессы экономического закабаления крестьян их владельцами, Платонов впервые в отечественной историографии поставил проблему формирования крепостного права и усиления феодального гнета как непосредственной предпосылки и движущей силы развития Смуты.

Рука об руку с кризисом социальным развивался и кризис политический, связанный с политикой опричнины Ивана Грозного. Платонов предложил новую трактовку опричнины. В отличие от своих предшественников он увидел в опричнине «определенный план и систему действий» и охарактеризовал ее как «государственный переворот». В опричнине, считал ученый, отразились противоречия между «боярами-княжатами» с их родовыми вотчинами и удельными традициями и стремящейся к единой державной царской властью. В ней отразилась также борьба между мелкими землевладельцами (служилые люди) и крупными вотчинниками (бояре и монастыри) за землю и крестьянский труд. Трактую опричнину, историк перенес основное внимание с террора и сыска по делам о боярской измене на перетряску боярского землевладения, с которым он связывал политическую роль княжат и бояр в государстве, считая их, вслед за Ключевским, «правлящим классом» московского общества. Изучив территорию, взятую в опричнину, Платонов пришел к выводу, что Грозный почти сплошь конфисковал и собрал в опричном управлении старые удельные земли. Опричнина «сокрушила землевладение знати в том его виде, как оно существовало из старины, — писал Платонов, — посредством принудительной и систематически произведенной мены земель она уничтожила старые связи удельных княжат с их

родовыми вотчинами везде, где считала необходимым, и раскидала подозрительных в глазах Грозного княжат по разным местам государства, преимущественно по его окраинам, где они превратились в рядовых служилых землевладельцев». В опричнине, считал Платонов, «произошел полный разгром удельной аристократии... Политическое значение класса было бесповоротно уничтожено, и в этом заключался успех политики Грозного».

Сложные социальные процессы, вызванные опричниной и войной, привели к тому, что «в срединных и южных областях государства не было ни одной общественной группы, которая была бы довольна ходом дел. Здесь все потрясено внутренним кризисом и военными неудачами Грозного, все потеряло устойчивость и бродило пока скрытым внутренним брожением...».

Исследуя процесс развития Смуты, Платонов сумел увидеть многие внутренние причинно-следственные связи между событиями и явлениями, в которых сложно переплетались династические, социальные и международные конфликты, сделать много ценных конкретных наблюдений.

В развитии Смуты Платонов выделял три крупных периода. Первый период (династический), который фактически был подготовлен опричниной Грозного, начался со смертью в 1598 г. царя Федора Иоанновича. Его содержанием была борьба за московский престол между боярскими родами Годуновых, Романовых и князей Шуйских. Завершился этот период воцарением В.И. Шуйского, который соединил вокруг себя остатки княжеской московской аристократии, уцелевшие от опричнины Грозного и режима Годунова.

Второй период (социальный) характеризовался вовлечением в династическую борьбу воинских масс, пытавшихся реализовать свои социальные устремления. Движение И.И. Болотникова Платонов рассматривал как открытую борьбу «низших слоев населения против высших, неимущих и обездоленных против богатых и знатных», имеющую своей целью «произвести общественный переворот в смысле низвержения крепостного порядка». Этот период, осложненный вмешательством в московские дела польского короля Сигизмунда, закончился «полным распадом старого порядка».

Содержанием третьего периода (национального) были попытки восстановления разрушенного государственного порядка. Он завершился победой коалиционных сил дворянства и казачества, очистивших Москву от польско-литовских интер-

вентов, созывом Земского собора 1613 г. и избранием на престол Михаила Романова.

В своем исследовании Смутного времени Платонов во многом опирался на Ключевского. Это нашло отражение в его стремлении рассматривать события Смуты сквозь призму социальной борьбы, в попытке выделить социальные и национально-освободительные аспекты ее истории, в принятой им периодизации. И все же выводы, к которым пришел ученый в результате анализа источников, оказались отличными от выводов его предшественника. Ключевский считал, что прекращение Смуты, питавшейся «рознью классов земского общества, стало возможным в результате их примирения и соединения». Иными были выводы Платонова. Важнейшим результатом Смуты он считал изменение «социального режима» в стране: «Верх и низ московского общества проиграли войну, а выиграла ее средние общественные слои». В ходе Смуты произошел окончательный разгром боярства, потерпело поражение казачество. Опорой новой династий стали консервативные слои населения в лице служилых людей и тяглых посадских общин. Именно в их интересах проводилась внутренняя политика правительства Романовых в первое время после Смуты. Более всего выиграла служилые люди. Смута ускорила подчинение им крестьянства, более прочным стало их положение в качестве владельцев поместий, а с разгромом боярства они получили возможность продвигаться по службе и принимать все большее участие в делах государственного управления.

Таким образом, по мнению современного историка В.С. Брачева, Платонов не просто развивал концепцию Смуты Ключевского, а на ее основе разработал самостоятельную концепцию Смутного времени. Творчество Платонова оказалось плодотворным для последующего развития отечественной историографии. Его труды так или иначе оказывали влияние на работы советских историков, исследующих различные аспекты социально-политической истории России XVI—XVII вв. Между тем долгое время после смерти Платонова его сочинения почти не издавались, а в историографических работах ему не уделялось должного внимания. В советской историографии ему давались различные, порой взаимоисключающие оценки. Большинство авторов считали его историком-монархистом, выразителем «идеологии реакционного дворянства», некоторые исследователи относили его к «либерально-буржуазному направлению» в русской историографии.

Серьезный интерес к Платонову появился в 80-е гг. XX в., когда стали интенсивно публиковаться труды ученого, архивные материалы, историографические исследования (работы В.А. Шарова, В.С. Брачева, А.А. Чернобаева, Е.В. Чистяковой, А.А. Цамутали и др.). Освоение сохранившегося колоссального архива Платонова позволит историографам подробнее и глубже исследовать жизнь и труды этого выдающегося русского историка.

Источники

- Платонов С. Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888.
- Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993.
- Платонов С. Ф.* Москва и Запад. Борис Годунов. М., 1999.
- Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1995.
- Платонов С. Ф.* Петр Великий. Л., 1926.
- Платонов С. Ф.* Прошлое русского Севера. Пг., 1923.
- Платонов С. Ф.* Русская история. М., 1996.
- Платонов С. Ф.* Сочинения по русской истории. СПб., 1993.
- Платонов С. Ф.* Учебник русской истории. М., 1993.

Литература

- Ананьич Б.В., Панейх В.М., Цамутали А.Н.* Сергей Федорович Платонов // Академическое дело 1929—1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993.
- Брачев В.С.* «Дело» академика С.Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5.
- Брачев В.С.* Сергей Федорович Платонов // Отечественная история. 1993. № 1.
- Брачев В.С.* Русский историк Сергей Федорович Платонов. Ч. I—II. СПб., 1995.
- Рецензии на кн. См.: Отечественная история. 1998. № 3.
- Фукс А.Н.* Историчность наследия // Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М., 1993.

Спустя три года после смерти А.С. Лаппо-Данилевского в Петрограде о нем вышла небольшая книжка. Ее написал А.Е. Пресняков. Анализируя содержательные стороны жизни и творчества учителя, давая им оценки, не всегда согласные с позицией Лаппо-Данилевского, автор тем самым невольно характеризовал собственную систему представлений. Столкновение разных идеологических и историософских позиций, характерное для русских историков рубежа XIX—XX вв., полифоническое многоголосие, наличие нескольких независимых точек зрения являлись важным фактором, который содействовал развитию исторической науки. В работе Преснякова прозвучала мысль о типичности ученых при всей индивидуальности таких людей, как Лаппо-Данилевский. Типичность придавали условия научной деятельности и состояние науки.

Лаппо-Данилевский и Пресняков трудились в условиях, когда в умах ученых крепло сознание — один в поле не воин. Такое понимание, по словам Преснякова, вызывало попытки «соорганизовать» научное «воинство» «для коллективной научной работы», «столь слабой у нас на Руси в области общественных наук». Основным средством в этой работе виделось систематическое воспитание «молодых сил в методах исследовательского труда и выработка форм ученого академического сотрудничества на русской почве, а также шире — в международном научном общении и международной академической союзности». Отмеченная тенденция нашла разносторонние формы проявления, и в них самое непосредственное участие принимал Лаппо-Данилевский.

Историографическим событием в науке стал «Сборник статей, посвященный Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню 30-летия его профессорской деятельности в Московском университете (5 декабря 1879 — 5 декабря 1909 года)». 42 ученых сочли за честь представить свои статьи. Одну из них — «Служилые кабалы позднейшего типа» об истории малоизученной «крепости» — кабального холоинства написал Лаппо-Данилевский. Выбор темы не был случайным: проблема основных разрядов крестьян являлась для историка принципиальной, о чем свидетельствует его «Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России» (1905).

Энергичное участие ученого в налаживании международных контактов проявилось в его инициативе сделать Петербург местом проведения 4-го съезда историков в 1918 г. С таким предложением Лаппо-Данилевский выступил на Лондонском 3-м конгрессе историков в 1913 г. и был назначен председателем оргкомитета. К сожалению, Первая мировая война и революция не позволили осуществить задуманное. Лаппо-Данилевский считал непосредственное научное общение с зарубежными коллегами необходимым для современной науки. Сам он неоднократно представлял русскую историческую науку на международных исторических съездах, и в 1903 и в 1908 гг., а также на собраниях Международного союза Академий в 1910 и 1913 гг.

Научная роль А.С. Лаппо-Данилевского виделась Преснякову в том, что в его научной жизни главными событиями были не только (как говорил В.О. Ключевский) «книжки» и «мысли», но не менее важными событиями являлись «организационные достижения в служении научной культуре на путях университетского преподавания и академической деятельности». В этом отношении Пресняков продолжал линию научного поведения Лаппо-Данилевского.

А.С. Лаппо-Данилевского отличало чувство исключительной ответственности историка перед истиной и будущим. Эта черта бросалась в глаза современникам: «Александр Сергеевич считал возможным выступать в печати по главным темам своей работы лишь тогда, когда собственное сознание говорило: да! дело закончено, истина найдена и получено должное (т. е. совершенное, полное) воплощение. Но сознание почти никогда этого ему не говорило, и труды оставались в папках, в рукописных листах, испещренных

вставками и исправлениями». Такое мнение сложилось в отношении ученого-энциклопедиста, имевшего на историков, в том числе и споривших с ним по концептуальным вопросам, глубокое влияние. Пример научного служения, идеальный во всех отношениях, безусловно, имел воспитательный характер и был ориентирован на обеспечение жизнеспособности исторической науки. Среди учеников Лаппо-Данилевского были Г.В. Вернадский, Б.Д. Греков, Б.А. Романов, С.Н. Валк.

До настоящего времени не опубликован основной труд Лаппо-Данилевского «История политических идей в России в XVIII в. в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики», без которого, по словам А.Е. Преснякова, нельзя правильно оценить вклад Лаппо-Данилевского в историческую науку. Опубликованная в 1990 г. «История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв.» рассматривается специалистами как своеобразное введение к «главной книге» Лаппо-Данилевского. Его вдова сдала рукописи историка в архив Академии наук СССР в надежде, «что, может быть, это не смерть, а только временный плен его мысли». Творческое наследие академика Лаппо-Данилевского, а в 1899 г. в 36-летнем возрасте Александра Сергеевича избрали в действительные члены Императорской Академии наук, в течение полувека с середины 1920-х и до 1970-х гг. оказалось невостребованным. Именно Преснякову принадлежат слова о жизненной драме А.С. Лаппо-Данилевского как мыслителя и ученого.

Имя самого Преснякова знаменует собой преемственность в науке. М.Б. Свердлов, специально изучавший творчество Преснякова, невысоко оценил современный уровень историографического анализа: «Названы, но не раскрыты те объективные и субъективные факторы, которые формировали его научные и общественно-политические взгляды, не выяснены формы их отражения в «Княжом праве в древней Руси» и «Лекциях по русской истории»... Недостаточно изучены творческая эволюция Преснякова и место в ней данных произведений». От себя добавим: и не только данных... Чаще всего в историографии Преснякова называют «последователем» Н.П. Павлова-Сильванского, идеям которого о внутренней близости правовых учреждений средневековой России западным, «о феодализме в древней Руси» он, безусловно, сочувствовал. В советской историографии наряду с В.И. Сергеевичем и П.Н. Милюковым Преснякова отнесли ко второму поколению «государственников».

Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863—1919)

**«Питомец
усадебной
культуры»**

А.С. Лаппо-Данилевский родился 15 (27) января 1863 г. в селе Удачное Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии в дворянской семье. Мать — Наталья Федоровна, урожденная Чуйкевич, была из дворян той же губернии. Отец историка — Сергей Александрович несколько трехлетья служил уездным и губернским предводителем дворянства, в 1872—1886 гг. был губернатором в Симферополе. Блестящее домашнее образование было получено будущим историком в дворянской усадьбе. Там же был выработан «ряд типичных духовных и бытовых навыков» (воспитанность, благообразность, знание языков, блестящая игра на фортепиано), которые отмечали современники. В домашней усадьбе оформились и «основные стихии» личности Лаппо-Данилевского: постоянный научный интерес, любовь к природе и музыке. «Впечатление повышенной родовой и органической культурности, углубленной и уточненной в личном складе его духовной жизни и бытовой обстановки, давалось сразу при первых встречах с ним и только нарастало при дальнейшем общении» — так понимал внимательно наблюдавший личность Лаппо-Данилевского Пресняков, настойчиво подчеркивавший связь среды, традиций и мировоззрения историка. Именно Преснякову принадлежат слова об учителе: «Глубоко и неустранимо заложены были в его настроении начала религиозности, не внешней, поверхностной, основанной на привычке к формам традиционной церковности, а глубокой и личной, соединенной с неослабным стремлением озарить повседневность образом высшего, вечного, стать под покровительство абсолютного начала».

Область философского образования открыла Лаппо-Данилевскому «История философии» Льюиса, ставшая исходной точкой в знакомстве с философскими системами и проблемами для многих молодых сверстников. В гимназии и университете Лаппо-Данилевский вдумчиво изучал древнегреческую философию, труды Платона и Аристотеля, французских мыслителей XVIII в., И. Канта. Большое влияние на Лаппо-Данилевского оказал Н.К. Михайловский. Его настольными книгами были «История Греции» Дж. Грота, «Первобытная культура» Э. Тейлора. Он прекрасно знал труды Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского.

Лаппо-Данилевский, пережив увлечение позитивизмом (трудами Конта и Милля) и выйдя за его теоретические и идеологические рамки (большое влияние в 1890-е гг. оказали на него работы немецких философов-неокантианцев В. Виндельбанда (1848—1915) и Г. Риккерта (1863—1936)), написал статью в сборник «Проблемы идеализма» «Основные принципы социологической доктрины О. Конта» (1902). Лаппо-Данилевский становится признанным авторитетом в среде русских неокантианцев. В литературе можно встретить и иное мнение, о том, что историк придерживался позитивистских принципов теории исторического исследования вплоть до революции 1905 г., высказанное А.Н. Нечухриным и С. П. Рамазановым. Представляется все же, что к этому времени Лаппо-Данилевский перерос наследие позитивизма, вобрав в себя то созидательное, что он давал в понимании источника. Несомненно, что философские взгляды историка претерпевают серьезную эволюцию.

Внешне жизнь Лаппо-Данилевского шла спокойно. В 1882 г. он окончил Симферопольскую гимназию с золотой медалью и поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета (1882—1886), с которым была связана его дальнейшая судьба. Но среди наставников, а ими были: К.Н. Бестужев-Рюмин, В.Г. Васильевский, А.Н. Веселовский, Е.Е. Замысловский, В.И. Сергеевич — он не нашел своего единственного Учителя.

А.С. Лаппо-Данилевского отличала «ученость», серьезность, трудолюбие. В совокупности с особенностями характера и присущей ему сдержанностью все это вело к тому, что Лаппо-Данилевский держался отдельно и занимал в Петербургском университете особое место. Тем не менее историки проследили принципиальные историографические влияния на формирование концепции Лаппо-Данилевского, выделили труды историко-юридической школы (А.Д. Градовского, Б.Н. Чичерина).

Трагичной и символичной была кончина Лаппо-Данилевского 7 февраля 1919 г. Он умер от заражения, возникшего в результате огромного нарыва на ноге. Современники восприняли его смерть как трагедию, соответствующую историческому моменту. Сам Лаппо-Данилевский в течение последнего года жизни мучительно переживал распад культуры и беды, обрушившиеся на науку, которой и только для которой он и жил.

**Философия
истории
и методология**

Важнейшую часть научного наследия ученого составляли методологические поиски. Во второй половине 1890-х гг. Лаппо-Данилевский пытается найти ответы на методологические вопросы в работах ученых неокантианского направления, прежде всего Баденской школы, основатель которой В. Виндельбанд призвал «назад к Канту». Лаппо-Данилевский внимательно изучил работы Генриха Риккерта 1892—1899 гг.: «Предмет познания», «Границы естественно-научного образования понятий», «Науки о природе и науки о культуре». В 1904 г. вышла книга Риккерта «Философия истории». Немецкого философа в первую очередь интересовали взаимоотношения между действительностью и ценностями, составляющими так называемую мировую проблему, их специфика и поиски возможного единства с помощью посредника — смысла. По мнению Риккерта, ценность проявляет себя в мире как объективный смысл, который связан с реальным психическим актом — суждением. Но с ним он, в отличие от оценки, не совпадает. В оценке же смысл обязательно проявляется; кроме того, оценка представляет собой реальный психический акт. Цель гносеологии, а ей придавалось важнейшее значение, ученый видел в ответе на вопрос о возможности появления трансцендентных ценностей в имманентном¹ мире и возможности перехода от имманентного к трансцендентному².

Русское неокантианство, появившись позднее немецкого, представляло особый этап в развитии этого течения в целом. Идеи немецких неокантианцев были творчески переработаны. В рамках неокантианского течения историзм получил дальнейшее развитие в форме логического учения о методах исторического познания и учения об историческом индивидуальном. Продолжая традиции немецкого неокантианства, а также идеи о коллективном индивидуальном (Герье) русские историки-неокантианцы понимали индивидуальное как определенное неповторимое единство независимо от того, имеется в виду отдельное событие, личность или всемирная история. Изучение

¹ Имманентный (пребывающий внутри) — то, что пребывает в самом себе, не переходя в нечто чужое, не трансцендируя.

² Трансцендентное (перешагивающий, выходящий за пределы). По Канту — это знание, которое переступает за границы человеческого разума и является в этом смысле недоступным теоретическому познанию, становится предметом веры. Трансцендентное — все то, что выходит за пределы возможного опыта.

этой неповторимой целостности и необходимости исторического процесса и вменялось в обязанность исторической науке. Осуществление этой задачи, с точки зрения самих неокантианцев, не означало изучения законов общественного развития. В русскую историческую науку неокантианцы привнесли отрицание прогресса, рассматривая историю как «науку о духе».

В отличие от немецкого неокантианства, в котором под номотетической наукой, т. е. изучающей законы, в основном понималось естествознание, а под идиографической, чьим предметом считалось индивидуальное, история, — Лаппо-Данилевский понимал под номотетической наукой социологию. Речь шла не о признании или отрицании законов общественного развития, а о том, какая из общественных дисциплин эти законы изучает. Предметом социологии русским неокантианством признавалось общее, повторяющееся, законы общественного развития; предметом истории — индивидуальное.

Лаппо-Данилевский признавал правомерность применения в исторической науке как идиографического, так и номотетического метода познания. Он поставил вопрос об исторических законах (т. е. законах, изучаемых исторической наукой) и их отличии от законов социологии, заложив фундамент для их разработки в будущем.

По своему научному уровню источниковедческое учение Лаппо-Данилевского (изложенное в труде «Методология истории», 1910) явилось теоретической вершиной дореволюционной русской историографии. Все осмысление источников рассматривалось в аспекте движения историка к объективной истине, что придавало его учению целостный характер.

Не принимая стремления Лаппо-Данилевского понять и обосновать, как безусловные, «абсолютные», независящие в содержании и значимости от каких-либо частных и временных социальных и культурно-исторических обстоятельств истины, Пресняков упрекал ученого в идеализме. Сам Пресняков проделал духовно-философскую эволюцию в ином, чем Лаппо-Данилевский направлении: от неокантианства к позитивизму. В своей духовной работе Лаппо-Данилевский стремился к строго обоснованному рациональному мировоззрению. Поэтому Пресняков писал: «В борьбе с этими неизбежными противоречиями мысли и настроения протекала вся жизненная драма А.С. Лаппо-Данилевского, как мыслителя и ученого». Не принимавший идеализма Пресняков не мог согласиться с метафизикой и методологией Лаппо-Данилевского, осуждая, при-

сущий, как ему казалось, «морально-догматический элемент», который считал неустранимым в работе мысли ученого.

При разработке теоретических проблем источниковедения Лаппо-Данилевский опирался на опыт, накопленный отечественными и зарубежными учеными. Исторический источник являлся для него средством достижения наукой объективно-истинных знаний о прошлом. Исторический источник выступал в двух ипостасях: как исторический факт и как свидетельство о факте. Лаппо-Данилевский использовал опыт конкретного исторического познания при решении методологических проблем. Опираясь на общую идею позитивистского источниковедения об историческом источнике как продукте деятельности прошлого, историк создал учение о связи исторического источника с эпохой, в которой он возник. В понятие современность он включал все ее сферы: социально-экономическую, политическую, духовную. Ученый писал об обусловленности одного источника другими или комплексом других источников, исторической эволюцией содержания или формы источника. Впервые в науке он сформулировал гносеологический подход к пониманию исторического источника, заложив основы теоретического источниковедения. Понятию закономерности историк противопоставил категорию ценности как критерий выбора исторических фактов. Но он прекрасно понимал, что ценностный подход не является единственным научным критерием отбора фактов. Лаппо-Данилевский считал необходимым учитывать также «историческое значение» факта, которое определяется его влиянием на историю человечества. Значение исторического факта в глазах историка получал лишь такой факт, который обладал качествами ценности, действительности и длительности его последствий.

Лаппо-Данилевский, не принимая понятия «прогресс», противопоставлял ему другое понятие — «развитие». Он считал, что формы общежития складываются исторически, причем их дальнейшее развитие не может остановить даже реакция, которой при определенных исторических обстоятельствах удавалось вернуть народные массы к подчинению этим формам.

Историческая концепция Проблемно-хронологическая общность тематики двух крупнейших историков-оппонентов: А.С. Лаппо-Данилевского, представителя петербургской исторической школы, и П.Н. Милюкова, представителя московской научной школы, — по истории фи-

нансов, истории русской культуры, проблеме «Россия — Запад», т.е. магистральным линиям развития науки, — рождала разные подходы, питая тем самым дискуссии, а с ними и развитие самой науки.

Свою научную задачу Лаппо-Данилевский видел в изучении специфических черт истории русского народа как особого национального типа. В «Организации прямого обложения в Московском государстве» (СПб., 1890) историк сформулировал ее следующим образом: «Изучение национальной истории... должно иметь ценные результаты в том случае, когда обращено будет на периоды наиболее резкого развития специфических особенностей изучаемого типа». Если в XIV—XV вв. были видны только зародыши будущего Московского государства, то в XVI в. обрисовываются важнейшие черты государственного строя, «но лишь в XVII в. они достигают определенного, более или менее устойчивого взаимоотношения, которое дает возможность довольно ярко представить себе известный государственный тип». В XVIII в. национальные черты этого типа, по мнению Лаппо-Данилевского, «сильно бледнеют под влиянием западноевропейской цивилизации». Таким образом, историк придавал особое значение XVII в. Он имел для Лаппо-Данилевского глубокий теоретический интерес.

На первом этапе важным предметом его научного изучения с теоретической точки зрения стало государственное хозяйство XVII в. Лаппо-Данилевский полагал, что развитие великорусской национальности проявилось, прежде всего в прогрессивном росте правительственных органов и их функций, «а не в разностороннем историческом движении всей совокупности народных сил». Эти характеристики он считал основными, доказывающими, что в XVII в. происходило «одностороннее развитие русской национальности». Изучение XVII в. сводится, писал Лаппо-Данилевский, к ознакомлению с его правительственной историей, среди важнейших вопросов, которой он выделял историю финансов и войска. Эти две темы исследователь определил как «главные центры, вокруг которых вращались все второстепенные интересы государственной жизни». «Все общественные силы привлекались к удовлетворению этих главных потребностей государства»; все население делилось на две группы: на людей тяглых и людей служилых.

Проблемы экономической истории Финансовая политика московских царей в XVII в., прежде всего Алексея Михайловича, по мнению историка, «держалась не столько политико-экономических, сколько социально-политических воззрений; больше заботилась о казенных выгодах, чем о поощрении частной предприимчивости и развитии народного хозяйства». В XVII в. окончательно сложилась в результате длительного процесса сложная система податных обязанностей, которые тяжелым бременем легли на тяглое население Московского государства. Лаппо-Данилевский подчеркивал, что этот процесс отнюдь не являлся результатом творческой деятельности теоретической мысли, историческим следствием «векового взаимодействия целого ряда сил, размеры и свойства которых определялись местными условиями и специфическими особенностями данного национального типа». К концу XVII в. выборные органы местного самоуправления были зачислены в ряды областных органов администрации и, таким образом, поставлены в узкие рамки административного надзора. Монархизм в значительной мере, по убеждению Лаппо-Данилевского, был обязан своим происхождением милитаризму, который вызывал образование репарационной (распределительной) системы. В руках правительства, таким образом, оказывалось действенное средство для усиления централизации. Эта тенденция не давала возможности свободного развития «компанийских фабрик и торгов» как и «единоличным предприятиям этого рода» и в первой половине XVIII в. Все они «зависели в разное время от весьма различных органов управления». Данной проблеме Лаппо-Данилевский посвятил исторический очерк «Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия» (1899). На самом деле хронологические рамки работы шире и содержат наблюдения автора о роли капиталистических компаний в экономическом развитии России на протяжении всего XVIII в.

В предложенной Лаппо-Данилевским периодизации истории «русских компаний капиталистов», или «капиталистических ассоциаций»: 1) до XVIII в., 2) I четверть XVIII в., 3) вторая половина XVIII в. — Петровскому времени принадлежит особое место. Отличие компаний более ранних ассоциаций, Лаппо-Данилевский употребил слово «древних», от появившихся при Петре I, он видел в том, что «древние», «вероятно, сложились сами собой в силу естественных выгод ими порожд-

даемых» и были сложнее. «Зародыши более сложных коллективных предприятий, — считал историк, — можно разыскать в памятниках XVII в. (Архангельск, Нижний Новгород, русские купеческие компании)». В первой четверти XVIII в. в России создаются три вида ассоциаций (полные товарищества — фабричные компании; коммандитные общества и акционерные компании). Петр ознакомился с организацией лучших компаний в Голландии. Он считал не только своим правом, но и своей обязанностью вмешиваться в частную предприимчивость, «принуждал» строить компании, строго наблюдал за «порядочным содержанием их».

«В самом деле, — писал Лаппо-Данилевский, — развитие капитализма в России, а в частности, и торгово-промышленных компаний на первых порах не вызывало больших забот со стороны правительства, затем оно попало в очень благоприятные условия в течение 1-й половины XVIII в., когда пользовалось покровительством со стороны правительства; и снова лишилось его в позднейшее время». Однако третий период принципиально отличался от первого, поскольку учреждение фабрик тогда считалось «делом вольным», т. е. критерием выделения периодов для Лаппо-Данилевского являлись изменения принципов правительственной политики. Положительную тенденцию XVIII в. историк видел в увеличении доли вольнонаемного труда в капиталистическом предприятии, которая, по его мнению, после 1762 г. составляла 33%. В целом итог был печальный: общество и правительство «охладело к компанейской форме» предприятий, а по отношению к привилегированным компаниям и злоупотреблениям монополий испытывало негодование. «Хозяйственные выгоды частных лиц далеко не совпадают с интересами всего общества и фискальными целями», — придя к такому выводу, Лаппо-Данилевский прочертил последующую линию поведения правительства: отказавшись от прежнего покровительства компаниям, оно «породило новые условия для более нормального развития не только одних компанейских предприятий, но и русского народного хозяйства вообще».

**Политическая
история**

XVII век начинается Смутой, «великой разрухой». Итогом этого тяжелого кризиса, по мнению историка, было всенародное избрание Михаила Романова в результате кровавой борьбы Москвы и Польши. Лаппо-Данилевский писал: «Это избрание было результатом окрепшего народного са-

мосознания, государственной идеи. В таком избрании сказалась невозможность осуществить эту идею вне государственных форм, выработанных старою Русью, обнаружился взгляд на русского царя как на центр, к которому тяготеют все общественные силы и без которого эти силы рассеются и погибнут в борьбе с грозными соседями. Естественно, поэтому, что с избранием нового царя водворился прежний государственный порядок». Во время «великой разрухи» Россия «обнаружила религиозное и национальное единство; но ей недоставало возможно более прочной формы политического существования, под условием которой она могла бы отстаивать свою политическую независимость и воспользоваться ею для того, чтобы раскрыть свои культурные силы и занять свое место в среде европейских держав». «В тяжелой борьбе, — писал Лаппо-Данилевский в небольшой работе 1914 г. «Петр Великий, основатель императорской Академии наук в С. Петербурге», — за православную веру, за свою национальность и за Московское государство русские люди сознали его значение: хотя они, может быть и почувствовали, что государство и форма правления — не одно и то же, но пришли к заключению, что «без государя Московскому государству стоять не мочно...»

Итак, в XVI—XVII вв. Москва была главным носителем политических идей в государстве. «Но наряду с Москвой нельзя не поставить и Малороссию: она много содействовала тому, а не иному направлению развития наших политических идей». Лаппо-Данилевский считал, что «русское правительство и общество редко действовали вместе». Однако правота не всегда была на стороне общества: «Само русское правительство иногда боролось с косностью русского общества».

Лаппо-Данилевский обратил внимание на многосоставность процесса эволюции политических идей в России, на разногласия между их носителями.

**Смысл
петровских
преобразований**

Идея государства, по Лаппо-Данилевскому, осуществлялась в правительстве. Основным уроком Смуты стало осознание московским правительством того факта, «что разрешению восточного и балтийского вопросов в XVI в. помешала Польша, что на очереди стоит вопрос польский, а не балтийский или восточный, и нашло законный путь к его разрешению в войнах из-за Малороссии». Главная задача московской политики XVII в. отчасти была решена за три года до воцарения

Петра I, когда был окончательно присоединен Киев, закреплены статьи Андрусовского договора.

В XVIII в., по мнению Лаппо-Данилевского, «завязывались те узлы, которые приходилось распутывать или еще больше запутывать в настоящее время. От того, как мы будем понимать это время, зависит многое в настоящем и будущем, а между тем это время и остается почти неизвестным».

Под влиянием «государственного интереса» «наша жизнь стала выливаться в форму полицейского государства». Давление «государственного интереса» вызвало соответствующую доктрину (полицейского государства) и отразилось в политике. Правительства принуждены были уже считаться с теми требованиями, которые общество предъявляло им во имя отвлеченной справедливости и собственных интересов, «не умеряя их, впрочем, уважением к культурной традиции прежних времен». Лаппо-Данилевский разрабатывал проблему развития личности, ее взаимоотношений с государством и сословно-общественными группами. В «Очерке о внутренней политике Екатерины II» (1898) историк оценил положительное значение реформ Петра Великого, которое увидел в том, что хотя она и не создала лица как самостоятельной единицы общественного строения, но во всяком случае расчистила ту почву, на которой свободно могла бы с течением времени развиваться человеческая личность. «Русский человек XVIII в. уже находился в новом образовании и более оживленной, а также усовершенствованной хозяйственной деятельности духовную и материальную опору для проявления своей личной инициативы и самостоятельности». Петр обладал верным чутьем, имел утилитарный интерес, свойством его характера было любопытство. Он ценил научные основы техники, а не только практические ее приложения, но в целом подчинил науку технике. Основное достоинство Петра Лаппо-Данилевский видел в его умении ценить культурно-политическое значение наук и искусств. Он насаждал в России просвещение, науки и искусство.

Культурные начала, выработанные в Европе в эпоху Реформации, стали проникать в Россию в эпоху петровских преобразований. Петр придерживался программы, соответствующей, как отметил Лаппо-Данилевский, пожеланиям Лейбница. Лейбниц же мечтал стать для России «своего рода Соломоном», давал советы царю. Последователь Лейбница — известный «профессор человечества» Х. Вольф также пользовался большим уважением Петра Великого и еще резче подчеркивал мысли

учителя (Лейбница). Однако Петр Великий, и это было важно подчеркнуть Лаппо-Данилевскому, «не считал нужным рабски подражать зарубежным образцам». Смерть не разрушила его дело — такова оценка, данная историком преобразователю.

Лаппо-Данилевский подошел к исследованию проблемы западноевропейских влияний на русское общество на качественно ином уровне. Со времен С.М. Соловьева и вплоть до П.Н. Милокова заимствования из Европы рассматривались историками-государственниками как стимул, толчок к развитию в системе отношений «учитель — ученик». Лаппо-Данилевский не считал заимствования показателем культурной зрелости, а объяснял данное явление отсутствием образовательных средств, необходимых, чтобы «переработать» систему иноземной культуры, подчинить всю ее или ее светские элементы православной точке зрения, «отбросив сор». Историк соотнес явление заимствования с понятием эпигенеза (зародышевого развития), которое постепенно сменяется эволюцией.

Лаппо-Данилевский разработал методiku изучения анатомии зарубежных влияний, их сущность, пределы влияний и источники заимствований, предложил структурный анализ «порога восприятия» и сформулировал систему вопросов, ответы на которые, в свою очередь, подводят к ответу на вопрос: «Почему в Россию проникали те, а не иные течения? Так, неспособность «греческой образованности» с течением времени противостоять влиянию латино-польской культуры историк объяснял следующим образом: «При возрастающем недоверии к грекам, малороссиянам приходилось обращаться к западной образованности, влияние ее чувствовалось даже в богословских трактатах, писанных православными». Естественно, что просветительское движение в пользу латино-польской образованности вызывало протест у строгих ревнителей православия. Таким образом, Лаппо-Данилевский рассматривал зарубежные влияния в связи с процессами внутреннего развития.

Он взялся записание истории заимствований, выявление их роли в истории политических идей в России, определение влиятельных факторов и соотношений между ними, например состоянием культуры и правосознанием, интенсивностью и экстенсивностью заимствований.

«Вероисповедная точка зрения», поскольку религия являлась системообразующим принципом средневековой культуры, господствуя над культурой и политикой, выполняла

роль своеобразного вектора в истории русской культуры, определяла восприятие или отторжение ею западноевропейских влияний. Лаппо-Данилевский сосредоточил внимание на двух течениях зарубежного влияния на русское общество: католическом и протестантском. Он показал характер восприятия в России разных типов европейской культуры, осторожность православного сознания по отношению к католицизму вследствие сходной роли схоластики в обеих религиях.

Среди наблюдений А.С. Лаппо-Данилевского об основных линиях влияния западноевропейской культуры на Россию и механизмах восприятия (чаще избирательного), а также сопротивления обращает на себя внимание рассуждение историка о том, что в Россию проникали «конкретные продукты» западноевропейской мысли. Нередко это были второстепенные и далеко не лучшие образцы, часто малоизвестные, т. е. европейское влияние в Россию несли в своем большинстве такие носители ее культуры, которые имели посредственный, очень средний образовательный и интеллектуальный уровень. Западноевропейская культура стала оказывать заметное влияние на Московское государство, когда упал верховный авторитет западной церкви и когда там уже произошли перемены в религиозном настроении общества. Так, католические заимствования Лаппо-Данилевский обнаружил в русской истории XVII в. Отношение русских людей к новой западноевропейской культуре определялось с вероисповедальной православной точки зрения. Сила сопротивления русского сознания и национального чувства определялась тем, что православие гораздо долгие, чем католичество и протестантизм, сохраняло полную силу в качестве общепризнанного мерила ценности человеческого знания. Лаппо-Данилевский считал: «Строго православная точка зрения принципиально исключала возможность восприятия в России вероисповедных элементов католической или протестантской культур и, следовательно, могла бы способствовать выделению из них элементов собственно светской культуры и их переработке. Но для того, чтобы подчинить православной точке зрения светские элементы чужеземной культуры, выделенные из культур католической и протестантской... надо было отличаться такую самостоятельностью мысли и располагать такими образовательными средствами, каких православно-русские книжники не имели».

Лаппо-Данилевский иначе, чем С.М. Соловьев и П.Н. Миллюков, ставил вопрос о подражании или заимствованиях. При известных условиях он рассматривал их как ущербность восприятия. Он увидел ее в заимствовании отдельных элементов (католических или протестантских) западной культуры, выхваченных случайно, без осознания того, что только в том целом, которому принадлежали эти элементы они и могут получить «присущее им значение». Лаппо-Данилевский затруднился назвать среди русских людей XVIII в. тех, кто усвоил определенную систему: «Даже выдающиеся представители нашей образованности XVIII в., например Татищев и Щербатов, были большей частью эклектиками и компиляторами». Однако в более широком контексте вопрос о защитных свойствах русского сознания, его потенциальной самостоятельности, которые, может быть, собственно и не оставляли такой возможности, Лаппо-Данилевским не поднимался.

Историографические характеристики

«В самом деле, произведения нашей литературы XVII—XVIII вв., касавшиеся правоведения и политики, были в большинстве случаев продуктами заимствований, иногда довольно сложных, а не результатами оригинального и

непрерывного творчества собственно русской мысли или попытками последовательной и дальнейшей ее разработки. Такие произведения слишком мало влияли друг на друга, они большей частью не оказывались звеньями одного и того же эволюционного ряда».

Изучение влияния образованности данного типа на наше развитие, в том числе и историографическое, позволило Лаппо-Данилевскому исследовать заимствования в науке в широком контексте. Он пришел к выводу, что «важно не число заимствований, а абсолютная ценность заимствуемого»; «чем выше ценность заимствуемой идеи, тем менее возможна отрывочность заимствований». Выделение таких мест в источниках и литературе, «которые имели значение главным образом в той мере, в какой они могли привлечь внимание русского читателя», послужили ему основанием для анализа заимствований и выделения тех из них, которые вызвали на более самостоятельную работу мысли. Саму способность историка поставить вопрос Лаппо-Данилевский относил к категории владения инструментом из арсеналов методологии и методики, причем понимание и объяснение способности постановки ряда вопросов в науке, которая появляется со временем,

он считал важной историографической задачей. Таким образом, исследовательский подход Лаппо-Данилевского подводит нас к мысли о необходимости изучения реальных условий русской исторической мысли.

Александр Евгеньевич Пресняков (1870—1929)

Моменты биографии

А.Е. Пресняков родился 21 апреля 1870 г. в Одессе в семье инженера путей сообщения. Детство прошло в постоянных переездах семьи к месту службы отца. В Тифлисе в 1889 г. он окончил гимназию с золотой медалью. Жизненный кругозор, способность к интенсивному самообразованию помогали учебе в Петербургском университете, куда он поступил в том же году на юридический факультет. Однако спустя полгода Пресняков перешел на другой факультет — историко-филологический. За годы университетской учебы (1889—1893) С.Ф. Платонов, В.Г. Васильевский, Г.В. Форстен, И.М. Гревс, Н.И. Карсеев, А.С. Лаппо-Данилевский прививали студентам интерес к источниковедческому анализу и историческому факту, сравнительному анализу и методологическому осмыслению. Научной работой заинтересовал Преснякова С.Ф. Платонов. Именно он обратил внимание студента на малоизученную рукопись летописного свода в московской Синодальной (бывшей Патриаршей) библиотеке, которую открыл и в 1796 г. издал, правда, с перепутанными страницами, под названием «Царственной книги» князь М.М. Щербатов.

Научный кругозор студента Преснякова был чрезвычайно широк. Он аккумулировал разные, иногда противоположные концепции Ф. Гизо, Г.Т. Бокля, П.Ж. Прудона. Еще в гимназии читал, впрочем, как и многие, В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Д.И. Писарева, Н.Г. Чернышевского, М.А. Бакунина, П.Л. Лаврова. Властителем дум был Н.К. Михайловский. Были известны Преснякову работы П.В. Шелгунова, А.П. Щапова, М.М. Ковалевского, А.Н. Пыпина. Впрочем, этот круг чтения едва ли выделял Преснякова из общей гимназической массы. Отличало другое: его интерес к древней истории России. Он читал работы В.О. Ключевского, К.Д. Кавелина, Н.И. Костомарова, И.И. Срезневского, И.В. Ягича, И.Н. Жданова, Л.Н. Майкова, Ю.Ф. Квашнина-Самарина, А.Н. Веселовского, В.Ф. Миллера, А.И.

Соболевского, Н.А. Лавровского, С.А. Геденова, Ф.И. Буслаева, М.И. Сухомлинова и др.

Именно этот интерес выделял личность Преснякова. Научное, историографическое осознание проблематики пришло к историку позднее. В работе «Княжое право в древней Руси. Очерки по истории X—XII столетий», изданной в Петербурге в 1909 г., он об этом сказал: «Вопросы древнерусской истории нельзя назвать стоящими на очереди в нашей историографии. Давно затих некогда преобладавший интерес к проблемам т.н. Киевского периода... новая историческая литература стала их обходить, отдавая лучшие свои силы другим вопросам». «При таких условиях понятно, что в научно-литературном обороте остаются подчас рядом, не примиренные и необобщенные, элементы разрушенных теорий с новыми выводами и наблюдениями». И образное: «Рассыпанная хранина древнерусской истории требует систематического пересмотра». И это предстояло сделать...

В Петербургском же университете А.Е. Пресняков вошел в так называемый кружок «форстенят». По свидетельству самого Преснякова для них наибольшую привлекательность имела философия неокантианства, включая ее русское истолкование — школу А.И. Введенского. Один из первых «форстенят» философ и психолог И.И. Лапшин был известным неокантианцем. Та же философия, отчасти благодаря общению с Лаппо-Данилевским, отразилась и в некоторых статьях Преснякова 1890-х гг. Позднее Пресняков «перерос», как он считал, неокантианскую философию, за которую критиковал потом Лаппо-Данилевского. В те годы он был близок Г.В. Форстену и Н.П. Павлову-Сильванскому. Часть своих научных интересов Форстен, как и другие историки, занимавшиеся всеобщей историей, уделяли русской истории (отношение скандинавского мира к России, борьба за балтийское господство), переняв у К.Н. Бестужева-Рюмина особый интерес к XVI в. (Ливонской войне и личности Ивана Грозного).

Пресняков ценил труды К. Лампрехта по истории средневекового хозяйства, но относился к ним критически, осуждая склонность «историков-экономистов», в том числе и Лампрехта, к психологии, «вырождающуюся в пустую игру терминами». Выдвигаемый самим Пресняковым фактор «коллективной психики» созвучен любимой идее Лампрехта. Исследователи отмечали свободное владение Преснякова немецким языком, он писал по-немецки стихи, «гонялся» за немецкой литературой

в оригинале, высмеивал славянофилов, возмущался переименованием Дерпта в Юрьев, Динанбурга в Двинск, о «Петрограде» писал, что «это безграмотно и невежественно». Е.В. Тарле считал, что поколение историков выросло под обаянием германской мощи. Молодой Пресняков в начале 1890-х гг. принадлежал к их числу.

В кружке Форстена Пресняков лучше других разбирался в марксизме. Позднее, в 1899 г. он сотрудничал в журнале легальных марксистов «Начало» и сочувствовал воззрениям П.Б. Струве, о котором писал: «Его марксизм — вовсе не та антипатичная доктрина, на которую лают газеты и журналы». Уму и личности Маркса он воздавал должное, но считал, что «философия» Маркса давно осуждена, и Струве сильнее других русских критиков Маркса. А экономическая теория Маркса будет ниспровергнута марксистами на днях». Пресняков имел в виду немецкого экономиста, историка и социолога В. Зомбарта (1863—1941). Испытав влияние Маркса, в последующем Зомбарт выступал против марксизма, размышляя о капитализме с позиций методологии Баденской школы неокантианства, выделив в качестве базового понятия «дух капитализма» — стремление к прибыли, деньгам.

В начале мая 1892 г. только что перешедший на пятый курс Пресняков приехал в Москву и начал работу с рукописью «Царственной книги». С тех пор, вплоть до лета 1928 г., когда у него открылся рак, историк работал и в Петербурге (Ленинграде) и в Москве.

**Творческий
подчерк**

В отличие от Лаппо-Данилевского у Преснякова было много друзей. Он был общительным и веселым. Мало кто умел так приветствовать критику собственных исследований, если эта критика способствовала установлению научной истины. Широта научных интересов, концептуальность мышления, глубина и тщательность исторического анализа — все это отмечали в Преснякове требовательные современники. Под явным влиянием Н.П. Павлова-Сильванского Пресняков начал сравнительно-историческое исследование уделов московского великокняжеского дома и апанажей французского королевского дома. Летом 1911 г. он изучал этот вопрос в Национальной библиотеке Парижа. Пресняков был готов к решению поставленной задачи. Он прекрасно осознавал опасность упрощения методов исторического исследования, в том числе и сравнительно-исторического: «И едва ли существует

более безопасный, в научном смысле, путь к толкованию явлений прошлой жизни, как наблюдение над сходными сочетаниями и взаимоотношениями черт быта, норм права, элементов мировоззрения у различных народов, живших в сходных исторических условиях.

Нельзя, впрочем, отрицать законности опасливого отношения к пользованию историческими аналогиями. Ими часто злоупотребляли, перенося на изучаемое явление черты других, признанных аналогичными. Это нередко искажало выводы, компрометируя и самый метод. Указанная опасность одинаково сильна и при сравнении черт исторической жизни различных народов и при пользовании так называемым методом «переживаний», например при сравнительном изучении древнего права, с одной, и современного обычного права, с другой стороны...»

Для Преснякова была характерна высокая историографическая культура. Отзывы о творчестве выдающихся предшественников становились для него средством выражения своего отношения к основным проблемам методологии, историографии, источниковедения и практики исторических исследований. В них раскрывались взгляды Преснякова на изучаемые вопросы, некоторые из которых исследовались им самим, а также содержались плодотворные идеи, которые были реализованы значительно позже уже другими учеными (несомненное свидетельство таланта автора).

Чуткий к новым тенденциям в развитии исторической науки, Пресняков вносил коррективы в анализ историографии. Он подверг критическому пересмотру наиболее распространенные и авторитетные в предшествующей историографии концепции, начиная с теории Соловьева. Он отмечал ее большое значение как теоретического осмысления исторического развития России IX—XVIII вв. Вместе с тем он подчеркивал, что основное содержание этой концепции — постепенный переход от родового быта в быт государственный — применительно к истории России IX—XVI вв. является априорной «готовой схемой». В подтверждение этой схемы Соловьев переработал и отобрал для ее иллюстрации огромный исторический материал, и этот подбор источников также стал оказывать определенное воздействие на последующих исследователей. Однако этот отрыв истории «государства» от истории «народа» имел значительные отрицательные последствия. Отрицательное воздействие концепции Соловьева, по Пресня-

кову, не смог преодолеть и наиболее авторитетный историк В.О. Ключевский. Он отмечал, что «с русским настоящим Ключевский расстался скорбно, почти безнадежно, по крайней мере, для своего поколения», но одновременно обращал внимание на призыв Ключевского «к коренному пересмотру унаследованных идей и к внимательному изучению действительности».

Концепция «Княжое право в древней Руси» представлялось Преснякову следующим образом. Он считал, что в основе владельческих отношений князей Рюрикова рода к землям и волостям лежало отношение семейного владения. Князь XI—XII столетий не считался владельцем всей земли: ее «окняжение» было делом дальнейшего исторического развития, причем не верховной властью. Не был князь государем ни сам по себе, ни тем более в качестве члена владельческого рода. Ни о единоличной, ни о коллективной государственной верховной власти древнерусских князей, по мнению Преснякова, говорить не приходится, поскольку князья Рюриковичи владели волостями; волости, в свою очередь, слагались в системы по отдельным землям вокруг главных городов, «а в общей сумме земли-волости составляли древнюю Киевскую Русь, русскую землю в широком смысле слова». Единство русской земли «выражалось в такой совокупности взаимоотношений, которые не находят выражения в терминах государственного права». «Мы не можем подвести древнюю Русь, — писал Пресняков, — ни под понятие единого государства, ни под понятие федерации, ни под понятие суммы суверенных государств-волостей». Князья Рюрикова рода понимали свое княжение в русских волостях как владение по праву, приобретенное ими наследованием по отцу. Отчинное право считалось самым полным и бесспорным, составляя в сознании князя его право на волость, поэтому князья добивались столов отних и дедних (избирая князя, вече зовет его на стол «отен» и «деден»). К случаям нарушения этого общего правила относились как к нарушениям. Пресняков, рассмотрев прецеденты нарушений, высказал мнение, что они могли создавать новое отчинное право для потомков князя, занявшего стол, на котором не сидели ни его отец, ни дед. Однако такое право вовсе не устранило старых отчинных прав на тот же стол. Историк считал, что в усобицах князей как раз и проявилась борьба разных, конкурирующих между собой отчинных прав.

В основе княжого владения волостями, с точки зрения Преснякова, лежало понятие семейного владения. Князь-отец

наделял сыновей волостями, давал им города, или при жизни или в предсмертном «ряде». Юридическое значение семенного раздела признавалось Русской Правдой таким же весомым, как и раздел дома по отцовскому «ряду». Результатом раздела становился распад владения и семейной группы на ряд отчин и владельческих линий. Однако практика княжого владения XI—XII вв., как заметил Пресняков, заставляет исследователя сильно ограничить суждение, ввиду того, что с производством раздела прекращалась всякая правовая связь между отчичами (потомками одного отца) по владению, такие волости становились выморочными. Киевская Русь, по Преснякову, еще не знает завещательных распоряжений княжениями, кроме отцовского «ряда», но они только возникают. Князь, желающий оставить стол брату, который ему не отчина, прибегает к чрезвычайным мерам. В этом случае договорный политический акт должен заменить отсутствующую возможность завещания. Нормальным современникам представляется возвращение волости в распоряжение братьев, а именно того, кто в их среде признается старейшиной. Важной функцией старейшинства становится поиск компромисса между двумя неразрывно связанными жизненными условиями — прочным осознанием своей силы и авторитета, основанного на определенной материальной владельческой базе, и устойчивым порядком преемства. В этой борьбе более прочным оказалось владельческое основание — общее, нераздельное владение, «поглощение наследования преемством». Из этого Пресняков делал вывод, что, окрепнув и «кристаллизовавшись», такой строй междукняжеских отношений привел бы к созданию того «очередного» порядка, какой находит в древней Руси современная историография. Но сила все тех же отчинных тенденций разрушала этот путь развития: зачатки таких отношений редко переживали поколение братьев. Исключение составляло их недолгое господство в конце древнерусского периода в Черниговской земле. Но и там до сколько-нибудь выработанного «очередного» порядка дело не дошло. «И не думаю, — писал Пресняков, — чтобы было произвольным предположение, что и без татарской бури и без литовского напора Черниговщина надолго удержала бы свое относительное внутреннее равновесие в оригинальном строе княжого владения: в 1220-х гг. видим усобицу представителей разных линий, слишком разветвившихся, чтобы жить в братском единении».

Старейшинство само было порождением двойственности сил, определявших княжие отношения и разрушавших его

своею борьбою. Оно носило в себе первородный грех всякого компромисса: невозможность разрешить внутреннее противоречие, его породившее, в каком-либо синтезе. Разрешение это принес только удельный строй, подчинивший политическое преемство владельческому наследованию и ставший колыбелью патримониальной, вотчинной монархии. Унаследовав задачи старейшинства, власть московских государей выковала из вотчинных начал новые средства для их разрешения.

Пресняков обратил внимание на то, как в отечественной историографии, с легкой руки С.М. Соловьева, утвердилась подмена понятий: вопроса об образовании великорусского государства частным вопросом о «причинах возвышения Москвы», с перечня которых «обычно и начинается у нас история Московского государства». Но сам Соловьев этот «роковой шаг» не сделал — он ограничил его значение рядом широких общих соображений.

В организации народной жизни XIV—XV вв. Пресняков видел, подобно многочисленным представителям предшествующей историографии, решающее значение свободной крестьянской общины-волости, с административно-судебным самоуправлением при «крайне слабосильной» «правительственной деятельности княжеской администрации». Развитие государства он полагал в эволюции от «удельно-вотчинного» владения, сложившегося в XII в., к «вотчинному государству», завершившему эволюцию в XV в. при Иване III. Его социально-правовым содержанием являлось то историческое обстоятельство, что «князь-вотчинник был не только правителем, но и владельцем своего княжества». Суждение Преснякова отличалось от позиции представителей «государственной школы», видевших в этом смешение противопоставленных друг другу «частного» и «государственного» права. В противоположность им Пресняков высказал мысль о «первичном синкретизме социально-политических функций властвующей силы». Структура «вотчинного самодержавия», по его мнению, состояла из государственных систем дворцового и наместничьего управления, а также из крупного вотчинного боярского землевладения, истоки которого восходили к XI в.

Пресняков подчеркивал единую социально-правовую природу светского и церковного вотчинного землевладения, рассматривая в единстве их историю и судьбу. Становление «вотчинного самодержавия» стало, по его мнению, социально-политической основой распоряжения великим князем «по своей воле»

личными силами и материальными средствами всего населения, «жизнью и имуществом» всех. Эта полнота власти как основа социально-политических мероприятий государства со всей очевидностью проявилась в XVI в. Пресняков полагал, что по мере развития царской власти ее интересы расходились с крупной землевладельческой знатью — боярством, опиравшимся на «земские» традиции. Она опиралась на рядовую службу — дворянство, вследствие чего развивалось условное служилое землевладение и происходила реорганизация всей социально-политической структуры государства: рост центральной государственной власти, создание новой большой армии, низведение определяющей роли княжат и боярства и рост значения дворян. Данный процесс историк относил к концу XV—XVI вв. Активная роль государства проявлялась и в «организации торгово-промышленного класса» с теми же тенденциями централизации «по отношению к деятельным силам торгово-промышленной среды и торгово-промышленному капиталу» — организации купечества и тяглого торгово-ремесленного населения посада. «Вотчинный характер государственного властвования» выразился в представлении, что «вся земля в пределах великого княжения есть земля государя великого князя». Как следствие вотчинного характера государственного властвования Пресняков объяснял развитие служилого землевладения, государева тягла, а позднее крепостного права.

Исследуя политическую историю образования Московского государства, историк пришел к выводам, противоположным концепции государственной школы, в основе которой находилась схема Соловьева, модифицированная Кавелиным, Чичериным и Ключевским, о постепенном развитии государственности на северо-востоке Руси в XII—XIII вв., об образовании там «удельного порядка» в условиях колонизации, о формировании Великорусского государства в результате накопительства и собирания земли Иваном Калитой и его потомками и т.д. Пресняков считал, что «образование мелких вотчинных княжеств путем дробления наследственных владений разных линий потомства Всеволода III — явление сравнительно позднее и нарастает оно в прямой зависимости от утраты их владельческими князьями политического влияния в пользу великокняжеской власти, окрепшей в руках московских князей». Термин «удел» получает во второй половине XIV в. новое значение — владения, пожалованного великокняжеской властью («в удел и в вотчину»); термин «удельные князья» встречается в письмен-

ности XVI в. в значении поместных князей-вотчиней. Пресняков пришел к выводу, что территория Московского государства создана слиянием московской вотчины с Владимирским великим княжеством в единую вотчину московских государей. Сосредоточение же всей власти в руках московского государя было достигнуто путем «фактической ломки и принципиального отрицания силы обычного права в пользу вотчинного самодержавия».

Новый период в русской истории открывает рубеж XVI—XVII вв. — Смута. Концептуальные представления Преснякова об истории «новой России» опирались на достижения новейшей историографии. Он разделял позицию С.Ф. Платонова о том, что «колыбель новой России не столько в Петровской реформе, сколько в сложном и глубоком кризисе, какой пережило Московское государство в начале XVII века». В течение всего XVII в. шло восстановление рухнувшего в смуту политического здания, естественно, что этот процесс происходил в новых условиях. Изменились международные отношения: они стали сложнее и напряженнее. Необходимость обеспечения национальной безопасности придала русской внешней политике наступательный характер. Внешнеполитический фактор Пресняков анализирует в тесной взаимосвязи с другой составной процесса — расширением территории и этнографической базы Московского государства. В течение XVII в. оно переросло великорусское государство и выросло в Империю Всероссийскую. Пресняков подчеркивал вклад Украинского Юга в сокровищницу русского культурного развития. «Под властью первых Романовых сложились и те основные черты русского государственного и социального строя, которые господствуют до освободительных реформ Александра II. Как бы ни были значительны изменения в жизни русской со второй четверти XVII до 60-х гг. XIX столетия, основные черты эти объединяют весь указанный исторический период в одно целое, которое можно назвать Россией «старого порядка». Его устои: абсолютизм верховной власти, с сильным развитием личного начала в верховном управлении, и господствующее положение дворянства, подавлявшего как интересы других разрядов населения, так и действительную силу самой государственной власти, — созданы XVII веком и развивались в следующие два столетия, как его наследие» — так подытожил свои представления о русском историческом пути Пресняков.

Свои наблюдения о магистральных линиях развития XVII—XIX вв. он изложил в первом томе шеститомного исторического сборника «Три века. Россия от Смуты до нашего времени», который был опубликован И.Д. Сытиным в 1912—1913 гг. к 300-летию юбилею Дома Романовых.

Для Преснякова новейшая история России была открыта будущему. Преобразования 1860-х гг., по его мнению, только пошатнули основы русского государственного права и социально-политического строя, выработанного в царствование царя Алексея Михайловича, но они положили начало новому, «переходному», «критическому» периоду, который затянулся на полстолетия. Этот период (1861—1905—1907) историк определил как «жгучую современность», итоги борьбы в котором нового и старого — не очевидны. «Новейшее преобразование России в конституционное государство осуществляется с такими судорожными колебаниями, — писал Пресняков, — с такой медленной и тяжелой постепенностью, что не могло еще дать плодов возрождения на новых началах русской народной жизни и культуры».

Под влиянием событий первой русской революции Пресняков обратился к теме движения декабристов, которое, по его словам, «в своеобразном синкретизме общественно-политических тенденций было колыбелью целого ряда позднее резче дифференцированных в жизни и общественном сознании, легко разошедшихся течений». Ученого волновала трагическая судьба восстания. Размышляя о причинах неспособности декабристов реализовать план действий и выполнить программное требование — совершить государственный переворот — Пресняков в отличие от В.И. Семевского, который доказывал «внеклассовость» декабристской идеологии, показал, что это движение было чуждо «подъему народной и солдатской массы». В среде декабристов было много революционной романтики и декламации «без подлинной решимости». Их революционность Пресняков считал «весьма относительной». Не нашло широкой поддержки движение и в среде мелкого и среднего дворянства. Аграрные проекты декабристов он оценивал как «преждевременные» и «бесплодными» для того времени. В результате «большинство дворянства осталось консервативным и дало опору на несколько десятилетий правительственной реакции». Николаю I помогла, несмотря на всю шаткость его положения, «более чем слабая подготовка восстания» («безначалие» в ходе восстания в результате уклонения Трубецкого, Булатова и Яку-

бовича; невозможность проведения восстания на одной «отрицательной выдержке»). На стороне власти оказался выигрыш во времени и дезорганизация революционного центра. Результаты исследования привели Преснякова к выводу о предрешенности итога восстания. Значение восстания декабристов историк увидел в том, что оно вскрыло «трещины» в самодержавно-крепостническом строе, а в день 14 декабря 1825 г. самодержавие впервые встретилось «с отрицанием своих притязаний на произвольное распоряжение Россией, как вотчиной, всеми ее силами и средствами». Пресняков определил национальные основы движения декабристов, указав, что оно выросло на «русской почве», а не на «наносной» с Запада.

Источники

- Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Очерки внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия. Исторический очерк. СПб., 1899.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. СПб., 1910—1913. Вып. 1—2.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920.
- Лаппо-Данилевский А.С.* История русской общественной мысли и культуры. XVII—XVIII вв. М., 1990.
- Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922.
- Пресняков А.Е.* Образование великорусского государства. М., 1998.
- Пресняков А.Е.* Российские самодержцы. М., 1990.
- Пресняков А.Е.* Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.
- Пресняков А.Е.* Лекции по русской истории. Т. 2. Западная Русь и Литовско-Русское государство. М., 1939.
- Пресняков А.Е.* Три столетия. Московское государство первой половины XVII века // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Т. 1. М., 1992.
- Пресняков А.Е.* Сергей Михайлович Соловьев // Вестник и библиотека самообразования. 1904. № 21. Стб. 1515—1520.
- Пресняков А.Е.* Россия и Европа (Заметки историка) // Вестник культуры и политики. 1918. № 4. Стб. 13—19.
- Пресняков А.Е.* Самодержавие Александра II // Русское прошлое. 1923. № 4.
- Пресняков А.Е.* 14 декабря 1825 года. М., 1926.
- См. список трудов А.Е. Преснякова: Археографический ежегодник за 1970 г. М., 1971. С. 323—331.

Литература

- Артизов А.Н.* Болезнь и кончина А.Е. Преснякова // Вопросы истории. 1996. № 5—6.
- Гревс И.М.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: опыт истолкования души // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.
- Киреева Р.А.* Неопубликованные труды А.С. Лаппо-Данилевского по русской историографии // История и историки. 1978. М., 1981.
- Корзун В.П.* Пути развития исторической науки в историко-научной концепции А.С. Лаппо-Данилевского // Историки об истории. Омск, 1989.
- Кан А.С.* Историк Г.В. Форстен и наука его времени. М., 1979. С. 7, 97—103, 117.
- Материалы для биографии А.С. Лаппо-Данилевского. Л., 1929.
- Нечухрин А.Н., Рамазанов С.П.* Мир абсолютных ценностей: Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский // Историки России XVIII — начало XX века. М., 1996.
- Ракитин С.А.* Оценка А.Е. Пресняковым политических программ декабристов // Из истории общественно-политической мысли России XIX века. Межвузовский сб. научных трудов. М., 1985.
- Сидельников Р.А.* Проблемы методологии истории в университетских курсах А.С. Лаппо-Данилевского // Российские университеты конца XIX — начала XX в. Сб. научных статей. Воронеж, 1993.
- Хмылев Л.Н.* Проблемы методологии истории в русской буржуазной исторической науке конца XIX — начала XX в. Томск, 1978.
- Хмылев Л.Н.* Проблемы методологии истории в русской историографии периода империализма: историографические очерки. Л., 1986.
- Черепнин Л.В.* А.С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед. Вопросы истории. 1949. № 8.
- Чернобаев А.А.* А.С. Лаппо-Данилевский. Историки России XVIII—XX веков. Вып. 4. М., 1997.
- Шмидт С.О.* А.С. Лаппо-Данилевский на рубеже эпох // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996.
- Черепнин Л.В.* Об исторических взглядах А.Е. Преснякова // Исторические записки. М., 1950. Т. 33.
- Чирков С. В.* Проникновенный источниковед: Александр Евгеньевич Пресняков. Историки России. XVIII — начало XX века. М., 1996.

ЕДИНСТВО КАРДИНАЛЬНЫХ ЛИНИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Е.Ф. ШМУРЛО И Н.П. ПАВЛОВА- СИЛЬВАНСКОГО

Е.Ф. Шмурло и Н.П. Павлов-Сильванский — яркие представители петербургской исторической школы. С Петербургским университетом их объединяла принадлежность к школе К.Н. Бестужева-Рюмина. Прямым и ближайшим его учеником был Шмурло. Учитель Павлова-Сильванского — С.Ф. Платонов тоже учился у Бестужева-Рюмина.

В 1889 г. вместе с С.Ф. Платоновым, Г.В. Форстеном, В.Г. Васильевским, Н.И. Кареевым (стал председателем), другими учеными Шмурло учредил Историческое общество при Петербургском университете. В состав общества также вошли В.Г. Дружинин и А.С. Лаппо-Данилевский. Исследователь творчества Павлова-Сильванского С.В. Чирков полагает, что через своего однокурсника С.А. Адрианова он сошелся с участниками этого кружка, в частности с А.Е. Пресняковым, наиболее близким к Форстену.

Общество объединяло историков разных специальностей и ставило задачей, помимо обсуждения подготовленных исследований, разработку теоретических вопросов науки и содействие улучшению преподавания истории. Предложенный учредителями комплексный подход работал на долговременную перспективу изучения исторических вопросов «на всемирно-исторической (или шире — общеевропейской) почве».

Шмурло и Павлов-Сильванский принадлежали к разным поколениям, изучали разные проблемы, но каждый из историков на основании своего исследовательского опыта пришел к выводу об общности исторических путей России и западноевропейских стран.

В докладе «Москва — III Рим», прочитанном в Комитете помощи русской интеллигенции, Е.Ф. Шмурло сформулировал свое понимание следующим образом: «Между Востоком Европы, в частности между Россией и Европой Западной, гораздо более точек соприкосновения, более общего, чем несходного».

Мы так привыкли смотреть на Россию, как на какой-то особый мир, у которого своя особая структура, своя особая *mentalita*, чуть не особые законы развития, так, говорю, привыкли к этому, что с трудом усваиваем мысль о том, что, в действительности, основные начала и направление жизни, кардинальные линии исторического развития у Запада и у русского Востока одни и те же... В этом вся суть!

Между тем эту «суть» мы часто забываем или попросту игнорируем и охотнее подчеркиваем разницу внешних форм, их неодинаковую окраску. Отличия, конечно, есть, но каковы бы они не были, сами по себе это лишь простая деталь, которая не в силах стереть оснований черт сходства».

Доказательству оснований не просто сходства, но тождества юридических институтов России и Западной Европы посвятил свои работы о феодализме Н.П. Павлов-Сильванский. В одном из писем А.Е. Преснякову, с которым был духовно близок, он писал: «Многое у нас развито слабее, менее резко выражено, но тождественно по существу». К такому выводу привел Павлова-Сильванского применяемый им в исторических исследованиях сравнительный метод.

Павлову-Сильванскому, как и в свое время Шмурло, помогли лекции К.Н. Бестужева-Рюмина в восприятии и усвоении историзма С.М. Соловьева. Гносеологические корни мировоззрения европоцентризма и, как следствие разработку методики сравнительного исторического анализа явлений русской и западноевропейской истории и Шмурло, и Павловым-Сильванским нельзя выявить без учета фактора воздействия на них идей С.М. Соловьева. Павлов-Сильванский не расходился с Соловьевым в вопросе о закономерностях развития России и Западной Европы. Но он не принимал подчеркнутых великим историком отличий. Оба историка, как Шмурло, так и Павлов-Сильванский, не просто были предельно внимательны к историографическому наследию, но подобно всем историкам петербургской школы имели склонность к историографическому освещению предмета, что давно уже отмечено в историографии как узнаваемая черта этой школы со времен К.Н. Бестужева-Рюмина.

Е.Ф. Шмурло (1853—1934)**Биография**

Евгений Францевич Шмурло родился 29 декабря (11 января 1853) 1854 г. в Челябинске в семье малопоместного дворянина литовского происхождения. Его отец, родом из Брянска, был переводчиком «Илиады» Гомера. В 1874 г. Е.Ф. Шмурло поступил на юридический, а затем перешел на историко-филологический факультет Петербургского университета. Своего учителя К.Н. Бестужева-Рюмина, который, по словам самого Шмурло, «полагал» его лучшим учеником, он глубоко почитал и стал его первым биографом. Под руководством Бестужева-Рюмина Шмурло подготовил и в 1888 г. защитил магистерскую диссертацию «Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни. 1767—1804». Научная общественность получила возможность ознакомиться с ее содержанием еще в 1886 г., когда в Журнале Министерства народного просвещения автор приступил к публикации работы. Вскоре на нее появились 14 положительных рецензий. В автобиографических заметках Шмурло записал: «С этого началась моя печатная деятельность...» (если не считать юношеского перевода французского рассказа).

Русская история

Принципиальные основы концепции русской истории сложились у Шмурло в годы учебы в университете. В 1885—1890 гг. в процессе чтения лекций по русской истории в Павловском университете и на Высших женских курсах (бестужевских) они получили возможность проверки и уточнения. Издания своих курсов Шмурло непременно включал в авторскую библиографию работ.

В 1891 г. Шмурло последний раз прочел курс лекций в Петербургском университете. В том же году благодаря ходатайству Бестужева-Рюмина и Васильевского перед министром народного просвещения И. Д. Деляновым Шмурло получил место ординарного профессора на кафедре русской истории в Дерптском университете (после ухода на пенсию Брикнера). Тогда же Шмурло выпустил отдельной брошюрой статью «XVI век и его значение в русской истории». Основная мысль автора сводилась к углублению хронологии «новых начал», под которыми подразумевались предпосылки реформаторских усилий Петра Великого и весь последний «петербургский период русской истории». Шмурло считал, что в незрелых формах они проявились еще в XVI в., а отнюдь не только в XVII в.

Подход Шмурло встретил неприятие. На страницах журнала «Вестник Европы» ему возражал А.Н. Пыпин, который находил XVI в. «еще слишком московским».

В Дерптском университете Шмурло оказался в коллективе, где преобладали немцы. Об отношениях с коллегами он записал в автобиографических заметках: «С немцами я держал себя, отнюдь, не как русификатор», и они это видели и ценили. Разница между немецкими идеалами и моими национальными взглядами создавала известное средостение. Общего между нами не оказывалось». Однако «национальные взгляды» не мешали Шмурло видеть общее в развитии Западной Европы и России. Историк выстроил следующую цепочку причинно-следственных связей «Россия — Запад». Наличие «общего» в ней он выводил из наличия «общей базы». В свою очередь, эту «базу» историк находил в единстве расы и культурного наследия. Большое значение придавалось фактору «одновременности» появления германских и славянских народов. Все это и обусловило, по мнению Шмурло, сходство кардинальных линий в истории России и Западной Европы.

Положение С.М. Соловьева о принадлежности русского народа к арийской расе Шмурло воспринял органично и не подвергал сомнению. Он впитал его с лекциями К.Н. Бестужева-Рюмина. Однако последовавший из этого тезиса вывод, сделанный Шмурло, примечателен: «А значит, и духовный материал, с каким мы и вы вышли на историческую арену после выделения из общеарийской массы, был более или менее одинаков». В системе рассуждений Шмурло вообще ощутимо воздействие идей С.М. Соловьева. При одновременности появления славянские племена вышли на историческую арену несколько позже германских племен, но разница во времени не была, как подчеркивает Шмурло, уж столь «громадной», а главное, «она не имела существенного значения в виду того, что перед теми и другими открывалась совершенно однородная задача — сказать миру новое слово». Историк обращает внимание на идентичность задач: «И славяне, и германцы, как мы знаем, выступили на смену Древнему миру, который в ту пору отжил свой век и уступал новым народам свое место».

Но в отличие от Соловьева Шмурло отвел роль учителя русского народа Византии (у Соловьева эту роль по отношению к России сыграла Западная Европа). «Византия, — писал Шмурло, — для русских была тем же, чем Рим для германцев: школой религиозной, правовой, литературной; там и здесь

юному уму варвара импонировала необычная для него, блестящая, сильная духовным содержанием цивилизация; там и здесь грубая сила приучалась сознать превосходство духовных начал; единство же веры — христианской — воспринятой и германцами и славянами на заре уже политической жизни, еще более закрепило общность основ их духовной культуры». Таким образом, общность происходивших исторических процессов в Западной Европе и России, Шмурло увидел в силе «римского гения», общий характер которого был наложен «повсюду, где только вздымались его государственные орлы». Этот «общий характер» не смогли стереть даже географические различия. «Из недр римского духа выросло и там, и здесь представление о властном монархе, который самодержавен лишь во имя блага общественного и законно пользуется своей властью лишь при условии, если его деятельность согласована с интересами его страны и народа.

Рим оставил христианским народам в наследие великую идею единой всемирной монархии», — считал Шмурло. В XV в. Византия под ударами турок пала, но сама идея не умерла — «она водворилась в виде нашей фикции «Москва — III Рим». Он писал о фикции, поскольку считал, что в самой этой идее нет ничего реального: «Зато в свое время эта фикция сильно довлела на факты реальные, даже обусловила возникновение этих реальных фактов, определила направление духовных и политических интересов русского народа, наложила свой отпечаток на его психологию, помогла ему сознать себя большим народом с крупными мировыми задачами, и даже поныне называется на его духовных интересах, на его симпатиях и антипатиях, играя немаловажную роль в выработке того, что обыкновенно называется нашим общественным долгом, нашим общественным благом».

Шмурло считал, что при всех отличиях феодализма на Западе и удельного порядка в России оба строя «суть выражения сходного момента: неразвитости государственного начала». Со временем старая одежда сменяется новой. На месте прежних феодалов (в Европе) и уделов (в России) возникает единовластная монархия. Шмурло любил привлекать персонафицированные параллели, в данном случае он считал однотипными властителями Ивана III и Василия III и их западных современников: Людовика XI во Франции, Фердинанда в Испании, Генрих VII Тюдора в Англии.

Шмурло считал Россию европейским государством, расположенным между Европой и Азией. «Кроме истории собственно

европейской, которую она создавала, развивала, культивировала, у нас была еще другая история, азиатская, вынужденная, навязанная, неотвязчивая. Обе шли параллельно одна с другой, обе самостоятельные, враждебные, непримиримые. Европа — символ культуры, развития, движения. Азия — застой и варварство. Вместе им никогда не ужиться» — так писал Шмурло в 1895 г. Шмурло любил Европу, объектом его постоянного восхищения и изучения была Италия. Как говорят, нельзя увидеть восход, если всегда смотришь на Запад. Видимо поэтому понятия Азия и Восток у Шмурло в отношении России играли трагическую роль, а «русский народ — европейский и по происхождению, и по своему духовному складу» был «фатально» связан с «азиатским Востоком». Система рассуждений Шмурло объясняет причины, по которым историк допускал возможности сравнительного анализа русской истории только в сопоставлении с западноевропейской.

Идеи евразийства были ограниченно чужды Шмурло. Европоцентристские представления историка отразились в его характеристике «миссии» русского народа и ее двух составляющих: борьбы с Азией и передачи Востоку плодов «европейско-христианской цивилизации».

Шмурло выделял в истории России шесть эпох: 1) 862—1054 (годы зарождения Русского государства), 2) 1054—1462 (годы неустойчивости политического центра), 3) 1462—1613 (годы Московского государства), 4) 1613—1725 (годы превращения России в европейскую державу), 5) 1725—1855 годы, когда Россия развивалась как европейская держава, и 6) 1855—1917 (годы разрушения старого порядка). Каждая из шести эпох имела свои периоды. Так, вторую эпоху Шмурло делил на киевский (до 1169 г.), суздальско-волинский (до 1242 г.) и московско-литовский (до 1462 г.) периоды. Третью эпоху составляли также три периода: первый совпадал с процессом образования Московского государства и длился до 1533 г., второй — время первого царя (до 1584 г.) и, наконец, третий — это Смутное время (до 1613 г.). В составе четвертой эпохи Шмурло выделил образование абсолютной монархии (1613—1682) и эпоху реформ Петра Великого (1682—1725). В пятой эпохе историк выделил вновь три периода: время дворцовых переворотов (1725—1741), просвещенного абсолютизма (1741—1796) и время политического преобладания в Европе (1796—1855). Также три периода выделены

и в шестую эпоху: великие реформы Александра II (1855—1881), противодействие реформам (1881—1904) и период подготовки революции (1904—1917). Как видим, в данной периодизации Шмурло не придерживается какого-то одного принципа, но все же предпочтение отдается этапам государственного строительства.

Италия

Знакомство с этой страной сыграло особую роль в научной жизни Шмурло и формировании его взглядов. Начиная с 1880 г. он неоднократно бывал в Италии. В 1890 г. провел там лето вместе со своими товарищами по гимназии Гуревича (И.Ф. Анненским, Н.И. Вульфом и А.Н. Потресовым). Поездка в Италию, по признанию Шмурло, «напитала его «итальянизмом» и сказалась на его осенних работах по возвращении в Петербург. На заседании университетского Исторического общества он прочел реферат «Известия Дживонни Тедалди о России времен Ивана Грозного», составленный на основании рассказа, записанного А. Посевиним и хранящегося в Ватиканском архиве (в 1891 г. они были опубликованы в Петербурге). Доклад Шмурло (12 декабря 1890 г.) стал ответом на выступление Е.А. Белова 12 сентября 1890 г. с рефератом об историческом значении личности Ивана Грозного, вызвавшим у историка возражения. Надо сказать, что работа Шмурло о Тедалди и сегодня привлекает исследователей, прежде всего итальянских. С сообщением по этому вопросу выступил в 1995 г. в Пензе Дж. Д'Амато на конференции, посвященной 150-летию В.О. Ключевского.

Шмурло сводил основную деятельность Грозного к продолжению им работы своего отца и деда, на которую он наложил яркий и индивидуальный отпечаток. Иван IV не только работал с помощью средств, приготовленных ему его предшественниками, но и в направлении, указанном и сложившемся до него. И здесь в полной мере проявилось стремление историка осветить русский исторический процесс к общим началам и понять его как целое.

С 1903 г. Шмурло состоял ученым корреспондентом Академии наук в Риме при Ватиканском архиве. В октябре 1917 г. он оказался в положении эмигранта, однако, не получая больше жалования от Академии наук, Шмурло счел себя освобожденным от должности ученого корреспондента только в 1925 г., когда не нашел в отчете АН даже упоминания своего имени.

Наука и путешествия

Путешествия играли в жизни ученого большую роль. Историк неоднократно навещал своих родных на Урале, хорошо знал Поволжье. Активная публицистическая деятельность, в частности работа в «Санкт-Петербургских ведомостях», давала богатый материал о жизни современной России, который обобщался историком.

В 1900 г. в Русском биографическом словаре А.А. Половцова был опубликован очерк Шмурло «Петр Великий». Материалы он собирал в зарубежных архивах (Государственном архиве Голландии в Гааге, в Национальном архиве Франции и архиве МИДа в Париже и др.). В Заандаме (Голландия) Шмурло посетил домик Петра. В 1903—1912 гг. тема Петра настойчиво разрабатывается исследователем. Она нашла выражение в публикации сборника документов, относящихся к истории царствования Петра Великого, и издания «Петр Великий в оценке современников и потомства». Отмечая противоречивые оценки, дававшиеся Петру, Шмурло видел причину этого в величии личности Петра, в том, что он был «царь-гражданин», живой человек — обыкновенный смертный. Его нравственное величие выражалось в том, что он не побоялся сойти с трона и стать в ряды солдат, учеников и работников. Оценка Шмурло вобрала в себя оценку, данную в свое время Петру Великому С.М. Соловьевым.

Н.П. Павлов-Сильванский (1869—1908)

Путь в науку В короткой жизни Павлова-Сильванского (он умер в 39 лет от холеры) было немного внешних событий. Одно из таких событий — первая русская революция. Она интенсифицировала творческую и общественную энергию Павлова-Сильванского, привела к переоценке системных основ мировоззрения. Историк стал развивать идеи о закономерности русской революции, о ее сходстве с Великой французской революцией. Он деятельно участвовал в политической борьбе. На первых порах Павлов-Сильванский горячо защищал «партию народной свободы», но в 1906 г. уже сравнивал кадетов с жирондистами и порицал за умеренность и «академичность». В феврале — апреле 1906 г. Павлов-Сильванский прочитал курс русской истории в Высшей вольной школе П.Ф. Лесгафта, в июне 1907 г. — специальный курс

о русском феодализме для учителей средних учебных заведений, возвращавшихся с нелегального профессионального съезда в Финляндии.

Однако среди учреждений, слышавших Павлова-Сильванского-лектора, не было Петербургского университета. В 1895 г. контакт с ним оказался внезапно прерван. Это стало неожиданным и для самого Павлова-Сильванского, и для его учителя С.Ф. Платонова. На магистерском экзамене по всеобщей истории произошло недоразумение, очевидность которого проявилась позднее. Экзаменовавшего Павлова-Сильванского профессора Н.И. Кареева не удовлетворили ответы соискателя на те вопросы, которые задавались по книге М.М. Ковалевского «Происхождение современной демократии». «Весь экзамен, — по словам Павлова-Сильванского, — вертелся вокруг одной книги». Злую шутку, скорее всего, сыграл состоявшийся накануне экзамена разговор между Кареевым и Павловым-Сильванским. Соискатель выявил свою осведомленность о только что изданной новой книге. Естественно, она еще не была включена в число трудов, рекомендованных для подготовки к экзамену. К сожалению, инициатива Павлова-Сильванского была истолкована экзаменатором для него неожиданно. Кареев воспринял содержание разговора как пожелание соискателя быть спрошенным на экзамене именно по данной книге. Позднее Павлов-Сильванский, стараясь понять Кареева, учитывал фактор недоверия: профессору могло показаться, что, хорошо подготовив только одну эту книгу, таким образом, экзаменатора наводили на мысль не выходить во время экзамена за рамки этой книги. Поэтому столь подробно, по главам, Кареев и повел с Павловым-Сильванским разговор об этой книге на экзамене. А когда выяснилось, что ответы не были детальны; то экзаменатор решил применить средства педагогического воздействия, захотел «повторным экзаменом заставить его хоть одну книгу приготовить в совершенстве». Однако Павлов-Сильванский не имел ничего общего с лодырями и подготовил к экзамену все рекомендованные ему книги. В сложившейся ситуации он чувствовал себя незаслуженно униженным и несправедливо обиженным. Роль испытуемого больше он играть не захотел. Так, не успев начаться, оборвалась университетская карьера Павлова-Сильванского.

Позднее Павлов-Сильванский был склонен считать виновника своей неудачи на магистерском экзамене единомышленником. Двух ученых сближала позитивистская методология. Их пред-

ставления о западном феодализме во многом сходились. После смерти Павлова-Сильванского Николай Иванович Кареев издал работу «В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России?: По поводу теории Павлова-Сильванского» (1910), собрав и рассмотрев в ней многочисленные отзывы на труды Павлова-Сильванского.

По окончании университета Павлов-Сильванский сначала работал чиновником МИДа, а затем в Государственном архиве, где фактически замещал директора. Чиновничья карьера складывалась благополучно. Он посетил Рим, Вену, Париж, Лондон, получал чины и награды. Но смысл жизненного существования историк видел в научной работе, возможности для которой Государственный архив предоставлял. В 1897 г. Павлов-Сильванский собрал и опубликовал работу «Проекты реформ в записках современников Петра Великого» со своим исследовательским очерком. Историк считал, что нельзя отрицать «громдное значение личности Петра в процессе реформы». Характеризуя суть преобразований, он подчеркивал, что их результатом стало возникновение абсолютной монархии, однако основы социально-политического строя — сословный строй государства, крепостное право — остались прежними.

С работой в архиве связано изучение Павловым-Сильванским истории русского освободительного движения, прежде всего декабристов. Он сотрудничал с П.Е. Щеголевым, которому родственники Павлова-Сильванского после его смерти доверили распорядиться изданием его научного наследия.

И тем не менее, по образному выражению Б.Д. Грекова, Павлов-Сильванский был историком одной темы, одной большой проблемы: истории феодализма в России. Труды Павлова-Сильванского о русском феодализме были новаторскими как по постановке основных вопросов, так и по предложенной исследователем методике. По словам близкого друга Павлова-Сильванского А.Е. Преснякова, С.Ф. Платонов оценил «ясный и новый свет», который его сравнительный метод внес «в понимание строя тогдашней жизни». Сам же Пресняков задавал Павлову-Сильванскому вопрос: «Действительно, твоя теория не может ли сменить соловьевскую теорию «старых и новых городов», давно разрушенную, но замененную — чем?» Концепция Павлова-Сильванского вызвала сочувственное понимание у Форстена, Рожкова, Шумакова, Преснякова, т. е. «молодых исследователей».

Реакцию других исследователей на свою работу Павлов-Сильванский доверительно охарактеризовал Преснякову в 1901 г. следующим образом: «Я пережил много тяжелых дней в начале работы. Вижу недавно Гильтебрандта (историка-архивиста. — *М.Л.*). Спрашивает, о чем пишу диссертацию. Я отвечаю — теперь уже решительно: о феодализме в России. Издает какой-то неопределенный звук, как в гоголевском «Ревизоре» Христиан Иванович. Представь сам его комически недоумевающую физиономию. Но что Гильтебрандт! Лаппо-Данилевский, забегаю вперед, не зная еще моей схемы, по поводу иммунитета авторитетно хихикал: «Но это еще не феодализм!» (Тут я убедился в разговоре, что он не лишен некоторой тупости, т. е., я хочу сказать, самоуверенной узости мысли.) Мякотин злобно обрушился в Историческом обществе. Середонин его поддерживал. Подобных инцидентов предстоит еще много. Утешаюсь только сочувствием немногих и успехом первых серьезных стычек с Сергеевичем и Владимирским-Будановым».

Современники Павлова-Сильванского — Ключевский, Миллюков, Дьяконов, Владимирский-Буданов не признавали феодализма в России. По оценке Н.И. Кареева, вопрос о существовании в России феодализма, как тогда казалось, был «решен отрицательно», даже говорить о нем в ученой среде считалось признаком дурного тона и «исторической невоспитанности».

«Общей концепции истории России, где бы отводилось определенное место феодализму, до Павлова-Сильванского не было», — с этим мнением Б.Д. Грекова, в силу его очевидности, сегодня никто спорить не будет.

**«Феодализм
в Древней Руси»**

Первое издание книги вышло в 1907 г. в серии «История Европы по эпохам и странам», издаваемой издательством «Брокгауз-Ефрон». Книга сыграла важнейшую роль в историографической судьбе историка. Павлов-Сильванский ограничил исследование рамками так называемого удельного периода русской истории. В сжатом историографическом очерке Павлов-Сильванский рассмотрел взгляды господствующих исторических школ, начиная с Н.М. Карамзина и славянофилов и кончая В.О. Ключевским и П.Н. Миллюковым, и пришел к выводу, что все они, будучи сторонниками «глубокого различия между историческим развитием России и Запада» именно тем самым «роковым образом терпели более всего неудач в стараниях выяснить отличительные своеобразные черты русского исторического развития».

Павлов-Сильванский выделил три периода русского исторического развития, положив в основу периодизации свое понимание роли крупного землевладения как основы феодализма. Первый период, с древнейших времен до середины XII в., Павлов-Сильванский характеризовал господством в общественном строе общинного устройства. Рассматривая институт общины он учитывал обе ее составляющих: мир, мирское самоуправление, которое существовало издревле, и более позднее явление — общинное землевладение, или землепользование с переделами земли. Системный подход позволил Павлову-Сильванскому оценить современную историографическую ситуацию и выявить источниковедческие причины споров между сторонниками древнего происхождения общины (И.Д. Беляевым, М.Ф. Владимирским-Будановым, В.И. Семевским, А.С. Лаппо-Данилевским) и авторами, которые ассоциировали появление общины с возникновением переделов (П.Н. Миллюков). А поскольку «переделы — явление позднее» (XV—XVI вв.), то соответственно и общины в глубокой древности искать не приходится. По мнению Павлова-Сильванского, «общинные союзы, волости и марки, широко развитое самоуправление этих органически сложившихся территориальных союзов были главной основой древнейшего государственного строя. Государственная власть, власть князя с его наместниками или графами, была как бы надстройкой над самоуправляющимися общинами».

«В течение Средних веков древние общинные союзы, волости и марки, слабеют и разрушаются, подавляемые быстро усиливающимся крупным землевладением. Рост крупного землевладения, подавляющего общину, составляет главную движущую силу развития Средних веков; он лежит в основе развития феодализма на Западе и нашего удельно-феодального порядка XIII—XVI столетий» — к такому заключению пришел Павлов-Сильванский.

Наступающее на общину боярское землевладение побеждает общину и создает новый, второй период русской истории. В борьбе с боярщиной, побеждая ее, рождается уже сословное государство с двумя его сменяющимися формами — «московской сословной монархией» и «петербургским абсолютизмом».

Павлов-Сильванский наметил «переходные эпохи» от одного устройства к другому. XII—XIII вв. стали эпохой перехода к удельному порядку. «Историческим событием, «знаменательным социологически», явилось взятие Киева Андреем

Боголюбским в 1169 г. «А тот факт, что взяв Киев, Андрей отдал его младшему брату, а сам остался на севере, во Владимире-на-Клязьме», — по мнению историка, — «знаменует начало вотчинного порядка, появление князей-вотчинников, начало землевладельческой оседлости князей и дружин».

XVI век он считал «веком образования московского государства», особо выделяя опричнину, а в качестве знакового исторического события — 1565 г. — время «грандиозной» конфискации «наследственных княжеских земель, завершившей вместе с террором Ивана Грозного постепенный упадок политического значения княжат и знаменующей торжество нового государственного порядка». До XVI в. «мирское самоуправление сохраняется в ослабленном значении; оно живет и под рукою боярина на его земле».

Третий период — XVI—XVIII и частью XIX в. — это время сословного государства, прошедшего в своем развитии два этапа: московской сословной монархии и петербургского абсолютизма на основе того же сословного строя. Таким образом, была «сломана» привычная схема русского исторического процесса, согласно которой гранью между двумя основными периодами русской истории явились Петровские реформы. Павлов-Сильванский считал, что «петровская реформа не перестроила заново старое здание, а дала ему только новый фасад».

Подводя итоги своей периодизации, Павлов-Сильванский писал: «В течение этих трех периодов последовательно сменяют одно другое в качестве основных, преобладающих над другими элементами порядка три учреждения: 1) *мир*, 2) *боярщина*, 3) *государство*». С 1861 г. Россия вступила, по мнению историка, в очередную переходную эпоху «разрушения старого сословного строя и образования нового свободного гражданского порядка. Именно освобождение крестьян разрушило «главный устой старого сословного строя и тесно связанного с ним абсолютизма».

Таким образом, учение о феодализме Павлова-Сильванского не только продвинуло изучение отечественного Средневековья, но и поставило актуальные политические вопросы.

Павлов-Сильванский прошел свой путь ученого по непроходимой тропе. В отпущенное ему время историк успел главное — он предложил собственную теорию исторического развития России, основанную на принципе единства развития России и западноевропейских стран. Русский исторический процесс Павлов-Сильванский рассматривал как тождественный западноевропейскому, находя отечественным институтам

тождественные институты на Западе (община — марка, боярщина — сеньория и др.), а также изучая «родственную близость» «символических обрядностей» европейских народов. Теория Павлова-Сильванского повернута лицом на Запад. Восток в контексте русской истории для Павлова-Сильванского никакого интереса не представлял. В книгах историка его как бы не существует.

Моменты биографии

Дед и прадед Павлова-Сильванского были священнослужителями Харьковской губернии. Дед Николай Гаврилович занимался литературной и просветительской деятельностью. За открытие женской народной школы он попал под суд. Отец историка прошел путь от врача до чиновника (действительного статского советника) Министерства финансов. Принципиальное отличие Н.П. Павлова-Сильванского от отца заключалось в том, что он был вынужден служить, всей душой стремясь к научной работе, вклад в которую увековечил его имя в истории русской культуры.

Николай Павлович Павлов-Сильванский родился 1 февраля 1869 г. в Кронштадте. В то время его отец служил врачом 2-го флотского экипажа. Будущий историк жил в Кронштадте недолго. В детские годы его географический кругозор стремительно расширялся. Мальчик жил у деда на Украине и у родителей в Омске. Весной 1884 г. его семья переехала в Петербург, и Павлов-Сильванский поступил в 6-й класс гимназии при Историко-филологическом институте, проявив особую заинтересованность в изучении русской словесности и истории. Именно в этой сфере лежали основные интересы юного Павлова-Сильванского.

В 1888 г. он поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Из лекций Бестужева-Рюмина Павлов-Сильванский воспринял историзм С.М. Соловьева, у В.И. Сергеевича он научился методу юридического исследования. Философские увлечения Павлова-Сильванского не были неизменными. В студенческие годы он увлекался позитивизмом, читал Бокля, Коппа, Спенсера. Затем он перерос это учение. Социология оставалась постоянным увлечением историка в течение всего профессионального пути.

Павлов-Сильванский внимательно изучал опыт применения сравнительно-исторического метода в западноевропейской и отечественной историографии. Он знал творчество английского историка права Генри Д.С. Мэна (1822—1888), который доказал широкое географическое распространение

общинных отношений и их исконное существование у всех индоевропейских народов. Специалисты увидели прообраз теории русского феодализма, выдвинутый Павловым-Сильванским, в наблюдениях русского историка, профессора Нежинского лицея М.Д. Затыркевича (1831—1894). Используя сравнительно-исторический метод, Затыркевич сопоставлял развитие социальных отношений в Киевской Руси и в средневековой Западной Европе. Особое внимание он уделял народным движениям, объясняя их природу серьезными противоречиями между сословиями.

Научная самостоятельность Павлова-Сильванского проявилась в том, что он не принял антитезу между историей России и историей Запада, определенную в творчестве Соловьева и затем повторяющуюся у Ключевского и Милюкова: «Мне она представляется в существе своем глубоко ошибочной». Речь идет о резком противопоставлении подвижной бродячей Руси оседлому Западу. «В антитезе Соловьева есть только некоторая доля истины. Природа страны оказала свое влияние на русское историческое развитие, но она не изменила его в корне, до полной противоположности, а только ослабила проявление тех начал средневекового порядка, которые ярче выразились в истории Запада.

Это одно из главных положений моего исследования и основной пункт моего разногласия с Соловьевым и с примыкающими к нему новыми историками».

Ученому потребовалось время, чтобы «увериться» «в своем умении последовательно и убедительно излагать свои идеи». Он признавался Преснякову: «...я себе весьма мало доверяю... А после университета был период полного скепсиса в своих силах».

У Н.П. Павлова-Сильванского нет и намека на моральный суд над историей. М.Н. Покровский считал: «Павлов-Сильванский, немарксист по убеждениям и кадет по своей партийной принадлежности, сделал из вопроса о русском феодализме один из аргументов в пользу марксистского объяснения истории». В этом Покровский видел «огромное методологическое значение работ Павлова-Сильванского». В отечественной историографии высказывалось и другое мнение, характеризующее иную последовательность идейных воздействий. Павлову-Сильванскому была прекрасно известна марксистская концепция. Это давало основание советским историографам утверждать в 1960—1970-е гг., что в появлении и развитии идеи

о тождестве социальных порядков в России и на Западе на его мировоззрение оказали влияние произведения К. Маркса и Ф. Энгельса. Несомненным является одно: труды Н.П. Павлова-Сильванского подготовили почву для дальнейшего движения исторической мысли.

Источники

- Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в России. (Феодализм в Древней Руси. Феодализм в удельной Руси). М., 1988.
- Павлов-Сильванский Н.П.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Опыт изучения русских проектов и неизданные тексты. М., 2000.
- Шмурло Е.Ф.* Известия Джованни Тедалди о России времен Ивана Грозного. СПб., 1891.
- Шмурло Е.Ф.* Пушкин в развитии нашего самосознания. Юрьев, 1899.
- Шмурло Е.Ф.* Голодный год. Письма в «Санкт-Петербургские ведомости». 1898—1900. М., 1900.
- Шмурло Е.Ф.* Россия и Италия: Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. СПб., 1907—1915. Т.1—3. Вып.1—6.
- Шмурло Е.Ф.* Курс русской истории. Спорные и невыясненные вопросы русской истории. СПб., 1999.

Литература

- Горелова.* Шмурло // Историки России XVIII—XX веков. Вып.4. Архивно-информационный бюллетень. Приложение к журналу «Исторический архив». М., 1997.
- Две лекции Н.П. Павлова-Сильванского («История и современность», «Революция и русская историография»). Публ. В.А.Муравьева // История и историки. 1972. М., 1973.
- Демина Л.Т.* Евгений Францевич Шмурло // Евгений Шмурло. История России (IX—XX вв.). М., 1997.
- Чирков С.В.* Николай Павлович Павлов-Сильванский // Историки России. XVIII — начало XX века. М., 1996.
- Шмидт С.О.* Сочинения Н.П. Павлова-Сильванского как памятник истории и культуры // Н.П. Павлов-Сильванский. Феодализм в России. М., 1988.
- Чирков С.В.* Н.П. Павлов-Сильванский и его книги о феодализме // Н.П. Павлов-Сильванский. Феодализм в России. М., 1988.

**Проникновение
идей марксизма
в историографию**

В.Ф. Асмус вспоминал об учебе в Киевском университете в начале XX в.: «Поразительным было в университетском преподавании философии того времени полное умолчание о философии марксизма... Даже в курсах русской истории было иначе. У профессора М.В. Довнар-Запольского, доцента П.П. Смирнова можно было обнаружить некоторое влияние исторических идей Маркса и Энгельса или, по крайней мере, исторических идей русского «легального» марксизма — идей П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановского и др., — но только не философских учений марксизма. Последний понимался и учитывался только как политическое, публицистическое учение и как политико-экономическая теория».

Действительно, историки востребовали раньше, чем философы, марксистскую концепцию, поскольку понимали ее как учение «экономического материализма». Так историки оказались в числе тех, кто заинтересованно поддержал социологические идеи Маркса. При этом самым актуальным для исторической науки был вопрос о степени универсальности и общеобязательности предложенной Марксом теории именно в контексте реального исторического процесса. Актуален был этот вопрос и для отечественной социологии. Так появилось знаменитое письмо Маркса в журнал «Отечественные записки»: «Моему критику угодно было мой очерк истории происхождения западноевропейского капитализма превратить в целую историко-философскую теорию исторического пути народов, роковым образом предначертанного для каждого из них, каковы бы ни были условия его исторического бытия. Но я прошу извинить меня: такое толкование для меня одновременно и слишком почетно и слишком постыдно».

Н.И. Бухарин в своей автобиографии так высказался о причинах приобщения к марксизму, о причинах выбора именно теории экономического материализма: «Случайно мне в это время подвернулась знаменитая «лекция об Антихристе» Владимира Соловьева, и одно время я колебался не антихрист ли я», и далее: «Сперва занятия экономической теорией произвели на меня тяжелое впечатление: после «высокого и прекрасного» — «товар — деньги — товар». Но, войдя *in medias res* (в самую суть. — Г.Н.) марксистской теоретики, я почувствовал ее необычайную, логическую стройность. Должен сказать, что, несомненно, именно эта черта повлияла на меня больше всего».

Это признание обнаруживает тот путь, который проходила молодежь вместе с отечественной мыслительной традицией, — путь либо от идеализма к марксизму, либо от марксизма к идеализму. В сфере общественно-политической это был период бурной полемики между марксистами и народниками. Как известно, он завершился политическим антагонизмом. От экономического материализма отошли «легальные» марксисты. Но очевидно, марксизм привлекал молодые умы не только своей ярко выраженной логикой, но и устремленностью на соединение теории и практики. Социализм был понят как заложенный в самом бытии естественный результат исторического процесса, естественный предел социального развития.

Оценивая исторические концепции марксистов, в том числе и первых историков-марксистов, нельзя упускать из вида тот факт, что Октябрьская революция совершилась под знаменем марксизма и под руководством одного из его теоретиков. Это не могло не повлиять впоследствии на распространение ленинских исторических концепций. Победа на политическом поприще стала знаком, подтверждающим верность теории. Марксизм получил статус государственного учения, оберегаемого идеологической цензурой. Поэтапно термин «экономический материализм» вытесняется понятием «исторический материализм», а затем и «диалектический материализм». Марксизм вышел за пределы социологии как положительной науки, ибо охватил собою не просто изучение явлений окружающего мира, но занялся решением общих гносеологических и онтологических вопросов в материалистическом ключе. Логика такова: основа бытия материальна, следовательно, и основа общественного бытия — материальна, следовательно, экономика — основа общественного бытия. Диалектика материализма интерпретируется не только как метод мышления, но и как основной закон объективного развития.

**Исторические
воззрения
Г.В. Плеханова**

Выступление Георгия Валентиновича Плеханова в 1895 г. под псевдонимом Бельтова положило начало экономического материализма в России. Речь идет о его книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Далее были работы «Несколько слов в защиту экономического материализма» (1896), «О материалистическом понимании истории» (1897), «К вопросу о роли личности в истории» (1898), «Не-что об истории» (1899); в 1908 г. он очень кратко изложил основы своего социологического подхода в работе «Основные вопросы марксизма».

Стилю Плеханова (1856—1918) присущ резкий полемический тон. Потому, читая его работы, надо с осторожностью воспринимать изложение им взглядов оппонентов. Так, к примеру, по вопросу о роли личности в истории Плеханов полемизировал с якобы присущей субъективной социологии точкой зрения о противопоставлении деятельности критически мыслящей личности и законов общественного развития. В действительности такого противопоставления не было. Речь шла о противопоставлении сознательной целеустанавливающей деятельности стихийному ходу вещей.

Изучение же самих взглядов Плеханова на историю неизбежно должно сопровождаться пониманием пафоса защиты идей экономического материализма. Так и при анализе роли личности в истории Плеханов считает своим долгом подчеркнуть, что марксизм не отрицает сознательного целенаправленного действия людей: «...общественные отношения суть отношения людей, и ни один великий шаг в истории не может совершиться без участия великого множества людей, то есть масс. Необходимость их участия обуславливает необходимость воздействия на массы более развитых личностей. Таким образом, открывается простор для деятельности отдельных личностей».

Выходит, что личности благодаря данным своего характера могут влиять на судьбу общества. Иногда их влияние бывает даже очень значительным, но как сама возможность подобного влияния, так и размеры его определяются организацией общества, соотношением в нем общественных сил.

Плеханов жестко и определенно формулирует свое кредо марксиста при оценке роли базисных явлений в истории, отводя должное место и географическому фактору: «Свойства географической среды обуславливают собой развитие производительных сил, развитие же производительных сил обуславливает собой

развитие экономических, а вслед за ними и всех других общественных отношений... Раз возникнув, данные общественные отношения сами оказывают большое влияние на развитие производительных сил. Таким образом... между развитием производительных сил и общественным строем возникает взаимодействие. Порождаемые данной экономической структурой правовые и политические отношения оказывают решительное влияние на психику общественного человека». Раз «хозяйственная жизнь развивается под влиянием роста производительных сил», то «изменяются и взаимные отношения людей в процессе производства, а с ними и человеческая психика». Так меняется способ производства. Такова схема накопления количественных признаков и перехода их в качественные. «Имущественные отношения, сложившиеся на данной ступени роста производительных сил, в продолжение некоторого времени способствуют дальнейшему росту этих сил, а потом начинают мешать ему». Плеханов обнаруживает некоторую последовательность в действии выявленной закономерности: 1) состояние производительных сил, 2) обусловленные им экономические отношения, 3) социально-политический строй, выросший на данной экономической основе, 4) определяемая социально-политическим строем психика общественного человека, 5) различные идеологии, отражающие на себе свойства этой психики.

Плеханов — крупнейший теоретик марксизма. Он применял теорию экономического материализма к рассмотрению таких «идеологических надстроек» над «экономическим базисом», как религия, искусство, литература. Особый интерес с этой точки зрения представляет его фундаментальный исторический труд «История русской общественной мысли». Плеханов приступил к его написанию в 1909 г., завершить же так и не успел. Сама структура работы, в которой сначала дается очерк развития русских общественных отношений, а затем раскрывается движение общественной мысли, уже служит пониманию концепции автора.

Общеметодологические установки Плеханова сохраняются и в этом историческом труде. В качестве основного исследовательского метода он называет сравнительный, но подчеркивает, что применение этого метода в его понимании означает выявление не только черт сходства, но и черт отличия одного исторического явления от другого.

Отталкиваясь от традиционного в российской исторической литературе сравнения России и Запада Плеханов считает

нужным подчеркнуть, что, «не будучи вполне своеобразным, русский исторический процесс все-таки отличается от французского некоторыми весьма важными чертами. И не только от французского. В нем есть особенности, очень заметно отличающие его от исторического процесса всех стран европейского Запада и напоминающие процесс развития восточных деспотий». Так Плеханов выбирает вторую точку отсчета. Россия в ее историческом развитии размещается между Западом и Востоком. Колебание ее истории склоняется то в одну, то в другую сторону: «Чем более своеобразным становился ход нашего общественного развития в сравнении с западноевропейским, тем менее своеобразен был он по отношению к ходу развития восточных стран, — и наоборот».

Исторические эпохи истории России по концепции Плеханова отличаются по их преимущественной родственности Востоку или Западу. Так, Московское царство ассоциируется с Востоком: «Надо думать, что если бы ожила мумия какого-нибудь «холопа» или дьяка, — scribe, как выражаются французские египтологи, — одного из египетских фараонов, скажем XII династии, и совершила путешествие в Московию, то, в противоположность западному барону Герберштейну, она не нашла бы очень много удивительного для себя в общественно-политическом быту этой страны. Она решила бы, что отношения москвитян к верховной власти весьма близки к тому, что существовало на ее далекой родине, именно таковы, какими они должны быть в благоустроенной стране».

Разумеется, что при таком подходе вся деятельность Петра и последующая история России — это борьба с азиатчиной, с Россией Востока: «В конце XVII, в XVIII и в XIX столетиях, — не до Р.Х., а после него, необходимо было усвоить культуру европейского Запада или пойти назад, склониться к упадку и разложению». Заимствования с Запада были окружены азиатской обстановкой. Это определяло и ход и темпы преобразований. И в итоге: «Говорил или не говорил Петр, что Россия со временем должна будет повернуться «задом к Европе», — ясно, что в настоящее время она уже совершенно лишена всякой возможности поступить так».

И все же Плеханов допускал и варианты общественного развития и в обозначенном контексте: «Вся последующая история нашей общественной мысли определится взаимными классовыми отношениями пролетариата и буржуазии. В ходе развития этих отношений на «восточной равнине» Европы

опять будут, конечно, свои относительные особенности, которые вызовут относительные особенности духовного развития. Бесплезно гадать теперь как о тех, так и о других».

Что же определяет глубину и характер освоения Россией привносимых влияний? Все привносимые в Россию с Запада формы и идеи определяются в конечном итоге тем содержанием, которое дают им общественные классы России. Так просветительские идеи XVIII в. под влиянием состояния мещанского сословия, которое их восприняло, обернулись мистикой розенкрейцеров. Об Н.И. Новикове и его эволюции Плеханов высказался вполне определенно: «Он громко и восторженно пел замогильную песню, а более или менее образованные разночинцы с удовольствием слушали ее и дружным хором подхватывали ее кладбищенский припев. Трагедия, которую мы видим здесь, была трагедией не отдельных лиц, а целого общественного слоя. Настроение, овладевшее Новиковым, оказалось соответствующим настроению весьма значительной части европеизованного «мещанства»».

Размышляя об общественной мысли, выраженной в «изящной» литературе, Плеханов опять ставит проблему зависимости форм общественного выражения от состояния общественных классов: «Но надо помнить, что содержание отстает от формы не тогда, когда литература только еще начинает развиваться, а тогда, когда она уже склоняется к упадку — чаще всего вследствие упадка того общественного класса или слоя, вкусы и стремления которого в ней выражаются».

Итоговый вывод, который находим в предисловии к труду, звучит парадоксально с учетом той системы приоритетов, к которым мы привыкли: «Мой анализ привел меня к тому выводу, что нелогичность, нередко проявляемая русскими идеологами, объясняется в последнем счете логикой западноевропейского общественного развития. Как ни парадоксален на первый взгляд этот вывод, я считаю его совершенно неоспоримым». В конечном итоге в окончательном виде все зависит от состояния и особенностей социальных групп и классов, данных нам историческим развитием. Правда, есть еще и психология эпохи: «Но чтобы правильно судить о тогдашних явлениях, необходимо принимать во внимание психологию тех эпох, к которым они относятся».

Взгляды Плеханова на историю России дали ему основания для заключения о перспективах революционного преобразования, в принципе могущих изменить линию судьбы,

намеченную Петром: «Если не будет объективных предпосылок для социалистической революции, то правительство вынуждено будет искать спасения в идеалах «патриархального и авторитарного коммунизма», внося лишь те изменения, что вместо «сынов солнца» и их чиновников национальным производством будет заведовать социалистическая каста».

Исторические взгляды Плеханова, изложенные им в «Истории русской общественной мысли», были с большой долей скепсиса встречены его соратниками по политической борьбе. Из отзыва Троцкого: «Это труд в теоретическом отношении далеко не безупречный: соглашательские и патриотические тенденции плехановской политики... успели, по крайней мере частично, подкопать даже его теоретические устои. Запутавшись в безысходных противоречиях социал-патриотизма, Плеханов начал искать директивы вне теории классовой борьбы — то в национальном интересе, то в отвлеченных этических принципах. В последних своих писаниях он делает чудовищные уступки нормативной морали, пытаясь сделать ее критерием политики («оборонительная война — справедливая война»). Во введении к своей «Истории русской общественной мысли» он ограничивает сферу действия классовой борьбы областью внутренних отношений, заменяя ее для международных отношений национальной солидарностью». Исторический материал окрасил социологические концепции Плеханова в цвета, чуждые классовой позиции Троцкого. И это, скорее всего, неизбежное следствие реализации социологии на конкретно-историческом эмпирическом уровне.

**В.И. Ленин
и историческая
наука**

Не случайно Плеханов был назван и учителем Владимира Ильича Ульянова (Ленина) (1870—1924). Ленин как вождь и политический деятель достиг величайшего практического успеха. Ленин стал историей. Это предопределило интерес к его историческим концепциям. Этапы освоения ленинского теоретико-методологического наследия являются самостоятельной научной темой. Тема «В.И. Ленин и советская историческая наука» может быть рассмотрена самостоятельно именно в силу того значения, которое имело его теоретико-методологическое наследие на разных этапах развития советской исторической науки, зачастую определяя тенденции этого развития.

Ленин был не только теоретиком, но и практиком общественной жизни, публицистом. Сами социологические

и исторические вопросы ставились и решались Лениным в постоянной связи с текущими событиями, с непосредственными практическими задачами революционной борьбы, с требованиями ее стратегии, тактики и технологии. Потому и основные вехи в изложении его взглядов связаны с общественными реалиями. Так, впервые его взгляды были изложены в связи с полемикой с народниками. В основу его социологии изначально была положена не личность, а социальная группа. Уже на том этапе, выступая солидарно с «легальными» марксистами, он внутренне расходится с объективизмом П.Б. Струве. «Что есть идеал для марксиста?» — задает он вопрос. И отвечает: «Марксист исходит из того же идеала, но сличает его не с современной наукой и современными нравственными идеями, а с существующими классовыми противоречиями и формулирует его поэтому не как требование науки, а как требование такого-то класса, порождаемое такими-то общественными отношениями...»

Это был этап защиты социологии марксизма, затем был этап защиты философии марксизма. И в работе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин формулирует: «Материализм вообще признает объективно-реальное бытие (материю), независимо от сознания, ощущения, от опыта и т. д. человечества. Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества. Сознание и там и тут есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное, идеально точное) его отражение». Защита экономического, теперь исторического материализма приобрела еще одну важную сторону. Это признание старого партийного характера этого учения и вообще всей материалистической философии. «Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад». Третий этап теоретической деятельности Ленина связан с революцией. Здесь возникает тема революции и государства, а также многое другое. И все же в заключении к работе «Государство и революция» он напишет, выразив суть своего жизненного призвания: «Приятнее и полезнее опыт революции проделывать, чем о нем писать».

В трудах Ленина учение об общественно-экономических формациях неразрывно органически соединено с классовым анализом исторического процесса и партийностью в его оценке. Он применил к истории России метод, выработанный основоположниками исторического материализма. Ленин видел задачу в том, чтобы, «пользуясь выработанными приемами

материалистического метода и теоретической политической экономии, исследовать русские производственные отношения и их эволюцию».

Ленин интегрально и ортодоксально воспринимал марксизм. Потому мы и можем говорить о ленинизме. Речь идет о таких сторонах учения, как материализм и диалектика, экономическое объяснение истории, сведение истории к борьбе классов, теория ценности, учение о социальной революции, о диктатуре пролетариата, коммунизм и интернационализм. Ленин, применив теорию исторического материализма, пришел к выводу, что русская история развивалась в соответствии с общими закономерностями всемирной истории. Именно потому, что Ленин был прежде всего политиком, его интерес к русской истории был достаточно избирателен и коррелировал с его политическими взглядами и методологическими установками.

Впервые в исторической науке Ленин с марксистской позиции проанализировал весь процесс формирования и развития капиталистических отношений в России. Классическим следует в этом отношении считать его труд «Развитие капитализма в России» (1895). Сама работа была рождена необходимостью ответить по-марксистски на ряд вопросов, связанных с теоретической борьбой с народниками по вопросу о рынке и о развитии капитализма.

Ленин выдвигает свои критерии для определения форм товарного производства, показывает сложное переплетение крепостнических и капиталистических отношений в экономике пореформенной России и приходит к выводу, что Россия — страна капиталистическая. Применение марксистского метода при оценке социально-экономического развития России в конце XIX в. поставило задачу обращения и к более ранним этапам исторического развития для утверждения выявленной закономерности.

Так, занимаясь проблемами развития и функционирования государственного аппарата, он пытался проследить его становление как общественного института. Кроме того, среди исторических сюжетов его привлекала проблема вызревания внутри феодального строя капиталистических отношений. Ленин отмечал, что основной процесс социально-экономического развития «московского царства» представлял собой закрепощение крестьян — «помещики и монастыри принимали крестьян из разных мест». Однако, по его мнению, в целом степень государственного единства была в то время такова, что «о национальных

связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д.».

«Московскому царству» Ленин противопоставлял «новый период русской истории (примерно с XVII века)», который «характеризуется действительно фактическим слиянием всех... областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было... усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных». Итак, в соответствии с ленинскими взглядами, действительное единство страны, которое возникло на основе роста общественного разделения труда, рыночных связей, возникает лишь в новый период истории, примерно с XVII в., когда наметился рост буржуазных элементов, который выразился, как это было характерно, по его мнению, для начальных этапов генезиса капитализма вообще, в росте торгового капитала.

Вообще представляется интересным, что именно Ленин понимал под «централизованным государством». В 1907 г. он писал о «капиталистическом государстве, которое централизовано не по произволу бюрократии, а в силу непреодолимых требований экономического развития». Таким образом, Ленин говорит о различных типах централизации: тех, которые держатся на силе и произволе бюрократии, феодальных, и основанных на экономическом развитии, капиталистических. Но и этот, последний, тип централизации тоже, по Ленину, еще не высший. В 1910 г. Ленин писал о том, что «в России дело идет только еще о создании современного буржуазного государства, которое будет похоже или на юнкерскую монархию (в случае победы царизма над демократией), или на крестьянскую буржуазно-демократическую республику (в случае победы демократии над царизмом)... Этот вопрос исторически еще не решен. Буржуазные революции в России еще не закончены». Подлинно централизованное государство возможно только в будущем.

Ленин считал, что при любых условиях централизованное крупное государство «есть громадный исторический шаг

вперед от средневековой раздробленности к будущему социалистическому единству». Эта идея противопоставления самодержавного, чиновничьего, бюрократического государства и централизованного, буржуазного, которое возникает в эпоху падения абсолютизма, просматривается во многих ленинских работах. Вообще следует особо отметить, что Ленин не употреблял применительно к «московскому царству» термин «централизованное государство».

В центре внимания Ленина находились проблемы революционного движения в России. Особое внимание было уделено пролетарскому этапу движения. Ленин дал оценку предпосылок, характера, движущих сил российских революций. При этом революционные события и процессы в истории рассматривались как мощный творческий импульс. Именно в контексте анализа объективных возможностей революционного преобразования России была оформлена концепция империализма как монополистического капитализма, как высшей стадии капитализма.

Влияние идей марксизма на развитие исторической науки

Марксистские концепции университетских и академических ученых выглядят в дореволюционный период несомненно бледнее, чем концепции их последователей и теоретиков марксизма. Но сам факт создания этих концепций, сознательной их пропаганды в научной и учебной среде не может не вызывать интереса. Для исследования истории народного хозяйства России имели значение концепции экономиста Петра Петровича Маслова (1867—1946). Он был редактором известного в истории общественного движения издания «Самарский вестник». Внимание Маслова было сконцентрировано на учении о развитии производительных сил как основы роста народного хозяйства. Ученый размышлял о влиянии этого развития на разные формы и типы хозяйства и на перераспределение производительных сил между разными отраслями производства. Именно этому был посвящен его «Курс истории развития народного хозяйства от первобытных времен до XX столетия» (СПб., 1914).

Историки, занимавшиеся научной и педагогической деятельностью в конце XIX в., в массе своей неоднозначно относились к социологическим моделям и схемам. Сказывалась и логика развития научно-исторического знания и особенности теоретико-методологических исканий рубежа XIX—XX вв. Очевидно, что историки не стремились к какой-либо общей теории исторической эволюции. На историко-филологических

факультетах и не было систематического преподавания общей философии истории, но зато существовала историческая методология в более узком смысле — теория исторического знания: учение об источниках, критика их подлинности, достоверности, вспомогательные дисциплины и пр.

С началом освоения частью историков идей экономического материализма разъединение в известном смысле прекратилось, и все историки были втянуты в изучение проблем философии истории. Мы имеем дело с прямым воздействием определенной социологической доктрины на историографию. Не надо думать, однако, что историки, подводя под общественный строй экономический базис, находились тогда под непосредственным влиянием Маркса. Речь шла о признании важности экономической теории вообще.

Во второй половине XIX в. нельзя уже было ограничивать применение политэкономических подходов только при изучении новейшей истории. Сама жизнь обнаруживала хозяйственную подпочву исторического бытия и развития. Но историки, так размышлявшие, не теоретизировали на этот счет, не обнаруживали свои принципы относительно экономического материализма. Хотя очевидно, что экономический материализм В.О. Ключевского, например, имеет ярко выраженную этико-психологическую подоплеку: «В ветхом и пыльном свитке самого сухого содержания, в купчей, закладной, заемной, меновой или духовной, под юридической формальностью иногда прозвучит нравственный мотив, из-под хозяйственной мелочи блеснет искра религиозного чувства, — и вы видите, как темная хозяйственная сделка озаряется изнутри теплым светом, мертвая норма права оживает и перерождается в доброе житейское отношение, не соответствующее ее первоначальной природе».

М.Н. Покровский

Первым историком-марксистом традиционно называют Михаила Николаевича Покровского (1868—1932). Генетически он вышел из учебно-научной практики социально-экономических исследований в школах П.Г. Виноградова и В.О. Ключевского в Московском университете. С середины 1890-х гг. Покровский эволюционировал в сторону экономического материализма. Характерны его очерки в «Книге для чтения по истории Средних веков» (1896—1898) под редакцией П.Г. Виноградова. В этой своей ранней работе Покровский развивает мысли о выдающейся роли обмена в Древней Руси и Московском царстве.

Как специалисту по русской истории ему принадлежит ряд общих работ и частных исследований, в том числе историко-теоретические работы и критический анализ немарксистских исторических и философских воззрений. Из числа методологических работ выделяются «Идеализм и законы истории. Риккерт Генрих. Границы естественно-научного образования понятий» (1903), «Идеализм и мещанство» (1906), «Экономический материализм» (1906), «Строго научный метод» (1908). Все названные работы написаны задолго до революции. В статье «Идеализм и законы истории» проявился утилитаризм истории в отношении к исторической действительности, явленный через установление связи между исторически полезным и истинным.

Историческую концепцию Маркса Покровский изложил в брошюре «Экономический материализм». Под экономическим материализмом он понимал «объяснение всех исторических перемен влиянием материальных условий, материальных потребностей человека». Классовая борьба воспринималась им как «движущее начало истории», но в целом Покровский скорее поддержал теорию историческими примерами. «Экономическая обусловленность всех исторических фактов нисколько не мешает тому, что непосредственно та или другая перемена может быть результатом сознательного действия людей, т.е., вульгарно выражаясь, результатом влияния идей», только сами-то идеи суть «не что иное, как отражение экономики в человеческом мозгу». По вопросу о роли личности в истории Покровский исходил из того, что индивидуальные особенности исторических деятелей были «безошибочно продиктованы экономикой их времени».

Центральная работа Покровского по истории — четырехтомная «Русская история с древнейших времен» (1909). По ней, а также по «Истории России в XIX веке» (1907—1911) можно судить о первом варианте исторической концепции Покровского. Проблемы, им рассматриваемые: история падения крепостного права, декабристы, внешнеполитическая история и др. Развитие аграрного и промышленного капитализма приходится, по его мнению, на XVIII—XIX вв. Движение декабристов выросло из монополии дворян на хлебном рынке. Боевой, разоблачительный по отношению к царизму характер носит в этих дореволюционных трудах изложение внешнеполитической истории.

Задачу «Русской истории» он видел в рассмотрении развития первобытно-общинного и феодального строя, а также капитализма с точки зрения экономического материализма. Если

говорить о связи его воззрений с концепциями других историков, то следует отметить его близость концепции вотчинной теории в трудах П.Г. Виноградова. В оценке Киевской Руси Покровский повторяет взгляды Ключевского. Киевская Русь оценивается им как совокупность «городовых волостей». В социально-экономическом смысле социально-политический строй определяется как коалиция феодальной аристократии и купеческого капитала. В вопросе о феодализме первый русский историк-марксист последовал за концепцией Н.П. Павлова-Сильванского. Товарно-денежные отношения виделись ему несовместимыми с феодализмом. Преобразования Петра в соответствии с историографической традицией воспринимались как закономерный результат развития России во второй половине XVII в.

Феодальный период, по мнению Покровского, охватывал X—XIX вв. (до 1861 г.). Отчетливо проступала и теория «торгового капитала». Торговый капитал являлся значимой социально-экономической величиной. При всем преувеличении его роли в ранних работах Покровского торговый капитал выступал как сила, подчиненная феодально-крепостническому порядку. Он получает часть совокупной феодальной ренты и принимает участие в политической жизни через союз с феодальной аристократией.

Дореволюционный этап развития исторических взглядов Покровского обнаруживает объективный характер его интереса к экономическому материализму. Этот подход был присущ нашей исторической школе в целом. Вопрос стоял о преимущественной тенденции в рассмотрении экономического фактора либо с позиции нравственно-этической, либо с позиции сугубо материалистической.

Николай Александрович Рожков (1868—1927)

Еще в 1889 г. Рожков не был марксистом. Он не усматривал в марксизме законченной системы и полагал, что исторические работы не оправдывают марксизм. И все же он возлагал надежды на развитие этой теории в будущем. Причем надежда связывалась с потенциалом, заложенным в коллективной психологии. Постепенно эти сомнения ушли, и Рожков становится историком-марксистом.

В 1898 г. Рожков писал в статье «Успехи современной социологии в их отношении с историей» для журнала «Образование»: «Для разрешения вопроса о современных направлениях в ис-

тории и их вероятной будущности важны не столько социальные приобретения исторической науки, сколько те социологические принципы, которые принимаются в основу исторических исследований». В 1907 г. Рожков формулирует «Основные законы развития общественных явлений» с подзаголовком «Краткий очерк социологии». Его основная идея в том, что есть общий закономерный порядок прохождения народами одних и тех же стадий развития. Это дает возможность определить «тот период, какой переживает данная страна». И он же допускает возможность нахождения конкретных приемов и средств «к облегчению появления на свет новых форм». Появление же новых форм связано в том числе и с существованием групп с одинаковыми хозяйственными интересами и их общей социальной психологией, вырастающей на этой основе.

Так, Рожков вводил в историю психологический момент, ставя его рядом с экономическим. Создается впечатление, что психологический подход он считал даже более перспективным. Именно психологический подход даст, по его мнению, возможность конкретного изучения истории. После того как будут научно классифицированы человеческие характеры, их типы, будет изучена их историческая эволюция и причинная связь психологии с другими эволюционными моментами. В истории очередная задача — «изучение экономических процессов».

Первый труд Рожкова, содержащий попытку применить марксизм, — «Русская история с социологической точки зрения» (1910). Самый крупный его труд 12-томная «Русская история в сравнительно-историческом освещении». Первый том вышел в 1919 г. Подходы здесь были уже иные, чем в ранних работах: «...история постоянно повторяется не в меньшей степени, чем явления жизни в природе». Существует некая обязательная для всех народов схема развития. Рожков установил девять стадий развития: 1) первобытное общество, 2) общество дикарей, 3) дофеодальное, 4) феодальная революция, 5) феодализм, 6) дворянская революция, 7) господство дворянства, 8) буржуазная революция, 9) капитализм. Работа Рожкова призвана была подтвердить эту схему параллельным изложением истории России и других стран. Историческая наука делалась материалом для построений социолога. Произвольность схемы и истории Рожкова была отмечена его единомышленниками. Его марксизм называют вульгарным, расценивая его как отход от диалектического материализма. Покровский пустил термин «рожковщина».

Марксизму предстоял долгий путь в отечественной исторической науке. С учетом этого и следует оценивать то, что

было сделано практиками—политиками и учеными, осуществившими первый шаг.

Источники

- Бухарин Н.И.* Ленин как марксист // Избр. произв. М., 1988.
Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.
Ленин В.И. Очередные задачи советской власти.
Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский.
Ленин В.И. Памяти Герцена.
Ленин В.И. Развитие капитализма в России.
Ленин В.И. Роль сословий и классов в освободительном движении.
Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?
Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве.

Литература

- Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.
Комиссарова Л.И., Ольховский Е.Р. У истоков марксистской исторической мысли России. М., 1986.
 В.И. Ленин и историческая наука. М., 1986.
 В.И. Ленин и проблемы истории. Л., 1970.
 Проблемы истории в трудах В.И. Ленина. М., 1973.
Пашуто В.Т., Салов В.И., Черепнин Л.В. Марксистско-ленинский принцип партийности в историческом исследовании и его современные критики // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970.
Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. СПб., 1918—1919. Т. 1—4.
Соколов О.Д. Об исторических взглядах Н. Покровского // Коммунист. 1963. № 8.
Хорос В.Г. Народническая идеология и марксизм. Конец XIX века. М., 1972.
Черепнин Л.В. История и современность в работах В.И. Ленина послеоктябрьского периода // История СССР. 1963. № 2.
Черепнин Л.В. Некоторые вопросы истории докапиталистических формаций в России // Коммунист. 1975. № 1.
Черепнин Л.В., Курмачева М.Д. Основные направления изучения феодальной эпохи // История СССР. 1976. № 3.
Чернобаев А.А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М.Н. Покровского. М., 1992.
Черных А.Г. В.И. Ленин — историк пролетарской революции в России. М., 1969.
Чистякова Е.В., Мальцева И.Ф. Ленинская концепция истории России периода феодализма. М., 1985.
Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986.

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ХРИСТИАНСКИХ СОЦИАЛИСТОВ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ МЫСЛИ

«Легальные марксисты» и их взгляды

Термином «легальный марксизм» в историографии принято называть идейно-политическое течение в среде революционной интеллигенции, сторонники которого активно выступали в легальной прессе России второй половины 1890-х — начале 1900-х гг. (отсюда их название). Кризис народничества и голод 1891—1892 гг., показавший необоснованность надежд на общину как основу нового строя, и неспособность самодержавия контролировать экономическую ситуацию в деревне, поставили революционную интеллигенцию перед необходимостью коренной идейной переориентации.

В русской общественной мысли благодаря трудам популяризаторов марксистской теории Н.И. Зибера, Г.В. Плеханова и деятелей группы «Освобождение труда» к началу 1890-х гг. уже был поставлен вопрос о закономерности капиталистического развития России и сделаны выводы о революционной миссии пролетариата. Марксистские идеи изучались в рабочих и студенческих самообразовательных кружках. Влияние марксизма испытало народничество 1880-х гг., однако в 1893—1894 гг. народнические публицисты выступили с критикой «русских учеников Маркса».

В 1894 г. вышла из печати работа П.Б. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», ставшая одной из настольных книг русских марксистов, в которой впервые в русской легальной печати излагалась система марксистских взглядов в противопоставлении народническим, в ней показывалось, что развитие капитализма в России — объективная историческая тенденция. Капитализм представлялся

Струве средством уничтожения общины как пережитка крепостничества, преодоления отсталости и «некультурности» России, выравнивании общественного неравенства.

В 1896—1897 гг. вокруг журналов «Новое Слово», «Мир Божий» и газеты «Самарский вестник» сложилась группа марксистских писателей и издателей, связанных с социал-демократическими организациями: П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, С.Н. Булгаков и др. С ними тесно сотрудничали Г.В. Плеханов и В.И. Ленин. Центральным событием в идейной борьбе между марксистами и народниками стала дискуссия в Вольном экономическом обществе (Петербург, март 1897 г.), в которой Струве и Туган-Барановский с марксистских позиций доказывали, что полукрепостнические отношения в российской деревне являются тормозом развития общества.

Главным вопросом в полемике стал так называемый «вопрос о рынках». Полемизируя с народниками, считавшими, что неконкурентоспособность русской промышленности на внешних рынках и ограниченность внутреннего рынка ведет к исчезновению ростков капитализма в России, марксисты доказывали, что капитализм создает рынок, прежде всего в кустарном производстве, и имеет в России такие же возможности для развития, как и в США («Критические заметки...» Струве, статьи Ленина «К вопросу о рынках» и др., работа Булгакова «О рынках при капиталистическом производстве»). В полемике с народниками на конкретном историческом материале (Туган-Барановский, «Русская фабрика», 1898) была показана неизбежность капитализации вширь через окончательное отделение ремесла от земледелия.

Обосновывая значение пролетариата, «легальные» марксисты вслед за Плехановым противопоставляли город и деревню как начала цивилизации и косности, зачастую фаталистически трактовали ход истории и преувеличивали зрелость предпосылок социализма в России, доказывая общность путей ее развития с Западом. Они утверждали неисчерпанность резервов капитализма и необходимость эпохи буржуазной демократии для достижения социалистических целей. «Легальные» марксисты широко использовали выводы современной им науки.

По мере завершения борьбы с народничеством (1896—1898) их теоретическая деятельность была перенесена из области экономики в область философии. Признавая и пропагандируя экономическое учение Маркса, они не являлись последовате-

лями его учения в области философии, занявшись поиском этического фундамента социализма. Попытки «легальных» марксистов соединить марксизм с идеализмом стали предметом активной полемики между марксистами.

С 1899 г. началось формирование «критического направления» в марксизме (Струве, Туган-Барановский, Булгаков), выступившего с пересмотром марксистской политэкономии, теории социальной революции и классовой борьбы. Одновременно Струве заявил о необходимости широкого, в том числе идеалистического, обоснования социализма. На рубеже XIX и XX вв. к «легальным» марксистам примкнули Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, А.С. Изгоев и др.

**От марксизма
к христианскому
социализму**

Взгляды «легальных» марксистов развивались. Важнейшим знаком их мировоззренческой эволюции стал сборник философских статей «Проблемы идеализма» (1902). Мировоззренческий выбор между марксизмом и идеализмом был сделан участниками движения в пользу идеализма и христианского социализма. Началось движение, получившее у самих участников название русского духовного ренессанса и соединившее всех вышедших и из марксизма, и из идеализма. Цель его виделась в формировании нового религиозного сознания. Организационно движение было связано с деятельностью «Религиозно-философского собрания», «Религиозно-философского общества», «Средами Вячеслава Иванова». Из периодических изданий следует иметь в виду журнал «Вопросы жизни», «Новый путь», издательство «Путь» и др.

При том что русской христианской религиозной мысли был свойствен социальный пафос, она не была социально влиятельна. Связано это было в том числе и с ее фрагментарностью, известной неформальностью, и с тем, что движение охватило культурную элиту в известном смысле оторванную и от старого, и от нового в социальной жизни. Движение обнаружило глубочайший разрыв с позитивизмом, дало преодоление неокантианства в интуитивизме Н.О. Лосского.

Исторические концепции, сформулированные в рамках этого философского и общественно-политического течения, всеми своими нитями связаны с мировоззренческим выбором участников движения. Ими был сделан выбор в пользу синкретизма как принципа, предполагающего единство индивидуального, социального и общечеловеческого в истории. Синкретизм имел своим следствием единство философии и христианства. Это

принципиально отличает отечественных мыслителей от западноевропейских, подчеркивающих автономию разума в отношении веры.

Основной пафос русской религиозной философии был адресован развенчанию «рационалистической» философии, через увлечение которой участники движения прошли в марксизме. Антионтологичность, т. е. идеалистичность рационалистической философии, обнаруживалась в ее стремлении расщепить бытие отделением духа от разума, воли от чувства. Таким образом, христианская социалистическая мысль выступила против идеализма во имя «онтологического реализма». Проявился примат бытия во всей его полноте. Русская мысль, по выражению Н.А. Бердяева, «хотела понять познание, как соучастие в бытии, бытие же понимала как конкретное сущее».

В соответствии с обозначенным мировоззрением наука определяется как третий род знания наряду с верой и философией. В собственно науке вычлениаются три взаимосвязанных уровня соответственно трем родам знания: опыт, эксперимент, прозрение ума, или, иными словами, уровни интуитивный, эмпирический, рациональный. Проблема границ научного знания последовательно реализуется в творчестве С.Н. Булгакова.

Но следует при всем том иметь в виду, что в основе такого отношения к науке и знанию лежала концепция «цельного знания», привнесенная в науку из святоотеческой литературы И.В. Киреевским и А.С. Хомяковым. Сущность ее в понимании познания как соединения отвлеченной логической способности, голоса чувства, устремления воли, внушения эстетического смысла, любви сердца. В формуле Владимира Сергеевича Соловьева это звучит как единство теологии, философии и науки, или Духа, души, ума.

Философское видение места науки в системе познания, изложенное выше, очевидно проистекало из самосознания эпохи, изживавшей простую ньютоновскую механику. Хотя до оформления идей ноосферы было еще далеко, В.И. Вернадский писал в 1888 г. в письме к В.В. Водовозову: «И в самом деле, на чем основано наше убеждение, что есть только один путь познания? Отчего мы можем узнавать только путем тех логических попыток, которые делаются отдельными людьми и которые направляются другими людьми? Если мы вдуемся в это, то увидим, что у нас нет никаких данных для этого или все эти данные вроде *Circulus vitiosus*'a (порочного круга).

То, что выработано народной жизнью, несомненно, является сильным, прекрасным, могучим и в то же время является таким властным, что я не чувствую себя в силах освободиться от этого, и даже является таким сросшимся со всем существом моим, что я не чувствую желаний сбросить эти оковы, — мне даже кажется иногда, что это массовое познание является остовом всего моего ума и что я могу только добиться чего-нибудь, когда исхожу и опираюсь на это, массами познанное».

Важной вехой становления движения было приобщение к теории экономического материализма и к идеям К. Маркса. Итогом стала оценка марксизма как религиозной доктрины. Теории Маркса были определены как вариант иудейского хилиазма, когда избранный народ заменяется избранным классом — пролетариатом. Именно из религиозной сущности марксизма проистекает его нетерпимость к инакомыслию. Претензии марксизма на универсальность выводились отечественными мыслителями не из его субъективной стороны, а из объективно-религиозного характера его учения. С этим связывалась и необходимость следовать раз принятым принципам, и вера в социальный катаклизм как необходимость, и слитность цели и средства в самом учении.

Вместе с тем из анализа учения Маркса исходила и высокая оценка его роли в развитии общественного движения в России. Марксизм помог увидеть общественные явления в единстве, преодолеть субъективную социологию, поставить вопрос о развитии капитализма в России. Таким образом, марксизм обеспечил мощнейший рывок в общественной идеологии. Он помог пониманию зависимости социального развития от экономических феноменов, разъяснив значение социальной материи, экономических отношений, общественного хозяйства и социального способа производства. Столь высокая оценка социологии и теории марксизма стала основанием и для характеристики опасных сторон его системы. Опасность виделась в постановке вопроса о цене прогресса, в стремлении распространить закономерность на область идей, стремлений, идеалов, эмоций. В этом стремлении виделась духовная сущность марксизма.

П.Б. Струве считал, что в конечном итоге идеи Маркса о классовой психологии являлись «выражением вовсе не действительности, а лишь страстного желания остановить движение мысли на одной его ступени, своей обязательной стройностью и законченностью, производящей какое-то гипнотизирующее действие.

Кроме того, в корне его лежит несостоятельная a priori и убийственная одинаково и для теории, и для практики мысль о какой-то единообразной зависимости между практическим и теоретическим мирозерцанием. Такой зависимости нет и быть не может. Связь между научно-философским пониманием, с одной стороны, и практическими воззрениями на общественно-должное, с другой стороны, представляет чрезвычайно важный предмет индивидуальной и социальной психологии».

Преодоление марксизма осуществлялось на базе традиционных философско-религиозных умозрений. Эти умозрения дают основания и для пророчеств относительно результатов принятия марксизма в качестве мировоззренческой основы исторического бытия России: «Очевидно, что на голом классовом интересе можно воспитать новую буржуазию, но нельзя основать великого исторического движения» (Булгаков). В этом же духе выскажется позже Бердяев: «Русский народ, ныне переживающий кровавый бред и неслыханную тиранию, может устроиться, приобрести твердую почву, получить внешние права и свободу, может отдать свои силы строительству и организации цивилизованной жизни и обмещаниться и обуржуазиться». Но вопрос в том, сохранит ли он свои духовные черты?

Социально-экономические взгляды

Содержание социальных категорий, к оценке которых прибегают христианские социалисты, не совпадает с социологически привычными. К примеру, мещанство есть в первую очередь, и главным образом отрицание яркой, творчески оригинальной личности. Такие определения социального связаны с тем, что русской этике не свойственны экономически продуктивные добродетели.

Поскольку в истории выделялись именно идеальные цели, понятие прогресса заменялось в выработанной христианами социалистами доктрине понятием «смысл истории». Христианство — спасение мира в смысле сохранения всех истинных ценностей, когда-либо созданных в этом мире. В этом и заключается подлинный эволюционизм, признающий подлинную значимость исторического в смысле истории.

Христианские социалисты отрицали вслед за предшественниками рационалистическое понимание хозяйства, говорили о политэкономии как прикладной этике и ставили вопрос о «христианской политэкономии». В этом явно проступала связь с этической или исторической школой в экономической науке. Вместе с тем было и существенное различие. Материальное

освобождение из-под власти природы воспринималось как условие для духовной жизни. Провозглашалась самоценность человеческой личности и делалось однозначное заключение о несовпадении ее интересов с органическими принципами капитализма. Хозяйственная необходимость соотносилась с правом человека на выбор форм хозяйственной деятельности. Осмысливали христианские социалисты и понятие «духовная атмосфера эпохи». В этом контексте они ставили вопрос о духовном состоянии, этических установках и поступках собственника.

Социально-экономическая доктрина, сформулированная христианскими социалистами, имеет определенную стройность и завершенность. Христианские социалисты были принципиально не согласны с постулатом о детерминированности сознания преобладающим способом материального производства. Они исходили из того, что корни экономического поведения находятся в сфере сознания и культуры, и доказательство тому видели в способности людей выносить самые крайние материальные невзгоды во имя идей, существующих исключительно в сфере духа. Христианские социалисты отрицали прогресс как движение по некоторой прямой к цели, мыслимой вполне материально. Такая постановка вопроса означала для них ограниченный позитивизм, утративший чувство трагизма жизни.

Носители идей христианского социализма не верили в возможность устранения зла и противоречий жизни через материальное, социальное развитие. С.Н. Булгаков видел в теории прогресса обусловленный преклонением перед эмпирическим человечеством идею «унавоживания прошлыми поколениями гармонии грядущих». Н.А. Бердяев скажет об этом же по-другому: кучка людей, счастливо устроившихся на груди наших трупов, не может быть нашей целью. Итак, они ставили проблему господства идеальных целей в истории, тему стоимости будущей гармонии, тему смысла истории. Прогресс — движение от сущего к должному, а в развитии человека — должное — это духовные ценности. О сохранении всех подлинных ценностей, когда-либо созданных в этом мире, и следует беспокоиться.

Пафос исторических концепций христианских социалистов направлен против тех рационалистических экономических теорий, которые пришли в Россию из Западной Европы. Истоки экономизма они видели в гуманистической культуре, поставившей человека в центр философии, что означало на низах

культуры превращение гуманизма возрождения в мелкий наивный мещанский эгоизм. Этим маленьким человеком и занялась политэкономия со времен Давида Рикардо.

В центр политэкономии христианские социалисты ставят этические запросы современного человечества и, таким образом, превращают эту науку в прикладную этику. Философия хозяйства, которую создавал С.Н. Булгаков, фактически теряла какую-либо автономию в качестве научной дисциплины и связывала воедино научное, философское и религиозное познание. С этой точки зрения политэкономия призвана обнаруживать требования социальной морали. В концепциях христианских социалистов экономические факты получили религиозное освещение. В своих работах они исследовали этический элемент, присутствующий в труде, его отражение в сознании русского крестьянина, в хозяйственной жизни монастырей и др.

Одним из важнейших факторов хозяйства они считали религиозное самоопределение личности. Из чего следовало, что экономическая доктрина, наука должна брать в расчет не только объективно присутствующую в хозяйстве необходимость, но и свободу, заложенную в творчестве человека. Носители идей христианского социализма много говорили о необходимости исторического психологизма, позволяющего выделить духовную атмосферу эпохи, психологию хозяйственных эпох, уловить динамику в смене хозяйственных мировоззрений. Именно в этом историческом контексте предлагались классификации хозяйственных систем. Так, М.И. Туган-Барановский разделил все хозяйства на гармонические и антагонистические, исходя из того, в каком подчиненном или свободном положении находится в них непосредственный производитель, является ли человек целью или средством хозяйственной деятельности.

При оформлении концепций было отчетливо выражено понимание того, что движение к осуществлению идеальных целей может быть только эволюционным. В центре оказывались проблемы исторической эволюции традиционных российских социально-хозяйственных форм. Острейший интерес был проявлен к судьбам крестьянского хозяйства, целый ряд наблюдений касался самых разных форм организации труда. Христианскими социалистами была выработана идеалистическая критика капитализма. Главным противоречием этого строя, превращающим его в тормоз для раскрытия духовных, творческих сил

человека, признавалось противоречие между производством как средством удовлетворения человеческих потребностей и как целью в себе ради создания капитала. Проявление личности в хозяйстве — вот стержень исторических концепций христианских социалистов. Изучение субъективно-психологических сторон, складывание спроса и предложения на рынке, рыночная стоимость как равновесие субъективных человеческих устремлений — центр теории ценностей М.И. Туган-Барановского. В социальной теории распределения особый вес был придан социальным факторам хозяйства. Было подвергнуто критике упрощенное понимание труда, обоснована равнозначность экономически непроизводительного и живого труда. Восприятие лишь физического труда как собственно труда оценивалось как следствие количественного миропонимания.

История русской промышленности

Из изложенных теоретических построений вытекают и подходы к изучению конкретно-исторических явлений. В первую очередь, это русская фабрика. Применяя сравнительно-исторический подход, Туган-Барановский указывал на особенности развития русской фабрики, предопределившие роль скупщика. В этом проступал географический фактор: низкая плотность населения, разбросанность городов, необходимость посредничества между производителем и потребителем.

Исследователи промышленности неизменно подчеркивали роль государства в образовании фабрики. Многие дали сопоставление с английским типом капитализма. Был сделан вывод, что русский капитализм — явление оригинальное, характеризующееся бюрократической опекой, стремлением управлять всей экономической жизнью страны из столиц, тенденцией покровительствовать промышленности средствами, выкачанными из хозяйства экономически закабаленного народа. С.Н. Булгаков негативно оценил тот факт, что индустриализация России проходила за счет сельского хозяйства.

Из всех форм промышленности неизменно особое внимание уделялось кустарной. Подчеркивалась крайняя устойчивость кустарной промышленности, проявлявшаяся вопреки теоретическим доводам о ее нецелесообразности. Туган-Барановский особое внимание обращал на воздействие крупной фабрики на рождение промыслов, зачастую уничтожавших и саму фабрику. Булгаков считал, что закономерно предположить оригинальное развитие русской кустарной промышленности.

Из нее могла бы вырасти своеобразная форма народного труда на присущем России соединении промысла и земледелия. В контексте кустарной промышленности изучалась кооперация и такое народное психологическое явление, как артельное начало.

Апологетика кустарной промышленности звучит в словах П.Б. Струве: «Наша национальная промышленность олицетворяется не лаптем, не куском грубого полотна, не примитивным горшком, вымениваемым на просо, а кимрским сапогом, павловским замком, семеновской ложкой, тульской гармоникой — словом, предметами, имеющими совершенно неоспоримое право на звание т о в а р о в».

Вопрос о соотношении крупной и мелкой промышленности в сравнительно-историческом плане поднимался С.Н. Булгаковым. По итогам своих наблюдений он формулирует: «Для современной промышленности передовых европейских стран характерна не борьба крупного и мелкого производства с перевесом в ту или другую сторону, но постоянное увеличение числа таких отраслей производства, которые могут быть введены только в крупной (а иногда, хотя и редко, только в мелкой) форме производства. PS. Это следовало бы принять во внимание тем, кто по данным статистики о росте крупных предприятий делает вывод в пользу «концентрации» мелких; последнее может совершенно отсутствовать и тем не менее число крупных предприятий расти».

Наряду с кустарной промышленностью активно анализировалась и аграрная проблематика. Мыслители пришли к выводу, что эволюция сельского хозяйства — это наиболее индивидуальный элемент в экономической динамике. Эволюция сельского хозяйства приобретает разные формы в разных типах хозяйств, не подчиняясь общим законам. Эти выводы были реакцией на утверждение, согласно которому промышленность и земледелие развиваются по тождественным законам и закон концентрации производства носит универсальный характер.

Так была создана теория трудового крестьянского хозяйства С.Н. Булгакова. Кооперация труда, характерная для промышленности, оказывалась, с его точки зрения, мало свойственна земледелию, где большинство отраслей одинаково доступны как малому, так и крупному хозяйству. Он приходит к выводу, что узкая специализация настолько же пагубна для сельского хозяйства, насколько успешна для фабрики. В особое положение аграриев ставили уже сезонность работ и длительный пустой цикл.

Носители идей христианского социализма отстаивали необходимость сохранения всех типов хозяйств, действующих в России, и потому, что видели в них выбор России, и потому, что полагали, что можно устранить значение производства как источника земельного продукта, но недопустимо устранение аграрного сектора производства как источника здорового духа и силы нации.

**Культура
и цивилизация**

В соответствии с мировоззренческими подходами христианских социалистов принципы периодизации истории человечества должны базироваться на вычленении исторических эпох, представляющих собой шаг вперед в росте сознания человека, в его освобождении из-под деспотичного влияния внешней среды. Отсюда и специфический взгляд на эпохи в истории России и Запада. По-иному, чем западноевропейская историческая мысль, ставили наши мыслители вопрос о культуре и цивилизации. Произошло это еще и потому, что противоположность культуры и цивилизации была отечественной мыслительной традицией уловлена раньше. Цивилизация как буржуазная цивилизация Запада рассматривалась в контексте противоположности России и Запада многими, отчетливо была выражена еще у революционных демократов первой половины XIX в. В.Г. Белинский, как бы предвидя грядущие споры, скажет: «Пусть процветает в Северо-Американских Штатах гражданское благоденствие, пусть цивилизация дошла до последней степени, пусть тюрьмы там пустые, трибуналы праздно, но если там, как уверяют нас, нет искусства, нет любви к изящному, я презираю это благоденствие, я не уважаю этой цивилизации, я не верю этой нравственности, потому что это благоденствие искусственно, эта цивилизация бесплодна, эта нравственность подозрительна. Где нет владычества искусства, там люди не добродетельны, а только благоразумны, не нравственны, а только осторожны; они не борются со злом, а избегают его не по ненависти ко злу, а из расчета».

Оценка культуры в традициях христианских социалистов претендует на понимание культуры как выражение богочувствования. Отсюда и связанный с культурой расцвет высокого искусства, исполненного глубокой символики. Признаком культуры для них была деятельная государственная идея, объединяющая народы на основах общности жизненного стиля. Культура религиозна по своей природе и этим отличается от цивилизации, которая безрелигиозна. Культура национальна,

цивилизация интернациональна. Таким образом, цивилизация заменяет вопросы религиозного и метафизического характера вопросами этики и жизненной практики. Цивилизация превращает народные организмы в практически заинтересованные массы, связанные с господством механизма и космополитизма, а это означает победу мировых городов над «деревенскими дачами» и власть четвертого сословия.

Отмеченное европейской мыслью движение души каждой эпохи от жизни к смерти, «от культуры к цивилизации» не оспаривалось христианскими социалистами, но подвергалось жесткой критике за внутренний пессимизм, за отказ от романтизма, за жажду принять пафос цивилизации, стать гражданином мирового города. Прямо отмечалось, что европейская мысль не понимает религиозного смысла в культуре, не постигает его. Для теоретиков круговорота нет всемирной истории, нет человечества, нет смысла истории. Социологический прогноз на новое Средневековье имел в виду будущую цивилизацию, которая выглядела в этой концепции варварством среди машин, ибо для строительства цивилизации «необходима притупленность сознания, толстокожесть, необходима наивная вера в бесконечный прогресс цивилизации». Пессимизм человека цивилизации чужд христианским социалистам. Начало XX в. они квалифицируют как конец новой истории. «В глубинах жизни, еще совершенно бездейственно и уединенно, назревают истоки нового движения, которому, быть может, суждено сотворить новую культуру, искупив основное грехопадение ренессанса». Так рождался человек «нового Средневековья», связанный с возвращением онтологического мироощущения. Постановка традиционного для отечественной исторической науки вопроса о соотношении судеб России, Востока и Запада в представлении христианских социалистов существовала в контексте специфики религиозного опыта. Именно традиционная историческая тема о специфике исторического пути России и привела русскую мысль к необходимости выработать собственную православную философию, принципиально отличную от немецкой идеалистической философии, ставшей лишь одним из истоков русского религиозного ренессанса. Так по мысли русских философов в свое время греческие учителя церкви использовали для раскрытия сути христианства греческую философию. Как видим, взаимосвязь эпох рассматривается как духовная взаимосвязь.

Смысл истории Мировоззрение христианских социалистов диктовало и взгляд на содержание и смысл отдельных периодов истории России. XIX век воспринимался как век раскола национального сознания, век приготовления революции, хотя онтологичность русского сознания была нарушена по этой концепции задолго до этого века и даже до Петра. Русское барство XVIII в. заимствовало европейскую культуру, а творческая мысль русская не пробудилась. Эпоха Александра I оценивалась как время разрыхления почвы для душевного развития. Родилась оригинальная русская мысль, связанная в первую очередь с гением А.С. Пушкина. Сразу встал вопрос о месте России в мире. Это тема не только России и Запада, но и тема России, Востока и Запада.

Истории России были заданы вопросы: почему Петр I так расколол общество, почему столь беспочвен русский культурный слой? Почему нет органической связи между обществом и властью, между интеллигенцией и народом? Выдвигается идея характерности для русской истории расколов и прорывов (татарское иго, Смута, раскол, Петр I и пр.). Из конкретно-исторических концепций, обусловленных поиском духовного смысла явления, распознаванием специфики сознания, следует назвать темы революции, интеллигенции, народного характера, национальный вопрос.

Христианские социалисты стремились, таким образом, сохранить объективный характер идей экономического материализма, придав им духовно-нравственный смысл, углубив производственно-созидательный момент, присущий экономическому материализму. Для этого пришлось отказаться от субъективно-классовой стороны учения, которое они приветствовали на русской почве в момент борьбы с народничеством.

Мировоззренческие истоки и исторические концепции христианских социалистов дали основания для того метода исторического познания, который был оформлен в отечественной исторической науке в конечном итоге в философии истории Л.П. Карсавина. Первопосылка системы Карсавина звучит так: «Эмпирическое знание о развивающемся всеедином субъекте всегда есть знание одного из его моментов... При всей неполноте своей выраженности, всякий момент выражает нечто, только ему присущее, его специфический аспект всеединой истины. Ущербленное, неполное выражение не есть еще ложное выражение». Этот подход к пониманию и постижению истории в системе Карсавина противопоставляется стремлению

свести исторические явления на внешние, объективные факты, сделав историю наукой через установление причин и законов. Карсавин считает исторический материализм естественным последствием этих стремлений. Для себя же он раз и навсегда приходит к выводу, что «предмет истории может быть ближайшим образом определен как *социально-психическое развитие всеединого человечества*».

Литература

- Бердяев Н.А. Типы религиозной мысли в России. Париж, 1989.
 Булгаков С.Н. Карл Маркс как религиозный тип. Париж, 1989.
 Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990.
 Захарченко И.Н. Исторические взгляды М.И. Туган-Барановского // История СССР. 1985. №2.
 Кувакин В.А. Религиозная философия в России. Начало XX в. М., 1980.
 Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993.
 Проблемы идеализма. М., 1902.
 Смирнов И.П. От марксизма к идеализму: М.И. Туган-Барановский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев. М., 1995.
 Соловьев Вл.С. Философские начала цельного знания // Соч. М., 1988. Т.2.
 Струве П.Б. На разные темы. СПб., 1893—1901.

Народникам отдавали должное даже их постоянные оппоненты и идейные противники. В.И. Ленин понимал под народничеством «громадную полосу общественной мысли», «целое миросозерцание». Размышляя о ленинском подходе к народничеству, невольно обращаешь внимание на два обстоятельства. Во-первых, в отмеченной целостности было представлено разнообразие историософских позиций и конкретных подходов к истории. А во-вторых, стержень процесса идейного развития исторических представлений народников отличал эволюционный характер тенденции их ухода от революционности к либерализму. Народников объединяло представление о том, что философско-исторической мысли предстоит еще долгий путь познания законов истории. «Существуют, правда, законы, управляющие обществом без его ведома, но это законы естественные, свойственные социальному телу, как физические законы присущи материальным телам. Большая часть этих законов до сих пор не открыта, а между тем они управляли человеческим обществом с его рождения, независимо от мышления и воли составляющих его людей. Отсюда следует, что их не надо смешивать с политическими и юридическими законами, провозглашенными какой-либо законодательной властью, которые в разбираемой нами системе считаются логическими выводами из первого договора, сознательно заключенного людьми» — так, например, представлял себе проблему М.А. Бакунин. Эта мысль, высказанная им в работе «Федерализм, социализм и антитеологизм» еще в 1867 г., затем неоднократно публиковалась, начиная с 1895 г., т. е. со времени издания первого собрания сочинений Бакунина.

Для идеологов народничества, мыслителей и историков этого направления характерны широкая образованность, знание русских и зарубежных концепций, творческий подход. Патриархи народничества — М.А. Бакунин (1814—1876), П.Л. Лавров (1823—1900), В.В. Берви-Флеровский (1829—1918) — были младшими современниками А.И. Герцена. Поколение, родившееся в 1840-х гг., представляли: П. А. Кропоткин (1842—1921), Н.К. Михайловский (1842—1904), П.Н. Ткачев (1844—1885/86), Н.Ф. Даниельсон (1844—1918), В.П. Воронцов (1847—1918), В.И. Семевский (1848—1916), И.И. Каблиц (Юзов) (1848—1893), А.Я. Ефименко (Ставропольская) (1848—1918). Оно было самым многочисленным. В 1850-е гг. родились Я.В. Абрамов (1858—1906) и Л.Э. Шишко (1852—1910). В.А. Мякотин (1867—1937) принадлежал уже к другому поколению, родившемуся в конце 1860-х. Этими именами не исчерпывается богатое на индивидуальности народническое направление отечественной мысли. Однако упоминание о перечисленных легендарных символических фигурах народничества говорит о богатом наследии удивительного мира идей, оставленного нам каждым из них.

В 1880 — 1890-е гг. народничество находилось в состоянии серьезного идеологического кризиса. Народники сами тогда подвергли ревизии идеи апостольской проповеди интеллигенции. Исследователи видят корни этого кризиса во второй половине 1870-х гг. Именно тогда, во многом благодаря усилиям ведущего публициста журнала «Неделя» П.П. Червинского, возникает идея «культурничества»; подвергаются критике мнения о выдающейся роли интеллигенции в истории и об исключительной роли идей вообще. «Идеям», как якобы решающему фактору прогресса, противопоставляются «чувства», нравственные и социальные настроения масс, естественные законы жизни, «почва». В 1878—1879 гг. настойчиво высказывается мысль о том, что «незачем особенно заботиться о выработке идеалов будущего строя, потому что в исконных желаниях русского народа мы уже имеем очень солидный фундамент для постройки общественного порядка, неизмеримо высшего, чем ныне существующий». «Бросим иноземную, чуждую нашему народу форму наших идей, заменим ее тою, которая ему свойственна, близка, родственна. Пришло время сбросить с социализма его немецкое платье и одеть в народную сермягу». Все это публиковалось на страницах периодического издания «Земля и воля». Изучив источники, современные исследователи пришли к выводу, что,

«видя бесполезность борьбы за улучшение государственных форм, «восьмидесятники» заявили о своем отказе от наследства 1860—70-х гг., о замене пропаганды социализма его агитацией на основе практических интересов и потребностей народа... «Культурники»... пытались «выжать из наследства великих русских демократов политическую тенденцию, интерпретировать его, прежде всего, как этическое наследство».

В новейшей литературе «культурничество» определяется как правое крыло реформаторского народничества. Само направление получило развернутое выражение в «теории малых дел». Ее отличали демократизм, глубокая вера в культуру и убеждение в том, что России нужна армия мирных работников, умеющая привить блага цивилизации в самых глухих ее уголках. Подобный подход открывал возможности для иной постановки вопроса о перспективах развития страны.

Наиболее полно разработал «теорию малых дел» Я.В. Абрамов, однако термин этой концепции дали его оппоненты. Затем пропаганду «теории малых дел» продолжил С.Н. Кривенко (1847—1906). По времени интерес к этой теории не случайно совпадал со «вторым хождением в народ», которым демократическая интеллигенция отреагировала на голод 1891—1892 гг. Кривенко подошел к действительности по принципу долженствования, с точки зрения рационально сконструированного идеала. Он сделал упор на нравственные мотивы человеческой деятельности, увидев в них критерий общественного прогресса. С.Н. Кривенко сумел переложить идеи В.В. Берви-Флеровского, П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского на язык практических формул, сделав их исходной точкой народнической программы общественных преобразований. В полемике с Владимиром Соловьевым в 1892 г. Кривенко отстаивал стремление народников к слиянию интеллигенции и народа. Он выступал в защиту деятельности в деревне «культурных одиночек», которые, с его точки зрения, способствовали пробуждению гражданского самосознания русского общества. В споре с П.Б. Струве в 1893—1894 гг., не отрицая экономических преимуществ капиталистического способа производства, Кривенко выступал против «хищнического капитализма», ухудшавшего положение «непосредственного производителя». Резерв для смягчения этого тяжелого процесса он видел в изучении истории тех стран, которые к тому времени уже выработали механизм нейтрализации хищничества и законодательно урегулировали на государственном уровне

отношения между рабочими и работодателями. Сравнительно-исторический метод в глазах Кривенко в этом случае приобретал особое значение.

Социологические основания «теории малых дел» проанализировал И.И. Каблиц (псевдоним Юзов) (1848—1893) в работе «Основы народничества» (1882). Опираясь на воззрения британского философа и социолога Г. Спенсера (1820—1903), он обосновал преимущества постепенной общественной трансформации, при которой совершенствование социально-политических форм идет в соответствии с меняющимися запросами личности, народными настроениями и понятиями. Однако Каблиц (Юзов) оценивал возможности интеллигенции в ее позитивной работе с народом достаточно скептически.

В отличие от И.И. Каблица и В.П. Воронцова Я.В. Абрамов считал интеллигенцию непосредственным, практическим помощником, «другом народа» в деревне. Отметим общее: при всех отличиях и с той и с другой стороны все громче звучали требования полного отстранения интеллигенции от «социальных опытов» над народными массами. Таким образом, направление мировоззренческой эволюции народничества 1870—1890-х гг. очевидно. При наличии постоянной составляющей террора на разных этапах народнического движения тем не менее общая тенденция выражалась в том, что в целом народническое направление общественного движения сначала шло от просвещения к террору, а затем после тяжелых потерь возвращалось к социокультурной деятельности, и возрастающий интерес к эволюционным представлениям в этом контексте понятен.

У отдельных представителей народничества отношение к террору было разным, причем некоторые мыслители в течение жизни меняли свое представление о роли террора в истории. Концептуальные результаты мировоззренческой эволюции являлись очевидным фактором, корректирующим концепцию.

Однако, обретая новое мировоззрение и во многих случаях эволюционируя «вправо», немногие покидали идейное русло народничества. Большинство находило себе место под сенью одного из его берегов. Среди тех, кто преодолел народнические убеждения и, открыто заявив о мировоззренческих причинах, порвал с народничеством, был Л.А. Тихомиров (см. главу 17).

Народники относились к марксизму отрицательно, но они размышляли над целым рядом научных положений марксиз-

ма, и в этом смысле учение Маркса оказывало на них безусловное влияние. Несомненно, существовало также и взаимовлияние народничества и марксизма.

«Русскую версию» марксизма народники воспринимали как доктрину, полную жестокости и «направленную против всего мира». Причины устойчивого неприятия марксизма лежали в этическом императиве, который являлся основополагающим как при оценке фактов, исторических явлений, так и в анализе исторического процесса. Убежденные, что субъективизм — неизбежный спутник человеческого познания, П.Л. Лавров и Н.К. Михайловский писали о теории классовой борьбы как вульгарно-социологической крайности. Против известного положения «Манифеста коммунистической партии» «об идиотизме деревенской жизни» высказывался Михайловский: «Горе тому поколению, которое воспитывается на презрительном отношении к «идиотизму деревенской жизни».

Имеем ли мы основания, не взирая на многосоставность и многообразие позиций внутри народничества, говорить о нем в целом? К числу причин, позволяющих утвердительно ответить на этот вопрос, можно отнести прежде всего то единство, которое придавали народничеству целебные свойства, почерпнутые им из социально-этического источника подвижнического отношения к вопросу о нравственном долге образованного общества перед людьми труда, в первую очередь крестьянами, и идеи ответственности за судьбу народа. Методологическое значение такого подхода видится в неизбежном привнесении в науку этического и психологического начал. То есть фактор, оказавший сильнейшее воздействие на направление идейных и теоретических поисков народничества, лежал в плоскости реальной действительности и ее восприятия определенным типом людей, людей, воспитанных в понятиях чести и вобравших в себя лучшие традиции дворянской культурной традиции; в том числе воспитанных и чтением в семейных библиотеках. Ощущение выдающихся представителей народничества в своей «призванности историей», в сочетании со «вселенской совестливостью» и «чувством вины» за страдания многомиллионного народа, являлись основным нервом мироощущения русской дореволюционной интеллигенции.

Большинство теоретиков и мыслителей народничества принадлежало к поколению, сначала испытывавшему надежды, рожденные атмосферой «Великих реформ», а затем — не менее сильное разочарование, вызванное действиями правительства.

Итоговая реакция не могла быть никакой другой, как эмоциональной и протестной; и она проявилась в социально-политической заостренности концепций, выражая себя в теоретических трудах народников, формировала философию истории, направляла течение мысли.

Народники исповедовали своеобразную религию личности. Фундаментальной характеристикой мировоззрения большинства стал антропологизм. Подобно А.И. Герцену, ряд представителей народнического течения высоко ставил «борьбу за индивидуальность». В содержание этого термина вкладывалось общественное, а не эгоистическое содержание — борьба за целостную личность, и, наконец, борьба «за целостную правду». Жизнь ставила не только вопрос о взаимодействии героев-одиночек и крестьянской массы, но и предлагала варианты решений.

В советской и зарубежной литературе, в частности эмигрантской, по-разному характеризуется структурный состав народничества. В отличие от привычного для нас «учебного» деления народничества на просветительское, бунтарское и заговорщическое направления, которые у каждого ассоциируются соответственно с именами их лидеров: П.Л. Лаврова, М.А. Бакунина и П.Н. Ткачева, — религиозный философ В.В. Зеньковский, тоже выделяя в народничестве три направления, давал им иную персонификацию и содержательную характеристику. Так, наряду с Н.К. Михайловским, «связанным с социалистическим народничеством», он относил к народникам «почвенников» (в лице Ф.М. Достоевского и Н.Н. Страхова), а также Л.Н. Толстого, «погружение в народ для которого стало источником нового мировоззрения — оживления руссоизма и религиозно-анархического отношения к современности». Тем самым место народничества в культурной и общественной жизни России виделось Зеньковскому в гораздо более широком контексте: «Социалистическое народничество в лице Михайловского примкнуло к разработке проблемы об отношении России и Европы и принесло сюда новый существенный материал. По существу, все это было уже у Герцена, для которого существовали после его перелома только два вопроса — русский и социальный, что сливалось для него в одно целое. Но социалистическое народничество позднейшей эпохи еще резче, еще сильнее бичевало тип буржуазной цивилизации, — и для него национальные проблемы отодвигались перед социальными».

Зеньковский отметил глубокое «духовное сродство» построений народников с религиозными представлениями других

русских мыслителей. Для него «позитивизм Михайловского оказывается лишь полупозитивизмом, а иногда он более прямо приближается к религиозной постановке вопросов (понимая религию все же слишком моралистически и обнаруживая чрезвычайное непонимание ее мистической стороны)». Тем любопытнее в его глазах частичные совпадения Михайловского в оценке и характеристике Европы с мыслителями религиозного типа. Показательно в данном контексте мнение Н.А. Бердяева о Михайловском: «Наш противник, друг и отец», потеря которого в 1904 г. горько отозвалась в сердцах многих, в том числе и русских религиозных мыслителей. Современные авторы отказались от прямолинейности при рассмотрении проблемы влияния народничества на русскую культурную и умственную жизнь рубежа XIX—XX вв. Так, английский автор А. Пайман проанализировала причины категорического неприятия Михайловским мироощущения символистов. Она разобрала ситуацию 1892 г., когда тот обрушился с критикой на увлечение И. Кантом своего бывшего ученика, поэта и эссеиста Д.С. Мережковского, уже заслужившего к этому времени известность среди народников. Мережковский писал, что избавить человека от социальной несправедливости — все равно что избавить чахоточного от зубной боли, что позволит с большей остротой ощутить муку смертности.

**«Формула
прогресса»**

Философия истории народников представляет собой теорию прогресса. Виднейшие умы этого течения предлагали ее собственное понимание. М.А. Бакунин (1814—1876)

в прогрессе видел тенденцию постоянного «приращения» свободы личности. Главным угнетателем человека он считал государство, созданное меньшинством для господства над большинством. Государство и гражданское общество — антиподы. Именно между личностью и государством, по Бакунину, и разворачивается в истории основная борьба.

«Формула прогресса» П.Л. Лаврова (1823—1900) обретала в течение его творческой жизни новые характеристики. Сначала она включала взаимодействующее «подталкивание» сознания (индивидуального и общественного) и солидарности. Лавров определял прогресс как рост общественного сознания и сознания индивидов, но такой рост происходил лишь до тех пор, пока сознание не начинало препятствовать развитию солидарности. В свою очередь и солидарность имеет тенденцию прогрессивного роста только до тех пор, пока ее рост не мешает развивать-

ся сознанию (индивидуальному и общественному) и опирается на него. Лавров рассмотрел теоретическую возможность прогресса при условии гармоничного развития двух его составляющих — сознания (индивидуального и общественного) и солидарности. Последняя категория «солидарности» у мыслителя является цементирующим основанием сознания, возможностью нахождения индивидуальным сознанием себе социально значимого места и взаимодействия с сознанием общественным.

История, по Лаврову, в конечном счете есть история мысли, посредством которой культура перерабатывается в цивилизацию. В глазах мыслителя смысл истории придает развитие нравственного идеала. Лавров подчинял ему принципы группировки исторического материала и периодизации исторического процесса. Он считал, что, «усвоив по степени своего нравственного развития, тот или другой нравственный идеал, расположив все факты истории в перспективе, по которой они содействовали или противодействовали этому идеалу», только и можно изложить историю. Вывод Лаврова о том, что «волей-неволей приходится прилагать к процессу истории субъективную оценку», логически вытекает из его методологии. Таким образом, историческая эволюция выступает у Лаврова как смена (под влиянием критической мысли) форм солидарности, которая продолжается до достижения сознательной солидарности. Соответственно он выделял в истории этапы развития как сознания, так и форм солидарности, считая высшим этапом развития ее высшую сознательную форму, с которой ассоциировал период социалистического преобразования России, т. е. мотивация солидарности, которая, по мысли Лаврова, менялась в ходе исторической эволюции, приобретала в его концепции значение важного фактора.

В знаменитых «Исторических письмах» (1868—1869), которые считали «Евангелием» радикальной молодежи 1870-х гг., Лавров поставил вопрос о тяжелой цене прогресса и о неплатном долге интеллигенции перед народом. В 1881 г. он их дополнил еще одним 16-м письмом «Теория и практика прогресса». Новое издание отразило проделанную Лавровым эволюцию в 1870-е гг. Понятие прогресса было в нем расширено. К ранее названным факторам — развитию личности и идеала, росту сознания (индивидуального и общественного), которые, по мнению Лаврова, должны вести к расширению общественной солидарности, был добавлен еще один — экономический фактор.

С критикой первого издания «Исторических писем» выступил П.Н. Ткачев (1844–1885). Находясь в заключении в Петропавловской крепости, в сентябре 1870 г. он написал статью «Что такое партия прогресса (по поводу «Исторических писем» П.Л. Миртова, 1870)». П.Н. Ткачев не принял позитивизма в отличие от большинства идеологов народничества, хотя внимательно следил за появлением русских изданий сочинений позитивистов и почти ни одно из них не оставил без отзыва. Он считал, что человечество изменяется как путем «постепенного развития» (эволюции), так и путем «исторических скачков». Он высказал мнение, что каждый мыслитель вкладывает собственное понимание в слово «прогресс». Ткачев подчеркивал, что трудно найти в истории другое слово, смысл которого бы извращался и искажался так сильно: «Здесь до сих пор еще считается позволительным навязывать историческому движению чуждые ему цели, цели самих исследователей и наблюдателей». В такой обостренной форме Ткачев отреагировал на субъективизм Лаврова.

Ткачев подчеркивал, что между природой и обществом существует принципиальная разница, которую он видел в том, что в обществе идет такая по силе борьба, которой в природе просто нет. В основе этой социальной борьбы он видел эгоистические устремления умов, определявшие, с его точки зрения, жизнь людей.

Личный эгоизм, по мнению Ткачева, определял детерминированность экономического фактора в истории и диалектику исторической закономерности. Личному эгоизму как фактору деструктивному, но одновременно вносящему динамизм в исторический процесс, Ткачев придавал в своей философии истории основополагающее значение. Он пытался применить для доказательства этой мысли экономический метод. Критерием общественного прогресса для Ткачева являлось материальное благосостояние масс. Но ему приходилось с сожалением констатировать, что пока человечество все еще стоит на месте. Признавая огромную роль личности в истории, решающим фактором Ткачев считал деятельность народных масс.

Заявляя об универсальности экономических законов, Ткачев объективно защищал тезис о своеобразном пути развития России. Он обращался к проблемам истории на протяжении всей своей жизни; рассматривал революционное движение как движение, отражающее российские проблемы, сосредоточив внимание на конспиративных централизованных организациях.

Одновременно с П.Л. Лавровым формулу исторического прогресса в работе 1869 г. «Что такое прогресс?» определил Н.К. Михайловский (1842–1904). Он понимал под прогрессом движение человечества к духовному раскрепощению человека от «расщепленного» в связи с дифференцированием общественного труда человека к *человеку гармоничному*, выполняющему разнообразные функции. Человеческая личность, по Михайловскому, должна стремиться к многогранности выражения своего «я». Таким образом, в качестве основной линии прогрессивного исторического развития он выделил развитие личности, рост ее духовного потенциала и возможностей для реализации ее многогранных способностей.

Размышляя над крупнейшими социологическими системами XIX в. (Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, К. Маркса), Михайловский, как и Лавров, считал не разработанным вопрос о «цене прогресса» в капиталистическом обществе, о социальных гарантиях личности в условиях рыночной экономики. Выше других методов исторического познания Михайловский ставил «субъективный метод». Его представляли три взаимосвязанных компонента: этико-субъективная доктрина, «классовый подход» (в широком понимании) и психологический метод истолкования общественных явлений. Применение «субъективного метода» делало обязательным этическую оценку исторических явлений, подвергало их нравственному суду. По мнению Михайловского, это не препятствовало и не противоречило использованию в исторической науке объективных методов.

«Теория прогресса» Михайловского в среде народников не встретила общего понимания. Ее не приняли Каблиц (Юзов) и Абрамов. Их оттолкнула сама идея о возможном совмещении эволюции человека и общества, а также намерение выработать метод, позволяющий одновременно развивать человеческую индивидуальность и общественное устройство. Абрамов считал, что «...прогресс общества вовсе не обуславливает собою прогресс личности, и личность в прогрессирующем обществе отнюдь не прогрессирует... цель существования общества — общее благо». Противопоставляя «формуле прогресса» Михайловского «теорию малых дел», он писал: «Правда, дела эти «маленькие» — ни капитала, ни известности они доставить не могут. Но из этих маленьких дел слагается жизнь миллионов, от них сплошь и рядом зависит благосостояние и жизнь многих и многих людей».

В основе мировоззрения Абрамова лежала идея о потенциальной способности народа к самоорганизации на социалистических началах, без навязывания ему чуждых форм, и вера в практические меры помощи народу, которые приведут к постепенному изменению жизни людей и построению справедливого общества. В этом отношении Абрамов был ближе П.А. Кропоткину, также высоко ценившему «силу народного творчества» и «народной созидательной деятельности». Однако в отличие от Кропоткина, который рассматривал народ как активно и творчески действующий субъект, Абрамов писал о еще не разбуженной силе народной, пробуждение которой может состояться в будущем, но только благодаря кропотливой работе интеллигенции. «Народные массы, — писал Кропоткин, — вырабатывали в форме обычая множество учреждений, необходимых для того, чтобы сделать жизнь в обществах возможной». Перед интеллигенцией стояла задача помочь народному творчеству опереться «на всю мощь современной науки и техники». Под этим всесторонним и органичным единством, кооперацией народа и интеллигенции Кропоткин понимал анархию. «Анархия, конечно, ведет свое происхождение не от какого-нибудь научного открытия и не от какой-нибудь системы философии... Как и социализм вообще и как всякое другое общественное движение, анархизм родился среди народа, и он сохранит свою жизненность и творческую силу только до тех пор, пока он будет оставаться народным», — в этом Кропоткин был убежден.

П.А. Кропоткин, не меняя принципиальной негативной оценки роли государства в русской истории как «абсолютного зла» и «полной темноты», неспособной к совершенствованию на собственной основе, все же в отличие от М.А. Бакунина — представителя разрушительного крыла традиции антиэтатизма (антигосударственного, анархистского направления) в русской общественной мысли — предлагал позитивную, созидательную программу деятельности. Особое внимание Кропоткин уделял кооперации, ее фундаментальному понятию «взаимопомощь».

Кропоткин перенес на общество сформулированный им «биосоциологический закон взаимной помощи». Социальная жизнь представлялась ему как ипостась жизни биологической. Отвергая диалектику, позитивист Кропоткин считал, что науки о природе и обществе должны пользоваться «индуктивно-эволюционным» естественно-научным методом.

Кропоткин испытывал потребность в создании историософии, которая по-новому интерпретировала бы истоки, смысл и цель истории. Он очень своеобразно пытался решить вопрос о закономерности и воле в истории. Занимаясь исследованием революций как закономерного, необходимого явления и выводя необходимость революции, как и установление нового общественного строя, из своего идеала безгосударственного (анархического) коммунизма, он показал, что основной антагонизм в историческом процессе разворачивался и продолжает идти между народом и начальниками. Кропоткин считал возможным изменение общественного развития в нужном (этическом) направлении благодаря усилиям людей, исповедующих альтруизм и обладающих справедливостью и готовностью к самопожертвованию.

Кропоткин выделял в истории 5 периодов, среди них: три исторических, уже прошедших, периода — первобытного племени, сельской общины и вольных городов, а также современный государственный период, «во время которого все замирало», и, наконец, будущий — безгосударственный. Исторические представления Кропоткина подпитывали его футурологическую концепцию. Хронологические рамки государственного периода он определил как XV—XVI вв. — начало XX в. Исходный рубеж Кропоткин выделил потому, что, с его точки зрения, в XV—XVI вв. возникает государство как искусственно созданный «начальниками» институт для эксплуатации простого народа.

Вплоть до революционных событий 1917 г. Кропоткин возлагал надежды на пятый будущий период, который должен наступить благодаря революции. Ему предстояло разрушить государственные оковы, сковывающие народную творческую энергию. Однако, вернувшись в Россию 12 июня 1917 г. (после Февральской революции), 74-летний ученый пережил трагическое крушение надежд. Ни о каком мирном и добровольном самопреобразовании общества на основах «безгосударственного коммунизма» не шло и речи. После Октябрьской революции Кропоткин предупреждал об опасности бюрократизации всех сторон жизни, неэффективности ставки только на крупное государственное машинное производство, необходимости минимизации централистских функций государства. Он высоко ценил возможности местного самоуправления и местной инициативы.

Выдвижение на первый план целого, а не индивида; сознательное принесение в жертву обществу человека, усиление

внимания к экономическим вопросам истории — все эти тенденции народнической историографии конца XIX — начала XX в. не меняли кардинально общей для народничества идеи ответственности за судьбу народа. Предлагавшиеся народниками «формулы прогресса» и определения «величины прогресса» в человечестве, будучи иллюзией времени, стимулировали развитие исторической мысли.

Н.К. Михайловский и его историческая концепция

Жизнь Михайловского внешне прошла спокойно, если не считать двух административных высылков, в том числе краткой высылки в 1891 г. в связи с инцидентом на похоропах

его друга Н.В. Шелгунова. О возвращении Михайловского тогда хлопотал философ Владимир Соловьев. В литературе до недавнего времени Михайловскому предъявлялось обвинение в том, что он прожил «без суда и Сибири», а это в советской историографии было равносильно приговору в либерализме. Не учитывалось обстоятельство, что сам Михайловский никогда не претендовал на звание революционера.

В 1873 г. П.Л. Лавров пригласил Михайловского принять участие в диссидентском, как бы мы сейчас сказали, зарубежном журнале «Вперед», но Михайловский отказался. Для этого он слишком дорожил своей легальной журнальной трибуной и не считал себя «вправе променять 8000 читателей» на родине на сомнительное (по результатам деятельности) эмигрантское существование.

Михайловский посвятил свою жизнь поискам смысла истории. Он считал, что действие исторических законов ограничено во времени и пространстве, и нет таких законов, которые действовали бы со всей непреложностью и силой на протяжении всей истории человечества или распространялись на все страны. Михайловский утверждал, что развитие событий согласно исторической законосообразности не освобождает эти события от нравственного суда.

Творчество Михайловского было посвящено обоснованию теории прогресса. В его представлении прогресс должен постепенно приближать человечество к разностороннему развитию личности, которому в этом процессе суждено пройти три фазы, или этапа.

Первый — «объективно-антропоцентрический» — период первобытного общества, когда еще не существовало дифференциации, а господствовала простая кооперация. Второй период, названный им «эксцентрическим», он характеризовал

как время сложной кооперации, разделения труда, превращения человека в придаток общественного организма; господство наживы и денежного чистогана. И наконец, третий период — «субъективно-антропоцентрический» — время простой кооперации, когда зарождается грядущее, ростки которого обнаруживаются еще в русской крестьянской общине. Постепенно раскрепощенная и многогранная в своей деятельности «гармоническая личность», как ей и положено быть по своему изначальному предназначению, обретает естественное для нее положение. Именно «гармоническая личность» должна, по мнению Михайловского, находиться в центре всех ценностей. При внешней схожести первого и третьего периодов кооперации их суть и уровень разные. Пройдя объективно-антропоцентрическую и эксцентрическую фазы своей истории, человечество достигает уровня, который совпадает с социализмом как обществом, в котором торжествует личное начало при посредстве начала общественного. В то же время человечество, по мнению Михайловского, войдя в субъективно-антропоцентрическую фазу, т. е. такую фазу, где человек и его этические искания ставятся в центр мира, может прервать органическое развитие.

Михайловскому претил тот факт, что общество в процессе дифференциации превращает человека в простой придаток машины. Своё отношение к данному антагонизму он выразил в работе «Борьба за индивидуальность» (1875—1876): «Общество самим процессом своего существования стремится подчинить и раздробить личность, оставить ей какое-нибудь специальное отправление, а остальное раздать другим, превратить ее из индивида в орган. Личность, повинувшись тому же закону развития, борется или, по крайней мере, должна бороться за свою индивидуальность, за самостоятельность и разносторонность своего «я»».

В русской истории Михайловского главным образом интересовал ее новый период — XVIII—XIX вв. Своё представление о важнейших процессах он сформулировал в работе 1876 г. «Вольница и подвижники». Основные линии русской истории XVIII в. Михайловский объяснял с помощью «теории вольницы и подвижников». Суть ее сводилась к тому, что пока в верхах при Екатерине II шла борьба за чины орловых и мировичей, в массах кипела «напряженнейшая духовная работа». Ее «подкладкой» являлся «все тот же вопрос желудка, который всегда составляет основную истинную пружину истории».

Подход был Михайловскому подсказан немецкой историографией. Эти вопросы получили развитие в трудах философа, естествоиспытателя и врача Л. Бюхнера (1824—1899) и физиолога, философа Я. Молешотта (1822—1893).

До поры до времени два основных процесса (борьба в верхах и «вопрос желудка») не пересекаются, они идут как бы параллельно. Однако приходят времена, когда с особенной остротой встает «вопрос желудка», и народ спрашивает себя, отчего это происходит. И тогда же он задается вопросом, что надо делать. Ответ, к которому приходят в подобных обстоятельствах взволнованные массы, по Михайловскому, имеет альтернативу: «Или надо расширить свой жизненный бюджет до возможных пределов, причем недостающее придется взять силой, или, напротив, надо этот жизненный бюджет сократить до последней возможности, бежать соблазнов мира». В зависимости от исторического выбора рождаются два типа массовых движений: «вольница» (пугачевщина) и «подвижники» (селивановщина — по имени Кондратия Селиванова — скопца, аскета, самобичевателя, лже-Христа).

Михайловский, испытав на себе влияние бурно развивавшегося во второй половине XIX в. психологического направления в буржуазной социологии, попытался подойти к выявлению исторических закономерностей с помощью социальной психологии, поставив во главу угла проблему взаимодействия героя и толпы. Этим проблемам он посвятил работы 1880-х — начала 1890-х гг.: «Герои и толпа» (1882), «Научные письма. К вопросу о героях и толпе» (1884), «Еще о героях» (1891), «Еще о толпе» (1893).

Основную задачу историка и социолога Михайловский видел «не в изыскании мерила величия» героя, за которым идет «толпа», а в «изучении механики отношений» между толпой и тем человеком, которого она признает великим. «Героем мы будем называть человека, увлекающего своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело. Толпой будем называть массу, способную увлекаться примером, опять-таки высокоблагородным, или низким, или нравственно-безразличным» — такое определение термину «герой» дал Михайловский.

Что заставляет толпу повиноваться заведомо злодею или ничтожеству? В поисках ответа на этот вопрос он развивал теорию французского социолога и криминалиста Г. Тарда (1843—

1904) о законе подражания, отстаивая «подражательный характер всех массовых движений, всех, без различия их происхождения и причин». Среди факторов реализации личности Михайловский как наиболее значимые выделял своевременность или, наоборот, несвоевременность ее выхода на историческую арену.

Современники называли Михайловского западником в народничестве. Он свободно читал на французском и немецком языках; был тонким, остроумным критиком зарубежной литературы. В 1880—1890-х гг. ее в изобилии выпускало на русском языке издательство Ф.Ф. Павленкова. Михайловский особо выделял труды Ламброзо «Гениальность и помешательство», Жоли «Психология великих людей», Т. Карлейля «Герои и героическое в истории», Г. Тарда «Законы подражания», Т.А. Рибо «Психология внимания», Кюллера «Современные психопаты», Мантеганца «Экстазы человека», которые оказали историографическое влияние на его взгляды. Даже неприятие конкретных позиций подталкивало Михайловского к развитию собственных представлений. Труды Михайловского полемичны и их историографический контекст являлся для него способом выражения авторской мысли.

Целый ряд размышлений Михайловского над закономерностями, которые находили свое проявление в социально-психологических аспектах истории вообще и российской в частности, продолжают оставаться актуальными и в наши дни. Так, он предупреждал об опасности забвения «демона национального самолюбия и национальной ненависти», о присущих ему свойствах «легко и страшно пробуждаться». Проанализировав «всемирный комплекс национальной неполноценности» и рассмотрев его исторические корни — презрение или недоверие ко всему родному только потому, что оно является своим, родным, русским, Михайловский писал: «Начиная монголами, инородцы не раз распоряжались на Руси, причем, «смеясь, дерзко презирали земли чужой язык и нравы», и уже факт этого властного презрения не мог не отражаться печальнейшими последствиями. Одним из них является почти презрительное и недоверчивое отношение к самим себе, к своим силам: «Что уж! Где уж нам!» «Аттестация, выданная нам иностранцами», считал Михайловский, постоянно оказывала в истории накапливавшееся негативное психологическое воздействие. Поэтому он ценил Петра Великого как образец служения русскому

народу, человека, внушавшего уважение величием дел и побед. Степень апологии Петру у Михайловского может быть сопоставима только с ранними работами В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского.

Михайловский любил исторические аналогии, выделяя сопоставимые, с его точки зрения, эпохи: Петра I и Александра II; Ивана Грозного и Александра III. Опираясь на свою этико-социологическую теорию и привлекая оценки историков от М.М. Щербатова до В. О. Ключевского, Михайловский вершил нравственный суд над Иваном Грозным. Он не мог согласиться с положительной оценкой Ивана Грозного, которую ему дал С.М. Соловьев. Михайловскому казалось более близким к истине наблюдение Н.А. Полевого. Опираясь на западную литературу о римских императорах: Тиберии, Калигуле, Клавдии, Нероне, Михайловский поставил под сомнение психику царя. Он писал: «Слабость воли Грозного маскировалась теми взрывами бурного и жестокого негодования, которым он предавался, когда замечал, что на него хотят оказать влияние». Только из страха царь не держал советников умнее или вообще сильнее себя.

Неприятие цивилизации Запада Михайловский аргументировал тем, что движение человечества к разнородности капиталистического бытия уже восторжествовало на Западе и грозило укрепиться в России. Он считал, что эта историческая тенденция неизбежно разрушит целостную человеческую личность и ее индивидуальность; приведет к гибельному обезличиванию человека. Альтернативу капиталистическому будущему в России Михайловский видел в утверждении иного общественного строя — общинного социализма, условия которого позволили бы вырастить «гармоническую личность». Таким образом, он надеялся на наступление гармонии, возможное, с его точки зрения, только при социализме, построенном на основе общины.

Призывы Михайловского покончить с аристократизмом в науке оказали позитивное влияние на историческую мысль при выборе объектов исследования. Предметом устойчивого научного интереса становился народ, его жизнь и страдания. Под влиянием проповеди Михайловского сформировалась целая школа талантливых исследователей крестьянской жизни и быта, которую представляли В.И. Семевский, П.А. Соколовский, А.Я. Ефименко (Ставропольская), В.А. Мякотин, Л.Э. Шишко и др.

**Василий Иванович
Семевский
(1848—1916)**

В.А. Мякотин считал, что «в жизни петербургской интеллигенции последних десятилетий XIX века не было, кажется, ни одного крупного события, ни одной видной организации, в которой бы не принял участия В.И. Семевский». В 1870-е гг. Семевский сблизился с кругами демократической интеллигенции. Он активно трудился в молодежном кружке «по рассылке хороших книг в провинцию», был участником политического клуба, на заседаниях которого обсуждался вопрос о создании политических партий. Среди участников этого клуба были К.К. Арсеньев, В.П. Воронцов, Н.И. Кареев, В.В. Лесевич, Н.К. Михайловский, Вл. Соловьев, С.Н. Южаков, И.И. Янжул. Осенью 1881—1882 гг. группа народнических публицистов объединилась в издательскую артель вокруг журнала «Устой». Ее участниками стали В.И. Семевский, С.Н. Кривенко, Я.В. Абрамов, С.А. Венгеров, М.Н. Альтов, В.М. Гаршин, Н.М. Минский, Н.И. Наумов, Н.Я. Николадзе, М.Н. Протопов (Н. Морозов), Л.З. Слонимский, Н.Н. Русанов, А.М. Скабичевский. В 1890-е гг. Семевский был близок к кружку М.А. Антоновича. На нечетных вторниках у Семевского можно было встретить Н.К. Михайловского, Н.Ф. Анненского, В.А. Мякотина. Сам Семевский часто бывал на литературных средах в гостинице «Метрополь», где по инициативе Н.К. Михайловского и С.Н. Кривенко собирались журналисты народнического направления, представлявшие влиятельные в либерально-народнических кругах журналы «Отечественные записки», «Северный вестник» и «Русское богатство».

Будущий историк родился 24 декабря 1848 г. в небогатой дворянской семье в Полоцке Витебской губернии; рано остался без родителей. Его старший брат (разница составляла 11 лет) известный историк, издатель журнала «Русская старина» Михаил Иванович Семевский поручил воспитание младшего брата педагогу и писателю В.И. Водовозову. На формирование нравственного облика В.И. Семевского Водовозов оказал глубокое влияние. Будущий историк получил хорошее образование. По окончании 5 классов второго кадетского корпуса в Петербурге в 1863 г. его перевели в первую петербургскую гимназию, которую он окончил в 1866 г. с золотой медалью. На выбор высшего учебного заведения оказало влияние увлечение позитивизмом, которое привело Семевского в Медико-хирургическую академию. Там он прослушал лекции физио-

лога И.М. Сеченова (Семевского тогда интересовали рефлекс головного мозга) и химика-органика Н.Н. Зинина. Вобрав приобретенные в академии естественно-научные методологические основания теории познания, в 1870 г. Семевский перешел на историко-филологический факультет Петербургского университета, где и собирался применить к истории полученные знания о психике человека.

Движущей силой исторического развития Семевский считал «общественное самосознание», которое только и способно обнажить внутренние социальные неустойчивости. Для улучшения социального устройства общество должно воздействовать на власть, входить в столкновение с нею. Мысль передовых общественных сил, по словам Семевского, «начинает работать над вопросом о необходимости создания нового общественно-го строя — и вот, рано или поздно старый порядок рушится под давлением общего недовольствия». К политическим переворотам Семевский относился отрицательно, полагая, что они не ведут к существенному изменению в положении народа, а именно благо народа было главным критерием общественного прогресса для историка. Он считал, что социальные изменения и усовершенствования принесут гораздо больше пользы народу, нежели борьба за создание нового общественного строя и политические победы. Видя в революции разрушительное начало, Семевский отрицал ее значение как эффективного метода социального преобразования.

Он полагал назначение исторической науки в том, чтобы, исходя из интересов народа, подготавливать социальные преобразования в обществе и с научными данными в руках указывать на необходимость тех или иных социальных реформ. Поэтому «ученые должны, прежде всего, внимательно изучить прошлое и настоящее положение народа». В 1881 г. в журнале «Русская мысль», Семевский опубликовал статью «Не пора ли написать историю крестьян в России?». Она положила начало общероссийской известности ученого. «История русских крестьян — есть долг нашей науки народу», — в этом историк был глубоко убежден. Но разработка истории крестьян должна была стать, по его мнению, первым этапом в изучении жизни русского народа, т. е. в решении задачи, поставленной еще Н.А. Полевым. Семевский посвятил научное творчество крестьянству и крестьянскому вопросу в России XVIII — первой половины XIX в.; исследовал историю общественной мысли.

Неукоснительно выполняя провозглашенную им программу, Семевский изучил не только положение крестьян в период позднего крепостничества, но и положение рабочих на золотых приисках Сибири. Он неизменно вводил в научный оборот широкие пласты ранее неизвестных материалов. Его магистерской диссертацией стал первый том монографии «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II» (СПб., 1881), общим объемом 600 страниц, над которым Семевский трудился восемь лет. Однако диссертацию ему удалось защитить не в Петербургском, а в Московском университете, благодаря поддержке В.О. Ключевского, ставшего одним из оппонентов (другим был Н.А. Попов). Научный руководитель Семевского — К.Н. Бестужев-Рюмин изменил отношение к его работе после убийства Александра II народолюбцами 1 марта 1881 г. В основе конфликта с Бестужевым-Рюминым были общественно-политические и мировоззренческие причины, по фактическому содержанию диссертации оснований для замечаний Семевский, тщательно работавший с источниками, не оставлял.

Состоявшийся в Москве 17 февраля 1882 г. диссертационный диспут превратился в общественно-политическое событие. В историографической литературе отмечена родственность концептуальных положений двух крупных национальных историков — В.И. Семевского и В.О. Ключевского. Сам факт защиты был болезненно воспринят в Петербурге. В течение последующих четырех лет пребывания Семевского в Петербургском университете у начальников вызывали беспокойство растущая популярность ученого у студентов и, главное, концептуальная направленность его мысли. В 1886 г. Семевскому запретили чтение лекций. В расцвете творческих сил, 38 лет, он был изгнан из Петербургского университета.

Семевский осознавал глубокую взаимосвязь историографических занятий с современностью. Он подчеркивал, что исторические исследования способны сыграть активную роль в деле улучшения положения народа, поэтому ученый и рассматривал историческое познание в качестве необходимого начального этапа социальных и политических преобразований в обществе. Интересы русского народа Семевский ставил во главу угла и при определении основных задач социальной функции и исследовательских тем исторической науки. Такая позиция находила понимание у современников. Так, двухтомная монография В.И. Семевского «Крестьянский вопрос в России

в XVIII и первой половине XIX века» была удостоена Российской Академией наук Уваровской премии, а в сентябре 1890 г. — Большой золотой медали Вольного экономического общества (ВЭО). Благодаря помощи золотопромышленника и мецената И.М. Сибирякова (внимательного слушателя Семевского в Петербургском университете) в 1898 г. историку удалось опубликовать фундаментальный труд «Рабочие на сибирских золотых приисках». Для ее написания Семевскому пришлось проанализировать и систематизировать собранный им материал в 32 архивах, среди них архива Иркутского горного управления. Путешествие в Сибирь, занявшее полгода, с весны до поздней осени 1891 г. позволило историку наблюдать работу и быт рабочих золотых приисков. В 1901 г. Семевский издал второй том монографии «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II», с помощью новых источников он проанализировал те категории крестьян, которые он не рассматривал в первом томе. Общий объем труда составил 860 страниц. В 1903 г. он предпринял второе, исправленное и дополненное, издание первого тома своей магистерской диссертации.

Исследователи отмечали высокий авторитет Семевского у русской интеллигенции. Так, Б.П. Балуев начал посвященный им В.И. Семевскому очерк с описания прощания с историком на Литературных мостках Волкова кладбища в Петрограде. В сентябрьский день 1916 г. его пришли проводить представители разных общественно-политических направлений; было много историков: М.А. Дьяконов, А.С. Лаппо-Данилевский, М.Д. Приселков, А.А. Корнилов, П.Е. Щеголев, В.А. Мякотин, С.П. Мельгунов, П.Н. Милюков... Простое перечисление имен является очевидным свидетельством интеграционных процессов в отечественной исторической школе начала XX в.

Экономическая история России в трудах народников

Долгое время имена двух народников, внесших наиболее глубокий вклад в концептуальную разработку проблем экономического развития пореформенной России, — Н.Ф. Даниельсона и В.П. Воронцова — употреблялись негативно,

в связи с ленинской критикой. В 1970-е гг. историографическая ситуация начала меняться. Ф.М. Сулова доказала, что народники-экономисты в целом правильно отразили временное сокращение рынка страны в 1870—1880-х гг., а постановка ими вопроса об искусственном насаждении капитализма в России стала результатом их «изучения политики самодержавия». Всплеск интереса к реформационному народничеству наблю-

дается и в наши дни. В 1990-е гг. эти сюжеты изучали: М.П. Рачков (Политико-экономические прогнозы в истории России. Иркутск, 1993), Б.П. Балуев (Либеральное народничество на рубеже XIX—XX веков. М., 1995), В.В. Зверев (Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От 40-х к 90-м гг. XIX в. М., 1997).

За Даниельсоном и Воронцовым признается несомненная историографическая заслуга анализа особенностей процесса модернизации отечественного народного хозяйства, имевшего преимущественно аграрный характер, в условиях капиталистического развития; реальных трудностей становления рынка товаров и рабочей силы.

Автору блестящего исследования, скромно названного «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» (СПб., 1893), принадлежит заслуженное место в отечественной историографии. Гораздо меньше известны его статьи, в частности «Апология власти денег как признак времени», которая вышла в 1895 г. в журнале «Русское богатство».

В мировоззрении Даниельсона своеобразно преломились идеи нескольких философских направлений: позитивизма, марксизма, идей Чернышевского. Вслед за Чернышевским Даниельсон видел в экономике важнейшее звено, позволяющее соединить статику и динамику общества, добиться последовательного и широкого изучения «великого прогрессирующего» социального «тела». Общая тональность характеристик, данных Даниельсоном идеям экономистов прошлого (Оуэна, Фурье, Сен-Симона), свидетельствует о несомненном влиянии на него представлений Чернышевского. Будучи сознательным эволюционистом, Даниельсон размышлял о роли и значении экономического фактора в эволюционном процессе.

В позитивизме Даниельсону особенно импонировал контизм, прежде всего стремлением к строго научным, объективным выводам, а также скрупулезностью сбора эмпирического материала. Он высоко оценил зафиксированную О. Контом жесткую взаимосвязь между обобщениями социологии и законами природы. Ошибку Конта Даниельсон видел в недооценке политэкономии как науки, подчеркивая, что ученики Конта совсем упустили ее из виду. Отказавшись от изучения такой категории, как класс, позитивисты неизбежно рассматривали общество как нечто статичное. Им не было подвластно исследование

экономической и социальной динамики. Из той же ложной, по мнению Даниельсона, посылки позитивисты пытались выводить и некие «несомненные законы общества». Ему представлялось неприемлемым, характерное для позитивизма отсутствие понимания связи законов экономической жизни человека и социологии. Сам он настойчиво искал пути к научному постижению законов социальной эволюции, но не найдя ответов на возникавшие в этой связи вопросы в позитивизме, обратился к марксизму, надеясь с его помощью компенсировать пробелы и недочеты других теоретических систем. В 1867 г. Даниельсон познакомился с гамбургским изданием «Капитала» К. Маркса. Эта работа произвела на молодого бухгалтера сильное впечатление.

В теории Маркса Даниельсона привлекла идея изменчивости явлений и форм общественной жизни. Считая материальные потребности людей основой общественного развития, Даниельсон пытался опереться на марксизм в определении значимости объективного фактора в истории. Его также интересовали прогностические возможности марксизма.

Упорный интерес к экономическим проблемам и учениям объясняют в какой-то мере происхождение и специальность Даниельсона. Он был выходцем из бедной московской купеческой семьи шведского происхождения; блестяще окончил Петербургское Коммерческое училище; в 1862 г. получил звание кандидата коммерции. Полвека Даниельсон служил в Петербургском обществе взаимного кредита: сначала бухгалтером, потом старшим бухгалтером и главным контролером. Научную и общественную деятельность он мог осуществлять в свободное от работы время.

В 1876 г. вместе с Н.Н. Любавиным Даниельсон создал нелегальную Вспомогательную кассу для лиц, подвергшихся каре за государственные преступления. Вместе со своим другом Германом Лопатиным, который был старинным знакомым К. Маркса, Даниельсон в качестве вольнослушателя посещал лекции в Петербургском университете. В 1870 г. его арестовали по делу С.Г. Нечаева, но по недостатку улик вскоре отпустили. После ареста и ссылки в Сибирь Г.А. Лопатина Даниельсон решил завершить дело, начатое другом. Он закончил перевод первого тома «Капитала» Маркса, перевел второй и третий тома. С 1868 г. Даниельсон стал переписываться сначала с Энгельсом, а потом и с Марксом; консультировать их по экономическим и общественно-политическим вопросам русской действительности; рекомендовал важную, с его точки зрения,

литературу. Даниельсону принадлежит заслуга первой публикации «Писем из далека» Чернышевского, посылки К. Марксу книги В.В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России».

Само по себе обращение Даниельсона к марксистской теории достаточно показательно для русской интеллигенции. В общественной мысли России бытовала своеобразная традиция осмысления и адаптации западноевропейских учений к русским условиям. Обращение русской интеллигенции к новому слову философских зарубежных школ, как правило, совпадает с ее разочарованием в ранее популярных теориях. Воспринимались основные постулаты концепции избирательно, в зависимости от общественного настроения конкретного исторического момента. При этом не обходилось без «дополнения» теоретических построений заимствованиями из других, нередко далеких по духу и букве концепций. В русских условиях западные идеи обретали иное звучание и даже смысл. Так воспринял марксистские идеи и Даниельсон. Он считал принципиально важным для понимания материальных условий существования человеческого общества сам факт включения Марксом политэкономии в область социологического исследования. По мысли Даниельсона, это могло помочь разработке справедливых общественных законов. Не случайно он дал определение политэкономии как науке, изучающей законы, по которым «развивается экономическое благосостояние общества (заметьте — не класса) при наименьшей трате сил». В 1870 — 1880-е гг. в понимании марксизма Даниельсоном происходит эволюция. Он не принимает Марксов закон соответствия производительных сил производственным отношениям.

Даниельсон исходил в своем понимании экономических процессов пореформенной России из экономической обусловленности социальных процессов. Он связывал радикальное улучшение жизни с возрождением общины и артели, но на качественно иной основе. Ее должны были составить достижения науки и техники, а также новый строй, измененный под воздействием общества. Однако он считал допустимыми только законодательные общественные трансформации.

В своих исторических взглядах Даниельсон Н.Ф. не был самостоятелен. Основное влияние на него оказали А.П. Щапов, Н.И. Костомаров и В. И. Сергеевич. Даниельсон считал, что «русская история распадается на два очень резко отличающихся друг от друга периода: домонгольский и послемонгольский». Причину этого различия он связывал с ролью общины в жизни обще-

ства, в оценке которой был согласен со Шаповым. Материал по проблемам права и отношений с государством в истории России Даниельсон черпал в работе В.И. Сергеевича «Вече и князь».

Даниельсон в процессе познания стремился от внешних, перинципиальных признаков проникнуть в глубинную сущность предмета, определить главное и сконцентрировать внимание именно на нем. Этой цели служили методологические средства, примененные им в историко-экономической науке: опыт, сравнение, статистика и гипотеза. Центральное место в системе предложенных им методов занимал опыт, который в истории и экономике «производится не исследователем, а логикой событий». Сопоставляя экономические условия, типичные для рабовладельческого, феодального или капиталистического способа производства, ученый имеет, как считал Даниельсон, возможность «изучить элементы производства при самых разнообразных условиях». Мыслительный эксперимент ученого позволяет понять суть процесса и найти главное, отвлекаясь от всего случайного.

Полезность сравнения он видел в изучении с его помощью различных экономических эпох, позволяющем обнаружить связь между различными фазами их развития и вывести «законы, управляющие этим развитием». «Это действительно позволяет выявить тождественное, определить то устойчивое, что существует в различных системах, и вместе с тем сказать об особенном и частном». Сравнительный анализ помогал ему выделить историческую перспективу, открывающуюся при сравнительном анализе.

Гипотетический метод в исследовательской лаборатории Даниельсона выступал в роли «отвлеченного опыта». Его задачей было определение характера конкретного элемента во всей присущей ему полноте и простоте, для чего он должен быть поставлен в исключительные условия, которых «действительно никогда не бывает». К самим условиям исследователь предъявлял требования очевидности, неоспоримости и несомненности. С помощью гипотетического метода Даниельсон пытался выяснить сущность конкретного явления, рассматривая его сквозь призму общей теории.

Если методы сравнения и гипотетический были теснейшим образом связаны с обобщением фактов, то метод статистики предполагал сначала накопление фактов и уже потом выработку на их основе эмпирического закона. Несмотря на кажущуюся простоту, статистический метод таил для исследователя

серьезную опасность. Даниельсон предупреждал, что «эмпирические законы следует употреблять с крайней осмотрительностью, исключая те немногие случаи, где известны законы причин», поэтому и настаивал на выделении наиболее существенных и закономерных фактов в их объективной взаимосвязи, подвергая теоретическому анализу.

Даниельсон представлял историческое развитие следующим образом: «Политические и экономические формы пережили и переживают 3 эпохи: феодальную (физической силы), буржуазную (силы денежной), эпоху силы труда». Даниельсон полагал, что в истории действуют три силы. Когда одна из них действует, вторая находится еще в скрытом состоянии, но, развившись, первая сила выводит вторую силу из скрытого состояния. Став очевидной, вторая сила имеет усиливающуюся тенденцию поглотить первую, но «действует она совершенно по другим законам, нежели первая». Период господства второй силы тоже ограничен во времени. По мере ее развития неизбежно на исторической сцене проявляет себя третья сила, которая «имеет стремление поглотить свою предшественницу». Так, на смену феодальному обществу приходит буржуазное, законы которого, по мнению Даниельсона, «уже ближе к законам всего общества, так как каждая последующая сила поглощает в себе предыдущую».

Признавая фактор внеэкономического принуждения и экономической зависимости как определяющий в каждой из эпох, он объяснял своеобразие различных этапов эволюции человека в зависимости от способа соединения рабочей силы со средствами производства. Примечательно, что Даниельсон пытался связать экономические характеристики эпохи с деятельностью и влиянием господствующего сословия «на все без исключения общественные явления», социальное устройство, литературу, религию, культуру. Само по себе это влияние считал явлением временным, преходящим на том основании, что с изменением социально-экономической структуры общества становится другой роль отдельных сословий и классов.

Основную историческую заслугу буржуазии он видит в том, что она «разрушила громадные богатства, накопленные в руках немногих, и распространила их равномернее». При капитализме на смену буржуазии как господствующему классу идет пролетариат. Основанием обществу, которое будет создано пролетариатом, послужит труд, в котором «не может быть речи о стоимости рабочей силы».

Даниельсон оценивал позитивную роль того или иного класса в развитии общества в зависимости от того, насколько его интересы соответствуют интересам всего населения («человечества»). Самую высокую социальную оценку он давал рабочему классу на том основании, что «тенденции и цели рабочего сословия совпадают с прогрессом всего человечества». Даниельсону представлялось принципиально важным благополучие не отдельной группы людей, а именно всего народа. Говоря об истинных, справедливых законах, он понимал под этим законы, «выработанные для всего общества без исключения. Основанием для их создания должна была, в его глазах, стать сама природа человека, учет ее материальных потребностей.

Поступательный характер развития Даниельсону, как и Чернышевскому, виделся в последовательном приближении к наиболее совершенному социальному устройству, замене устаревших общественных форм более прогрессивными, динамичными, отвечающими духу времени и потребностям людей. Рассматривая человеческую личность в качестве основной единицы общественной структуры и полагая, что в основе общественного прогресса одновременно лежит стремление к улучшению материального положения, Даниельсон старался примирить экономические и нравственные категории, что в целом было характерно для русских ученых конца XIX — начала XX в.

Даниельсон ставил улучшение благосостояния человека в зависимость от развития производительных способностей общества, которое он не делил на противоборствующие составляющие, будучи убежден, что общество должно объединять общие цели. Идеализм Даниельсона проявлялся также в стремлении перенести понятие нравственности отдельного человека на все общество.

Неизбежно уводило от марксизма и понимание Даниельсоном термина «капитал». Он подразумевал под ним хлеб, жилища, машины, все то, без чего человек не может обойтись в жизни, т. е. понимал капитал как овеществленное выражение накопленного богатства, будь то средства труда или продукт труда. Взгляды Даниельсона были ближе взглядам представителям классической политэкономии, которые рассматривали капитал как вечную, существовавшую во все времена категорию. Маркс считал иначе: «Капитал — это не вещь, а определение, общественное, принадлежащее определенной ис-

торической формации общества производственное отношение, которое представлено к вещи и придает этой вещи специфический характер. Капитал — это не просто сумма материальных и произведенных средств производства. Капитал — это превращение в капитал средств производства, которые сами по себе столь же мало являются капиталом, как золото или серебро сами по себе — деньгами».

Не принял Даниельсон и данную Марксом характеристику буржуазии. В буржуа он видел лицо, которое на основании факта владения богатством потребует себе прав эксплуатации чужого труда, а затем и политических прав. В характеристике буржуа Даниельсон следовал за Лассалем. Но в трактовке истории пролетариата (формирования и причин возникновения) видны и следы марксистского влияния. Отличие в подходах заключалось в том, что Даниельсон негативно оценивал формирование резервной армии труда (пролетариата), видя в этом нарушение принципа обеспечения условий для нормального существования человека. Он рассчитывал на то, что в России община еще в состоянии послужит отправным пунктом некапиталистическому развитию страны. Проанализировав роль пролетариата в России и Европе, Даниельсон провел между ними «географическую» демаркационную линию на том основании, что в России пролетариат не является силой, необходимой для реального влияния на социальное устройство, тогда как в Европе его историческая роль была определяющей.

Даниельсон называл непременным условием общественного преобразования изменение (качественное улучшение) экономического положения пролетариата. Однако он не видел веских причин рассчитывать на это в условиях капитализма. Ему казалось, что потребительская кооперация изменить суть положения рабочих при капитализме не сможет, поэтому и приходилось возлагать надежды на самопреобразующую силу пролетариата, при обязательном условии — наличии готового к действию по защите прав рабочих «просвещенного меньшинства». Такое целенаправленное стремление интеллигенции, позволяло, по мысли Даниельсона, со временем преодолеть пороки классового разобщения и улучшить условия существования для всей нации. Таким образом, система идей, выработанных родоначальниками народничества, претерпела творческую трансформацию в концепции Даниельсона.

Воронцов Василий Павлович
(1847—1918)
(псевдоним В.В.)

Дворянин, сын офицера, он учился в Институте инженеров путей сообщения (в середине 1860-х гг.) и в Московской хирургической академии (1868—1873 гг.). По ее

окончании около семи лет Воронцов прослужил земским врачом. Близкий в 1870-х гг. чайковцам, он был связан с революционным подпольем П.Л. Лаврова, попал под надзор полиции. Поселившись в 1882 г. в Петербурге, Воронцов, оставив врачебную деятельность, служил сначала в Общих съездах представителей русских железных дорог, а затем в частных железнодорожных обществах по экономико-статистической части. Он стал известным экономистом, написал по проблемам социально-экономического развития России около 30 книг. Его труды получили общественное признание. За труд «Крестьянская община» (1892), т.1 «Итоги экономических исследований России по данным земской статистики» он был удостоен премии Вольного экономического общества (ВЭО), членом которого был с 1884 г.

Исследователи справедливо отмечают общее во взглядах Воронцова и Даниельсона на общественный прогресс. Эволюция человечества представлялась им постепенным восхождением от простого к сложному. Предпочтения отдавались «постепенности, какой требует природа», а не скачку, противному законам природы, при котором «не мудрено сломать ноги, если не шею». Совпадало также и понимание ими единого характера развития природы и общества. Задачу социальной науки Воронцов видел в объяснении «происхождения сложных общественных отношений из более простых психологических». Конечная цель прогресса, по их мысли, состояла в достижении совершенного физического, умственного, нравственного уровня людей; их экономическом, политическом и духовном освобождении. Идея извлечения прибыли и Даниельсону, и Воронцову представлялась аморальной и античеловеческой.

В 1882 г. имя Воронцова (В.В.) стало известно читающей публике благодаря выходу в свет сборника его статей «Судьбы капитализма в России». Дав оценку развивающемуся отечественному капитализму как явлению регрессивному в связи с тем, что правительство искусственно насаждало капитализм, Воронцов писал: «...мы переняли с Запада все атрибуты и орудия капиталистического производства и меньше всего само производство». Он считал, что для успешного развития капитализма в России не было решающего условия — наличия внутреннего

и внешнего рынков. Внешние рынки заняты более развитыми странами, а борьба с ними бесперспективна. В.В. предупреждал, что ввязываться в «общую свалку» в борьбе за внешние рынки и ждать «исправления» российского капитализма было бы «большой ошибкой перед историей», благоразумнее «устроиться таким образом, чтобы по возможности не нуждаться в других, а стараться об удовлетворении собственных потребностей». Да и внутренний рынок не в состоянии оказать доморощенному капитализму требуемой поддержки. Наоборот, развиваясь, капитализм сужает его, разоряя крестьянство (народ) и снижая покупательную способность основной массы населения России. Однако такое состояние рынка, т. е. отсутствие благодатной для капитализма почвы Воронцов считал для нашей страны спасительным.

Исключительное значение для В.В. имела этическая оценка общественного строя, о пороках и положительных чертах которого он писал. Так, пороки капитализма (несправедливое распределение прибыли, безработица, кризисы) перевешивали в глазах Воронцова основное позитивное свойство капитализма, характерную для него более высокую производительность труда.

По его мнению, капитализм не мог создать в России творческих социальных сил. Воронцов оценивал крайне низко перспективы деятельности основного детища капитализма — пролетариата. В работе «Наши направления», вышедшей в Петербурге в 1893 г., В.В. писал: «Пролетариат того типа, каким он определился в течение предыдущей ей истории капитализма, должен быть признан имеющим весьма слабое значение в качестве силы зиждительной и получающим очень неблагоприятное воспитание в смысле развития в нем способностей к социальному творчеству».

Крупному капиталистическому производству Воронцов противопоставлял мелкое производство, построенное на общинных или артельных началах. И хотя по цензурным причинам в печатных работах В.В. прямо о социализме не говорил, он выстраивал систему аргументации таким образом, что было понятно: у России еще остается счастливая возможность перейти к более совершенному социальному устройству (читай социализму), минуя капитализм. Возможность желательной общественной трансформации, по убеждению Воронцова, была заложена в общинных принципах крестьянского земледелия, в артельных традициях промыслового труда, в навыках мирного самоуправления. В работе «Артельные начала русского

общества» (1895 г.) он рассмотрел общинный строй как особенность России, объясняя особенности жизни общества «экономическим интересом, привилегией, с одной стороны, и притеснением с другой».

Воронцов признавал влияние борьбы на становление общественных отношений, называл ее неизменным условием совершенствования бытия людей. Но не менее влиятельным фактором общественного развития он считал преемственность. Появление нового должно становиться, по Воронцову, естественным продолжением и дополнением предыдущего развития. Он даже предупреждал, что «новое не во всех своих частях есть лучшее, а старое — не во всем хуже нового». Наследие прошлого вовсе не обречено на полное исчезновение, а должно войти составляющим элементом в возникающие отношения. Именно в результате такого развития возможны «различные комбинации нового и старого». Таким образом, проявлял себя эволюционизм — главная черта в понимании общественного развития Воронцовым. Его идеалом было щадящее развитие, не предполагающее серьезных встрясок или кардинальной ломки созданного предшествующими поколениями.

Главным критерием пропорционального и справедливого распределения «материальных благ цивилизации» В.В. считал фактор производственной деятельности человека и категорию труда. Саму эволюцию производственного процесса Воронцов связывал с субъективным фактором — степенью распространения и усвоения людьми передовых идей: «...разнообразие идеальных мотивов является благоприятным условием общественного развития. Чем богаче общество идеями и чем эти идеи шире и грандиознее, тем большее число лиц и тем сильнее будет ими задето, тем больше освободится действенной энергии». Он стремился соединить материально-производственную деятельность человека с идейно-целесообразной направленностью социальной эволюции.

Воронцов идеализировал прошлое, искал там «золотой век» равенства и свободы. Он обращался к прошлому в поисках идеала (эталона экономического устройства, доказательства несправедливости капиталистической фазы развития, обоснования «бестоварности», «безрыночности» производства как лучшей формы устройства по сравнению с капиталистической и распределения продукции).

Расхождения между Воронцовым и Даниельсоном начинаются в оценке интеллигенции. Если в глазах Даниельсона интеллигенция воплощала все лучшее, что создала цивилизация и образованное меньшинство должно было выявить законы развития общества и целесообразно использовать их в интересах всех, то В.В. был противником принудительного осуществления «в жизни якобы научных рецептов». Он настаивал на просветительной работе интеллигенции, повышении уровня народной культуры, с тем чтобы поставить ее на уровень с веком. Тогда, по его мнению, народ мог бы стать активным агентом истории. В этом случае воплотилась бы идея справедливости, причем катализатором данного процесса должна стать интеллигенция. Заслуга Воронцова в том, что он ушел от характерной для народнической историографии односторонней оценки интеллигенции, отметив в ее настроениях два ориентира: службу интересам народа и службу привилегированному меньшинству.

Влияние на Воронцова позитивистских идей, а также субъективного метода, разработанного П.Л. Лавровым и Н.К. Михайловским, очевидно. Для Даниельсона же внесение субъективного момента в исследовательский процесс было неприемлемо в принципе. Если Даниельсон оценивал прогрессивность того или иного исторического деятеля, сословия, класса в зависимости от совпадения или несовпадения с магистральным направлением цивилизации, то Воронцов уравнивал в значении позиции активно действующей личности с законами развития общества, считая их взаимозависимыми и взаимодополняемыми. По-разному они интерпретировали и стадии прогресса, расходясь в оценках роли и места социальных слоев, общественных и государственных институтов в процессе преобразования общества.

Объединяло же Даниельсона и Воронцова негативное отношение к капиталистическому способу производства и его идеологическому обоснованию либерализму — в России традиционно слабому и не влиятельному. Для Воронцова капитализм стал воплощением бессознательной тенденции, исключающей управление производственной деятельностью в интересах всего общества. Бессистемный характер рыночных отношений, стихийность складывания цены товара, в его глазах, препятствовали последовательному учету потребностей людей и справедливости, распределению изготовленной продукции. Прямым следствием такой анархии становились кризисы перепроизводства,

которые превратились в подлинные «народные бедствия». Вину за сложившееся в пореформенной России тяжелое социально-экономическое положение Воронцов целиком возложил на рыночные отношения. Морально-этический подход В.В. к проблеме рынка в капиталистическом обществе ставил неизбежно вопрос об исторической правомерности существования самих товарно-денежных отношений. По Воронцову, функции рынка могли быть сведены к роли «счетной машины», указывающей потребности всего населения. «В этом случае упомянутое учреждение с полным правом может быть названо регулятором производительной деятельности общества». Идеальной формой экономической организации он считал планомерное регулирование хозяйственной деятельности. Но при капитализме появление такого «регулятора» проблематично. Хотя, по В.В., на ранних этапах становления товарного хозяйства и появились институты, призванные сглаживать острые углы конкуренции, но влиять на производство (кредитные учреждения, биржи) они не могли, так как не касались «существа отношений». Устройство синдикатов предпринимателей с целью прямого регулирования производства какого-либо предмета потребления» также не в состоянии придать товарной организации «совершенно сознательного характера». Наоборот, следствием такого шага является удержание завышенной цены товара, наносящей ущерб потребителям.

«Трактирной цивилизации» (или капитализму) Воронцов противопоставил иной тип отношений, имеющий целью «благо трудящейся массы». В.В. понимал, что капиталистический способ производства в России имеет немалые резервы и способен к частичному разрешению социально-экономических противоречий. Но сами способы решения конфликтных проблем, к которым может прибегнуть капитализм, он считал безнравственными. В 1880-е гг. Воронцов показал, что развитие милитаризма служило «одним из предохранительных клапанов современной промышленной организации», предугадал наступление в XX в. эпохи кровавых столкновений. Воронцов был убежден в невозможности путем капиталистической эволюции обеспечить прогрессивное развитие общества. Задачу интеллигенции он видел в подготовке народа к насущным преобразованиям, в исправлении его отсталого мирозерцания. Скептически оценивая революционный потенциал народа, В.В. писал о преобразовательной миссии государства и государственном регулировании характера производства. Он считал,

что «...социальная организация России представляет хорошую почву для развития в массе населения психических свойств, облегчающих процесс приспособления общественных форм к потребностям человека, путем самодеятельности этой массы, путем коллективного творчества». В крестьянской общине, по словам Воронцова, наличествовали воззрения, «лучше других» соответствующие идеальным представлениям о «правде и справедливости», но близость к большим городам пагубно сказывалась на общинных устоях.

Самооценки и оценки

Н.К. Михайловский трактовал народничество как чисто интеллигентское движение, мирозерцание «кающихся дворян» и разночинцев, озабоченных жадной решенной вопросов социальной правды. Он наметил три этапа в истории народничества. Первый — генезис из славянофильства и западничества в 1840—1850-е гг. Второй период — 1860-е гг., когда народничество стадо заметным общественным движением, оформилось в доктрину. И наконец, в 1870-е гг. сложилось целостное мирозерцание, центральной идеей которого стала мысль о противоположности интересов народа интересам нации. «Богатство нации есть нищета народа», — писал он.

Многогранное воздействие народников на историческую науку и общественно-политическую, социокультурную и социально-экономическую жизнь России отмечено отечественной историографией. При этом обращает на себя внимание поляриность оценок реформационного народничества от неприятия их взглядов (так, Д.Д. Жвания характеризовал взгляды Воронцова как реакционно-романтические, отнеся их к мелкобуржуазному социализму) до глубокого анализа их концептуальных основ и показа современного звучания высказанных ими идей (Н.К. Фигуровской, В. В. Зверевым).

Если критика взглядов Воронцова, которую дал Ленин, хорошо известна прежде всего по работе «Развитие капитализма в России», доказывавшей очевидность столбовой дороги капитализма, то критика его воззрений с либеральных позиций А.Н. Пыпиным (1833—1904) известна хуже. Проблема «отцов и детей» существует и в историографии. И Ленин, и Пыпин для народников, родившихся в 1840-х гг., были людьми других поколений, иного мироощущения, обладали другим социальным опытом. Если Ленин был моложе Воронцова на 23 года, а Даниельсона на 26 лет, то Пыпин, наоборот, был, старше Воронцова на 14 лет, а Даниельсона на 11. В ответ на «По-

пытки обоснования народничества» В.В. (Воронцова), напечатанные в «Русском богатстве», Пыпин поместил в «Вестнике Европы» статью «Теории народничества» (1892). Соглашаясь с этической, социальной устремленностью народничества и его практической деятельностью на благо народа, Пыпин не принял критики интеллигенции, данной народниками, настойчиво подчеркивая преемственность во взглядах славянофилов и народников.

Нельзя не заметить и еще одного обстоятельства: многое из отвергнутого Лениным у Воронцова в конце XIX в., позднее, в годы советской власти было взято на вооружение и вошло в арсенал понятий «марксизма-ленинизма».

Историк освободительного движения, либеральный народник В.Я. Богучарский-Яковлев (1861—1915) систематизировал данные по истории леворадикального народничества, собранные им из разных источников, включая подпольные и эмигрантские издания. Богучарский разделял мнение Пыпина об идейной неоднородности народнического движения, а также о преемственности во взглядах славянофилов и народников. Однако при этом Богучарский добавлял, что связующим звеном между ними были сначала А.И. Герцен, а затем Н.Г. Чернышевский.

Источники

- Абрамов Я. Мальте и великие дела // Книжки Недели. 1896. № 7.
 Воронцов В.П. Судьбы капитализма в России. СПб., 1882.
 Воронцов В.П. Наши направления. СПб., 1893.
 Воронцов В.П. Артель в кустарном промысле. СПб., 1895.
 Воронцов В.П. Артельные начинания русского общества. СПб., 1895.
 Воронцов В.П. Государственный бюджет и государственные долги России. СПб., 1908.
 Воронцов В.П. Очерки экономического строя России. СПб., 1906.
 Воронцов В.П. Судьба капиталистической России. Экономический очерк России. СПб., 1907.
 Ефименко А.Я. Дворянское землевладение в Южной Руси // Южная Русь. Т. 1. СПб., 1905.
 Кропоткин П.А. Современная наука и анархия. М., 1990.
 Кропоткин П.А. Экономика и нравственность // Этика. М., 1991.
 Лавров П.Л. В память столетия пугачевщины // Избранные сочинения на социально-политические темы в восьми томах. Т. II. М., 1934.

- Михайловский Н.К. Избранные труды по социологии. Герои и толпа. СПб., 1998. В 2 т. С указанием библиографии Михайловского и о нем (т. 2, с. 399—405).
 Семевский В.И. Вопрос о преобразовании государственного строя России в XVIII и первой четверти XIX в. (Очерк из истории политических и общественных идей). СПб., 1906. С. 203 (оттиск из ж. «Былое». 1906. № 1, 2).
 Семевский В.И. Из истории общественных идей в России в конце 1840-х гг. Ростов н/Д, 1905. С. 84. (То же. Пг., 1917.)
 Семевский В.И. Крепостное право и крестьянская реформа в произведениях М.Н. Салтыкова. Ростов н/Д, 1905. С. 102. (То же. Пг., 1917.)
 Семевский В.И. Общественное движение в России в первой половине XIX в. Т. 1. СПб., 1905.
 Семевский В.И. Петрашевцы. СПб., 1913. С. 57.
 Семевский В.И. Пожалования населенных имений в царствование Екатерины II. СПб., 1906.
 Соколовский П. А. Очерк истории сельской общины на севере России. СПб., 1877.

Литература

- Балуев Б.П. Искренний и правдивый друг народа: В.И. Семевский // Историки России XVIII — начало XX века. М., 1996.
 Искра Л.М. Василий Яковлевич Яковлев-Богучарский // Историки России XVIII—XX веков. Вып. 5. М., 1998.
 Казаков А. П. Теория прогресса в русской социологии конца XIX века. Л., 1969.
 Малинин В.А. Философия революционного народничества. М., 1972.
 Новак С.Я. Я.В. Абрамов — пионер «теории малых дел». Отечественная история. 1997. № 4.
 Шахматов Б.М. П.Н. Ткачев. Этюды к творческому портрету. М., 1981.
 Жвания Д.Д. Антиурбанизм концепции народника В.П. Воронцова // Общество и власть в истории России: Сб.ст. СПб., 1999.
 Харос В.Г. Народническая идеология и марксизм. М., 1972.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В 1860 — 1910-е гг.

Русская историческая наука в пореформенный период и в условиях нарастания революционного кризиса в начале XX в. развивалась в обстановке все более усложняющихся явлений общественно-политической, социально-экономической и культурной сфер жизни. Тенденция развития проявлялась со всей очевидностью в интенсивности роста научного знания, к числу безусловных свидетельств которого мы можем отнести: звездность имен; разнообразие и насыщенность проблематики; кристаллизацию историографии как специальной исторической дисциплины, ее отпочкование от источниковедения; новизну методологических предложений и методических решений. Обогащение науки шло за счет качественных изменений коренных понятий, дискуссионности их трактовки и понимания историками, принадлежащих к разным общественно-политическим направлениям. Все названные процессы происходили на фоне очевидных изменений в научном и шире — общественном — сознании, в самой системе восприятия явлений научной жизни и культуры.

«Порог восприятия» западноевропейских теорий

Для переходного времени особенно характерны настойчивые поиски смысла истории и законов исторической группировки событий. В процессе попыток постижения учеными «национального самопознания», начиная с 1840 — 1850-х гг., традиционно учитывался «багаж», накопленный наукой, а именно осознание системных взаимосвязей между культурой и мыслью и их влиянием на историографию.

В целом к 1860-м гг. проходит увлечение общефилософскими концепциями и период их активного приложения к отечественной истории и праву. Историков гораздо меньше вол-

нуюют возможности привнесения «новообретенных» философских и социологических знаний в проблематику исследования. Особенно ярко это проявилось в творчестве В. О. Ключевского. Но данное обстоятельство отнюдь не снимало вопрос о силе воздействия выдающихся зарубежных мыслителей, прежде всего философов, на воззрения отечественных историков-профессионалов и русскую историческую мысль эпохи. Волны, инициированные западноевропейскими философскими течениями, периодически достигали русских берегов. Однако производимое ими впечатление, а тем более их восприятие зависело от многих обстоятельств: склада ума и темперамента историка, его возраста и общественно-исторических условий, духовной атмосферы времени.

Интерес к позитивизму

В XIX в. российских научных и общественных берегов достигли несколько позитивистских волн. Еще в 1840-е гг. в идейно-философской и исторической жизни России возник интерес к позитивизму и появились первые позитивисты. Вторую, более сильную позитивистскую волну современники наблюдали в начале 1860-х гг. И наконец, позитивизм становится предметом напряженного общественного внимания в 1880-е гг. С лета 1885 по лето 1886 г. мощный «позитивистский десант» «захлестнул» страницы русской печати. Современный исследователь Б.М. Шахматов назвал это время «годом Конта» в умственной жизни России, отметив, что тогда о Конте и позитивизме заговорили все, на русский язык стали переводить труды позитивистов, но по иронии судьбы, кроме произведений самого О. Конта. Позитивисты признавали важнейшей причиной постепенных изменений последовательное и все усиливающееся влияние прошлых поколений. Задачей историка они считали познание исторических явлений, являющихся необходимым результатом предыдущего и двигателем последующего.

«Мода» на марксизм

Основным увлечением молодых умов во второй половине 1890-х гг. становится марксизм. «После томительного удушья 80-х годов марксизм явился источником бодрости и деятельного оптимизма, боевым кличем молодой России, как бы ее «бродиллом». Он усвоил и с настойчивой энергией пропагандировал определенный, освященный вековым опытом Запада практический способ действий, а вместе с тем он оживил упавшую было в русском обществе веру в близость нацио-

нального возрождения, указывая в экономической европеизации России верный путь к этому возрождению». Так записал ощущения молодого поколения С.Н. Булгаков, сам переживший искреннюю и глубокую увлеченность марксизмом. По его мнению, в 1890-е гг. «именно марксизм был первым горячим ручейком, растопляющим зимний лед и реально свидетельствующим самым фактом своего появления, что солнце поворачивает к весне». «Действенный оптимизм» русского марксизма «был совершенно чужд каких-либо слащавых иллюзий, напротив, со всей энергией он выставил принцип социально-политического реализма, трезвого и научного понимания русской экономической действительности», что собственно и привлекало к нему молодых интеллектуалов.

Наука и политика

Растущее напряжение общественно-политической жизни заставляло ученых определить свою позицию по отношению к науке и политике, значению каждой из них в своей жизни.

Спустя много лет, глядя ретроспективно, П.Н. Милуков оценил 1890-е гг. как «безмятежный» период, когда можно было заниматься одной наукой. На рубеже веков он думал иначе и, оправдывая свое увлечение политикой, о тех же 1890-х гг. писал как о годах безвременья в исторической науке, времени «перехода от наших классиков, кончавших свою жизненную карьеру, к влияниям fin de siècle подросткового нового поколения». Отдавший предпочтение политике Милуков определил тенденцию политизации в жизни и науке как вектор времени.

Политика все больше захватывала тогда не одного Милукова. Животрепещущий интерес к современности определил подходы к истории С.П. Мельгунова. Его тягу к наведению мостов между прошлым и современностью, неизбежную при этом публицистичность изложения осуждал в своем ученике М.К. Любавский. Что это было — конфликт поколений? Разногласия между учениками и учителями?

Между тем проблема раскола, которой занимался Мельгунов (в 1907 г. вышла его работа «Старообрядцы и вопросы совести», в 1910—1911 гг. была опубликована его магистерская диссертация «Религиозно-общественные движения XVII—XVIII вв.»), была важна самому историку, прежде всего как страница в истории оппозиции официальной самодержавной власти и православной церкви. Исследование проблемы свободы исповедания приводит Мельгунова, по мнению специально изучавшего вопрос Ю.Н. Емельянова, «к более широ-

кой постановке вопроса о свободе личности в обществе, о политической свободе».

Оценка Милуковым процессов, происходивших в русской исторической науке, была неприемлемой для «старого» классика Ключевского, считавшего, что на рубеже XIX—XX вв. работа русской историографии шла «ровным ходом и в довольно миролюбивом духе. Былые богатырские битвы западников со славянофилами затихли и вместе со своими богатырями отошли в область героической эпохи русской историографии... Новых направлений с принципиальными разногласиями не заметно: слышны только споры методологические или экзегетического характера». Такое видение историографической ситуации Ключевским органично вытекало из условий его научной жизни: сделав в 1860-е гг. жизненный выбор в пользу науки, с тех пор он ему не изменил. Но если для Ключевского наука являлась абсолютным и безусловным приоритетом, то у Милукова была иная система ценностей и ориентиров. В итоге в его жизни политические страсти одержали верх над наукой и определили подходы к ней.

Потребность в субъективизме

Начиная с 1870-х гг., наступает время «субъективизма», отмеченного поразительным разнообразием разновидностей. Сторонники формулы «Идеи двигают мир. Интерес вырабатывает идеи» были среди как народников, так либералов и монархистов. Не только историки разных общественных направлений, но и историки, причислявшие себя к одному направлению, вкладывали разное содержание в такие понятия, как: идеалы, демократизм, прогресс. Последнее понятие отделялось от терминов развитие и эволюция, и противопоставлялось благу. Многообразие трактовок и теорий прогресса стало предметом историографического анализа С.Н. Булгакова.

Кризис или развитие?

В конце XIX — начале XX в. историков (П.Н. Милукова, А.С. Лаппо-Данилевского) с новой силой влечет к себе философская мысль. Настойчивый поиск теории, способной обеспечить разумное общественное развитие, придает историческим трудам современность звучания и актуальность. Особо подчеркивается генетический момент: прошлое отражается в настоящем, настоящее в прошлом и в будущем. Характерной чертой русской исторической науки в последней трети XIX — начале XX в. являлось отсутствие единой господствующей или универсальной для всех методологии истории. Это

обстоятельство отмечалось в советской историографии, где под универсальной и истинной подразумевалась марксистско-ленинская идеология. Данное обстоятельство (а отсутствие лидирующих позиций у марксистов для этого времени очевидно) рассматривалось как доказательство кризиса буржуазной исторической науки на рубеже XIX—XX вв. Однако уже в 1970-е гг. И.Д. Ковальченко и А.Е. Шикло включали в обязательное для тех лет понятие «кризиса» буржуазной науки рассмотрение достижений корифеев русской исторической науки, подчеркивая созидательные тенденции в отечественной дореволюционной исторической науке и обосновывая мнение о том, что кризис в методологии не отменяет ее развития. Многообразие концептуальных решений на рубеже веков свидетельствовало об известной свободе развития русской дореволюционной исторической науки.

«Философия истории» и «методология истории»

Понимание содержания исторического процесса в сознании историков непременно опиралось на их общие системные методологические представления. Начиная с 1840-х гг., т.е. со времени увлечения отечественных интеллектуалов трудом Г. Гегеля «Философия истории», постепенно становится привычным одноименный термин. Данную тенденцию для XIX в. Бердяев оценивал как основополагающую: «Русская мысль в течение XIX века была более всего занята проблемами философии истории. На построениях философии истории формировалось наше национальное сознание. Не случайно в центре наших духовных интересов стояли споры славянофилов и западников о России и Европе, о Востоке и Западе».

Интерес к философии у каждого историка был свой. Некоторые историки шли к социальной философии от исторической проблематики, которая непрерывно эволюционировала вглубь и вширь, от исследования конкретных явлений — к размышлениям над структурой и смыслом истории. Этот путь требовал научных впечатлений и их осмысленного выражения. Его рождение в монументальных формах относится к 1920-м гг., когда был высказан взгляд на историю, отразивший опыт Первой мировой войны, русской революции и первых лет советской власти. Так, в 1923 г. в Берлине была опубликована книга Л. П. Карсавина «Философия истории», написанная еще в первые годы советской власти в Петрограде, незадолго перед высылкой из страны в 1922 г. Она имела методологическое значение прежде всего для историков идеалистов, специализиру-

ющихся по отечественной истории. Вместе с тем в науке утверждается термин «методология», чему в немалой степени содействовал выход в 1910 г. знаменитой книги А.С. Лаппо-Данилевского «Методология истории».

Социально-экономическая история

Характерной чертой национальной исторической мысли во второй половине XIX — начале XX в. становится ее ориентация не столько на прошлое, сколько на историческую перспективу. В условиях устремленности общественных сил в будущее в этом контексте все чаще рассматривается в научной литературе и прошлое. Магистральной темой становится вопрос о путях развития России и судьбах капитализма. Начиная с 1880-х гг. значение приоритетной обретает социально-экономическая проблематика. Ее разрабатывают как последователи народники (В.П. Воронцов, Н.Ф. Даниельсон так и церковные историки (А. Яхонтов, А.С. Архангельский, Е. Левицкий, С.И. Смирнов). Как показал В.Л. Янин, влияние гражданских историков на историко-церковную науку было весьма серьезным. Многие ее представители при освещении проблем хозяйственной истории продолжали незавершенное исследование В.О. Ключевского. Архиепископ Сергей и Е.Е. Голубинский вполне удовлетворялись общим подходом, методами и результатом исследования Ключевского.

Экономические сюжеты в глазах историков имели свои преимущества. Они позволяли изучать и общество, и человека, находились на «перекрестье» обобщений социологии и законов человеческой природы. Политэкономические представления авторов оказывали заметное воздействие на современную историографию. Исследование народного быта стало ведущей темой творчества В.О. Ключевского, историком народнического направления.

Демократизация русской исторической науки

Важное место в мировоззрении историков и их исторических представлениях в связи с глубокой и всесторонней демократизацией науки занимали моральные и нравственные критерии. Именно они обрели значение структурообразующего компонента концепции не только у народников, но и у ряда либералов («чувство боли» за народ, «неоплатного долга» перед ним). Нервом размышлений становится идея одновременности спасения общества и человеческой личности, поиск путей к обществу народного благосостояния, называвшиеся исследователями по-разному, например «гармоническим хо-

зйством». Очевидно, что русскую историческую школу характеризовали черты, в целом присущие национальной культуре. Среди них в историческом исследовании доминировали этические и психологические методы и подходы. Особо выделялся вопрос о роли человека в истории.

В самом тесном идейном взаимодействии шло развитие национальной исторической и экономической школ. Общим для них являлось уважительное отношение к производителю, движение на первый план социальных вопросов, обостренное внимание не столько к идейной и идеологической проблематике, сколько к экономической, изучение которой рассматривалось в качестве ключа к решению важнейших проблем исторического познания. Дальнейшее развитие получил принцип историзма. В полный голос прозвучал призыв к историзму мышления, высказывались соображения об историческом времени.

На рубеже XIX—XX вв. Россия переживала не только «культурный Ренессанс», но и могучую демократическую реформацию. Всякое общественное и литературное течение подвергалось острому обсуждению, что считалось единственно возможным. Особенно активно теоретически и познавательное шел творческий поиск общих закономерностей, намечался комплексный подход к определению ведущих проблем в историческом процессе, первостепенное внимание к духовности личности и общества, разносторонность источниковедческого и историографического анализа. В то время как в науке возобладала тенденция все большей дифференциации и анализа, она стремилась к интеграции и синтезу.

Формы и способы научной коммуникации

Возросло значение полемики. Объяснения одних и тех же проблем озвучивались представителями разных направлений. В том случае, если в дискуссиях не брала верх политическая составляющая, они обогащали науку. Мир отечественной исторической науки был сложнее, чем иногда он представляется в учебниках и учебных пособиях по историографии. Неизбежная классификация историков по основным направлениям ставит вопрос о гранях и возможности сотрудничества историков, принадлежавших к разным, враждебным, нередко не пересекающимся между собой направлениям. Так, анализируя творчество Л. А. Тихомирова, нельзя не согласиться с мнением И.А. Бунина о том, что лучшие консерваторы получают из бывших революционеров и наоборот. Видимо, не случайно в последнее время в специальной литературе все

чаще рассматривается общение ученых разных школ, анализируются человеческие связи историков (в частности, московской и петербургской школ, общение их представителей и их влияние на развитие и состояние исторической науки). Заслужили внимание в историографической литературе темы: народники и П.Н. Милюков, В.И. Семевский и либералы и т.д.

Научному сотрудничеству способствовала нашедшая понимание идея кооперации, которую разделяли многие: Л. А. Тихомиров и Н.К. Михайловский, видевший в солидарности главный признак простой кооперации, С.Н. Булгаков, М.И. Туган-Барановский И.Х. Озеров и др.

Каждое из четырех основных общественно-политических направлений: консервативного, либерального, демократического, радикального — было многосоставным. Развитие взглядов конкретной личности, переосмысление ценностей позволяли эти грани преодолевать и делали их подвижными. Классическим примером является личность Л.А. Тихомирова. Как историк, предложивший свое понимание законов исторического развития, он выступил, уже став монархистом. Но само понимание его концепции и пути историка к ней требуют изучения системы его убеждений, в том числе и в бытность Тихомирова народником. Не менее ярким примером может служить жизнь историка, чья теоретическая принадлежность к народничеству не оспаривается, — В.И. Семевского. Он объединял вокруг себя людей самого широкого общественно-политического спектра: историков А.С. Лаппо-Данилевского, А. А. Корнилова, П.Н. Милюкова, С.Ф. Ольденбурга, С.А. Венгерова, С.П. Мельгунова, публицистов с ярко выраженным общественным темпераментом В.А. Мякотина, А.В. Пошехонова, В.Л. Бурцева и др.

Современный исследователь Б. П. Балугев подчеркнул значение В. И. Семевского самим перечислением тех, кто пришел попрощаться с историком на Литературные мостки Волкова кладбища: В. Д. Набоков и В. Д. Бонч-Бруевич, М.А. Антонович и Г.А. Лопатин, А.А. Кауфман и М.Д. Приселков, М.А. Дьяконов и П.Е. Щеголев, М. Горький и многие другие.

Способы научной коммуникации и получения научного знания отличались разнообразием. Хорошо известен факт профессиональной помощи С.Ф. Платонова П.Н. Милюкову. Уже после защиты последним диссертации ему было предложено написать и опубликовать рецензию на книгу А.С. Лаппо-Да-

нилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве», которая выросла из-под пера Милюкова в монографическое исследование. Но если П.Н. Милюков и Лаппо-Данилевский, принадлежавшие к одной генерации русских и европейских интеллектуалов, оказавшихся на гребне мучительных методологических поисков, являлись постоянными оппонентами, то С.Ф. Платонов и П.Н. Милюков (впрочем тоже почти ровесники), самоидентифицировавшие себя с конкретными школами (петербургской и московской), знаменовали движение этих школ навстречу друг другу.

Наряду со взаимообогащающими влияниями присутствовали «разрывы», прерывистость и даже возвраты к ранее завоеванным наукой позициям для последующего рывка вперед. П.Н. Милюкову, например, концептуально ближе оказался С.М. Соловьев (что не мешало ему не соглашаться с соловьевской оценкой, данной Петру Великому), чем его непосредственный учитель В.О. Ключевский.

Бурное развитие переживали формы организации науки. Реформы 1860-х гг. изменили общие условия ее развития. Университетский устав 1863 г. открыл более свободные возможности для развития научных концепций на университетских кафедрах и в целом для университетского образования. Либеральный устав содействовал оживлению научной работы не только в высших учебных заведениях, но и за их пределами.

Эпоха реформ способствовала повышению уровня образования, количественному росту научных исследований. Наступление нового этапа в развитии и организации исторических исследований в России позволило усовершенствовать инфраструктуру исторического образования и исторических исследований.

Плодотворной становится работа ученых в научных обществах, менее подверженных контролю со стороны государства. Перед учеными появляется возможность более свободного определения направлений научного поиска. Деятельность исторической периодики и научно-исторических обществ отражали динамичное состояние исторической науки. В 1866 г. по инициативе А.А. Половцова с одобрения великого князя Александра Александровича было создано Императорское Русское историческое общество (РИО) (закрыто 4 сентября 1920 г. по решению общего собрания Российской Академии наук с передачей ей всего имущества общества). В работе РИО участвовали С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, Н.И. Костомаров,

С.Ф. Платонов, В.С. Иконников, П.П. Пекарский, В.И. Герье и другие историки. Председателями РИО в разные годы были П.А. Вяземский, А.А. Половцов, почетными председателями члены царской фамилии Александр III, великие князья Владимир Александрович, Николай Михайлович.

«Сборник» РИО — насчитывал 148 томов документов, в том числе XVIII — начала XIX в. Среди них: «Материалы екатерининской законодательной комиссии» (отдельные тома редактировали Д.В. Поленов, В.И. Сергеевич и Н.Д. Чечулин), «Дипломатическая переписка иностранных послов и посланников при русском дворе», «Акты, документы и материалы по политической и бытовой истории 1812 года». Все это ранее недоступные исследователям источники. Историкам, как правило, приходилось довольствоваться тем, что появлялось на страницах исторических сборников и журналов, а также результатами частной разрозненной деятельности. В целом архивы были малодоступны. Под редакцией А.А. Половцова РИО выпустило 25 томов «Русского биографического словаря».

История — наука общественно значимая. Ее «многоголосье» и «многоцветье» создавало русским историкам возможность широкого плодотворного общения. Таким образом действовал фактор, стимулирующий научное творчество.

Любовь к исторической науке и преданное служение ей ломали сословные перегородки. В историческую науку приходили из разных сословий: К.И. Бестужев-Рюмин из дворян, В.О. Ключевский из сельского духовенства, Д.И. Иловайский из семьи разорившегося купца. У них была одна цель — стать историками, служить исторической науке. Получение историко-филологического образования русскими историками развивало любовь к исторической науке и давало знание русской литературы.

Трагедию послереволюционного периода отечественной историографии определил ее разлом на советскую и эмигрантскую историческую науку, причем каждая ее ветвь пролагала свое «русло». В 1990-е гг. в нашей стране начинается активное изучение историографического наследия, оставленного русским зарубежьем. Происходит подключение этой ветви к отечественной историографии. В 2000 г. в Москве выходит труд «Русская историография. Очерки по истории науки в России в 1725—1920 гг.» — последняя большая работа, написанная Г.В. Вернадским (1887—1973), где прослежено развитие историогра-

фии в России от XVIII в. до «разгрома русской исторической науки» в 1920 г. В ней ученый дал оценку вклада более ста персоналий в отечественную историографию, найдя в своем лекционном курсе место не только историкам, но также писателям (А.С. Пушкину, Ф.М. Достоевскому, Л.Н. Толстому), ученым (Д.И. Менделееву) и искусствоведам (И.Э. Грабарю, В.Н. Лазареву). Г.В. Вернадский был убежден, что «в совокупности все они наметили дальнейший путь развития русской исторической науки». Достоинством пособия Г.В. Вернадского является выделение научных школ (в частности, разделов «Ученики В.О. Ключевского», «Ученики С.Ф. Платонова»).

В России Г.В. Вернадский прожил 33 года. В 1917 г. за несколько дней до Октябрьской революции он защитил в Петроградском университете магистерскую диссертацию о масонах XVIII в. В августе 1920 г. Г.В. Вернадский принял предложение П.Н. Врангеля и возглавил Отдел печати при Гражданском управлении в Крымском правительстве. Данное обстоятельство сделало неизбежной его эмиграцию два месяца спустя.

Ряд тем, разработка которых была начата Г.В. Вернадским в юности, затем проходит через всю его жизнь. Так, еще в дореволюционный период историк обратился к анализу «Исторических замечаний» А.С. Пушкина, набросанных поэтом в 1822 г. Тогда Г.В. Вернадского привлекли сами подходы великого поэта к истории, которые в его глазах имели методологический смысл. С одной стороны, Пушкин стремился проникнуть в «подпочвенную историческую жизнь», понять психологию «толпы» и с этой целью «разлагал» народ на отдельные группы и слои и стремился понять «взаимные их отношения» — между властью («аристократией») и народом («чернью»). А с другой — Пушкин умел «глубоко проникнуть» и в психологию «героя», «который стоит во главе общества; он вскрывает интимные тайны иных загадочных политических поступков». В начале XX в. и другие историки настойчиво стремились понять источники интереса Пушкина к истории (М.М. Покровский), анализировали интерес поэта к истории и теории монархии.

**Опыт осмысления
роли мировых
войн в истории**

На страницах «Голоса минувшего» в 1914 г. в статье «Во имя национальной культуры» Мельгунов поставил вопрос о взаимоотношении понятий «война» и «культура», на первый взгляд несовместимых. В данном случае очевидна преемственность позиции Мельгунова и Ключевского. Рассуждения

первого о том, что «не могли же поглотить... все культурные ценности нации германский милитаризм и прусское юнкерство», переключается с понятием «культурного запаса» у Ключевского (подробнее см. главу 21). Мельгунов считал националистический задор явлением противокультурным, не принимая и осуждал позицию, в частности Н.А. Бердяева.

**Трагедия русской
исторической
науки**

В 1922 г. из нашей страны были высланы крупные историки: А.В. Флоровский (1884—1968), А.А. Кизеветтер, С.П. Мельгунов (1879/80—1956), ученик В.И. Семевского —

В.А. Мякотин, А.В. Пешехонов. Еще раньше в 1919 г. в Прагу переехал И.И. Лаппо (1869—1944), автор труда «Тверской уезд в XVI веке. Его население и виды земельного владения» (М., 1894), а также работ по истории великого княжества Литовского. В сталинских тюрьмах и ссылках умирают искренне и подвижнически служившие русской исторической науке люди. Так, последним пристанищем для М.К. Любавского (1860—1936) — автора трудов о Литовско-русском государстве (1893) литовско-русском сейме (1901, 1911), лекционного курса по древней русской истории до конца XVI в. (3-е изд. М., 1918), «Обзора истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века», завершено к началу 1930-х гг., — стала Уфа, куда он был сослан по «академическому делу 1929 — 1931 гг.»

Участь С.Ф. Платонова разделили его ученики: С.В. Родественский (автор трудов «Служилое землевладение в Московском государстве XVI века», 1897; и трудов о народном просвещении в XVIII—XIX вв.), П.Г. Васенко (главный труд «Книга степенная царского родословия», 1904), А.И. Заверский («Царь Алексей Михайлович», 1917 — второе издание вышло в 1937 г. под другим названием «Царская вотчина XVII века»).

Непросто сложилась в советское время и научная судьба Б.А. Романова (1898—1957) — ученика С.Ф. Платонова и А.Е. Преснякова. В 1930 г. его научная работа была почти на десять лет прервана арестом. Уже находясь в заключении, Романов получил премию за книгу «Россия и Маньчжурия», присужденную ему Центральной комиссией по улучшению быта ученых и переведенную на адрес его жены. Он занимался изучением и древней русской истории и новой, прежде всего проблемами внешней политики России на Дальнем Востоке на рубеже XIX — XX вв., выявлением подлинной роли С.Ю. Витте. В числе учеников Романова — Б.В. Ананьич, С.Н. Валк, Р.Ш. Та-

нелин, А.А. Фурсенко, В.М. Панеях — автор монографии о творчестве и судьбе учителя.

Только после смерти С.Б. Веселовского (1876—1952) в 1963 г. вышел его труд «Исследования по истории опричнины». Сам сборник был готов в 1945 г. В 1913—1915 гг. после десятилетней подготовительной работы вышел в свет монументальный труд С.Г. Веселовского «Сошное письмо».

Научный потенциал

О потенциале русской исторической науки начала XX в. свидетельствует состав участников юбилейного сборника статей 1909 г., посвященных В.О. Ключевскому в связи с 30-летием его деятельности. В числе 42 участников ученики, друзья и коллеги — почитатели таланта великого историка: Я.Л. Барсков, С.В. Бахрушин, М.М. Богословский, С.К. Богоявленский, В.Н. Бочкарев, С.Б. Веселовский, П.Г. Виноградов, Р.Ю. Виппер, Ю.В. Готье, В.Е. Данилевич, М.А. Дьяконов, Д.Н. Егоров, А.А. Кизеветтер, М.В. Клочков, С.А. Котляревский, И.И. Лаппо, А.С. Лаппо-Данилевский, М.К. Любавский, А.С. Орлов, Д.М. Петрушевский, В.И. Пичета, С.Ф. Платонов, проф. М.М. Покровский, приват-доцент, священник Н.Г. Попов, В.К. Поржезинский, В.С. Прогополов, С.В. Рождественский, А.Н. Савин, С.И. Смирнов, М.Н. Сперанский, В.Н. Сторожев, П.Б. Струве, Б.И. Сыромятников, А.Н. Филиппов, А.С. Хаханов, М.М. Хвостов, С.К. Шамбинаго, Г.Н. Шмелев, Е.Ф. Шмурло, Е.Н. Щепкин, Е.О. Эйнгорн, А.И. Яковлев. Среди авторов мы видим не только историков, специализировавшихся по истории России, хотя последних подавляющее большинство. Сам факт участия специалистов по всемирной истории оттеняет методологическое значение трудов В.О. Ключевского, который, в свою очередь, впитал и творчески усвоил идеи и труды предшественников.

В этом списке корифеи дореволюционной науки, такие, как М.А. Дьяконов (1855—1919) и Е.Ф. Шмурло; а также авторы работ, которые в будущем составят золотой фонд советской исторической науки — С.В. Бахрушин (1882—1950), М.М. Богословский (1867—1929), В.И. Пичета (1878—1947), А.И. Яковлев (1873—1951).

До революции начинается творчество молодых историков М.Д. Приселкова (1881—1941), Б.Д. Грекова (1882—1953). «Культура и есть творимая, становящаяся национальная душа», в развитие которой, по мнению вынужденного писать в эмиграции историка и литературоведа П.М. Бицилли, русские историки внесли свою лепту. «В общеевропейских формах, в культурных яв-

лениях мировой значимости находили свое воплощение самобытные начала русского духовного мира» — так оценивает Серебряный век уже современный исследователь С. С. Хоружий.

Неизбежность воссоединения и осознание не реализованных возможностей

Ю.Н. Емельянов, автор монографии о С.П. Мельгунове (историке, в частности инициировавшем создание журнала «Голос минувшего», выходившего в течение десяти лет, вплоть до 1923 г.), изданной в 1998 г., определил особенности современной историографической ситуации следующим образом: «Мы же только сейчас позволили себе уяснить ту истину, что культурное, историческое и нравственно-этическое повествование различных течений русской эмиграции, даже самых правых и консервативных, является неразрывной, составной частью нашего духовного идейного богатства — науки, культуры, литературы». Таким образом, постепенно судьба отечественной исторической науки, полная испытаний, наконец, обретает естественное единство.

«Что написано — то написано». Время показало ценность всего написанного по русской истории и о русских историках. Научная жизнь шла своим чередом. И в то же время этот путь корректировали постоянные внешние влияния. Судьбы многих историков стали своеобразным подтверждением правоты мнений, высказанных отнюдь не историками. Одно из них: «Искать, что верно, — принцип Станиславского, Бунина... наших историков». Многие историки мечтали написать историю страны, но так ее и не написали. Такой труд навсегда остался мечтой.

Источники и литература

- Бицилли П.М. Кризис истории // Трагедия русской культуры. Исследования. Статьи. Рецензии. М., 2000.
- Вернадский Г.В. Русская историография. М., 2000.
- Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993.
- Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской 1919—1939. Раздел 7. Память о прошлом. История и историки в русском зарубежье. М., 1994. С. 198—234.
- Смирнов И.П. «От марксизма к идеализму». М.И. Туган-Барановский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев. М., 1995.
- Шкуринов П.С. Позитивизм в России XIX века. М., 1980.
- Янин В.Л. Послесловие // В.О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1989.

Учебное издание

**Лачаева Марина Юрьевна,
Рогожин Николай Михайлович,
Наумова Галина Романовна**

**ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ РОССИИ
до 1917 года**

Учебник для студентов высших учебных заведений

В двух томах

Том 2

Редактор *В.В. Артемов*
Зав. художественной редакцией *И.А. Пшеничников*
Компьютерная верстка *А.М. Токер*
Корректор *Т.В. Егорова*

Отпечатано с диапозитивов, изготовленных
ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС».

Лицензия ИД № 03185 от 10.11.2000.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.006153.08.03 от 18.08.2003.

Сдано в набор 15.01.02. Подписано в печать 02.09.02.

Формат 60×90^{1/16}. Печать офсетная. Бумага газетная. Усл. печ. л. 24.

Тираж 15 000 экз. (2-й завод 7 501–15 000 экз.). Зак. № 2432

Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС.
119571, Москва, просп. Вернадского, 88,
Московский педагогический государственный университет.
Тел. 437-11-11, 437-25-52, 437-99-98; тел./факс 735-66-25.
E-mail: vlados@dol.ru
<http://www.vlados.ru>

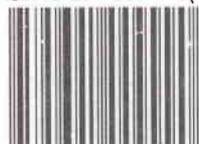
ООО «Полиграфист».
160001, Россия, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ РОССИИ ДО 1917 ГОДА

Отечественная историческая наука наработала богатый арсенал средств и методов анализа и интерпретации истории России. Многообразие этих подходов обусловлено наличием продуктивной методологической базы рассмотрения исторического процесса. Формирование этой базы обеспечивает одна из важнейших учебных дисциплин — историография, которая формирует профессиональное мышление будущего историка, вводит его в многообразный мир мнений и взглядов на историю России.

ISBN 5-691-00999-0(II)

9 785691 009990

